

И(Иран)
К 19

инаятуллах канбу
КНИГА О ВЕРНЫХ
И НЕВЕРНЫХ ЖЕНАХ

АКАДЕМИЯ НАУК

СССР

✱

ИНСТИТУТ

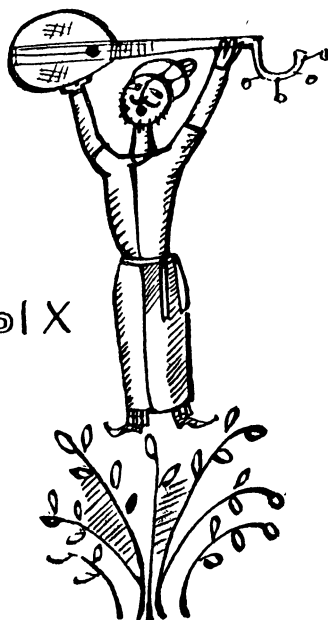
НАРОДОВ

АЗИИ

Инаятуллах Канбу

книга
о верных
и неверных
женах
или
Бехар-е
данеш
✻

Перевод с персидского и примечания

М.-Н. О. Османова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

Москва 1964

Ответственный редактор

Ю. Е. Борщевский

Перевод стихов А. Сендыка

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художник Ю. Красный

ОБРАЗЕЦ «ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ» ПРОЗЫ

«Бехар-е данеш» Инаятуллаха Канбу принадлежит к числу многочисленных произведений на персидском языке, которые с одинаковым правом могут быть отнесены к памятникам и персидской, и индийской культуры.

Огромная литература на персидском языке, созданная в средневековой Индии, тесно связана с литературой Ирана и Средней Азии и представляет общее наследие народов этих стран. Большое влияние, которое оказывала древняя Индия на культуру народов Ирана, хорошо известно, и оживленные связи между обоими странами, отличающие средневековый период их истории, имеют длительную традицию и уходят своими корнями в глубь веков. Однако если в древности народы Ирана выступали обычно в роли восприимчивых высокоразвитой индийской культуры и наряду с арабами способствовали ее распространению в других странах, то в средние века положение изменилось. Вместе с армиями мусульманских завоевателей в Индию устремились не только иранские чиновники, но и ремесленники, купцы, строители, художники, поэты и литераторы. Иммиграция в Индию из Ирана и Средней Азии особенно усилилась во времена монгольского нашествия в XIII в. и никогда не прекращалась, вплоть до позднего средневековья. Важную роль в проникновении культуры ислама в Индию сыграла также оживленная морская торговля, которую арабы и персы с давних времен вели между портами Персидского залива и западного побережья Индии. В портовых городах Индии возникали довольно обширные персидские кварталы, и, таким образом, Южная Индия также оказалась в сфере экономических и культурных влияний Ирана.

Наибольшего оживления индийско-иранские связи достигли в эпоху так называемых Великих Моголов (XVI—XVIII вв.). Моголы поддерживали регулярные дипломатические сношения с правителями Ирана и Средней Азии и постоянно обменивались посольствами. Морская и сухопутная торговля между этими странами достигла невиданного доселе размаха. Источники сообщают, например, что в прав-

ление Джахангира (1605—1628) только в Кандагар ежегодно вывозилось из Индии более 14 тысяч выюков с товарами, а в портовых городах было немало купцов, капиталы которых исчислялись миллионными суммами.

Персидский язык был официальным придворным языком, выходцы из Ирана занимали часто наиболее влиятельные должности при дворе и не раз выступали в роли воспитателей наследных принцев. Так, например, у Акбара (1556—1605) воспитателем был перс Мир Абд-ал-Латиф Казвини, который привил будущему государю любовь к персидской поэзии и прозе.

Но не только двор подвергся иранскому влиянию: персидские обычаи и вкусы довольно глубоко проникли и в более широкие слои индийского общества.

В средние века дворы крупных и мелких феодальных правителей часто превращались в литературные центры, ибо меценатство имело тогда большое значение для развития литературы. Великие Моголы и правители независимых и полунезависимых мусульманских княжеств Индии могли тратить огромные средства на поощрение литераторов, которые воспевали их в стихах и прославляли в прозе; источники изобилуют описаниями щедрых даров, которые получали поэты за удачно написанные поэмы, остроумные экспромты и т. п. Вполне понятно, что многие литераторы стремились в поисках заработка, карьеры или славы попасть если не ко двору самого шаха, то хотя бы во дворцы вельмож и влиятельных сановников. Литературные собрания, на которых читались новые произведения, обсуждались достоинства того или иного поэта, разбирались наиболее удачные и свежие образы и т. п., были обычным явлением эпохи, о которой идет речь.

Литературная деятельность на персидском языке носила очень интенсивный и разнообразный характер, и в этот период в Индии были созданы произведения всех видов и жанров, которые представлены в литературе Ирана. Сотни поэтов, среди которых мы встречаем как выходцев из Ирана и Средней Азии, так и уроженцев Индии, писали стихи всех жанров, и произведения таких авторов, как Файзи, Назири, Урфи и Зухури, получили признание всюду, где персидский язык был распространен. Интерес к персидскому языку и потребности, связанные с его преподаванием в школах (медресе), привели к созданию многочисленных толковых персидских словарей — фархангов. Лучшие из таких фархангов по сей день являются ценными источниками не только для истории персидского языка, но и для изучения поэзии Индии и Ирана, так как в качестве иллюстративного материала в них использованы стихи различных поэтов обеих стран.

Широкое развитие получила историография, которая оказала большое влияние на язык и стиль произведений художественной прозы.

К тому же авторы исторических сочинений нередко сами бывали поэтами, переводчиками и т. п.

Из сказанного вполне ясно, как велика была тогда роль литературы на персидском языке, здесь нет нужды перечислять все ее жанры. Необходимо, однако, отметить, что в создании этой литературы принимали участие не только выходцы из Ирана и Средней Азии или их потомки, но и коренные индийцы, и сюжеты, мотивы и образы, присущие древней индийской литературе, оказали большое влияние на произведения, написанные по-персидски.

Переводческая деятельность, которая никогда не замирала в средневековой Индии, в эпоху Великих Моголов приобрела значительный размах, и произведения санскритской литературы, переведенные или адаптированные по-персидски, исчисляются десятками. Среди них мы встречаем и научные книги — по математике, астрономии, медицине, — и религиозные, и эпические сказания, и обширные сборники народных рассказов, притч, сказок и басен. «Махабхарата» была переведена при Акбаре, «Рамаяна» переводилась несколько раз, прозой и стихами. Поэты, писавшие по-персидски, заимствовали из этих произведений не только отдельные образы и мотивы, но и значительные по размерам эпизоды, доставлявшие им темы для творчества. Для примера можно назвать хотя бы знаменитую поэму «Наль и Дамаянти» Файзи, сюжет которой заимствован из «Махабхараты».

Таким образом, литература, созданная на персидском языке в Индии, воплотила в себе различные влияния и представляет своеобразный синтез, в создании которого индийская культура сыграла значительную роль.

Приходится с сожалением сказать, что эта литература изучена в еще меньшей степени, чем литература персидская. Ей посвящено довольно много исследований, среди которых есть очень ценные работы, но большинство этих исследований носит все же предварительный характер, и мы до сих пор не располагаем авторитетным, обобщающим трудом, на оценки которого можно было бы положиться. И особенно плохо изучена литература как раз того периода, когда жил и творил автор настоящей книги.

Предки Инаятуллаха Канбу жили в Лахоре, городе, который, по отзывам европейских путешественников, не уступал тогда ни одному городу Азии или Европы по размерам, богатству и количеству населения. Сам Инаятуллах Канбу родился в Бурханпуре около 1606 г., во время правления Джахангира. Ограниченные сведения о жизни нашего автора, которыми мы располагаем, содержатся в историческом сочинении «Амал-е Салих», написанном в 1659—1660 гг. его младшим братом и учеником Мухаммадом Салихом Канбу. Мухаммад Салих сообщает, что Инаятуллах некоторое время занимал официальные дол-

жности в правление Шах-Джахан (1628—1658), но на склоне дней удалился от дел и вел аскетический образ жизни.

Биография Инаятуллаха Канбу помещена Мухаммадом Салихом в раздел жизнеописаний наиболее выдающихся *муниши* периода правления Шах-Джахан, и мы можем предположить, что наш автор какое-то время занимался составлением официальных посланий, состоя при губернаторе Лахора.

Мухаммад Салих очень высоко оценивает литературные таланты нашего автора и пишет, что Инаятуллах обладал глубокими познаниями в искусстве риторики и считался одним из корифеев среди пишущих так называемым «новым стилем». Из числа произведений Инаятуллаха Канбу Мухаммад Салих упоминает историческое сочинение, посвященное Шах-Джахану и названное автором «Тарих-е делгуша» (сохранилось в одной рукописи, находится в Англии), и «Бехар-е данеш». Мухаммад Салих считает, что оба эти сочинения написаны с большим вкусом, «чистой и мощной», как он выражается, прозой, изобилуют светлыми и новыми образами, проникнуты глубоким смыслом. Он добавляет, что в «Бехар-е данеш» содержатся как «древние индийские сказки, переданные персидскими выражениями», так и новые рассказы, созданные самим автором¹.

Инаятуллах Канбу умер в Дели в 1671 г., в возрасте 65 лет. Вот те немногие сведения, которые дошли до нас.

«Бехар-е данеш» представляет собрание рассказов, притч и сказок, связанных в одно целое в так называемой «обрамленной» повести о любви принца Джахандар-султана и красавицы Бахравар-бану. Такое «рамочное» построение было широко распространено в повествовательной литературе древней Индии, откуда оно перешло в Иран и другие страны ислама. Советские читатели уже знакомы с этой формой по «Книге тысячи и одной ночи», «Калиле и Димне», «Синдбад-наме», «Шукасаптари» и другим сочинениям, переведенным на русский язык.

Высокая оценка, которую Мухаммад Салих дал сочинениям своего старшего брата, разделялась его современниками, и «Бехар-е данеш» очень быстро завоевала широкую популярность.

Значительное число рукописей, а впоследствии литографированных изданий и переизданий этого сочинения говорит о большом спросе, которым пользовалась книга. Но этого мало: «Бехар-е данеш» составляло предмет обязательного изучения в медресе уже в конце XVII в. наряду с «Анвар-е Сухайли» (переделка «Калилы и Димны») и таким шедевром персидской прозы, как «Голестан» Саади. О попу-

¹ См. 'Amal-i-Salih or Shah Jahan Namah of Muhammad Salih Kambo, vol. III, pp. 439—441; Bibliotheca Indica, N 214, Calcutta, 1939 (только персидский текст).

лярности этого произведения говорит и тот факт, что его неоднократно перерабатывали в XVIII и XIX вв. Так, известен поэтический парафраза «Бехар-е данеш», сделанный в форме месневи неким Хасаном Али Иззатом для знаменитого Типу-султана (1783—1799). В начале XIX в. некий Мухаммад Исмаил Мирза Джан-Тапиш, бухарец родом и известный поэт, пересказал «Бехар-е данеш» стихами на хиндустани. Известны и другие обработки этого сочинения.

Такая популярность произведения, написанного сложной, а с нашей точки зрения, подчас и вычурной прозой, требует объяснения. Прежде всего необходимо помнить, что эстетические нормы и представления индийцев и персов об оригинальности и новизне литературного произведения часто не совпадают с представлениями, утвердившимися за последние века в Европе. Так, например, для читателя или слушателя персидских стихов сюжет часто имеет гораздо меньшее значение, чем так называемая «ма'ни-йе бакр», т. е. свежая, новая, буквально «девственная мысль», которая содержится, как правило, в одном двустишии. Успех и оценка стихотворения зависели часто не столько от его общей формы и сюжета, сколько от таких «девственных мыслей» и новой, до того никем не примененной формы их выражения. Эти требования в какой-то мере прилагались и к прозе, чем отчасти и объясняются бесконечные обработки и переработки одних и тех же сюжетов, столь характерные для персидской литературы.

Среди многих востоковедов довольно широко распространено убеждение, будто усложненный, «орнаментированный» стиль получил распространение в персидской художественной прозе не ранее XIV в. На самом деле это не так, и уже в XII в. проза такого типа находилась в расцвете. В этом нас убеждают такие произведения, как «Марзбан-наме» Варавини и другая обработка того же сюжета ал-Малати, известная под названием «Раузат ал-укул», «Синдбад-наме» и ряд других, в том числе исторических, сочинений. В XIV в. в Иране появилось историческое сочинение, автор которого развил и усложнил стилевую манеру своих предшественников и довел ее до совершенства. Таково было мнение современников автора и их потомков на протяжении нескольких веков, но европейцы судили иначе. Дело в том, что сочинение, о котором идет речь, написанное поэтом и историком Шихаб ад-Дином Вассафом, представляло собой историю Ирана конца XIII — начала XIV в. и для европейских ученых, познакомившихся с ним в XIX в., этот труд был главным образом историческим источником. Историка интересуют прежде всего факты, и труд Вассафа такие факты содержал, но, по общему мнению историков, был написан в стиле настолько изысканном, что его было трудно понять, и рассказы о событиях тонули «в невразумительной напыщенности». Историки были по-своему правы, но, к сожалению, к этой оценке присоединились и

литературоведы, и с тех пор она стала прилагаться к очень многим прозаическим произведениям на персидском языке, порой вовсе без достаточных оснований.

Как показал талантливый советский иранист-литературовед К. И. Чайкин, труд Вассафа «носит следы усиленной и напряженной работы над языком своего сочинения, с целью добиться единства стиля — создать произведение, которое целиком имело бы характер торжественный, приподнятый, все, с начала до конца являлось бы образцом парадного приподнятого стиля, со всеми его отличительными чертами и особенностями, частично или целиком, но на более мелких формах явленными в сочинениях предшественников и старших современников»².

Труд Вассафа на долгие годы стал объектом для подражания, и последователи старались превзойти своего предшественника, преступая при этом подчас границы хорошего вкуса и меры. Проза такого стиля оказала большое влияние на авторов, писавших в Индии, и получила там большое распространение.

Персидская повествовательная проза Индии претерпела также влияние эпистолярного стиля, присущего официальной переписке (так называемой *инша*), которую вели между собой восточные правители. Составители таких посланий назывались *мунши*; обычно они были литераторами, и должность эта считалась очень ответственной. Язык и стиль их посланий должны были возвеличивать государя, от имени которого они писали, а потому послания составлялись по всем правилам риторики, торжественным слогом, были насыщены намеками, инсказаниями и т. п.

Особенности, присущие этим двум стилям, отчетливо выступают в прозе Инаятуллага Канбу, который был и *мунши*, и историком. Музыкальная виртуозность этой прозы, неисчерпаемый блеск ее образов, игра слов, каламбуры, инсказания и т. п. могут быть по достоинству оценены только в оригинале и с трудом поддаются переводу.

Переводчик подобных произведений попадает в очень трудное положение: либо он должен рассчитывать на читателей, знакомых с индийско-персидской культурой, либо ему приходится перегружать свой перевод различными примечаниями и комментариями.

С такой же проблемой, между прочим, сталкивается и переводчик европейских сочинений на персидский язык. Вот что писал известный советский иранист Ю. Н. Марр, который посетил Иран в 20-е годы нашего века: «Моя попытка познакомить небольшой круг подготовленных персов с нашими авторами не увенчалась успехом. Я начал с Пушкина, с его «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»...

² Архив востоковедов ЛО ИНА, фонд К. И. Чайкина.

Слова «жертва», «Аполлон» были совершенно непонятны; «широкошумные» дубравы были поняты как аллея или роща, в которой прогуливается много народу, отчего и шум; «берега пустынных вод» совсем не выходили, потому что в Персии где вода, там и жизнь, и люди, и местность отнюдь не пустынна»³.

Все это необходимо учитывать нашим читателям при чтении переводов с восточных языков.

Первый европейский перевод «Бехар-е данеш» был опубликован в 1768 г. в Лондоне А. Доу, который перевел на английский язык лишь часть произведения, и, по обыкновению многих переводчиков того времени, «улучшил» оригинал вставками собственного сочинения. В 1799 г. в Англии вышел второй перевод «Бехар-е данеш», в котором были опущены шесть вставных рассказов. Этот английский перевод Джона-тана Скотта послужил оригиналом для немецкого перевода Хартманна и французского перевода Лескалье, изданных в начале XIX в. Публикуемый перевод — первый перевод «Бехар-е данеш» на русский язык.

Переводчик старался как можно полнее передать отмеченные выше особенности оригинала. К сожалению, этого не всегда удается достичь, не прибегая к примечаниям. К изданию прилагаются «Примечания», в которых разъяснены отдельные места текста и указаны основные источники встречающихся в «Бехар-е данеш» цитат, и краткий «Словарь непереведенных терминов и слов, собственных имен и географических названий». «Примечания» и «Словарь» рассчитаны на неспециалистов и не исчерпывают всех значений толкуемых в них терминов, понятий и т. п.; они составлены с целью облегчить читателям понимание непривычных и несвойственных русской и европейской литературам образов, которыми изобилует сочинение Инаятуллаха Канбу.

Ю. Борщевский

³ Архив востоковедов ЛО ИНА, фонд Ю. Н. Марра.

**О ТОМ, КАК БЫЛА СОЧИНЕНА ЭТА КНИГА,
КОТОРАЯ ДЛЯ РАЗУМА БЛАГОДАТНА,
КАК ДОЖДЛИВАЯ ВЕСНА ДЛЯ БАЗИЛИКОВ**

Да будет известно возвышенным мужам, садовникам в саду наук, знаний и слова, что однажды в пору наслаждений и веселия, радостей и утех, когда цветы на земле, подобные звездам на небе, от щедрости творца зеленели, словно небесный свод, когда лужайки обилием роз вызывали зависть Плеяд, я по просьбе своих друзей отправился в степь и увидел, как туча-кравчий по обычаю благородных людей напоила зеленых обитателей земли влагой. А скромница-земля,

будто опьяневшая от воды, стала показывать то, что таилось внутри, как это обычно бывает с людьми нежной натуры. Весна-художник разукрасила ветви, талантливый живописец убрал цветники разнообразными узорами, утренний ветерок, подобно машущате, нарядил невест в садах, деревья на лугах испили ночной росы, весенний ветер напоил розы мускусным ароматом, девицы-травы своей чудной красой затмили красавиц Халлуха и Наушада. Среди зеленых лужаек река

казалась Млечным Путем, красильщик-весна покрасила гиацинты, тюльпаны и розы в садах киноварью, птички над изумрудной равниной заливались, словно ученики, нараспев повторяющие свой урок. Соловей, узрев в саду пурпурную одежду розы, запел на тысячу ладов, а крав-

чий-время щедро разливал вино в погребке весны. От дуновения ветерка молодая трава колыбалась словно волнующееся море, лепестки базиликов и гиацинтов наполнились мускусным ароматом, уста газелей покраснели от лепестков аргувана, а лепестки тюльпанов заалели, будто коралл или клюв попугая.

Прелесть весенней зелени, сладостные голоса птиц, хмельные воды ручьев, смеющиеся голоса куропадок, пляски газелей с лиловыми копытцами, павлины, блистающие пестрыми хвостами,— все это оказало на меня такое впечатление, что мое сердце, сжавшееся, словно бутон, вдруг расцвело, как роза, и чаша желания переполнилась вином наслаждения. Все сердца были пленены теми райскими розовыми лужайками, и завязалась непринужденная беседа, натянутость, сковывающая обычно людей незнакомых, прошла. Одних моих спутников—поклонников красоты и трелей соловья, пленил аромат роз и гиацинтов. Они то пили упоительный напиток из чаши тюльпана, то наслаждались ланитами жасминов и роз. А другие, которые стремились к познанию смысла жизни, увидев совершенство природы, признали мастерство художника-творца и стали вкушать нектар божественной истины. Подобно суфиям, от трелей певцов лужаек они стали плясать в экстазе*. Словом, каждый в меру своей природы был пьян от созерцания красоты тех невест, возвращенных весною в неге. Все слушали упоительные мелодии и трели, отринув от себя заботы. Когда кипарисы и лилии пришли в такой восторг, что готовы были бросать вверх шапки, к нам подошел грациозной и легкой походкой, мерно покачиваясь, один юный и прекрасный брахман. Пред алтарем его бровей преклоняли колени кумиры, аскеты готовы были повязать его благоухающие кудри вместо зуннара, в розы его ланит были влюблены ивы с лужайки, лилии всеми десятью языками своими пели славу его локонам, вокруг алых щек его змеями вились кудри, от зависти к ясной луне его лица солнце в изнеможении клонилось к земле, его прекрасные персты, даже окрашенные хной, казались белоснежной рукой Мусы, жемчужные зубы его в рубиновых устах казались Плеядами на утренней заре, а алмаз от зависти к ним терял блеск, чело было озарено светом разума, и лицо излучало мудрость, словно солнце, стан был подобен стройному побегу, а лик его напоминал полную луну, омытую в водах семи ручьев. Легкой походкой он напоминал гор-

ную куропатку; распрямляясь, он затмевал кипарис на лужайке.

Он подсел к нам, и мы все вскрикнули от изумления. Мои друзья, поглощенные созерцанием роз и базиликов, разом побросали кисти, которыми они рисовали стройных красавиц лужайки, и обратили взоры к этому юному побегу в саду любви, и окружили его, словно ореол месяца. А прекрасный и стройный юноша открыл рот, подобный источнику живой воды, и осыпал собеседников жемчужинами глубокомыслия, — то есть по обычаю мудрецов и тех, кто познал тайны, стал говорить приятные слова. Он начал свою речь так:

— Восхищаться ароматом роз и базиликов, наслаждаться внешней красотой — все это не в обычаях мудрецов, ибо роза не цветет больше недели, красота щек и иная бременная краса подвластна времени. Не подобает разумным мужам отдавать сердце тому, кто непостоянен, и уповать на свидание с тем, что преходяще, ибо такое поведение нельзя назвать похвальным.

Затем он рассказал эту удивительную повесть, это подобное саду повествование, в котором цветут розы глубоких мыслей, рассыпая слова, будто рубины из рудника, и заключил:

— На свете не может быть книги-сада пленительнее и прекраснее, чем куши этого индийского алоэ, сожженного на огне персидского языка, дабы он источал аромат глубоких мыслей и аромат этот распространился в обществе любителей слова. И нет сомнения в том, что десница осени никогда не повредит этому цветнику глубоких мыслей, а губительный самум пустыни не достигнет этой лужайки.

Когда эти мудрые слова осели в моем сознании, когда эти сладостные речи запечатлелись на скрижали сердца, то я, низжайший раб Инаятуллах, который всего лишь собирает колосья на гумне мастеров слова *, подбирает остатки с пиршественного стола разума и получает дары за службу мужам науки, по совету того сияющего ясного месяца высыпал из полы сорванные розы и приступил к украшению лужаек в цветнике знания. Красочность выражений и изящность оборотов я заимствовал у розоподобных щек и стройного стана того прекрасного и статного кумира. Ясность мыслей и соразмерность метафор я взял взаймы у его сладостных уст и совершенного тела. Словно машшате, я завил волшебные кудри своих слов и заставил их красоваться перед мо-

ими друзьями. И поскольку тюльпаны и столитники мыслей и розы изложения расцвели на лужайке в пленительном и прелестном саду, то я назвал книгу «Бехар-е данеш» («Храм познания»), так как это — радующий душу сад и утоляющий духовную жажду родник. Каждая страница ее — лужайка цветника, где в любом уголке распускаются розы глубоких мыслей. Каждая фраза этой книги — розарий, в тени кустов которого покоятся красавицы-слова под благоухающими покрывалами. Когда обладатели совершенного разума и благословенные мужи, искатели истины, возвращенные на справедливости и наделенные Аллахом способностью познавать сущность вещей, ступают в этот цветник глубоких мыслей, когда их сердца наслаждаются лицезнением этих дев-слов, то я надеюсь, что они не будут придирааться к недостаткам и обратят внимание на достоинства книги. Если же иногда и заметят ошибку или погрешность, то пусть исправят ее сообразно со своей благородной натурой. И пусть они не порицают меня, подобно низким глупцам и мерзким дуракам, и не нападают на меня, словно барс на серну, пусть они не придираются ко мне. Ведь всем известно, что художник, природа которого соответствует словам: «Человек создан слабым»*, не в состоянии создать изображение без изъянов при помощи калама — обрезка тростника. Ведь слуги, убирающие стол и скатерть слов и знания, хорошо знают, сколько нужно выстрадать душе и уму, чтобы придать словам соразмерность и смысл. Пока мастер слова не ударит сто раз секирой мысли по сердцу, пока он не просверлит свою печень насквозь алмазом мысли, он не извлечет слово-рубин, которое могло бы понравиться тем, кто любит замысловатое и понимает глубокое. Пока тысячу раз не нырнешь в безбрежное море мысли, в руки не попадет царственный жемчуг, достойный похвалы тех, кто украшает трон разума. Хотя несколько черепков, которые предлагаю я, нахлебник мужей учености и совершенства, недостойны внимания и стольких разглагольствований, тем не менее я дрожу как осиновый лист перед теми, кто враждебен мне и не знает справедливости, кто по бесталанности сделал занятием своим порицание, хотя сам не может отличить игольное ушко от Тира, а Тир — от Утарида*. Поэтому я прибегаю к защите и покровительству тех, кто справедлив, кто способен отличать дурное от хорошего, кто измерил шагами мысли доли и высоты разума и изведаль глубокие размышления. В предисловии же я решил высказать свою просьбу,

исправить замеченные погрешности. Уповаю, что в силу своего благородства и великодушия читатели соизволят обратиться на это свое внимание и запомнят вступление, в котором выражена конечная цель книги.

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ТОМ, КАК РОДИЛСЯ ДЖАХАНДАР-СУЛТАН — КИПАРИС НА БЕРЕГУ РУЧЬЯ ЦАРСТВЕННОСТИ

Волшебники, владеющие сокровищницей тайн и постигшие сокровенные имена^{*}, переписали эти новые страницы из древних свитков, а потом привели их в такое состояние.

В давно минувшие времена в обширной и цветущей, подобной раю стране Хиндустан жил некий венценосец, который, словно озаряющее мир солнце, украсил всю поверхность земную своей властью. Он озарял ночные покои земли лучами справедливости и был настолько возвеличен судьбой, что в гордости попираал пятой Фаркдан, а на всех прочих властителей тронов взирал свысока, как на сидящих в глубокой яме. Сам бирюзовый небосвод, казалось, носил в ушах серьги покорности ему^{*}. Судьба вручила ему власть над пегим конем времени^{*}, а счастье, как раб, приникло челом к его порогу.

Но в его покоях не было светоча, который озарял бы надеждой, у пальмы его существования не было плода, который сообщает жизни радость. Поэтому он постоянно сидел в кругу скорби и вечно просил святых мужей помолиться за него, а по ночам сам обращал свои молитвы к чертогу Аллаха.

И вот наконец, после долгих молитв благословенных дerviшей, их полуночных и утренних бдений, в цветнике его надежды выросла роза, пальма его упований принесла плод, домик его сердца озарился светочем счастья, ночь страданий сменилась для него утром благоденствия. Иными словами, на горизонте неба царствования возшло в полном великолепии и блеске новое светило и озарило своими лу-

чами надежды отца и чаяния народа. Падишах из благодарности за такой великий дар приложился челом к земле, восславил бога, велел раздать большие сокровища, так что все подданные его страны разбогатели, а бедняки и нищие избавились от нищеты и нужды.

Эту жемчужину из великого моря нарекли в добрый час Джахандар-султаном, и отец приставил к нему кормилицу, удачливую и любимую небом. Когда ребенку исполнилось четыре года и четыре месяца, его, по обычаю мусульманских стран, отдали для совершенствования ума к ученому

наставнику, а для должного воспитания его возвышенной натуры к нему прикрепили еще много мудрых и ученых мужей. Шахзаде учили управлять государством, царствовать, покорять страны и вести войны.

Поскольку всемогущий Аллах в первый день творения наделил избранных талантами и способностями, то Джахандар-султан к четырнадцати годам в совершенстве владел всеми науками, был прекрасно воспитан, благороден, великодушен, терпелив, щедр, он был проникнут высокими стремлениями и помыслами, скромнен, умел вести беседу, обладал

мощью тела и силой духа, твердостью характера и прекрасным телосложением, красивой наружностью, соразмерностью членов, красноречием и прославился этими качествами по всему свету.

ДЖАХАНДАР-СУЛТАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ

И ЛОВИТ СЛАДКОГОЛОСОВОГО ПОПУГАЯ

Шахзаде по зову своей августейшей природы и в силу врожденного благородства пристрастился охотиться*, в душе его укоренилась склонность к ловитве, так что он проводил большую часть своего времени в охотничьих угодьях. И вот однажды он сел, как обычно, на быстрого гнедого коня и отправился со своими приближенными поохотиться на диких зверей степей и вольных птиц неба, выпустил на все стороны ловчих зверей. Быстрокрылый белый сокол взвился вверх и поймал куропатку и перепелку, а кречет, белые и черные перья которого напоминали глаза красавиц, когтями ресниц, пленяющих сердца влюбленных, взлетел и стал ловить фазанов, выпустив когти. Гепард, двухцветный, как день и ночь, быстрый, как молния, окропил свои когти кровью диких коз и быков, показал свою ловкость и хищность в ловле газелей. Гончая с острыми когтями настигала онагров и оленей внезапно, словно смерть, и бросала их на землю бездыханными.

Когда златокрылый сокол небосвода высоко поднялся над изумрудной степью неба, жара усилилась, и Джахандар-султану, который был взлелеян под сенью счастья, стало невмоготу от зноя, и он приказал возвращаться во дворец. На обратном пути он увидел цветущий прекрасный сад. Кипарисы и пальмы в нем, словно влюбленные, стояли плечом к плечу; гиацинты и розы, словно новобрачные, сплетались в объятиях; вода казалась изумрудной от склонившихся над ней трав, щебетание птиц над розами звучало слаще мелодий арфы, отовсюду слышалось пение, а воркующие серые горлинки напоминали каландаров в рубищах, предающихся своим радениям*.

Джахандар был пленен великолепием сада, свежестью роз и базиликов, он залюбовался цветами; подобный распустившемуся бутону розы, горделивому кипарису, вошел он в сад и стал бродить там. В каждом уголке сада видел он гиацинты, склонившиеся к розам, желтые нарциссы, на головы которых были возложены инкрустированные венцы, под каждым кустом соловьи, словно жрецы в храме, заливались жалобными трелями, на каждой ветви качалась гор-linka и пела печально, словно дервиш. А на берегу ручья сидел юноша, подобный стройному кипарису. Под его томным взглядом пихта теряла сознание, а пальма готова была отдать жизнь за его сладостную улыбку, словно Фархад за Ширин *, его чарующие нарциссы * приводили в восторг соловьев на лужайке, а его по-весеннему радостное лицо вызывало зависть роз в цветниках. В руках у него был букет роз. Томным голосом, который вызвал бы зависть самого Накисы и заставил бы устыдиться Барбада, он запел любовную песню. А с тем юношей был попугай, который, словно уединившийся от людей суфий, сидел в железной клетке. На нем было кольцо, как цепи на аскете, он, словно обитатели рая, носил зеленые одеяния * и вел разумные речи подобно мудрецам. Это была птица, которая затмила мудростью удода Сулеймана и позаимствовала сахар речей из сладостных уст гурий. Зеленокрылый ангел среди птиц, он был заглавным листом * всех сладкоречивых попугаев, утвердивших знамя красноречия над всеми птицами мира, а научился он добрым деяниям у облаченных в зеленые одежды обитателей райских садов.

Красота юноши и его чарующее пение изумили Джахандара, он подошел поближе к незнакомцу и приветствовал его. Но юноша был так поглощен пением, что не обратил на Джахандара никакого внимания и даже не ответил на его приветствие. Зато мудрый попугай заметил, что от пренебрежения, проявленного его хозяином, на челе Джахандара обозначились приметы гнева. Он заговорил человеческим голосом и в утешение Джахандару произнес несколько фраз, достойных мудрецов и ученых мужей. Шахзаде был так удивлен этими словами, что пробыл некоторое время в безмолвии, словно статуя или отражение в зеркале. В тот же миг в его сердце запали семена любви к тому сладкоголосому, который в деяниях был подобен Фархаду *. В волнении он тут же снял с руки драгоценный рубин, положил перед поющим юношей и попросил уступить ему попугая. От

нетерпения он весь горел, словно подкова на огне. Но юноша не в силах был расстаться с птицей, он оттолкнул руку Джахандара.

— Эй, невежа! — закричал шахзаде. — Я — наследник престола этой страны. Эта птица пленила меня. Если тебе сопутствует счастье, то возьми рубин, который стóбит податей целого царства, и уступи мне эту горсть перьев, а не то тебе придется раскаяться и ты отдашь мне попугая бесплатно, испытав одни унижения.

Юноша немного подумал, пришел к заключению, что спорить с правителями — все равно что самому проливать свою кровь, и волей-неволей отдал попугая приближенным Джахандара. Шахзаде обрадовался так, словно получил власть над всеми странами мира, и поскакал в восторге прямо во дворец. Отныне он стал проводить все свое время с попугаем, не расставаясь с ним ни на миг, постоянно держа его при себе. А мудрая птица дни и ночи рассказывала ему увлекательные и пленительные повести и сказания.

ПОПУГАЙ СМЕЕТСЯ НАД ХВASTOВСТВОМ МЕХРПАРВАР, И НА ГОРИЗОНТЕ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ ЛЮБВИ К БАХРАВАР-БАЛУ

Поскольку исполнители воли судьбы всегда стоят на страже решений рока, следят, чтобы они осуществились вовремя и без промедления, то по установившимся порядкам в мире неизбежно возникает сначала повод, который помогает событиям осуществиться без препятствий.

И вот однажды Джахандар уединился в гареме с прекрасной наложницей Мехрпарвар. Он был очень к ней привязан и любил беседовать с ней о том о сем, наслаждаясь ее несравненной красотой. Шахзаде беспрерывно пил из сверкавшей, как месяц, чаши чистое вино за арки ее бровей над подобным луне лицом. В разгар наслаждений и веселия Мехрпарвар, опьяненная вином, вдруг увидела в зеркале свое отражение. В плену самообольщения — а ведь оно

несходкий товар! — она восхитилась своей красотой, преисполнилась гордостью и, забыв скромность, заговорила:

— О шахзаде! Пусть это дерзко, нескромно и невоспитанно, но я хочу, чтобы ты на некоторое время отложил государственные дела, рассудил по справедливости и сказал бы мне: нарисовал ли когда-нибудь художник-творец в книге бытия хоть одно столь же прекрасное и изящное изображение с таким пленительным лицом?

Шахзаде не успел еще раскрыть уста, как попугай расхохотался. Та свежая роза из сада красоты сразу увяла, на челе ее обозначились морщинки, и она

настойчиво подступила к шахзаде:

— Я должна знать, над чем смеется попугай, а не то — жить не хочу.

Шахзаде стал умолять попугая открыть причину смеха, но тот не отвечал ни слова в ответ, был нем, как истукан. Однако шахзаде не отставал, и попугай, наконец, промолвил:

— О хатун, ведь если я раскрою тайну, тебе это пользы не принесет! Не принуждай меня лучше.

Но поскольку упрямство присуще природе женщин, поскольку в этих безрассудных и глупых созданиях укоренились неразумные желания, то наложница стала настаивать еще упорнее, и мудрая птица поневоле сломала волшебную печать молчания на кладе слов и стала сыпать жемчуга красноречия в полу шахзаде и хатун, обольщенной собственной красотой.

— Причина моего смеха, — начал попугай, — кроется в самообольщении хатун, которая считает, что она среди других людей красотой подобна стройному кипарису, что она превзошла всех красавиц великолепием. Она не знает, что

совершенство этого божьего дома зависит не от одного существа, что блеск в саду творения не ограничен одним цветком. Под сводами этого золоченого дворца есть много цветников, а в каждом цветнике еще больше благоуханных и ярких цветов. Есть неподалеку страна, которая своими размерами и богатством в сто раз превосходит вашу. А у правителя той страны есть дочь Бахравар-бану, на лицо которой, если она сбросит покрывало, не сможет смотреть само лучезарное солнце, дающее свет всему миру. Розы от восторга перед ней разорвали на себе ворот*, нарцисс, вдохнув аромат ее красоты, весь обратился в зрение, чтобы видеть ее. Если бы, к примеру, наша хатун села рядом с ней, то Бахравар-бану затмила бы ее, словно солнце звезду, и хатун была бы пред ней все равно что обыкновенная травка перед розой.

Услышав эти речи, наложница пришла в такое смущение, что даже на лбу у нее от стыда проступила испарина. А Джахандар-султан, ни разу не видев Бахравар-бану, влюбился в нее. Он потерял власть над своим сердцем, шея его попала в аркан ее локонов. Слово Меджнун, который в надежде на свидание с любимой скитался по пустыне, он стал мечтать о возлюбленной. Он расстался сердцем с родными и друзьями и чувствовал влечение к одной лишь Бахравар-бану. Он так погнался коня страсти по арене любви к ней, что усккал далеко от всех других.

ДЖАХАНДАР-СУЛТАН ОТПРАВЛЯЕТ БИНАЗИРА В СТРАНУ

МИНУ-САВАД, ЧТОБЫ ТОТ ПРИВЕЗ ПОРТРЕТ БАХРАВАР-БАНУ

Когда Джахандар слышал из уст попугая описание красоты той горной куропатки, то, не взглянув на нее ни разу, он стал пленником вьющихся локонов переликой красавицы, а птица любви свила себе гнездо на ветвях его помыслов. Чтобы устранить всякое сомнение и убедиться в совершенстве возлюбленной, он вызвал к себе чародея-художника Биназира. Этот волшебный живописец изображал на белых, как жасмин, листах очертания земной поверхно-

сти, горы и доли так искусно, что человек мог, не утруждая себя тяготами и трудностями пути, одним взглядом пройти по всем странам земли, мог видеть перед собой, словно в зеркале, достопримечательности мира и места неприметные, цветущие страны и разоренные края. На фисташковой скорлупе он рисовал сборы на войну, гороподобных слонов, бесчисленные рати, полчища бойцов, ряды воинов, тесноту ратного поля так ярко и отчетливо, что можно было разглядеть боевое волнение воинов с сердцем Рустама, схватки отважных бойцов и отступление храбрецов *. Время еще не видывало под этим лазоревым сводом такого волшебного художника, а старый мир не слыхивал о таком чудесном мастере на этом коврикe сандалового цвета *. Он рисовал с таким искусством и так чудесно, что на его картинах птицы, словно живые, готовы были защебетать, а нарисованные его волшебной кистью травы, казалось, начнут расти. Можно сказать без преувеличения, что если бы Мани со своим Аржангом вдруг ожил, то стал бы плясать от восторга перед каждым штрихом кисти того волшебника. Дабир-судьба в божественном диване написала грамоту о высшем мастерстве на имя того волшебника. В облике этого выдающегося художника-чародея глаза и душа зрячего могли воочию видеть бесконечную мудрость творца, который созидает без орудий.

Джахандар приказал одеть Биназира в платье купца, дал ему всяких драгоценностей и диковинок для подарков и повелел отправиться в ту благословенную страну, запечатлеть на бумаге и привезти портрет той периликой, которая ограбила его душу, совершила внезапный набег на его сердце.

Биназир приготовился в душе к дальней поездке и двинулся в путь, переходя от одной стоянки к другой. Он передвигался быстро, словно ветер, и после многих тягот и трудностей прибыл, наконец, в ту страну, которая была подобна раю, в город Мину-Савад— в столицу отца той подобной гурии красавицы.

Биназир остановился перед дворцовым садом, в котором часто гуляла Бахравар-бану, снял с верблюдов груз, развязал тюки и отправился с богатыми дарами во дворец шаха, чтобы приветствовать его как подобает. Падишах, увидев ценные дары, очень обрадовался и, по обычаю земных владык, оказал милостивый прием путешественникам. Он одарил и обласкал их, а потом стал подробно расспраши-

вать, из какой страны они прибыли, где произведены те диковинные дары, равных которым не привозил ему ни один купец. Биназир, мешая правду с выдумкой, повел речь о своей стране и ее справедливом правителе, так что падишах удивился больше прежнего. Когда он покинул шахский дворец и вернулся к себе, то молва о приезде купца и его редкостных товарах распространилась по городу, разошлась по всем кварталам и улицам. Слухи о нем дошли и до невольниц Бахравар-бану. Они же передали то, что слышали, тем, кто имел право докладывать солнцеподобной принцессе. Из высочайшего дворца дан был приказ привести Биназира. Но он сказался больным, притворился усталым с дороги и попросил передать царевне:

«Товары, которые привез ваш преданный раб, более подходят слугам царской дочери. Я их привез, преодолевая опасности на дальних дорогах, только для того, чтобы подарить тем, кто удостоится приема у приближенных ее шахского высочества. Страстно желая поцеловать прах у порога царевны, я не счел за трудность тяготы пути, и, слава Аллаху, мечта моя исполнилась, а благодаря искренности моих помыслов мне удалось благополучно миновать опасные места и нелегкие дороги и благополучно прибыть во дворец самой величавой царевны нашего времени. Однако сейчас я не в силах развязать тюки и доставить дорогие подарки в высочайший дворец. Есть еще у меня, жалкого раба, одно желание, дерзкое и нескромное. Если бы прекраснейшая царевна нашего времени соизволила оказать мне милость, обласкать странника и осчастливить меня завтра приемом в своем саду, которому завидует рай, то это было бы для меня благословенным предзнаменованием, всех нас она порадовала бы возможностью лицезреть себя, иными словами, мы увидели бы на лужайке розу в окружении базиликов. А она смогла бы осмотреть те диковинки, которые отобраны из самых редкостных вещей всей земли, чем вознесла бы своего скромного раба до самого неба. И что бы прекрасная царевна ни повелела, мне не остается ничего, как повиноваться той, которая есть счастье обоих миров».

Бахравар-бану благосклонно отнеслась к просьбе Биназира, и на другой день, когда лучезарное светило выглянуло из-за ворот рассвета и окутало мир плащом света, она велела подать золотой паланкин, от зависти к которому сгорали небесные светила, который плыл, словно Солнце в знаке Овна *. Красавицы-лужайки при появлении Бахравар-

бану — живого кипариса — смутились, побледнели и затрепетали.

Взойдя на трон, царица велела ввести Биназира. От радостной вести он расцвел словно распутившаяся роза и быстрее ветра поспешил вместе со своими дарами служить дивному побегу на лужайке царства. Царица села за тонким занавесом и приказала своим старым нянькам взять у Биназира подарки и подать ей. Биназир передал драгоценности служанкам, а они отнесли их госпоже. Глаз не видывал ничего подобного, и ухо не слыхивало о таких редкостных вещах! Бахравар-бану, взглянув на дары, не смогла удержаться от крика восторга и стала громко хвалить их, а служанкам приказала:

— Если у купца есть еще что-нибудь — несите.

Служанки поцеловали прах перед троном и доложили:

— У него еще есть запертая шкатулка, завернутая в бархат, но он ее не показывает.

Царица тотчас решила, что в шкатулке находятся самые ценные вещи, и велела открыть ее. Биназир — а он поступал так из хитрости — стал отнекиваться, царица — настаивать. Тогда Биназир, видя, что любопытство ее разгорелось и его замысел удался, заговорил:

— То, что спрятано в шкатулке, — моя гордость и поручение моего шаха. Поэтому я не могу открыть шкатулку в его отсутствие.

Услышав такой ответ, Бахравар-бану загорелась еще более и принялась упрашивать мнимого купца.

— Хоть исполнить эту просьбу означает нарушить слово, — отвечал Биназир, — но поскольку царице, под покровительством которой находится весь мир, так захотелось взглянуть на содержимое шкатулки, то мне ничего не остается, как повиноваться ее воле. Но только с условием: пусть смотрит одна царица, а больше никто не должен видеть, что внутри шкатулки.

Так как Бахравар-бану очень хотелось увидеть драгоценности шкатулки, а Биназир был человек пожилой и почтенный, она отнеслась к его просьбе благосклонно, разрешила ему приблизиться к ней и увидеть ее красоту, озарявшую своими лучами само счастье. Биназир так обрадовался, что забыл все на свете, и сияя словно пылинки, попавшая в солнечный луч, он стал отпирать замочек шкатулки. Но увидев то солнце на небе красоты, он лишился дара речи, застыл, словно статуя, глаза его, словно мертвые нарциссы,

перестали видеть, и он уронил шкатулку на землю. Бахрavar была поражена поведением Биназира и спросила:

— Что происходит с тобой? Почему ты так вдруг изменился? Почему не владеешь собой?

Биназир усилием воли собрался с мыслями и ответил:

— О солнце на небе царства!
Я уже немощен и стар, и со мной часто случается такое. Ведь от старости — сотни изъянов.

Биназир разбил на шкатулке печать, извлек оттуда портрет Джахандара, который сам изготовил с волшебным искусством, и вручил царевне. Как только Бахрavar узрела красоту шахзаде, она мигом лишилась власти над сердцем и спросила:

— Что это за кумир? Что-то знакомое чувствует мое сердце!

— Это портрет Джахандар-султана, — ответил Биназир, — наследника престола и перстня двух третей Хиндустана. Сам прекрасный Юсуф превосходил его не красотой, а лишь своим пророческим сном. Его мощи и благородству уступает Рустам, сын Заля, а великодушием и щедростью он затмил Хатема Тайского. Своими сладостными речами он превзошел красноречивых попугаев, от его изящной походки сходят с ума куропатки в горах. Когда на охоте он садится на коня, свирепого как леопард и быстрого как сокол, то лютый лев от страха перед ним заползает в лисью нору, а ярый слон прячется в муравейнике. Умом и сообразительностью он — Ифлатун, а величием и мощью — Искандар.

Бахрavar, услышав эти речи и увидев прекрасное лицо на портрете, посеяла в сердце семена любви, на лужайке мечты посадила побег страсти. Но она стыдилась, девичья скромность не позволяла ей выразить свои чувства, она не открылась никому, лишь сердце ее, словно вату, охватило пламя страсти. Она спокойно попросила у Биназира портрет Джахандара, но он-то догадался о ее состоянии и отвечал ей так:

— О владычица! Ведь я, покорный раб твой, с самого начала говорил, что этот портрет — залог моей верности и я не могу распоряжаться им.

— Я не могу поверить твоим словам,— воскликнула царевна,— ибо у тебя нет достаточных оснований! Ведь кусок шелка с портретом не может быть шахским поручением.

— О владычица красавиц! — ответил Биназир.— Если говорить о стоимости этого куска шелка, то цена ему — два или три динара, но если говорить о его нравственной ценности для той, кто влюблен в красоту его, то:

Тут нельзя цены придумать, чтоб она чрезмерной стала,—
Предлагая оба мира, предлагаешь все же мало.

В этих стихах как раз говорится о таком портрете, о царевна, достойная целого мира. Да будет тебе известно, что у правителя Бенгалии есть дочь — луна, с нивы которой собирает колоски лучезарное солнце*. От тех, кто странствует по разным странам и ест угощения со стола разных народов, он прослышал о добродетелях и качествах этого счастливого юноши, созданного для владычества над миром. Падишах хочет выдать свою дочь замуж за него и соединить пальму с розой. Бесконечными уговорами и щедрыми посулами он добился от меня обещания достать этот портрет, и теперь я, после долгих усилий раздобыв его, везу эту драгоценность к великому падишаху в надежде получить за нее богатое вознаграждение и прожить остаток своих дней, ни в чем не нуждаясь, не зная житейских забот.

Послушав его речи, плененная портретом Бахравар-бану призадумалась. «Я поражена в сердце стрелой любви к этому юноше,— говорила она себе.—Если мне не удастся соединиться с ним, то жить для меня будет все равно что умереть: сладость жизни сменится горечью скорби, которая ужаснее смертного часа. Неразумно дать другой красавице завладеть тем, кто нарисован на портрете, и обречь себя скорби до последнего вздоха. Остается только удержать этот ключ от клада моего счастья. Буду уповать на безграничное милосердие Аллаха, исполняющего желания страждущих и мольбы просителей. Подожду, что-то выйдет из-за завесы тайны и по чьей воле будет возвращаться небосвод». Подумав так, царевна обратилась к Биназиру со словами:

— О купец! Твоя цель — деньги, и тебе все равно, у кого их взять. Продай мне этот портрет и возьми в уплату сколько пожелаешь — и, не утруждая себя, ты достигнешь цели. Помни, что этот мир полон неожиданностей и судьба каждый миг строит нам козни. Если же ты по корыстолю-

бию и алчности, хуже которых нет пороков, пренебрежешь наличным в погоне за обещанным и, влекомый жадностью, днем и ночью будешь скитаться в долине тягот, то, быть может, с тобой приключится беда, ты потеряешь надежду и лишишься того, что имеешь, и весь остаток жизни ты будешь сожалеть о той достойной цене, которую я тебе предлагаю. И тогда ты умрешь от раскаяния и досады. Предположим даже, что ты приедешь в Бенгалию целым и невредимым, но ведь настроение человека изменчиво, и возможно, что к тому времени, когда ты прибудешь туда, щедрость падишаха убудет и он не окажет тебе тех милостей, на которые ты надеешься. И все это принесет тебе только огорчения и раскаяние, а трудности, которые ты перенес в пути, лишь усугубят его. Я сказала это к тому, что мудрость не велит жертвовать тем, что имеешь, ради обещанного. Твоя выгода в том, чтобы не отказываться от сделки со мной и не упускать из рук это богатство, ибо сейчас твоя доля — скитания по разным странам, а тебе взамен этого предлагают за раскрашенный лоскут подати с целой страны.

Биназир догадался, что хитрость его подействовала на сердце пери, сначала он притворился, что ни в чем не нуждается, и привел несколько отговорок, а потом будто нехотя согласился уступить и получил много драгоценных камней и денег от той, чье сердце было щедро, словно море. Он отдал портрет царевне и сам во время беседы с ней запечатлел на страницах своего сердца черты ее лица.

Попросив разрешения уйти и вернувшись к себе, Биназир не медля взял свою волшебную кисть и нарисовал на шелку портрет Бахравар-бану, не прибавляя ничего к ее удивительной красоте. Казалось, что сам творец начертил это изображение кистью судьбы.

Достигнув своей цели, хитроумный Биназир, выполнив данное ему поручение, распрощался с Бахравар-бану, двинулся в свою страну, пересекая расстояния словно на крыльях, и вскоре прибыл к шахзаде.

**БИНАЗИР ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ СТРАНЫ МИНУ-САВАД, ПРИВЕЗЯ
ПОРТРЕТ ЛУНОПОДОБНОЙ БАХРАВАР-БАНУ. ЗМЕЯ ЛЮБВИ
С НОВОЙ СИЛОЙ ИЗВИВАЕТСЯ В СЕРДЦЕ ДЖАХАНДАРА,
И ОН ПУСКАЕТСЯ СТРАНСТВОВАТЬ ПО ДОЛИНЕ БЕЗУМИЯ**

Удостоившись чести поцеловать прах перед тронем Джахандара, Биназир, после оказания подобающих почестей, передал ему портрет Бахравар-бану. Что за портрет! Наверное, само небо, хоть у него за завесой есть тысячи лучезарных кумиров, не видело ничего похожего даже во сне. Сам живописец этого древнего мира еще ни разу не рисовал такого чудесного изображения. Когда люди смотрели на эту красавицу, подобную цветущей лужайке, то на них словно сыпались розы, а когда любовались ее помрачающим разум лицом, то чаша мысли как бы наполнялась вином. Если художник рисовал портрет той красавицы, сходной с пери, то сама кисть его расцветала, словно нарцисс. Нарисованный соловей, увидев подобное розе лицо того волшебного кумира, ожил и взлетел с картины.

Как только шахзаде взглянул на портрет той, что была отрадой души, он сразу, словно Меджнун, стал скитаться по долине тоски по возлюбленной. Опьяненный напитком любви, он упал с трона, словно пьяный, и лежал подобный мертвому.

Слуги и приближенные, видя его в таком состоянии, забеспокоились, одни поспешили к лекарям, другие стали брызгать на него розовой водой. Биназир, знавший недуг его сердца, прогнал всех от его изголовья, обнял шахзаде и привел в чувство, усадил вновь на трон. Но в сердце несчастного уже вонзилась стрела любви, никакие утешения не помогали. Помимо воли своей он словно разорвал ворот сердца и продел в уши сердца кольцо безумия*. Он только и делал, что смотрел на портрет кумира, забыв о чести и воле во имя любви. Он отринул прочь разум, и тайна его вскоре стала известной всем, распространилась по всем улицам и перекресткам.

Приближенные доложили об этом падишаху. Услышав такие вести, падишах загрустил, опутанный цепями скорби, вызвал сына, начал увещевать его, рассыпая царственные жемчужины наставлений. Но уши Джахандара были глухи, заткнутые ватой безумной любви, мудрые слова не проникали в его сердце, он не обратил на них ни малейшего внимания, все дальше уходя в долину безумия, проливая кровавые слезы. Падишах, видя состояние сына, погрузился в пропасть скорби, созвал твердых духом везиров и мудрых советников и попросил их развязать этот тугой узел. Те пустили в ход тонкий разум и находчивый ум, стали придумывать всякие хитрости, но это не принесло никакой пользы, и с каждым днем пламя скорби все больше охватывало шахазаде, а огонь безумия все сильнее разгорался в его сердце. Когда искусные лекари и те многоопытные мужи не нашли пути к исцелению, то другие мудрецы посоветовали днем и ночью рассказывать царевичу, избравшему своим уделом трон безумия, удивительные истории о неверности и непостоянстве женщин, этих слабых умом существ, надеясь, что, быть может, так удастся исцелить его.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

И вот один из мудрых и проницательных надимов стал наряжать невесту-слово в брачной комнате красноречия.

— Жил на свете юный ремесленник, — начал он. — Он нажил огромное состояние, накопил большие богатства. Мощью тела и силой духа он не знал равных себе среди сверстников, храбростью и доблестью он превосходил всех, в щедрости и великодушии он обыграл всех, словно в чоуган, красотой и привлекательностью был выше всех других юношей. Он женился на красивой дочери своего дяди и полюбил ее всем сердцем, так что не мог провести в разлуке с ней и одного дня. Непрестанно он старался угодить всем ее прихотям и ставил ее волю превыше всего. Жена также была закована в цепи любви к мужу и опутана сетями страсти к нему, она и днем и ночью, словно невольница, угождала ему во всем. Если муж отлучался из дому ради приобретения хлеба на-

сушного — это ведь неизбежно для каждого в этом мире, — то жена, словно испив вино безумия, проливала из глаз потоки слез. В городе на всех перекрестках и улицах только и говорили, что об их любви и привязанности, об этой счастливой паре.

Муж очень любил охоту и частенько выезжал в степь за добычей. Как-то случилось, что этот юноша подружился с братом правителя той области, и дружба их стала крепнуть. Брат правителя стал заходить в дом своего нового друга и пить вместе с ним вино.

И вот однажды взор брата правителя упал на жену друга. Неблагодарный, влекомый бесовским искусом, он тотчас забыл об оказанном ему гостеприимстве и доверии, и, одолеваемый похотью, возмечтал овладеть женщиной.

Он обратился за помощью к одной хитрой сводне, промышлявшей соращением добродетельных женщин, и послал ее к жене друга. Старуха стала склонять красавицу на свидание с братом правителя, а та сначала отказывалась, но, поскольку в природе женщин нет и следа верности и правдивости, она потопила любовь к мужу в пучине забвения, стерла со скрижали сердца письмена любви и верности, поддавалась соблазну, разорвала ворот своей добродетели и одежду чести мужа и ударила на перекрестке дорог в барабан позора*.

Прошло немного времени, и соседи догадались о проделках той скверной жены. Она утратила меч гнева мужа, сердце ее обуял смертельный ужас, и она по своему злосчастью и мерзкой натуре не придумала ничего лучше, как бежать с любовником, и сообщила ему об этом. Этот нечестивец счел такой оборот дела большой удачей, решил предать своего друга и поджидал только удобного случая.

И вот однажды муж по своему обыкновению отправился на охоту. В степи ему попалась газель, он погнался за ней и прискакал в погоне к той деревне, где жили родители

жены. Как раз у самой деревни он поймал наконец свою добычу.

К этому времени газель с лужайки семи зеленых степей* направилась к пещере на западе*, и охотник так устал, что не мог вернуться к себе домой. Он въехал в деревню и остановился переночевать в доме родителей жены. Он отрезал от газели небольшой кусок мяса, все остальное отдал хозяевам дома, сам же есть не стал. А он был для них дорогой и желанный гость, поэтому они огорчились, когда он отказался от еды, и спросили его о причине.

— Знайте,— отвечал зять,— что любовь моя к вашей дочери беспредельна и мы еще ни разу, пока живем вместе, не ели друг без друга: душа моя не лежит к тому, чтобы наслаждаться вдали от любимой. Поэтому простите меня и не огорчайтесь. Вот этот кусок мяса я приберегу для жены. Если судьба не воспротивится — завтра я вернусь к той, что дарует мне жизнь, и мы сядем за трапезу вместе, и я подниму кубок за арку ее бровей.

Мать и отец той мерзавки порадовались его словам, а простодушный муж провел у них ночь в тревоге и беспокойстве за свою жену.

А его подлая и жестокосердная жена известила негодяя любовника об отсутствии мужа и ночью подожгла дом. А сама уже заготовила быстрых как ветер коней у ворот. Через час, когда огонь стал разгораться, так что людям уже было не справиться с ним, она, притворившись испуганной, вошла в дом и разбудила свекровь и служанок. Те стали скорей вытаскивать из дому вещи, а женщина, улучив момент, выскользнула из ворот дома, села на коня и вместе со своим милым ускакала в другой город, где они и поселились. Они зажили там, утоляя свою похоть и посыпая голову своей судьбы прахом позора,— иными словами, они пили напиток разврата.

Когда домочадцы потушили пожар, свекровь вспомнила о невестке. Она встревожилась, стала разыскивать ее, обошла все закоулки, но та исчезла, словно вещь птица Анка. Тогда свекровь решила, что невестка сгорела вместе с домом, стала причитать и оплакивать ее.

Меж тем муж, испепеленный пламенем разлуки, возвратился домой со светлыми надеждами и видит, что от дома остался лишь пепел, что мать от скорби посыпала голову прахом, а жены и след простыл. Остолбев, он спросил служанок:

— Что случилось? Где мой дом?

Служанки рассказали ему о пожаре и добавили, что госпожа сгорела в огне. Как только он услышал их слова, его охватила великая тоска, и он залился горячими слезами. Сгорая в пламени скорби, он прошептал:

— О горе! Я больше не увижу тебя...

Немного придя в себя, он велел извлечь из-под пепла кости погибшей и схоронить их, но, как ни искали на пепелище останки мерзавки, ничего, конечно, не нашли. Муж очень удивился этому и задумался: «Как могло случиться, что от жены и следа не осталось? Если бы она сгорела, то среди пепла нашлась бы хоть косточка. Ведь невозможно это, чтобы человек сгорел совсем и от него ничего не осталось. Видно, придется предположить, что природа женщины лжива, что жена придумала какую-нибудь хитрость и спалила дом моей чести». Подозрения и сомнения проникли в сердце мужа, и он тотчас отправился в дом брата правителя, чтобы поделиться с ним своей тайной и опасениями и попросить его помощи. Когда он пришел туда, ему сообщили, что хозяина нет с полуночи. Тут муж смекнул, что его несчастная жена сбежала с братом правителя, поправ честь и покрыв себя позором.

Муж тут же облачился в траурную одежду и, словно дервиш, пошел в поисках жены по свету, оставляя позади себя дороги и тропы. Он побывал во многих городах и деревнях, местностях и местечках, закоулках и улицах и прибыл наконец в тот город, где скрывались мерзавцы. И случилось так, что он остановился перед тем самым домом, где поселилась его жена с любовником. Как раз в это время из дому вышла одна служанка, и он спросил ее, не дожидаясь, пока та сама начнет расспрашивать:

— Что делает твоя хозяйка?

— Пьет чашу наслаждения со своим возлюбленным.

— Передай ей,— приказал он,— что ее муж стоит у ворот. Скажи: «Если ты очутилась в этих краях не по своей воле, то торопись, не теряя времени!»

Простодушная служанка не медля вошла в дом и передала слова мужа той женщине. Эта бесстыдница, как только услышала ее слова, перестала владеть собой, побледнела, взглянула в окошечко и увидела своего мужа в рубище нищего, скорбного и печального. Она побежала к любовнику, рассказала ему о муже и предложила бежать пока не поздно. Негодяй тут же вывел ее из дому, усадил на быстрого как ве-

тер коня и приказал двум своим доверенным слугам отвезти ее в другой город и спрятать в таком месте, какое никому и на ум не придет.

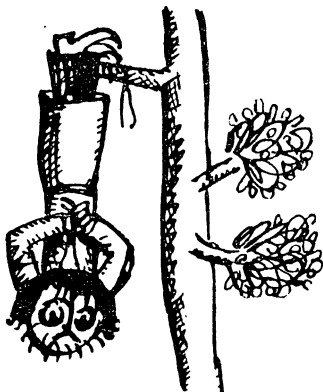
А муж-то заметил свою жену в окошечке. Когда она скрылась и в доме все затихло, он понял, что причина позора именно в ней, что она покрыла его прахом бесчестия. Он подумал, что у дома, возможно, есть две двери и что мерзавцы могут бежать через другую дверь. Он скорее кинулся на другую сторону дома и увидел на быстром как ветер коне женщину, закутанную в покрывало. Два проворных и ловких слуги держали стремя, и она уже собиралась ускориться. По посадке и другим приметам муж сразу узнал свою жену, быстро подбежал, обнажил острый меч и свалил наземь одного из тех слуг. Другой же, увидев товарища в такой беде, бросился наутек, спасая свою шкуру. Тогда храбрый муж схватил повод коня, вскочил на другого и отправился в родной город.

Когда они подъехали к своему городу, муж не решился показаться людям на глаза и остановился в саду, чтобы ночью незаметно покончить с женой, а потом вернуться домой. Но от долгих скитаний по дальним краям, от тягот пути им овладела такая усталость, что он прилег отдохнуть, велел негодной жене растирать ему ноги. И тут напал на него сон, словно разбойники из засады на караван, и похитил его разум. По своему злосчастью он вытянул руки и ноги и растянулся, опьяненный напитком забвения. А поскольку небосвод-игрок каждый миг выкидывает все новые и новые шутки, то брат правителя, который узнал о всем случившемся и погнался за ними, прибыл как раз в это время в сад, где лежал тот муж с заснувшим счастьем. Он вошел в сад и увидел, что соперник его спит — вместе со счастьем своим, — а перед ним сидит жена. Не теряя времени, он обнажил блестящий меч и бедняга чуть было не уснул вечным сном. Но глупая жена с черным сердцем стала отговаривать любовника:

— Этот несчастный, — говорила она, — не заслуживает того, чтобы отправиться в ад таким легким и прямым путем, он достоин самых тяжких мук. Надо помучить его как следует в этом мире, а потом отправить в ад вниз головой, чтобы до самого Судного дня его душа не переставала страдать.

Говоря это, она велела любовнику связать мужу руки и ноги крепкой веревкой. Тут муж проснулся и увидел, что

смерть подошла к нему вплотную. Он проклял свою беспечность и недалекость, но вспомнил поговорку, что предначертания судьбы не сотрешь, и покорился року. А жена-бесстыдница собственной рукой закинула веревку на верхушку дерева и натянула так, что муж повис вниз головой, словно акробат. Негодяйка же на глазах его бросилась в объятия любовника и стала предаваться наслаждению, попивая розовое вино.

Она то подавала любовнику чашу пурпурного вина, то утоляла его жажду из рубиновых уст. Наконец, от опьянения и жарких объятий ее щеки порозовели, вино вожделения закипело, и она протянула к милому руки, прося удовлетворить ее желания.

— Настала пора вкусить сладость свидания,— говорила она,— и налить в горло этому несчастному смертоносный яд горя, чтобы он вкусил горечь и

боль торжества врага. А потом мы будем истязать его разными муками, отрубим ему голову и положим на его же грудь,— ведь лучшей участи он не достоин.

И эта неразумная женщина, окунувшись со своими бесовскими желаниями и преступным вожделением в море разврата, стала предаваться мерзостному греху на глазах того безвинного, вся беда которого была в собственной глупости, и продолжала это.

Муж, хоть и претерпевал самые страшные муки, видя воочию этакое, нашел в себе силы обратиться с мольбой к владыке миров, ведь сказано: «Тот, кто ищет убежища у Аллаха, уже спасен» *.

Меж тем упоительный напиток лишил этих нечестивцев способности соображать, и они по своей злой судьбе растянулись в забытьи, а наполненная вином чаша так и осталась рядом с ними. Висевший вниз головой несчастный муж взирал из своего скорбного положения на развратников, но не в силах был отомстить им. В это время по воле всемогущего творца с верхней ветки дерева сползла черная ядовитая змея, обвилась вокруг тела мужа, надула капюшон и, придвинув-

шись к самому рту несчастного, стала смотреть на него пристально. Пред этой страшной опасностью, рядом с которой внезапная смерть не больше чем аллегория, муж застыл на месте и взмолился про себя:

«О всеславный Аллах! Что это за напасти валятся на меня? Руки и ноги мои связаны веревкой, сам я повешен на дереве вниз головой. Только что я своими глазами повидал такое, что и не расскажешь, а теперь после всего этого передо мной маячит этот смертоносный див, одного изображения которого довольно, чтобы погубить человека, и он каждую минуту может убить меня! Что за проступки и недостойные деяния совершил я, что всевышний Изед обрек меня на такие муки и подверг в этом мире мучениям ада? Мне осталось жить всего несколько мгновений, и смерть я предпочитаю этим мукам, ибо сей кровожадный див, без сомнения, намерен стереть меня со скрижали бытия своим жалом в тот момент, когда придет мой смертный час. Если судьба в своей книге предначертала, что я должен отправиться на арену небытия с таким позором, не вручив судьбе добровольно свою душу, то делать нечего. Но ведь несправедливо, что эти два мерзавца спасутся от моей руки и соединятся счастливо, что враг будет торжествовать надо мной, в то время как я покину этот бранный мир, эту обитель скорби. Об этом буду я сожалеть и горько стенать в могильном склепе, и дым скорби поднимется от моей могилы до самого неба».

Захваченный бедой муж говорил в душе своей эти слова, как вдруг змея сползла на землю, тихо подползла к тем двум несчастным, обвилась вокруг них трижды и посмотрела на них с гневом и яростью. Потом она подползла к чаше с вином, понюхала и, почуяв запах вина, подняла вверх голову, и на ее вздувшейся шее проступили капельки пота от ярости. Потом из ее пасти в чашу с вином упало несколько капелек зеленовато-желтого цвета. После этого она снова подползла к повешенному, обвилась вокруг его тела, как и в первый раз, и целый час держала свою раздувшуюся голову около его рта, глядя на него с участием, а затем уползла туда, откуда появилась.

Висевший вниз головой муж, увидев такое чудо, погрузился на самое дно пучины изумления, не ведая сути божественных деяний и не подозревая, что в этой чаше начнет искриться вино мудрости, что небо-игрок выкинет новую шутку.

Прошел еще час, и любовник очнулся от крепкого сна, сел и увидел безмятежно спящую на ложе неги возлюбленную, а рядом с ней чашу с розовым вином. Хмель его уже прошел, и тут он разом осушил чашу с роковым напитком. Смертельный яд тотчас поразил его, и он опьянел уже от вина небытия. Спустя некоторое время проснулась и та развратница и увидела, что ее милый спит непробудным сном. Она очень огорчилась и погрузилась в океан горестного изумления, не зная, кто мог влить в рот ему страшный яд, как его голова с изголовья жизни скатилась во прах смерти. В единый миг она с берега надежд упала в пучину отчаяния, розы наслаждения сменились шипами несчастья. И гнев овладел ее мерзким существом, и проснулась в ней ярость. От чрезмерного горя она схватила меч своего любовника и пошла к висевшему мужу, намереваясь разом покончить с ним, пролив напиток его жизни из чаши бытия на землю небытия. Муж, видя жену, охваченную пламенем ярости, с обнаженным мечом в руке, испугался, так как руки и ноги у него были связаны, а сам он висел вниз головой, так что положение его было хуже, чем у мыши перед кошкой. Он стал униженно молить ее, так как другого выхода не было.

— Успокойся, подожди минутку,— упрашивал он ее,— выслушай два слова. Хорошо, если ты согласишься, а нет — поступай как знаешь.

Жена опустила меч и проговорила:

— Эй, несчастный! Ты достоин виселицы. Говори, что хочешь.

Мужу, завязшему в тенетах беды, только и оставалось хвалить жену и унижаться перед ней.

— То, что случилось с тобой,— говорил он,— произошло не по твоей вине, я в этом уверен. Поскольку писец судьбы начертал и скрепил своей печатью в божественном диване мне такую позорную долю, а кисть рока в своем списке предписала мне такое бесславие, то было бы глупо сердиться на такую солнцеподобную, похожую на пери красавицу, как ты. Коли не будет тебе вреда от меня, то какой смысл убивать? Какая польза проливать кровь того, кто своим существованием не приносит тебе вреда? Если бы твой возлюбленный, которому ты отдала сердце, не скрылся в бездне смерти, тогда следовало бы спалить в огне смерти меня. Теперь же, когда его сладкая душа простилась с этим миром и отправилась в vyšний рай, тебе надо избрать уделом терпение и принять от меня прощение за свои грехи.

Ты сама знаешь, что я не отказываюсь от своих слов, если даже на меня обрушится небо. Если ты будешь милостива и ласкова со мной, как раньше, то я буду относиться к тебе нежнее прежнего и ни один волосок на твоей голове не пострадает. В этом мире, полном всяких невзгод, между влюбленными и любимыми случается много подобных злоключений, не ты первая попала в такое положение, не ты это изобрела, и потому мне не подобает за то, что случилось по воле судьбы и рока, мстить такой красавице, как ты.

Пусть твои черные локоны передо мною грешны,
Пусть твои черные родинки гонят от глаз моих сны,
Пусть твои нежные взоры насилье творят надо мной,
Пусть постоянно влюбленные ссориться осуждены,—
Долго обиды хранить на дорогах любви ни к чему:
Те, кто вино это пьет, и отстой его выпить должны *.

Красноречивые и рассчитанные на глупость жены слова мужа обманули ее, она развязала ему руки и ноги, избавила от смертельной опасности и пала пред ним на землю, моля простить ее грехи. Муж не стал нарушать данную клятву и не лишил ее жизни. Он воздал хвалу Аллаху за спасение, вернулся домой и избрал себе уделом тесную и темную келью, отказавшись от благ этого мира, предавшись служению богу и покорности творцу.

— О шахзаде! — закончил рассказчик. — Неразумно обольщаться внешней красотой женщин и скитаться в долине безумия, предпочитая покою в этом двухдневном мире вечные муки. Мудрые и ученые мужи никогда не одобряют подобного поведения, ибо щеки красавиц лишены румян и аромата верности, а внешность их ущербна и подобна горькой тыкке, которая красива лишь на вид.

ВТОРОЙ РАССКАЗ

Рассказывают, что однажды друзья решили устроить пирושку и повеселиться в саду. У них было приготовлено все, что нужно для веселья и наслаждения, и они, не тревожась о коловращении времени, пили из чаши радости и

украшали свой пир приятными словами и дивными речами. В разгар пира к ним вошел какой-то незнакомец и приветствовал их, как это принято. Пирующие ответили ему пренебрежительно, — им не понравилось, что он потревожил их. Они не стали оказывать ему знаков внимания, считая, что он только мешает им своим присутствием. Незнакомец по своему природному уму догадался об этом, его чело от стыда покрылось испариной, и он уселся в дальнем углу.

Прошло какое-то время, и он поднял склоненную в раздумье голову, снял чары молчания с клада слов и стал рассыпать среди пирующих целыми пригоршнями царственные жемчужины и блестящие камни, смыв с лиц пирующих пыль недовольства прозрачной водой тонких мыслей. Гостей, холодных как лед, он согрел теплыми словами, а розы их настроения, которые было завяли при его появлении, распустились вновь под прохладным ветерком его сладостных рассказов, пестрых историй, приятных шуток и изящных острот. Он так развлекал всех пирующих, что они сочли его появление благом и вступили с ним в беседу со всей горячностью души.

Этот юноша был очень красив, но на одной щеке его были изображены семиугольник и крест, и один из пирующих сказал ему:

— От ваших приятных слов сердца наши расцветают как розы, но мы не можем постигнуть смысла этих начертаний на вашей щеке. Если не будет это дерзостью, мы хотели бы узнать тайну их и снять с наших умов покров сомнений.

Юноша не стал слушать их просьб и хотел избежать разговоров, но друзья стали настаивать и упрашивать его, и наконец он поневоле заговорил.

— Это событие, — начал он, — недостойно того, чтобы рассказывать о нем, говорю только, чтобы не огорчить моих дорогих собеседников. Знайте же, что двадцать лет назад я слу-

жил в войске одного правителя. Однажды вместе с несколькими близкими друзьями я отправился погулять к пальмовой роще. Там была одна пальма, которая была намного выше всех, а финики на ней росли гроздьями, словно куски сладчайшей халвы. Они были вкусные, сладкие, приятные, но висели так высоко, что ни один из нас не мог дотянуться до них. И никто не решался лезть на такую высоту, и плоды оставались на дереве.

— Я умел,— продолжал рассказчик,— хорошо лазить на финиковые, кокосовые и иные пальмы, и друзья признавали мое превосходство в этом, поэтому, желая полакомиться, они стали упрашивать меня подняться на дерево. «Мы хотим,— говорили они,— попробовать этих прекрасных фиников, а также посмотреть, как ты взберешься на эту пальму, которая касается ветвями неба и финики которой доступны лишь птицам. Эта пальма — чудо, и только человек способен подняться до ее небесных высот». Как я ни отказывался, какие отговорки ни придумывал, друзья, подстрекаемые чревоугодием, не отставали от меня и в конце концов я подобрал полы халата, засучил рукава и стал проворно взбираться на ту пальму, которая доходила до самого неба, словно лестница. Вокруг собралось много народу, чтобы посмотреть на меня. Когда я поднялся до вершины, высокие и рослые мужчины показались мне малолетними детьми, а порой мой взор вовсе не достигал их, и они казались мне призраками.

Наконец, я сорвал несколько самых хороших и спелых финиковых гроздьев, сунул их за пазуху, а несколько сбросил вниз. Вдруг из-за листьев показалась огромная змея, черная с бело-желтыми пятнышками на голове. От ее пронзительного и ужасного взгляда лопался желчный пузырь, а сердце растворялось, словно соль в воде. Она устремилась ко мне, и вот я был на грани смерти. Едва я взглянул на нее, я затрепетал всем телом, от ужаса и страха суставы мои готовы были рассыпаться, душа, словно птица, норовила вылететь из тела. Я подумал: «Если я начну спускаться, то змея на полдороге уничтожит эту жалкую клетку, в которой обитает моя птичка-душа. Если я буду ждать, сей ужасный дракон, перед которым небесная напасть и внезапная смерть — одна лишь аллегория, проглотит меня. И то нехорошо и это, но хуже всего людская молва: ведь все станут говорить, что дурак-обжора погиб из-за фиников. Умереть и оставить на страницах судьбы бесславное имя! О владыка небесного престола, таков, видно, удел, которым наделило

меня, слабого и немощного беднягу, небо». Пока я думал так, дракон подполз ближе, обвился вокруг моего тела и повис у меня на шее, словно перевязь меча. Змея надула свой капюшон, утвердила его перед моим ртом, уставилась на меня своим устрашающим взором и высунула из пасти извивающийся язык. От ужаса и страха я пришел в такое состояние, которое словами не опишешь и в мыслях не выразишь. Даже сейчас, как вспомню, все волоски на теле моем становятся дыбом. От испуга кровь у меня в жилах застыла, а жизненные соки высохли. Я ухватился рукой за ветви дерева, а змея словно приросла ко мне. Под пальмой же собралась огромная толпа, люди упрекали друг друга, кричали, сочувствуя мне, а мне людские вопли казались каким-то странным далеким шумом. Родные и приятели стали причитать по мне, посыпая головы прахом.

И в это время по воле судьбы подъехал к пальме высокий и стройный юноша-нукер. В руках у него был лук и несколько стрел. Он спросил людей о причине их криков и причитаний. Ему рассказали обо всем и указали на меня, на которого было обращено всеобщее внимание. Юноша взглянул вверх и увидел меня и обвинявшегося вокруг моей шеи дракона, а потом спросил: «Есть здесь кто-нибудь из родственников этого бедняги?» Мои братья и родичи, которые стояли под деревом и оплакивали меня горькими слезами, спросили, чего он хочет. «Для всех очевидно, — сказал всадник, — что смерть нависла над этим юношей. Спасти его от гибели при помощи разума трудно и даже невозможно. Но если вы, ухватившись за прочную ветвь упования на Аллаха и опираясь на рукоять веры, дозволите мне, то я, полагаясь на милосердие всемогущего, пушу в этого страшного дракона стрелу и испытаю свое мастерство на этом человеке, который уже в объятиях смерти. Я — искусный стрелок из лука: темной ночью я попадаю в ножку муравья и не промахнусь, если даже подвесят на волоске горчичное зернышко. Я так силен в этом искусстве, что попадет стрела в цель или нет — полностью зависит от меня. Всевышний творец вручил мне знамя первенства в этом искусстве, во всех странах мира бьют в литавры, прославляя меня. Первой же стрелой я могу снести голову змеи, и юноше от этого не будет никакого вреда, даже волосок на его голове не пострадает. Но поскольку всеми делами вершит судьба, то я опасаясь, как бы не случилось иначе: ведь вы тогда схватите меня и обвините в его гибели».

Все в один голос закричали: «Для спасения этого бедняги нет другого средства! Если ему суждено жить, то он спасется таким путем, а в противном случае — перед ним раскроется пасть смерти». Мои родные положились на судьбу и приняли предложение лучника. Этот юноша, да смилостивится Аллах над ним, взял свой волшебный лук, натянул тетиву и, призвав бога сохранить мне жизнь, прицелился в голову змеи и пустил стрелу. Казалось, что чародеи, — какие там чародеи, все волшебники — собрались у того лука.

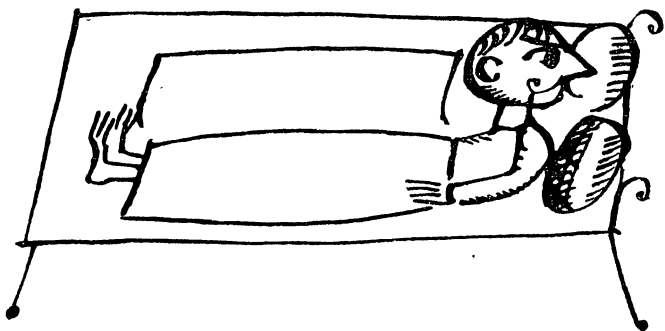
Судьба воскликнула «Славно!» Ангел сказал: «Прекрасно!» *.

Наконечник стрелы, словно доброе намерение, угодил змее прямо в голову, и голова покатилась на землю, и люди закричали громко, так что было слышно на небе: «Слава вечно живому, который не умирает и который всемогущ над всеми явлениями» *. Стрела осталась в голове змеи, и любопытные побежали, чтобы вытащить ее, но стрелок удержал их и подошел сам, поднял стрелу вместе с головой змеи. Но по воле судьбы голова в этот момент дернулась, и, поскольку чаша жизни того юноши была уже полна до краев, она ужалила его в губу ядовитым жалом, и этот человек с нравом ангела в мгновение ока отправился в вышний рай. Змеиная голова так и осталась на его губе, словно скрепка на бумаге. И стар и млад стали причитать и оплакивать его, дивясь, сколь разнообразны и различны веления и решения всевышнего творца, в славном чертоге которого нет места человеческой мысли, к воле которого не имеет касательства слабый человек. Люди погрузились в бескрайнее море изумления, признали всемогущество Аллаха и стали громко причитать, восклицая: «Да, ты наш господь!» *

Я же возблагодарил и восславил Аллаха, насколько это в силах человека, сполз с пальмы, подошел к тому побегу из райского сада и проводил его до того места, куда он должен был неизбежно вернуться, иными словами, до могилы. Мы приготовили все, что необходимо для погребения, а когда зарыли сокровище в землю, то, уповая на милосердие Аллаха, отправились к нему домой и стали утешать его родных, как это принято в наше время. Соблюдая обряд траура, мы стали успокаивать их, говоря, что в этой брэнной обители тревог никому не избежать подобной участи и ни вопли, ни причитания не помогут — остается только терпеть.

Когда были исполнены все обряды поминок и траура, я остался в их доме на некоторое время и однажды увидел там девушку, подобную двухнедельной луне,— это была дочь погибшего. Из-за кончины отца она была в лиловом траурном платье и из глаз ее падало целое небо звезд-слезинок. От ее поразительной красоты затрепетало мое сердце, а ее вьющиеся локоны опутали, словно шею врага, мою душу, и в этом волнении неделя траура показалась мне семью годами. Когда окончился траур и прекратились причитания, я принес фруктов, сладостей, всяких яств, благовоний и много других подарков, чтобы выразить свое расположение этой семье и завязать с ними дружбу. Когда дары были вручены и приняты, я высказал желание укрепить наши отношения браком с дочерью покойного. Ее мать после обычных пустяковых отговорок снизошла к моей просьбе и выдала за меня ту драгоценную жемчужину. От радости, что гурия и пери будет возлежать на моей постели, я расцвел, словно роза, от восторга я не помещался в своей рубашке. Во всем я старался угодить жене, так что она, наконец, почувствовала ко мне влечение и из возлюбленной превратилась в влюбленную. Ее и моя родня крепко подружилась, и об этом вскоре узнали все соседи. Вскоре ее любовь ко мне уже не знала пределов, и она полюбила меня даже больше, чем я ее, так что в любви, покорности и добродетели она обыграла бы любую, словно в чоуган.

Так прошло какое-то время, и жизнь наша протекала в согласии и мире. Но вот однажды среди ночи, когда ударили в шаханшахские литавры*, я открыл глаза и осмотрелся, но не увидел около себя супруги. Я подумал, что она вышла

по нужде, и вскоре заснул. Но на следующую ночь произошло то же самое, и я заподозрил жену в измене. И на третью ночь мне пришлось отведать того же, и тогда я стал дожидаться ее, не смыкая глаз. Под утро, когда кричали пелухи и муэдзин призывал верующих к молитве, я услышал шорох ее шагов, а потом стук двери. Мои догадки перешли в уверенность, и я убедился, что в стене ее добродетели пробита брешь. Все мои помыслы теперь были поглощены тем, как бы раскрыть эту тайну, а сердце сжималось в тревоге и смятении.

И вот однажды с самого начала ночи я стал бодрствовать, чтобы развязать этот узел и разоблачить ее. Я увидел, что эта проклятая беспокоится оттого, что я не сплю, но сама притворяется спящей. Так я убедился в ее нечестных помыслах, и тогда я ради успеха своего дела положил голову на подушку, завернулся в одеяло и громко захрапел, притворяясь спящим. Когда та бесстыдница с мерзким нутром решила, что я заснул, как и ее счастье, то она без промедления вскочила с постели, взобралась на стену и спрыгнула во двор. Я тоже встал, спрятал за пазухой кинжал, набросил на голову покрывало и направился вслед за ней. А эта гнусная негодяйка уже спешила по степи. На расстоянии одного куруха от города росла пальмовая роща, а в той роще находилась келья каландара, рослого и плотного. Опершись на палку, который треплут коноплю, он крутил свои усы, дожидаясь ее. Жена моя вошла, а я спрятался за стволом дерева. Увидев ее, каландар вскочил в гнев и принялся колотить ее палкой по спине и бокам, а потом выволок за косы из кельи. Она же молила его о прощении, говоря: «Хоть я и виновата, но опоздала я не по своей воле, так как мой несчастный и проклятый муж долго не засыпал. Как только он заснул, я бегом прибежала к тебе. Прости мне этот тяжкий грех и смилуйся надо мной». Через некоторое время гнев каландара утих, и он принял ее у себя в келье, посыпая темя ее судьбы и себя прахом в обоих мирах.

При виде всего этого меня с ног до головы охватило пламя гнева, и я

затрепетал от ярости. А каландар меж тем, окончив свой труд, вышел из кельи и присел помочиться у дерева, за которым притаился я. Тут я и всадил ему в шею кинжал, отрубил голову и бросил ее оземь, словно шарик. Сам же я влез на дерево и спрятался в листве. Прошло около часа, и та бесстыдница вышла из кельи и позвала каландара, но не услышала ничего в ответ — ведь птица без головы не подает голоса. Она подошла и увидела отрубленную голову и потоки крови. Тут мерзавку охватило пламя скорби, она побежала в келью, взяла в одну руку закаленный меч, а в другую — светильник и разъяренная вернулась. Как безумная металась она по роще, чтобы отомстить тому, кто убил ее любимого. Она была так разгневана и разъярена, что, если бы ей повстречался лев, она и на него набросилась бы. Но убийцы она не нашла, отчаялась, вернулась к трупу каландара, положила его в мешок, вскинула на спину, пронесла оттуда на расстояние целого куруха и бросила в реку, а потом, скорбная и печальная, направилась в город. Я же поспешил вперед и до ее возвращения домой улегся в постель, набросил на голову одеяло и погрузился в сон.

Придя домой, преступница, увидев меня спящим, успокоилась и села, плача, на краю постели.

Когда окончилась темная ночь и настало светлое утро, я встал и, как обычно, совершил намаз. А у этой развратницы было семеро братьев, равных по силе и мощи Рустаму и Исфандияру, хотя глупых и недалеких, и я от страха перед ними не решился сразу с ней расправиться, а стал потихоньку изыскивать пути, чтобы, сохранив жизнь себе, покончить с ней. Приняв такое решение, я несколько дней не подавал и виду, что знаю обо всем, не говорил ни слова. А жена моя, пораженная горем, все время грустила, скорбела и даже оделась в траур.

И вот однажды я решил совершить омовение для намаза. Кувшин с водой стоял в другом углу, а проклятая бесстыдница сидела на kursi около кувшина. «Поддай-ка мне кувшин», — сказал я. Она неохотно встала, грациозно протянула руку к кувшину, но оставила его на месте. «Что же ты не несешь?» — спрашиваю я. «Он тяжелый, я не могу поднять», — отвечает она, и тут у меня вырвалось словно нечаянно спущенная стрела: «Этот кувшин не тяжелее трупа каландара!»

При этих словах пламя ярости загорелось в ней, лицо ее изменилось, от гнева на лбу выступила испарина, она бы-

стро схватила кинжал — тот самый, которым я убил каландара, — и не успел я оглянуться, как она бросилась на меня и принялась полосовать меня по лицу. Я растерялся, и не успел я завязать шаровары и подняться, как она, словно Ик-лидус, начертила на моем лице эти линии и нарисовала такие красивые и изящные фигуры. Потом я схватил проклятую бесовку, скрутил ей руки, позвал ее братьев, рассказал им обо всем и решил отказаться от семьи и зажить свободно, как лилия *, разорвав путы, связывавшие меня с этим миром. Я облачился в рубище, подружился с отшельниками и перестал искать общества сильных мира сего и богатых. А братья сожгли негодяйку на костре, отправив ее прямой дорогой в ад.

— О благородный и царственный шахзаде! — закончил надим свой рассказ. — Всевышний Изед сотворил падишахов на благо знатных и простолюдинов. Он возвеличил их над всеми людьми для того, чтобы они объединяли людей, самых совершенных из творений бога. Не подобает шаху предаваться любви к слабым женщинам, их щекам, локонам, родинкам и бровям, — ведь их натура сотворена из хитрости и обмана, а розы их щек никогда не источают аромата верности.

ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Другой надим также нарядил красавицу красноречия, чтобы утешить шахзаде.

В одном городе, — начал он, — жил юноша, красавец с добрым нравом. На щеке у него было два рубца, которые перекрещивались наискосок. Иногда он приходил ко мне и рассказывал всякие смешные истории и анекдоты. И вот однажды я спросил его:

— Откуда у тебя эти странные шрамы? Может быть, ты сражался на поле битвы с храбрыми воинами? Или разбойники напали на тебя? Открой мне эту тайну.

Юношу огорчила моя просьба, он долго молчал и после некоторого раздумья сказал:

— Лучше бы ты из дружбы ко мне отказался от своей просьбы, ибо этот случай не заслуживает упоминания, напротив, его следует забыть.

От этих его слов мое любопытство возросло десятикратно, и я стал приставать к нему и умолять его без конца. Он опять замолчал, не давая рыбе речей спуститься в море речения. Чем больше я просил, тем больше он упорствовал, и я дошел до такой степени волнения, что потерял всякое терпение и перестал владеть собой. Я так приставал к нему, что и представить невозможно, и юноше ничего не оставалось, как приподнять с красавицы-тайны покров, вывести ее в круг красноречия, и вот он начал отмерять жемчужины своей тайны на весах ясного слога.

— Однажды,— начал он,— вместе с несколькими приятелями я отправился погулять в степь. Вдруг на краю лужайки показалась газель с глазами, как у красавицы, изящная и грациозная. Она пощипывала травку и смело приближалась ко мне. Я поскакал к ней на коне, быстром как ветер, а газель умчалась от меня словно молния, резвясь в лазурной траве. Я отпустил повод своего гнедого скакуна и помчался вслед за ней. Друзья мои отстали, и я оказался один в пустыне, где не слышать было и запаха людского жилья. Полуденный зной был в самом разгаре, и капли пота, падавшие с коня, походили на звезды в небе. Вдруг мой конь споткнулся, угодил ногой в яму и полетел через голову, а я упал с него, словно мячик, отброшенный чоуганом. Я испытал страшную боль, и мне показалось, что я ступил на порог смерти, что нить моей жизни оборвалась. Но, видно, от этой взятой на поддержание жизни оставалась еще частица, и я остался невредим. С большим трудом, преодолевая боль, я встал, испытал свои силы и убедился, что без посторонней помощи мне не сесть в седло. Пришлось мне несколько часов пролежать на земле, набираясь сил. Наконец, голова моя, которая кружилась, словно небесный свод, стала соображать по-прежнему. Тут ко мне подошла, ковыляя, какая-то старуха, древняя и немощная. Стан ее был изогнут, как брови луноликих красавиц, зубы, когда-то подобные жемчужинам, поредели, а время избородило щеки морщинами, словно рябь поверхность воды. Она шла, опираясь на посох, еле передвигая ноги и подымая пыль. Увидев ее, я удивился и испугался: что делать такой немощной и дряхлой старухе в безводной и дикой пустыне, где нет живого человека, где и мужи с силою льва дрожат от страха, словно осиновый лист на ветру. Я подумал, что это гуль, принявший облик старухи, и что он появился неспроста. Старуха подошла поближе, и я в страхе поднялся, чтобы отвесить низкий поклон.

Я начал заискивать перед ней и говорить приятные и льстивые слова. Старуха, видя, что я испуган, обошлась со мной как ласковая мать, проявила милость и благосклонность и стала с участием расспрашивать меня. Я же, растерянный и горестный, словно скиталец на чужбине, сбившийся с пути из-за его бесконечности, вновь обрел свое сердце и, уповая на ее благосклонность, рассказал ей обо всем. И вот я, сильный мужчина, стал искать помощи у дряхлой старухи, моля ее указать мне, каким путем выбраться из той губительной пустыни. Эта старая женщина, превосходившая силой духа и мощью тела сотни мужчин, взяла, словно благородный храбрец, меня за руку, стала моим проводником, словно Хызр, вывела меня из той мрачной и полной опасностями пустыни и привела к роднику живительной влаги. А старуха жила в тех краях. Там оказался прекрасный, цветущий и свежий уголок на берегу ручья, подобный источнику Хызра для страждущих, превосходивший сво-

ими дарами Каусар. У старухи была там лачужка из тростника, перед которой склонили бы в смирении свои головы дворцы кайсара и фагфура. Вокруг расстилалась лужайка, цветущая, словно райские луга, пленительная, словно сады Ирема. Повсюду росли прекрасные цветы, а на ветвях сидели певчие птицы. Старуха привела меня в это благодатное место и принялась угощать меня, как это принято у благородных. По обычаю великодушных, она стала извиняться передо мной в выражениях, сладостных, как речи попугая.

— Хотя эта скромная хижина,— сказала она,— недостойна принять такого знатного человека, как ты, но она осветилась благодаря твоему приходу, а мое положение в мире возвысилось после этого. Во имя благосклонности к бедным окажи на несколько дней честь мне — бедной старой вдове — и ступи ногой на мою голову и на мои глаза.

Что бы со мною ни делала ты, не возропщу никогда:

Можешь мне хоть на глаза наступить,— ты ведь сама красота *.

Выбравшись из той гибельной пустыни и оказавшись в столь пленительном краю, я отдохнул и набрался сил благодаря милостям той старухи, подобной благородному мужу. И в ответ на ее бескорыстную помощь я стал возносить благодарность творцу, которому нет нужды в нашей благодарности, и молиться за набожную и добродетельную женщину.

И хотя я тосковал в разлуке с родными и друзьями, я остался на некоторое время в той райской местности, покоренный водой и воздухом той лужайки, которой завидовали сады Ирема, соблазненный прелестью текучих вод и свежестью зелени, красою роз и базиликов. А та добрая женщина расстелила на краю лужайки молитвенный коврик и стала возносить мольбы творцу. Глядя на эту добродетельную и набожную женщину, которая в преклонных годах оставила людей, избрала себе уделом одиночество ради того, кто един и всемогущ, я только дивился.

Когда отшельник-солнце сошло в свою келью на западе, а покой мира озарились светильником луны, появилась солнцецеликая девушка. Благоухающие мускусом завитые локоны ниспадали на ее щеки, голову ее венчала корона чар, а чело было открыто, как у счастливых людей. Она вела с собой корову. Лицо старушки, когда она увидела ее, осветилось радостью, она выбежала ей навстречу, поцеловала ее, усадила на тростниковую подстилку, ценнее парчи и шелка, и угостила ее тем, что было в доме.

Я смотрел на девушку, не скрытую от взоров покрывалом, любовался ее ослепительной красотой, и мою душу заарканили ее черные завитые косы, а птица моего сердца попала в сети ее благоухающих амброй кудрей. От волнения я всю ночь не мог сомкнуть глаз.

Когда дева небес* сбросила с лица покров ночи и вышла покрасоваться на арену вселенной, та розоликая девушка встала и, как было заведено, повела корову пастись. А старушка уселась на молитвенный коврик и стала перебирать четки. Тогда я набрался смелости, подошел к ней и спросил:

— Почему ты на старости лет избрала себе уделом одиночество? Кто эта луноподобная девушка?

В ответ та женщина с нравом ангела сказала:

— О сын мой! Я верую в единого бога, к нему я устремилась сердцем и ради него отказалась от благ этого бренного мира. Поскольку люди нашего времени не кажутся мне добродетельными, то я рассталась с ними, пренебрегла края-

ми, где они живут, и избрала для себя эти удаленные от людских глаз места.

— А девушка эта,— продолжала она,— дочь моего сына. Ее отец простился с жизнью в расцвете молодости, мать ее также покинула мир тлена.

— О любезная мать,— сказал я ей,— благодаря твоей святости божественная милость осенила меня, когда я плутал по улицам грехов. И теперь я хочу последовать твоему примеру, дабы обрести счастье тех, кто поклоняется Йездану. Впредь я не приближусь к людским поселениям и беседами с тобой обрету воздаяние на том свете. Я уповаю, что ты по своей благосклонности подашь мне руку помощи и усыновишь меня, выдав по законам ислама за меня свою внучку — сей молодой побег добродетели,— и этим возвысишь меня до самых небес. Ты должна оказать мне честь, разрешив породниться с тобой, ибо никто другой и не согласится поселиться здесь. А ведь старость одолела тебя, и ты ослабла, жизнь твоя приближается к концу, я же буду и днем и ночью, как раб, служить тебе и во всем тебе повиноваться.

Старушка вняла моей просьбе и обрадовала меня обещанием выдать за меня ту жемчужину из моря любви. Спустя несколько дней мы совершили свадебные обряды, и старушка передала в мои руки луноликую красавицу.

Некоторое время я прожил с ней в той степи, которой позавидовал бы цветник, наслаждаясь ее красотой. Эта красавица, скрывавшаяся от людей, словно жемчужина в раковине, была столь целомудренна и добродетельна, что даже луне не показывала своей красоты, даже лунный свет ночью не проникал в ее комнату. В своей скромности и стыдливости она даже глаз на меня не поднимала. Видя такую красоту и добродетель, я от безмерной радости словно не помещался в своей рубашке и готов был предпочесть единый миг, проведенный в ее обществе, владычеству над всеми странами мира. Я жил, не зная тревог и сомнений, ибо нет на свете высшего блаженства, чем счастье с красавицей-женой, телом подобной жасмину, луноликой, солнцеподобной, кокетливой, разумной, понятливой, доброй и целомудренной.

По воле судьбы спустя несколько лет та старушка с ангельским нравом простилась с бренным миром, отошла в мир вечности, отряхнула полы от скверны этого мира и сорвала плоды с дерева благоденствия. Неизбежная разлука с этой женщиной, которая украсила бы собой обитательниц рая,

сильно огорчила меня, и без нее те райские сады и упоительный воздух тех мест опротивели мне, я не мог дольше оставаться там и отправился к людским поселениям.

Я поселился в городе, стал встречаться с людьми и водить с ними дела,— ведь мне надо было добывать себе пропитание. Я купил себе лавку и посадил торговать в ней мою солнцеподобную жену, а в помощь ей нанял одну набожную старушку. Старуха эта раньше служила в доме правителя города и славилась честностью, и вот я, оставив жену на ее попечение, отправлялся сам в близлежащие деревни по разным делам. Дел у меня бывало много, частенько я не успевал в тот же день возвратиться в город и проводил ночь вне дома.

И вот однажды я по своему обыкновению попрощался с женой и отправился в деревню. Перед отъездом ко мне подошла та старуха и сказала мне:

— Я женщина старая, я уже немощна и слаба. Мне не под силу управлять с делами по дому и приглядывать за всем. Лучше бы тебе нанять другую женщину, меня же — уволить,— такова воля беспощадного времени.

Я по простоте душевной всецело полагался на добродетель своей жены и поэтому не постиг смысла слов той женщины, в которых был явный намек, и, считая, что без нее невозможно справиться с делами по дому, стал утешать и уговаривать ее, так что она согласилась остаться, а чужой бык продолжал пастись на моем гумне, позоря меня.

В следующий раз, когда я седлал коня для поездки, старуха отозвала меня в сторонку и сказала:

— Эй, глупец! Ты, видно, не подозреваешь о том, что происходит на ниве твоей чести. Ведь она растоптана чужими конями, а ты и не ведаешь, что женщины в своей основе подлы. Если даже жена с виду добродетельна и стыдлива, все равно надобно остерегаться и быть осмотрительным, ведь в этом — залог мудрости. Ты не слышал, как говорят:

Мне не верь, а женам веря, оставляй их под запором,—

Закрывает хлев ослиный даже тот, кто дружит с вором *.

Как только я услышал слова старой служанки, рассудок вылетел из моей головы, словно птица, а пламя скорби охватило мое нутро. От ярости желчь ударила мне в голову, и я стал умолять старушку:

— О добрая женщина! Ради Аллаха, расскажи мне обо всем. Что случилось? Поразила ли молния бедствия гумно моей чести? Разбилась ли склянка моего доброго имени?

— О глупый юноша! — отвечала она. — Я смыла с себя укоры и отплатила тебе за добро. Не спрашивай больше и не заставляй меня осквернить на старости лет полу моего доброго имени грязью доноса. Ты же охраняй свой товар от воров так, как тебе подсказывает разум.

Выслушав ее, я на некоторое время словно остолбенел, недоумевая, отправиться мне в путь или же остаться дома. Я обратился к помощи всемогущего разума и тогда принял решение: попрощался с женой, сел на коня, погнал его с шумом и поскакал за город. Отъехав немного, я остановился в одном саду и пробыл там весь день до самого вечера, охваченный яростью и скорбью. Каждый миг моя душа плавилась в пламени горечи, а сердце обливалось кровью. Этот день для меня был равен тысяче лет, мне казалось, что вечер никогда не настанет. Когда же, наконец, ночь набросила на горизонты покрывало темноты, то я, лишенный радости и опозоренный, облачился, как нищий, в рубище, вышел пешком из сада, тайком пробрался к своему дому и стал поджидать за стеной, прислушиваясь. Спустя миг мне стало ясно, что разврат бодрствует, а целомудрие дремлет, что благоденствие умерло. От ярости мир в моих глазах потемнел, я задрожал всем телом. Я перелез через стену и вошел внутрь, не выдавая себя шорохом шагов. А во дворе у меня был сад с высокими деревьями, ветви которых густо переплетались. Я взобрался на одно дерево, скрылся там среди густой листвы и ветвей и стал наблюдать за мерзавкой-женой. В середине сада стоял помост. Сейчас он был прибран и разукрашен: на него постелили дорогой ковер, зажгли камфарные светильники, и жена моя, которая славилась целомудрием и добродетелью, взошла на арену разврата и позора. В объятиях любовника, нарядившись, как павлин, она пила кубок вожделения. Перед ними сидела девушка-служанка, наполняла вином кубок и по очереди подавала им. Одним словом, нега и истома, поцелуи и объятия были в разгаре. Подол чести был разорван, словно бутон розы, а злая судьба рассыпала на постели ее благочестия шипы и колючки.

«О великий Аллах! — воскликнул я про себя. — Такая скромная, стыдливая и застенчивая жена, которая даже на луну не могла взглянуть игриво, на солнце не смотрела прямо, так бесстыдно по собственной воле лежит в объятиях чу-

жого мужчины и пьет вино сладострастия... Нет у нее ни следа совести, ни капли верности!»

Посмотри, как не похожи все дороги на земле *.

Прошла какая-то часть ночи. От бесчисленных кубков вина негодяи лишились разума, и страсть их от жара вина закипела, и любовник протянул к женщине руку, желая удовлетворить похоть. Бесстыдница встала с места и поспешила

в дальний угол сада, чтобы приготовить себя, служанка пошла вслед за ней с кувшином воды, а вдребезги пьяный любовник остался на месте дожидаясь.

Я счел этот момент самым удобным, незаметно спустился с дерева, пробрался к помосту, тихонько взял меч того мерзавца и одним ударом покончил с ним, а потом положил ему на грудь окровавленный меч, а сам проворно спрятался на прежнее место.

Жена, словно воин, приготовившийся к битве, приблизилась, горя от сладострастия и вожделения, с головы до пят олицетворяя желание. И тут она увидела, что ее любовник недвижно лежит весь в крови с окровавленным мечом на груди, уснувши вечным сном. Увидела она такую картину, и ярость закипела в ней, она с гневом схватила с груди его меч, велела служанке светить ей и стала рыскать, словно безумная, по всем закоулкам сада. Повстречайся ей в этот момент сам Белый див, она, не задумываясь, бросилась бы на него яростно, как Рустам. Но не найдя и следа какого-либо живого существа, она пришла в отчаяние, вернулась к убийству, бросила меч и застыла подле него в горестном изумлении. Наконец она велела служанке принести большой глиняный хум. Разрезав труп любовника на части, она засунула их в хум и зарыла его в саду, а потом стала причитать и рыдать по своему возлюбленному. Затем она вошла в комнату, темную, как и ее счастье, и легла спать. Я же тихонько слез с дерева и снова перепрыгнул через стену на улицу.

Когда Ифлатун дня вылез из хума Востока *, когда от утренних лучей озарились светом горизонты, я пришел к себе домой. Жена была в такой горе, что и не опишешь.

— О ты, ради которой я готов принести в жертву душу и сердце! — сказал я. — Почему на твоём розовом лице видны следы уныния? Почему солнце твоего лика затмилось?

— Это разлука с тобой, — ответила она, — так меня удручает. Я не могу даже мига пробыть без тебя, легко ли мне проводить без тебя целые дни?

Я слушаю ее, а сам думаю: «Слава Аллаху, видел, как ты провела целую ночь, наслаждаясь в объятиях любовника. А теперь хочешь еще обмануть меня и ввести в заблуждение этой ложью!»

Тот день прошел, а на другой день она встала еще более печальной и удрученной, и я обратился к ней:

— Ну вот, теперь мы оба дома плечом к плечу, можем и обняться. Чаша нашего желания переполнена до краев, и мы можем осушить ее. Что же теперь огорчает тебя?

— Ночью я видела страшный сон, — ответила жена, — вот мне и страшно. Уж и не знаю, к чему он?

— Расскажи-ка, что это за сон, который так тебя удручает.

— Я видела тебя,— начала она,— ты стоял на берегу бушующего моря. Вдруг ифрит с мощной дланью вознамерился схватить тебя, и ты от страха бросился в волны. Ифрит кинулся в воду вслед за тобой, схватил тебя и собрался убить.

— Не горюй,— утешил я жену.— Этот сон предвещает только добро. Этот ифрит — мой заклятый враг, а то, что я бросился в волны, означает, что мне помог Хызр. А то, что ифрит бросился на меня, означает, что Хызр рассечет его пополам, засунет в хум и зароет в землю.

Как только жена услышала мои слова, ее лицо загорелось гневом, она в ярости вскочила, схватила кинжал и нанесла мне два удара по лицу, а я сидел на ковре и не успел отвести ее руку.

— Как жаль,— закричала она,— что ты спасся от меня ночью!

Тут я убедился, что она действительно хочет убить меня, проворно вскочил, отнял у нее кинжал и нанес ей смертельный удар в живот. А служанку за ее верную службу госпоже отправил за нею следом.

— О шахзаде,— закончил надим свой рассказ,— во имя любви к женщинам, которые суть дивы в облике человека, сущность которых есть не что иное, как чары заколдованного клада хитростей, мужам не следует ронять свое доброе имя, терять сердце и веру в бога, устремившись в долину безумия, и отказываться от других благ и радостей жизни. Ибо им придется вкусить тяготы, добиваясь благосклонности женщин, а в конечном итоге — пожать плоды неверности и измены.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Другой надим с голосом, приятным, как у попугая, рассыпал из уст сахар слов.

Те, кто собирает свитки времен,— начал он,— рассказывают, что на острове Сарандиб жил падишах. Подножие его трона покоилось на крыше небосвода, а краешек его венца касался темени Фаркдана. У него было два везира: один — дастур правой руки, а другой — дастур левой руки.

И вот однажды правитель прилегающих островов, подвластный падишаху, задумал недоброе и поднял знамя восстания, обольщенный своими сокровищами, многочисленностью слуг и воинов. Он высадился на одном конце Сарандиба и стал грабить подданных падишаха. Правитель Сарандиба, соблюдая интересы державы, дал дастуру левой руки многочисленное войско, велел погасить пламя смуты мечом и десницами наказания надрать уши бунтовщиков.

Жена дастура от разлуки с любимым мужем была в объятиях тоски и скорби, проводила дни и ночи в печали и грусти. И вот в один прекрасный день ее верная и благодарная служанка, желая проявить свою привязанность, сказала:

— Госпожа наша богаче всех женщин мира, прекраснее и милевиднее их. Почему же она так грустит и горюет? Почему ее лицо, которому завидует само солнце, тает подобно луне? Этот мир не такое место, чтобы проводить жизнь в тоске и скорби, допускать, чтобы роза наслаждения завяла от горя и грусти. В нашем городе живет молодой ювелир, красивый и привлекательный. Перед его серебряным лицом меркнет, словно медь, лучезарное солнце, а роза из зависти к его маленькому сладостному роту от стыда сворачивается в бутон. Слава о его красоте распространилась по всему свету и по всем странам.

Это тот, кому однажды поглядев случайно вслед,
Препояшется зуннаром сам отшельник на сто лет.

— Самое верное,— продолжала служанка,— позвать его к себе, устроить свидание с ним в укромном уголке и снять с сердца это бремя губительной тоски.

Жена везира, выслушав ее речи, словно сокол расправила крылья вожделения по той стройной розе, сбросила с лица покрывало целомудрия, забыла о благочестии и пустилась вскачь по большой дороге разврата. Через доверенных служанок стала она домогаться своей мерзкой цели. Но по их нерадивости желание госпожи осуществилось не так быстро, как она хотела, дело затянулось, и пламя страсти разгорелось в ее груди и стало играть ею, словно мотыльком.

И вот однажды, не зная куда деваться от тоски, она облачилась в роскошные одежды, украсила шею драгоценностями и вдела в уши серьги с жемчугами.

Словно распустившаяся роза, разорвала она рубашку чести мужа и покровы своего целомудрия и отправилась в сопровождении той старой служанки прямо на базар, в

ровнице, упал потрясенный на землю, бросил свой инструмент и поспешил домой, выказывая безумие и вызывая порицание людей. Жена посмотрела на него и видит, что его щеки пылают, словно солнечный диск, и расцвели, как роза. По своей сообразительности и природному уму она догадалась, что сердце мужа поражено любовным недугом, что чьи-то изогнутые брови заставили страдать этого честного человека. И действительно, ведь возвышенная любовь — это жемчужина, лучезарное сияние которой невозможно скрыть от взоров людей. Любой человек, едва его сердце озарится красотой любви, миготом теряет власть над своим рассудком. Любовь приводит к несчастью и потрясению, познавший ее лишается друзей и теряет покой. Аркан любви то расправляется с близкими как с чужаками, то благоволит к диким кочевникам степей. Тот, кто вкушает со стола любви, изведает только кровь своего сердца; тот, кто пьет напиток любви, не найдет в чаше ничего, кроме соленой влаги своих глаз. Розовый куст любви поливают только потоками слез, ветерок любви целыми охапками обрывает розы на ниве сердца.

Умная женщина проникла в душу своего простодушного мужа ласковым обращением, мягким обхождением и красивыми словами, она заставила его снять печать со свитка молчания, налить напиток сокровенных мыслей в чашу изложения. Он рассказал ей о своей любви к той луне, жестокой, хитрой, как самаритянин, о том, как беседовал с ней и какие намеки она ему делала.

Догадливая жена тут же смекнула, о чем идет речь, и спросила мужа:

— А ты догадался, что означают намеки этой коварной куклы?

— Нет, они остались непонятными для меня.

— О попавший в тенета безумия! — воскликнула жена. — Ведь зеркало означает ясный день, а чернила — темную ночь, которая охраняет покой влюбленных. А брошенные в воду листья говорят, что во дворе дома этой пери протекает ручей, а на его берегу растет гранатовое дерево. Светлым днем отыщи дом возлюбленной, а темной ночью, которая дарит успех влюбленным, отправься к ней.

И вот ювелир по советам своей жены начал розыски и вскоре оказался около дома красавицы. После расспросов он узнал, что это дом везира левой руки. Он подумал: «Для меня, ничтожного человека, стремление к столь высокому не

кончится добром. И все равно это дело никогда мне не удастся! Скорее всего эта плутовка лишит меня веры и сердца и заставит скитаться по долине страсти с пересохшими губами, вдали от родника гнаться за миражем».

Отчаявшись, ювелир вернулся домой, рассказал жене о результате поисков и о своем решении. Жена, которая умом превосходила сто мужчин, стала утешать его:

— О потерявший сердце! Простак ты эдакий! Может статься, в этом дворце чаша твоих мечтаний наполнится до краев напитком успеха. Ведь сила любви такова, что она в противовес разуму не признает установленных законов. Любовь скитается по улицам и закоулкам в поисках взаимности, во дворце владыки любви царский венец и шапка нищего идут за одну цену, а роскошные одеяния Хосрова не предпочитают рубищу Фархада. Там ни происхождение, ни богатство не ценятся. Самое лучшее для тебя — пойти сегодня на ту улицу, где проживает твоя возлюбленная, и дожидаться, когда сокровенный мир поможет тебе, когда черная ночь отчаяния сменится светлым днем надежды.

Если нет у замков ключей, в двери попусту не стучи,—
Завтра может явиться тот, кто ко всем подберет ключи.

Когда лучезарное солнце, накинув, словно дева, на голову черное покрывало, стыдясь перед лазурным небосводом, поспешило на запад, ювелир по совету своей жены отправился на улицу, где жила его возлюбленная, сел в укромном местечке и стал дожидаться, всматриваясь словно нарцисс, когда же взойдет луна-возлюбленная. Но по воле случая им овладел пагубный сон — источник бедствий. Когда прошла половина ночи, то жена везира, опьяненная негой любви и раненная в самое сердце стрелой страсти к ювелиру, вышла из своих покоев и грациозно подошла к нему. Она увидела, что беспечный глупец спит непробудным сном, ни о чем не ведая, велела своей служанке положить в карман спящему несколько грецких орехов, сама же вернулась в свои покои.

Счастье нередко встает на пути,
Но легко по неведенью мимо пройти.

Когда лучезарное светило подняло на востоке знамя света, ювелир очнулся от тяжелого сна и отправился к себе домой, скорбный и печальный. Жена по его виду догадалась,

что он не сорвал розы свидания с любимой, что он не вдохнул аромата надежды. Она подала ему умыться и стала спрашивать:

— Что приключилось с тобой?

— Эта ночь,— отвечал он,— не принесла мне ничего, кроме горя и отчаяния. Моим уделом были только тревоги и ожидание, счастье мое дремало.

Жена стала утешать его и сказала:

— Не страдай и не горюй, облачись в новые одеяния.

Когда молодой ювелир стал раздеваться, из кармана его платья выпали орехи, и жена тут же догадалась, что произошло, и воскликнула:

— Эх, беспечный глупец! Ты был у своей возлюбленной, но по собственной нерадивости проспал, как спит и твое счастье! Ты и не знал, а ведь счастье было у твоего изголовья. Увидев, что ты спишь, она положила тебе в карман орехи, намекая, что ты еще ребенок, потому, мол, не стремись скакать по ристалищу любви, а поиграй с орехами. Ступай этой ночью на ту улицу и смотри, берегись, чтобы тебя опять не одолел сон.

Когда ночь-невеста, облачившись в черное покрывало, дала влюбленным весть о свидании и опьянила безумцев любви благоуханием своих мускусных кос, юный ювелир, весь превратившись в надежду и страх, прибыл на ту улицу и сел в том же самом уголке, полный мечтаний и устремив глаза к дому красавицы. Наконец подул ветерок счастья и врата мечты открылись ему — та периликая и подобная гурii красавица, сияя прелестью, словно пава красками, опьяненная негой и томлением, вся горя и тая от страсти, словно свеча, открыла двери и вышла к любимому. Стражники были объаты глубоким сном, и она, сочтя это за доброе предзнаменование, взяла ювелира за руку и повела в свои покои, так что никто об этом и не догадался. От радости и волнения она забыла запереть ворота, а своим доверенным служанкам велела приготовить все необходимое для пира и принести самые изысканные яства. Белорукие кравчие налили розовое вино в серебристые кубки и пустили по кругу, непрерывному, как вращение небосвода. Приметы наслаждения и радости появились на лицах влюбленных. То он пожира глазами ее лицо, словно срывал розы в весеннем саду, то она целовала его глаза, словно пила из упоительного родника прозрачную воду. Страсть возобладала над ними, томление и нега заставили их позабыть обо всем на свете.

Они предавались радости наслаждения, опьянев от вина, и судьба одарила их счастьем, а время налило в чашу желания напитков страсти.

Судьба проявила ко мне участие,
Небо раскрыло ворота счастья.

Как раз в это время начальник ночной стражи, побродив по городу, подошел к дворцу везира левой руки, чтобы проверить стражников. Стражники все спали, а ворота были раскрыты настежь, словно глаза влюбленного. Он удивился и призадумался: «Глубокой ночью, когда весь мир объят мраком, зачем открыты врата везира? Почему стражники спят?» Начальник решил разузнать, в чем тут дело, вошел в дом — и там двери раскрыты, словно длань щедрого мужа. Тут он догадался, что в доме везира бодрствует соблазн. Он смело пошел дальше, взглянул издали и видит, что ювелир, как вор, похищает честь везира левой руки, что этот нищий дорвался до бесценного клада. Тут начальника стражи охватила ярость, он, не задумываясь, ворвался в покои и закричал:

— Эй, безбожники и бесстыдники! Вы зажгли костер, который грозит спалить вас!

Ювелир, едва увидев начальника стражи, от страха лишился сознания. А жена везира стала хитрить, ибо радость наслаждения для нее сменилась горечью скорби, чаша веселия опрокинулась во прах отчаяния. Она подала знак служанке, и та принесла начальнику стражи много денег, а хозяйка стала просить его не разглашать тайны. Но начальник стражи и не взглянул на золото.

— Вот уже много времени, как от дьявольской красоты этого юноши помутился мой разум! — воскликнул он. — Как я ни умолял и ни просил его, ничто не подействовало на его каменное сердце, он не обрадовал меня благосклонностью. И теперь, когда само небо отдало его в мои руки, клянусь богом, я не успокоюсь, пока не отомщу ему.

Начальник стражи выволок влюбленных из дворца в самом жалком состоянии и запер в темнице в таком позоре, что даже трудно вообразить.

Жена везира убедилась, что врата надежды заперты с четырех сторон, что ей предстоит расстаться с жизнью. В тревоге она сидела неподвижно, а мысль ее скакала, как горячий конь, пытаясь найти избавление, но так и не достигла спасительной окраины, где кончалась беда. Но наслышавшись от глупого ювелира о его жене и убедившись в ее разумности и сообразительности, она знаками велела своей хитрой служанке поскорее бросить во двор ювелира таз. Жена ювелира, увидев таз, сразу догадалась, что любовь обернулась для влюбленных несчастьем и что судьба причинила им тяжкие бедствия. Она тут же вскочила с места, вышла наружу и увидела незнакомую женщину, закутанную в покрывало. Незнакомка стояла у самых ворот, прислушиваясь к звону таза.

— Что ты? — спросила жена ювелира. — По какому делу пришла в такое время, когда даже птицы и рыбы спят?

Служанка, ничего не утаив, рассказала ей о печальной участи тех двух пленников. Жена ювелира, как только выслушала ее, тут же сварила жидкой халвы на мускусе и розовой воде, наложила ее в тот самый таз, завязала в уголок платка деньги, накинула чадру и в сопровождении служанки пошла к тюрьме. Остановившись перед воротами, она обратилась к стражникам, произнося славословия им и хвалу.

— О добрые и благословенные мужи! — сказала она. — У меня было одно желание, и я дала обет, если оно исполнится, принести заключенным горячей халвы. Всевышний бог исполнил мою просьбу, и я пришла, чтобы с помощью таких благочестивых и благонравных людей, как вы, выполнить свой обет:

Сказав так, она положила к их ногам деньги, и стражники, очень обрадованные, согласились пустить ее в тюрьму. Окопав стражников, жена ювелира проворно прошла в тюрьму и, раздавая заключенным халву, подошла, наконец, к тем властителям царства любви и красоты, которые соединились, словно Луна и Муштари в обители несчастья. Жена везира как ветер поднялась с места, взяла у пришедшей таз с халвой и вместе со служанкой отправилась к себе домой, а жена ювелира осталась в темнице вместе со своим мужем.

Когда лучезарное солнце вышло из темницы востока и воссело на небесном престоле, начальник стражи радостно отправился к везиру правой руки. А везир правой руки тайне питал вражду к везиру левой руки и выслушал его

внимательно, решив использовать все это в своих целях. Но все же везир страшно удивился и не поверил начальнику, подумав: «Трудно поверить в возможность такого случая. Наверное, начальник стражи ошибается. Как же мог ничтожный ювелир проникнуть в дом могущественного и влиятельного везира, когда там так много стражников?» Однако начальник стражи стоял на своем. Тогда везир правой руки в сопровождении нескольких стражников отправился прямо в тюрьму и велел привести к себе жену везира левой руки и развратника-ювелира. Когда заключенных привели к везиру, жена ювелира стала кричать, взывая о помощи и жалуясь на несправедливость начальника стражи.

— В то время когда в нашей стране царствует такой справедливый падишах, а делами управляет такой рассудительный везир,— говорила она,— когда волки превратились в пастухов овец, а воры — в стражников имущества людей, нас ударили кулаком насилия, и таким произволом поражены даже звезды, а небосвод дрожит. Прошлой ночью я и мой муж спали на своем супружеском ложе, как вдруг этот безбожник — начальник стражи ворвался к нам и выволок нас за волосы на улицу, хотя мы не совершили никакого преступления. Он заковал нас, словно убийц, в железные кандалы, поместил в темницу и подверг пыткам.

Будь со мною справедливым, о счастливец, и тогда
Можешь ты не опасаться даже Страшного суда.

Везир расследовал дело — и слова женщины подтвердились, а начальник стражи оказался в насильниках. Везир пришел в ярость от несправедливых действий начальника стражи, отпустил ювелира и его хитрую жену, испросив у них прощения, а начальника стражи, опозоренного и униженного, посадил в темницу. Так жена ювелира благодаря хитрости и сообразительности спасла влюбленных из губительной пропасти.

ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Еще один из благожелателей шахзаде пустил коня красноречия вскачь по ристалищу ясного изложения.

— Рассказчики былых событий,— начал он,— повествуют, что в одном городе жил молодой воин. Он ни в чем не нуждался, жил в полном достатке, проводил дни и ночи в пирах и веселье, но избегал женщин и не хотел обременять себя семьей. Он жил одиноко, наслаждаясь чашей безбрачия, проводил свое время беспечно и не тревожась ни о чем.

Прошло много времени, и, когда звезда его счастья стала клониться вниз, ему повстречался один глупый приятель, способный принести своим ближним тысячу неприятностей. Видя друга в таком благополучии и богатстве, приятель сказал ему:

— Знай, дорогой друг, что самое упоительное из всего, что даровал нам всевышний бог,— это близость женщины, и ни одно удовольствие не может сравниться с этим. Все радости этого мира и в сравнение не идут с блаженством обладания женщиной. Неразумно человеку, если только конь его не спотыкается, проводить драгоценную жизнь в одиночестве: имея такое богатство — тратить попусту жизнь, которой ведь не воротишь!

— О любезный друг,— ответил юный воин,— хотя твои красноречивые слова и сладостны, но поскольку женщины не идут по пути правды и не знают аромата верности, то я перестал общаться с ними и делить их общество. И если я теперь вернусь к ним, то боюсь, как бы мне не сделать чего-нибудь такого, что вызовет осуждение людей и уронит в один миг мое доброе имя, которое я добывал долгие годы. Ведь тогда мне придется прожить остаток своих дней в бесславии.

— О благородный муж! — ответил ему приятель. — Что за дурные мысли? Не все женщины лишены украшений верности и покровов благочестия. Напротив, под этим голубым сводом много женщин, целомудрие которых более стойко, чем сам мир. Если бы ты был прав, то все мужи, которые живут на этой земле и которые намного мудрее тебя, отказались бы от женитьбы и избегали бы женщин. И тогда цепь событий и явлений этого мира распалась бы, нить размножения людей оборвалась бы, и круг человеческой жизни

окончился бы давным-давно. В твоей голове поселились ошибочные мысли. Берегись, не давай им простора и не лишай себя этого блага. Верши дела теперь, пока еще цветок твоей жизни пышно расцветает на лужайке, пока осенний ветер старости не поднялся в цветнике твоего бытия, а не то раскаешься, но будет уже поздно и, как ты ни будешь утешать себя, все будет бесполезно.

Если бездействует сердце, не зная минутам цены,
Многих деяний стыдиться придется его господину.

Тот воин соблазнился словами приятеля, сошел с пути покоя и благоденствия и решил жениться. После долгих поисков он посватался к семилетней девочке из знатного и прославленного целомудрием рода и взял ее в жены. К ней он приставил несколько добродетельных женщин, у которых и в помине никогда не было непристойных мыслей, наказав им днем и ночью говорить с ней о правдивости, скромности и стыдливости и осуждать разврат и пороки, чтобы в ее мозгу запечатлелось презрение к ним и она научилась инстинктивно избегать их.

Когда наперсницы жены потратили часть жизни на совершенствование ее качеств и добродетели, они своими непрестанными беседами добились немалых успехов. Их наставления отразились в зеркале души юной жены, и она стала источником добрых поступков и похвальных качеств. Тогда муж, видя в ней верность и добродетель, очень обрадовался и вручил свое сердце, словно мяч, ее локонам, подобным чоугану, испил из ее улыбающихся уст живительный напиток и сорвал со стана ее пальмы сладостные плоды единения. По неразумию он счел тщетной свою прошлую жизнь, а совместную жизнь с ней возомнил жизнью новой. Жена, которая еще не ведала о том, что такое истинная природа женщин, сильно привязалась к мужу и служила ему со всем старанием. Муж же, видя, что красота в ней сочетается со стыдливостью, кокетство — с верностью, готов был отдать за нее душу и жизнь и считал даже короткую разлуку с ней большим несчастьем.

Прошел год, и муж был вынужден отправиться в дальнюю поездку по делам. Он смирился с такой долей и пустился в дальний путь. В дни разлуки его сердце все время горело, словно в огне, а из глаз его лились потоки слез. Когда он получал вести от жены, душа его трепетала, словно

деревья от ветерка, а надежда на свидание с ней заставляла улыбаться его сердце, как розы поутру.

А жена, пока муж был на чужбине, поднялась как-то днем на крышу дома и стала смотреть по сторонам. Случайно она встретилась взором с незнакомым юношей. Она еще не ведала о сладости вновь пойманной дичи и ни разу не ловила в силочку чужой птички, поэтому тут же набросила на лицо покрывало и сошла с крыши вниз.

Но тот юноша, увидев такую газель с черными косами, всем сердцем устремился к ней и поручил одной хитрой старой своднице заманить в его сети ту серну с лужайки красоты и великолепия.

Старая сводница взяла корзину, набила ее белой глиной и вошла прямо в дом, притворившись, что торгует глиной. Она вошла в доверие к жене воина, подружилась с ней, повела с ней беседы о том и о сем и однажды свела разговор на страдания того юноши. Сначала жена воина останавливала ее, не желая слушать, но после долгих повторений и напоминаний стала потихоньку прислушиваться, а еще через некоторое время сошла с правильного пути, указанного богом, и ступила на путь блуда.

Она стала принимать от того юноши всякие подарки, внимать рассказам о его страсти, постепенно привыкла подниматься на крышу и подавать любимому знаки глазами и бровями. Когда же она опьянела от вина страсти, а море любви совсем разыгралось, она не удовлетворилась посредницами, ввела к себе любовника, стала пить с ним напиток наслаждения, так что роза чести ее мужа засохла от лучей солнца беспутства. Одним словом, за какую-нибудь неделю она забыла свои обязанности жены, предала поруганию любовь нескольких лет, вкушая напиток наслаждения в объятиях любовника. И днем и ночью она срывала розы сладострастия в его саду.

Так прошло какое-то время, и муж вернулся из поездки. От разлуки со своей неверной женой он исхудал, словно новый месяц, так что не осталось у него ни силы в теле, ни

красоты в лице, и походил он на призрак. Румянец сошел с его щек, а жизнь в нем висела на волоске, даже нарциссы его глаз от сердечной боли покрылись ржавчиной *. Когда он вновь взглянул на красоту любимой, он словно выплыл из волн морских на спасительный берег, сердце его почуяло желанный аромат, и он, страстно сжав жену в объятиях, стал славить и восхвалять ее.

— Слава Аллаху,— говорил он,— что мои глаза снова могут видеть тебя. Моя звезда покинула стоянку скорби и достигла апогея счастья, я снова вместе с тобой. Окончились дни разлуки, горести и печали, которые мне пришлось пережить на чужбине. Если бы я даже потратил целую жизнь, чтобы описать мои переживания, то ее не хватило бы.

Я открываю глаза, чтобы снова увидеть тебя,
Как отплатить мне за ласки, которые даришь любя?
Горек и долог правдивый рассказ о разлуке с тобой,
С черной бескрайней тоскою дружил в одиночестве я.

Жене же, которая познала сладость объятий любовника и отведала напитка страсти из погребка любви, возвращение мужа казалось стрелой в бок. Она думала: «Уж лучше бы тебе погибнуть и не возвращаться с чужбины». И чем больше муж проявлял свою любовь и разгорался, тем отвратительнее он ей казался: он ведь и правда от трудностей пути похудел и подурнел, так что красоты в нем было мало. К тому же теперь ей стало невозможно делить с возлюбленным в погребке вожделения чашу страсти, она не могла срывать розы свидания с ним и начала страдать. Ею овладело любовное безумие, она слегла в постель, но, как говорят, «Воистину ваши хитрости велики» * — и она придумала великую хитрость. Она позвала к себе старую служанку, которой во всем доверяла, и сказала:

— Мое злосчастье меня испепелило, я попала в тяжкую беду. Во-первых, я лишена возможности видеться с любимым, во-вторых, принуждена видеть постылое лицо мужа.

Пери скрывает лицо от меня, а див улыбается нежно,
В недоумении разум твердит: «Наверно, здесь что-то нечисто» *.

— Разум мне подсказал,— продолжала она,— и в этом воля божия,— как мне соединиться с моим любимым. Чтобы обмануть мужа, я притворюсь больной, сделаю вид, что жизнь моя в опасности, что я умираю и завещаю, чтобы

именно ты завернула меня в саван и предала земле и чтобы никто другой не смел подходить к моему труп. А вечером, когда невеста дня *, сделав все необходимые приготовления, сойдет в могилу на западе, когда темная красавица-ночь в знак траура опустит на лицо солнца свои черные косы, я перестану дышать, чтобы муж поверил в мою смерть. После того как ты предашь меня земле и весь народ уйдет с кладбища, пусть мой возлюбленный разроет могилу, поскорей вытащит меня и отвезет в какой-нибудь другой город, где мы проживем вместе остаток жизни, срывая в уединении розы удовольствия и вкушая в погребке желания вино нашей мечты. Передай эту весть, предвещающую успех, моему любимому, чтобы он не упустил этого неожиданного счастья и ждал назначенного срока.

Старой служанке ее слова очень понравились, она стала хвалить твердость ее характера, ясность ума, а потом сообщила обо всем любовнику. Тот также считал все это великим счастьем и, ликуя, бросал шапку до самого неба.

Спустя несколько дней коварная жена слегла в постель и стала притворно метаться и ворочаться. Она изобразила, что находится при смерти, стала часто дышать, а потом, как у них было условлено со служанкой, стала завещать, как ее похоронить. Наконец, она задержала дыхание, так что даже ученые лекари не отличили бы ее от мертвой. Когда эту нечестивицу предали земле и ее безбожная душеприказчица-служанка вернулась в город, солнце уже сошло в могилу на западе. А в это время любовник, который сидел в укрытии с лопатой и киркой, не медля вышел из засады и, не дав времени ангелам Мункару и Накиру приступить к расспросам усопшей, извлек ту злосчастную из могилы и вновь закопал яму. В ту же ночь он увез ее из того города в другой, где исполнились их желания и они предались плотским наслаждениям.

Старая служанка, пустив в ход свою хитрость и лицемерие, во время поминок стала причитать и громко рыдать, а простодушный муж ни о чем не ведал, так как не познал еще коварства женщин и к тому же сильно любил свою жену. От этих печальных событий он высох, словно соломинка, посыпал голову пеплом, облачился в ветхое рубище, обрек себя на вечные страдания, бросил друзей и родных и поселился на кладбище, словно заживо похоронил себя. И днем и ночью он проливал горючие слезы, окропляя ими прах на могиле жены. Его пищей была тоска по любимой, а себе-

седником — могила возлюбленной. В лохмотьях, босой и с непокрытой головой, он скитался по кладбищу, и ничто ему было не мило, кроме могилы той мерзавки. Родные и даже посторонние сгорали от сострадания к нему, друзья и даже недруги жалели его.

Как-то спустя год одна женщина из этого города, торговавшая браслетами, решила оставить на время насиженные места и отправилась в город, где поселились те грешники. Она открыла там лавку, чтобы заработать себе на жизнь, и стала заниматься своими делами. Однажды она шла по улице с лотком для браслетов и случайно оказалась около дома той проклятой жены. Она стала зазывать покупателей, и служанка повела ее в покои хозяйки. Продавщица браслетов сразу же узнала беглянку и долго не могла от удивления слова вымолвить. Она оглядела ее внимательно и, когда укрепились в своих подозрениях, обратилась к ней:

— О счастливая госпожа! Ведь ты переселилась из этого бренного мира в мир вечный, наложила на сердце мужа клеймо, краснее тюльпана, заставила его потерять рассудок и скитаться в долине безумия. Как же случилось, что ты из тайника небытия вновь вышла на поле жизни? Ради бога, расскажи мне свою удивительную историю, а не то я тут же сойду с ума.

Но хитрая женщина притворилась, что ничего не понимает, не выдала себя. Она назвала торговку браслетов сумасшедшей и выгнала ее из дому.

А эта торговка хорошо знала ее мужа, так как они были соседями, и когда она вернулась в родной город, то пошла к нему, стала расспрашивать и утешать его, а потом — распространяться о верности его жены. Муж, как только услышал о жене, стал проливать потоками слезы, громко рыдать, и безумие вновь овладело им.

— Эх, простодушный муж! — сказала ему торговка. — Жена твоя жива, пребывает в объятиях любовника, услаждает его живительным напитком из своих уст и своим прелестным телом, подобным букету свежих роз. А ты от горя извиваешься, как змея, оцепенел, как могильный камень, и сгораешь от тоски, собирая все горести земные. Страхни с себя этот прах и, если сможешь, обратись во прах в служении пречистому творцу.

Муж рассердился на нее за такие слова и закричал:

— Эй, глупая женщина! Что это за безумные речи? Что это за шутки со мной? Ведь мою печень пронзила стрела

горя, а сердце испепелило пламя скорби. Нехорошо так говорить! Как может покоиться в объятиях любовника моя жена, да попадет душа ее в рай? Ведь останки ее покоятся под холмиком земли, а кости смешались с прахом в склепе!.. Быть может, Мессия снизошел с неба и коснулся ее истлевших костей своим животворным дыханием? *

— Ничего ты не смыслишь в хитростях и уловках женщин,— ответила ему торговка браслетами.— И не следует тебе называть меня лгуньей. Если хочешь во всем этом разобраться и узнать тайну, то вставай и пойдем со мной. Освети свои глаза лицезрением любимой, когда никого не будет рядом с тобой.

Эти слова бросили мужа в море изумления, и он в сопровождении торговки отправился туда, где поселилась его жена с любовником. Он без стука вошел в дом и увидел свою жену, которая сидела, сияя красотой и счастьем. При виде этакого чуда у мужа вино рассудка вылилось из чаши ума, и он остановился перед женой безмолвный, словно истукан. Он не понимал, наяву это все или во сне. Но однако же спросил жену, которая все еще казалась ему невинной и верной:

— Ведь ты собрала свои пожитки в этом брэнном мире и скрылась под землей... Как ты смогла выйти оттуда и вновь испить чашу жизни этого мира?

Но коварная жена не ответила мужу и стала звать на помощь.

— О соседи-мусульмане! — кричала она. — Помогите мне! К нам в дом вошел какой-то безумец и хочет убить меня.

Тут со всех сторон сбежались люди, чтобы схватить его, но муж твердо и вразумительно объяснил, в чем дело, и все только кусали пальцы от удивления и не могли вымолвить ни слова.

Слух об этом распространился по городу в мгновение ока, и все, стар и млад, стали кричать: «Воистину ваши хит-

рости велики» *. О случившемся доложили и правителю города, и, после того как все расследовали как следует, «истина прояснилась» *. Жену отправили с позором прямой дорогой в ад, а служанку повесили и тем препроводили в обитель грешников. А муж от скорби покинул людей и прожил остаток дней в отдаленной пустыне и на пути служения богу еще до смерти обратился в прах.

ШЕСТОЙ РАССКАЗ

Один из тех доброжелательных надимов дал волю своему языку и залился, словно соловей, трелями красноречия в этом цветнике книги.

— В обширной и привольной Бенгалии,— начал он свой рассказ,— жил правитель в самом разгаре молодости. Он обладал прекрасной внешностью и ясным умом, умение говорить сочеталось в нем с добрым нравом. Благодаря его приветливости сердца друзей были преисполнены любовью к нему, а в груди у врагов поселился страх из-за его ярости. Он взял себе в подруги кумир четырнадцати лет, лицо которой сверкало как четырнадцатидневный месяц на небе красоты. Ее объятия были для него сладостными плодами жизни, он непрестанно предавался утехам любви и пил из погребка близости напиток наслаждения. Опьяненный страстью, он приносил в жертву локонам девы свое сердце. Кокетливая юная жена гордилась своей красотой, искала единения с ним и соблазняла его своими прелестными ужимками. Она хитрила и водила его за нос своим показным целомудрием.

Однажды этот великий муж сидел в гареме со своей красавицей женой и рассматривал рисунки и изображения, изготовленные искусными художниками и выдающимися мастерами, не уступавшими знаменитому Мани. Рядом с ним сидела его кумироподобная чаровница. Вдруг среди рисунков они увидели портрет красивого юноши. Жена, которая была воплощением хитрости и коварства, мгновенно набросила на лицо покрывало. Падишах изумился такому поступку и спросил:

— С какой стати ты набросила на лицо покрывало, ведь в гареме нет постороннего мужчины?

А плутовка отвечала ему на это:

— О любимый! Я застыдилась портрета этого незнакомого юноши. Ведь его глаза глядят словно живые! И я невольно прикрыла лицо, не желая, чтобы на меня смотрел даже портрет постороннего мужчины.

Падишах, видя такое целомудрие и чистоту жены, безмерно возликовал и всей душою поверил в ее преданность, убедился в ее неприступности и добродетели.

После этого прошло некоторое время. Однажды падишах по своему обыкновению возлежал на подушках, отдыхая, закрыв глаза в дремоте, а чуть поодаль сидела его прекрасная жена. Вдруг в комнату вошла пестрая кошка, перекувырнулась несколько раз у ковра и превратилась в молодую красивую женщину. Целомудренная жена падишаха обняла ее крепко, оказала ей почет и уважение и посадила рядом с собой. Решив, что муж ее весь во власти опьяняющего сна, она стала без обиняков разматывать клубок слов, спросила, зачем пожаловала пришельца, а та объяснила, кто ее послал, а потом стала излагать суть дела.

— Твоя сестра,— говорила она,— передает тебе наилучшие пожелания, а потом доводит до твоего сведения, что дочь твоей сестры уже вышла из-за завесы девственности и сегодня ночью возляжет на брачное ложе. Все, что нужно для радости и веселия, уже готово, но без тебя свадьба не будет озарена радостью. Все остальные пресветлые господа дожидаются тебя с нетерпением.

Вина, музыка и розы — все готово, и, однако,

Пир без милой невозможен. Где любимая моя? *

— Если ты,— говорит твоя сестра,— во имя нашей давней дружбы и любви прибудешь к нам, если своим присутствием озаришь дворцы твоих доброжелателей, это будет очень хорошо. Этой ночью в твои тенета угодит юноша, в которого ты страстно влюблена и покорить которого уже давно мечтаешь. А чистое розовое вино, которое дарит щекам радостный румянец, налито в кубки желания и бурлит, словно соловей поет на зеленой ветви.

Та красавица со станом пери приложила к глазам пальцы в знак согласия, вся расцвела и ответила:

— Настала ночь, о которой я молилась долгими часами до самого утра, на востоке желания сверкнула зарница сча-

стья, лужайка мечтаний о друге заколыхалась от ветерка желания, и потому мне подобает спешить туда. Удостоиться счастья свидания с тем статным юношей, чьи завитые кудри пленили мое сердце и чья неприступность похитила мое терпение,— это величайшее наслаждение.

Хорошо добиться разом исполнения двух желаний!

— Еще никогда,— продолжала она,— всевышний бог не даровал ни одному существу такой радостной ночи,— ведь это на самом деле живая Лейли *, к каждой косичке которой привязана тысяча мешочков с мускусом.

Эта ночь для уединившихся, словно ночь ниспослання Корана *.

— Когда падишах заснет крепким сном, я в мгновение ока прибуду в то собрание, подобное раю.

Дав такое обещание, жена падишаха отпустила посланницу. А в те края, куда она решила отправиться, было триста фарсахов пути, и падишах, который слышал весь их разговор, был сильно поражен и никак не мог сообразить, как это див в облике пери пройдет за одну ночь такой путь, который не в состоянии пройти ни один человек, и как вер-

нется оттуда. Он был уверен, что если она даже оседлает вместо коня ветер, и то не сможет проделать этот путь за одну ночь. Но тем не менее он решил раскрыть эту тайну, закрыл глаза, перестал двигаться и захрапел как во сне. А жена, от хитростей которой даже див убежал бы на расстояние столетнего пути, не медля облачилась в царственные одеяния и стала прихорашиваться. Затем она позвала жену везира, они вдвоем перекувырнулись на ковре, пре-

вратились в пестрых кошек, быстро вышли из комнаты, потом из дворца и направились за город.

А падишах тем временем поднялся с постели и поспешил вслед за кошками. На окраине города росло огромное дерево, высокое и с раскидистыми ветвями, которые, казалось, соприкасались с небом. Обе кошки взобрались на дерево, а падишах прислонился к стволу, крепко упершись ногами в корни. Вдруг дерево стало трястись, вырвалось из земли вместе с корнями и полетело в ту самую страну, куда собиралась жена падишаха. Потом дерево остановилось. Падишах услышал звон литавр, звуки труб и флейт и понял, что здесь идет какой-то праздник. Он оторвался от ствола дерева и остановился поодаль, а кошки спустились с ветвей и направились прямо в город. Тогда и падишах пошел за ними.

Они прибыли во дворец, где собрались все знатные и простые люди той страны. Кошки вошли во внутренние покои дворца, а падишах смешался с мужчинами и сел в уголке, чтобы никто не узнал его. Народу было много и из разных сословий, так что никто даже внимания на него не обратил. Хотя падишах и сидел с мужчинами, но все время вел наблюдение за кошками, чтобы они не вышли и не улетели, покинув его на чужбине: он опасался, что без волшебного дерева не сможет вернуться в свою страну, так как у него не было ни припасов на дорогу, ни коня, ни проводника.

Прошла половина ночи, и во дворец вошел человек с венком из роз. А по древнему обычаю той страны жениху одевали через плечо венок из роз, а потом отводили его в гарем и устраивали пир. Но жених был на диво безобразен, и человек с венком не решился ввести такого гуля к гуриям, он стал искать красивого юношу, чтобы перекинуть через его плечо венок и отвести к гуриям для совершения свадебных обрядов. Потом он решил, что счастье достанется тому, кому уготовано, и тут по воле судьбы его внимание привлек красивый и ладный юноша, пришедший незваным гостем вслед за кошками. Он, не задумываясь, перебросил венок через его плечо, взял его за руку и велел встать. Падишах от страха, как бы кошки не узнали его, дрожал какмышь, а венок с розами казался ему кровожадным драконом. Он не знал как ему быть, но возражать боялся. Наконец, он поневоле смирился перед судьбой и приготовился встретить неожиданную смерть. Он встал со своего безопасного места и

отправился прямо в пасть крокодила, то есть в шахский гарем, где было несметное число гурий и пери, сидевших повсюду, как цветущие розы и базилики на лужайке. Падишаха усадили на почетное место и по обычаю Хиндустана на руку невесты надели нитку жемчужин, подобных Плеядам, а другие гурии окружили ее, словно звезды луну. После этого начались разные свадебные обряды, принятые у этого народа. Падишах же только дивился поворотам судьбы, сидел тихонько и тайком разыскивал ту, которая попрала его честь и доброе имя. Он воздавал хвалу художнику, который, не прибегая к волшебству и чарам, сотворил из горсти праха такую чудесную статую на сцене бытия. И вдруг взгляд его коснулся целомудренной жены, которая в укромном уголке вместе с женой везира и несколькими другими розоликами красавицами пила прозрачное вино. Опыяненная вином и возбужденная, она ласкала своего красавца и дарила его живительным напитком своих сладостных рубиновых уст. Вдруг жена падишаха встала, подошла поближе, заглянула в лицо падишаху и сказала жене везира:

— Всемогуший Изед создал жениха как две капли воды похожим на моего мужа, их даже не отличить.

Но она была настолько пьяна, что не узнала своего мужа, да и очень уж они были далеко от дома. Она решила, что это всего лишь сходство, успокоилась и вернулась к новому властелину ее души. Падишах, когда слышал этот разговор, несмотря на все свое мужество, чуть не умер от страха.

Когда падишах освободился, он вышел из гарема к мужчинам и стал возносить славословия творцу, а про себя принял твердое решение, если вернется домой целым и невредимым, бросить свою и везира жен с поднебесных высот крепости в пропасти подземные, к самым глубинам земли.

Когда настал обманчивый рассвет, обе кошки вышли из гарема и быстро двинулись из города. А падишах, крадучись, поплелся за ними и, как и в первый раз, вместе с ними прибыл в свою страну. Он поспешил во дворец и, прежде чем вернуться та подлая, как собака, кошка, заснул в своей постели. Жена же, войдя в комнату, села на краю постели.

Когда появились вестники утра и распустились розы, изменница-жена занялась своими делами. Падишах очень утомился от бессонной ночи и от преследования кошек и все еще спал. Но по неосторожности, которой должны бояться

разумные мужи, на руке его так и осталась нитка жемчуга. Проснувшись, он по забывчивости — а это враг человека! — не снял с руки жемчужин, и жена увидела их. Ее ночные подозрения подтвердились, сомнения отпали, и она удостоверилась, что муж ее был на свадьбе и видел все. Это ей очень не понравилось, — она ведь убедилась, что тайна ее раскрыта, — и в сильном волнении она спросила мужа:

— Что это у тебя за жемчуг на руке? Уж не был ли ты втайне от меня на свадьбе?

Неопытный муж не стал хитрить, его лицо загорелось яростью, и он вскричал:

— Побеспокойся лучше о' себе и приготовься отправиться в ад! Готовься встретить достойное возмездие за твои поступки!

Бесстыдница-жена, услышав такие резкие слова, тотчас сообразила, что промедление грозит ей смертью, и решила опередить мужа, прибегла к чарам и ударила падишаха по лицу. Падишах тут же покинул человеческий облик, превратился в златокрылого павлина и стал стучать клювом по полу, как это делают низшие твари.

Прошло несколько дней, и государственные мужи забеспокоились, так как давно не были на приеме, и велели слугам доложить:

— Пусть причиной того, что падишах не устаивает своих подданных приема, будет только его увлечение весельем и мирскими утехами! Но ведь все государственные дела из-за того заброшены, а жалобщики ждут решения их дел и просьб. Если падишах хотя бы на часок осветит своим лучезарным ликом ночь страждущих рабов, в этом, несомненно, не будет ничего предосудительного.

Презренная жена падишаха ответила от его имени:

— Его шахское величество чувствует недомогание и потому не в состоянии давать приемы и заниматься государственными делами. Оставьте все другие дела и молитесь тому, кто дарует исцеление, чтобы он вылечил пресветлого падишаха.

Доброжелатели падишаха очень огорчились этой вести и вернулись по своим местам. Но верный и преданный везир, чьим украшением была благожелательность, опечалился больше других. Он знал, что падишах человек здоровый, и тут сразу догадался, что у падишаха или разум помутился, или же с ним стряслась беда, так что он не может распоряжаться собой.

Везир пришел к себе и стал по необходимости ублажать свою жену, льстить ей, хвалить и превозносить ее, пока не уговорил ее пойти в падишахский дворец и разузнать, что стряслось с падишахом.

Жена везира не медля отправилась во дворец. Она была близкой подругой жены падишаха, быстро разузнала, в чем дело, вернулась домой и рассказала обо всем мужу. Везир очень огорчился таким вестям и подумал: «Преданные рабы должны доказать свою верность благодетелям в дни трудностей и бедствий. Я обласкан милостями этого рода. Если в такое трудное время я не проявлю своей приверженности и не постараюсь спасти падишаха из этой губительной пропасти, то чем же тогда я отблагодарю за те милости, которые оказали мне?»

Везир решительно взялся за дело и стал принимать энергичные меры. Руководствуясь мудрым разумом, он взял с собой павлина, отправился во дворец и велел доложить:

— Я слышал, что сейчас, когда повержены все враги нашей державы, наш падишах все время проводит в играх с павлином. Поскольку я — преданный и нижайший раб — лишен возможности видеть властелина и его лучезарное лицо, то я прошу разрешения поцеловать ногу того павлина, который занимает помыслы нашего падишаха. Если этого павлина хотя бы на краткий миг вышлют ко мне, я вознесусь от радости до самого неба.

Жена падишаха решила соблюсти уважение к везиру и по ограниченности своего ума, не соблюдая никакой предосторожности, послала к везиру павлина, который на самом деле был падишахом. Везир не стал терять даром времени и отослал назад к повелительнице того павлина, которого он захватил с собой, а заколдованного забрал к себе домой.

Дома он сказал жене:

— О душа моя, пусть все мое имущество будет принесено тебе в жертву! Мне сопутствует удача, и мне удалось заполучить падишаха к себе. Иными словами, благодаря многим хитрым уловкам я выманил из шахского дворца этого павлина. Если ты можешь, то дохни на него, словно Мессия, и верни падишаху, который превращен в павлина, его прежний облик. И я тогда получу от него то, чего давно жажду, — грамоту на владение уделом. Я стану делить с ним управление государством и получу в личное владение поло-

вину державы, перестану быть везиром и буду единовластным правителем, возложив на голову царский венец, а ты станешь одной из самых величавых цариц времени.

Надежда получить сокровища и стать царицей раздражила жену везира, она упустила из рук нить разума, но поскольку она дружила с царицей и у них была общая тайна, то она не решилась предать ее и ответила мужу:

— Я возьму это на себя с условием, что, после того как он подпишет тебе грамоту на царство, мы снова превратим его в павлина и отнесем во дворец.

Везир согласился и решил на словах во всем повиноваться жене, только бы вернуть падишаху человеческий облик и укрыть его в надежном месте. Как только жена везира превратила падишаха в человека, везир схватил острый меч, отрубил ее нечистую голову и бросил на пол. А падишах, словно человек, очнувшийся от глубокого обморока, открыл глаза, стал осматриваться по сторонам и спросил удивленно у везира:

— Как я очутился в твоём доме? Из-за чего так ужасно наказана твоя жена?

Рассудительный везир рассказал ему обо всем с начала до конца, а падишах похвалил его за преданность и спросил, что ему теперь делать.

— О мудрый падишах! — ответил тот. — Прежде чем твоя жена разузнает обо всем, тебе надо скрыться в укромном месте, а не то ты, не дай бог, еще раз попадешься в ее лапы, и тогда тебе уже не спастись, да и я поплачусь за это головой.

Падишах нашел слова везира разумными и ночью отправился вместе с везиром в другой город. В скором времени он покинул пределы своей державы и поселился в далеком городе в укромном месте, облачившись в рубище каландара.

Прошло много ли, мало ли времени, и правитель той страны, узнав, что этот каландар — венценосный падишах, выдал за него свою дочь. Хотя падишах и не хотел жениться, но он склонился перед волей вечного творца.

Однажды падишах сидел с новой женой у себя дома и играл в нарды. Вдруг как раз над их головой в небе появился коршун, стал кружиться и кричать. Новая жена посмотрела на коршуна и спросила:

— О падишах, знаешь, что это за коршун? Почему он кружится здесь?

— Я вижу только птицу в небе и более ничего не могу сказать,— ответил тот.

— Это не птица; а твоя прежняя жена. Она обратилась в коршуна и хочет погубить тебя, и тебе ни за что не спастись от нее, если только я не помогу тебе.

Падишах был поражен ее словами, затрепетал от страха, позвал своего везира и сообщил ему эту весть.

— О падишах! — стал утешать его везир. — Не бойся ничего, а предоставь все целиком твоей новой жене.

— О разумный везир,— сказала та,— это ведь мой долг расправиться с негодяйкой, ибо она хочет погубить моего мужа. Поэтому она прежде всего мой враг. Теперь я тоже

поднимусь в небо в облике коршуна и брошусь на нее. Я стану терзать ее клювом и когтями и брошу к ногам падишаха. Возможно, что он поторопится и захочет прикончить ее ударом палки, смотри же, чтобы по ошибке не ударить меня! Оперение наше различается: она совсем черная, а я — с пестринкой.

Выслушав эти слова, падишах схватил здоровенную палку и сел в укрытии, а новая жена в облике коршуна взлетела в небо и схватилась с черным коршуном. Все случилось так,

как она предсказала, и падишах, вскочив в радости, спросил везира:

— Какого коршуна бить: черного или пестрого?

— Разве ты не слышал, что рыжая собака — брат шакала? Если спасешься из пасти крокодила, то попадешь в пасть к волку. Уж лучше бей обоих и избавь себя от этих существ, которые страшнее волка и змеи,— ответил везир.

И падишах по совету везира отправил прямой дорогой в ад обоих мерзавок и тем спас свою жизнь. Впредь он не имел дела с женщинами и укрылся в уединенном уголке, предавшись служению богу и покорившись его воле, и так обрел долю на том свете и вечное счастье.

СЕДЬМОЙ РАССКАЗ О ПРОСТОДУШНОМ БРАХМАНЕ

И О ТОМ, КАК ОН ПОСТРАДАЛ ОТ ХИТРОСТЕЙ ЖЕНЫ

Рассказчики событий и знатоки «Вед» изложили этот прелестный рассказ на страницах изящного слога. Говорят, что в городе Бенаресе, великой святыне касты воинов, жил юный брахман. Скрижаль его души была нага знаниями, а рукав его талантов пуст доблестями. У него была жена, красноречивая и острая на язык, прославившаяся в искусстве хитрить и лукавить, которая могла бы в школе обмана преподавать урок самому Иблису.

И вот однажды жена брахмана повстречала красивого юношу. Птица ее сердца стала порхать по небу любви, а его любовь как бы схватила за ворот. Но поскольку она была замужем, то ей удавалось видаться с любимым с большим трудом, и она не могла вволю срывать розы наслаждения в саду молодости. И вот эта женщина, чтобы удовлетворить свое вожделение, решила устранить мужа и стала прилагать все усилия, чтобы отправить его скитаться по дальним странам.

Однажды ночью глупый муж захотел удовлетворить свою страсть, привлек к себе бесстыдницу-жену и хотел испить с ее губ вино наслаждения. Но жена притворно надулась, отвернулась от мужа и напустила на себя огорченный вид, так что для того бедняги наслаждение обернулось неприятностью и огорчением. Брахман ничего не понимал в хитростях и лукавстве женщин, он только удивился такому поведению жены и стал расспрашивать, чем она так опечалена. Тут коварная жена раскрыла книгу хитростей и ответила:

— Как мне не огорчаться? Как мне не расстраиваться? Сегодня одна женщина из знатной семьи в присутствии других женщин нашего города стала колоть меня своим языком, подобным копьём. «Ты претендуешь на то, чтобы быть впереди других,— говорила она,— хочешь выделяться среди прочих умом, остроумием, сообразительностью. Так почему же ты не воспитываешь своего мужа, который лишен учености и знаний? Есть ли на свете брахман необразованнее его?»

В нашем городе по крайней мере не сыщешь человека глупее твоего мужа». Эти слова были мне все равно что стрела в грудь или кинжал в бок. Что за жизнь ты ведешь? Лучше бы мне быть горькой вдовой, чем иметь такого мужа, как ты, которым меня попрекают городские женщины, из-за которого мне наносят раны в сердце, жарят по сто раз на огне стыда.

Она наговорила с целый короб таких обидных слов, так все преувеличив, что в брахмане взыграло самолюбие, и он так и не догадался об истинных целях жены. В тот же день он собрался в путь и, покинув родные края, отправился в края далекие, предпочтя домашнему покою тяготы пути, пустился по дороге лишений в поисках знаний.

Стоило брахману услышать, что в каком-нибудь городе или деревне живет ученый муж, он спешил к нему и получал от него необходимые знания. Он овладел всеми науками и знаниями, четырьмя «Ведами», обучался у многих известных жрецов, усовершенствовал свои способности, так что слава о нем, как гром литавр, вскоре распространилась повсюду. Он вернулся домой, ликуя и радуясь. Когда он поздно ночью вошел домой, его встретила жена, притворяясь, что очень рада возвращению мужа, омыла дорожную пыль с его ног и усадила на курси. А любовник жены как раз в это время по обыкновению приготовил все для пира и дожидался упоительного момента свидания, но вместо возлюбленной пришла посыльная и сообщила ему о возвращении брахмана. Любовник страшно огорчился и велел передать возлюбленной: «Все готово для пира, ты должна озарить лучами своей красоты комнату моего желания».

Женщина же ответила ему через посыльную: «Мой муж вернулся домой после долгого пребывания на чужбине, и я никак не смогу прийти к тебе этой ночью, так что ты прости меня, ведь это случилось помимо моей воли».

Любовник был сильно расстроен, он снова попросил сказать любимой:

«В ожидании свидания с тобой я приготовил редкие кушанья и вино. Чанг стонет от тоски по тебе, а вино в кувшине булькает, желая тебя. Если ты верна любви, то осени тенью своего стройного стана-кипариса несчастного влюбленного и погаси бушующее пламя в его груди прозрачной водой упоительного свидания, а не то мне будет очень тяжело и жизнь моя потеряет смысл, ведь не принято у любовников огорчать и печалить друг друга».

Выйди скорее, прекрасная, ведь без лица лучезарного
Нет на пиру у влюбленных ни радости, ни красоты *.

Жена брахмана, видя, в каком состоянии находится ее любовник, не могла огорчить нежное сердце своего друга, предпочла радость и довольство возлюбленного всему на свете, приложила к глазам ладонь в знак согласия и велела сказать: «Не горюй и не тоскуй, не омрачай любовь, царапая ногтями нежное лицо. Я во что бы то ни стало приду и склонюсь над тобой, словно стебель нарцисса».

Отправив такую весть, она призадумалась на миг, раскрыла свиток своих хитрых уловок и обратилась к мужу:

— Слава и благодарность богу, что ты вернулся цел и невредим, избавившись от тягот путей и тоски на чужбине. Мои заждавшиеся глаза теперь освещены твоей красотой, пламя тоски разлуки теперь погасила прозрачная вода свидания. Я благодарю свою судьбу и свой удел. Уж теперь я достоверно знаю, что ты в совершенстве овладел всеми науками и получил полную долю во всех знаниях. Я бы хотела, чтобы ты объяснил мне, какие науки ты постиг,— и у меня не останется никаких сомнений в твоих знаниях, и я обрету полный покой. Ты ведь овладел всеми необходимыми науками, и впредь тебя не будут попрекать невежеством?

Муж, радостный и гордый, ответил ей:

— О моя возлюбленная и заботливая жена! Не горюй более, я знаю наизусть все четыре книги «Вед», а сам я равен выдающимся жрецам по своим знаниям.

— О горе! — воскликнула жена. — Разве ты не выучил наизусть пятой книги «Вед»?

— Эй, жена, — ответил покровительственно брахман, — от совершенных жрецов и мудрых монахов известно, что «Вед» всего четыре. Где ты слышала о пятой книге «Вед»?

Жена, услышав такой ответ, хлопнула руками и воскликнула:

— Что за несчастная участь выпала мне! Видно, в диване судьбы мне не записано хорошей доли и в небесном свитке мне предписано быть несчастной. Долгие дни и ночи, когда ты скитался на чужбине, я грустила и тосковала от разлуки с тобой и жила только надеждой на свидание. Я лелеяла мечту, что однажды ты вернешься и избавишь меня от этих мук разлуки. Вот теперь ты вернулся, но надежда моя сменилась страхом, а цепь моих мечтаний порвалась.

Жаль, мое хилое счастье слабее несчастья всегда,
Видимо, мне в этом мире досталась плохая звезда*.

Брахман только дивился странным словам жены и спросил:

— В чем причина твоего отчаяния и скорби?

— У правителя этого города,— ответила жена,— случилась неприятность, и устранить ее может только тот, кто знает «Тирья-Веду»*, а это и есть пятая книга «Вед», кроме тех четырех, которые известны всем. Брахманов нашего города вызвали во дворец правителя, чтобы они решили эту задачу, но они не смогли, и тогда их по приказу правителя заключили в темницу. Он дал им срок всего эту ночь, а завтра, если они не смогут помочь ему, он велит казнить их самым жестоким образом. Конечно, правителю завтра же доложат о твоём возвращении, и ты тоже окажешься в числе этих несчастных брахманов, а мне придется остаться горькой вдовой, наложив на грудь раскаленное клеймо разлуки с тобой, а ведь в саду моей молодости из тысячи роз желаний не расцвела еще ни одна.

Простодушный муж, хотя он и обучился разным наукам, попал в ловушку коварной жены, и, как только он выслушал ее слова, мужество покинуло его, от страха он лишился чувств и растянулся на земле. Хитрая жена не медля окропила его лицо розовой водой, подняла его голову и проговорила:

— Мужайся, я придумала, как спасти тебя. Это, верно, божественное откровение. Пока никто не узнал о твоём приезде, покинь город и воротись на чужбину, а меня, беднягу с уснувшим счастьем, вновь ввергни в муки разлуки. Найди пятую книгу «Вед»! Быть может, ты обретишь новые знания и усовершенствуешь свои способности, и превзойдешь всех ученых нашего времени.

Простак-брахман, который не ведал о науке хитрости жен, хоть он очень устал, был утомлен невзгодами пути и ноги его были изранены, той же ночью покинул свой дом и вновь отправился странствовать по дальним краям. А его жена-бесстыдница благодаря этой хитрости смогла пойти к любовнику, где они предались грешным наслаждениям.

Когда взошел лучезарный светильник, брахман добрался до какого-то города и сел удрученный на краю водоема. Случайно в это время к водоему пришли за водой пять женщин и увидели брахмана, чьи щеки сморщились от скорби, словно

розы под лучами палящего солнца, а сердце сжалось от тоски, словно бутон. Они спросили его:

— Кто ты и откуда родом? Чем ты так сильно удручен?

Брахман рассказал все о себе, и они, поскольку прекрасно знали «Тирья-Веду», заулыбались, так как догада-

лись, что жена бедняка в совершенстве владеет искусством обманывать и отправила его странствовать на чужбине ради своих плотских наслаждений. Они пожалели его за неосведомленность в таких делах и сказали:

— Эй, бедняк, потерявший разум и сбившийся с пути знаний! «Тирья-Веда» — это бушующее море и безбрежный океан, и ни один мудрец не сможет измерить его своим ра-

зумом. Но ты мужайся, мы разрешим для тебя эту задачу и раскроем тебе тайны этой науки.

Брахман обрадовался без меры этим словам и объявил себя послушным учеником тех искусных мастериц хитрости. Он стал благодарить их говоря:

Бог проявил доброту и счастье мне даровал *.

— Я попал к вам и избавился от насилия небосвода,— говорил он, и те плутовки порешили между собой, что каждая из них будет брать по очереди к себе и обучать этого несчастного, лишенного доли в разуме, так, чтобы он усвоил тонкости «Тирья-Веды» и пять разделов-свиданий этой науки и добился бы того, к чему стремиться.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

В первый же день одна из пяти женщин повела к себе домой того глупого скитальца, представив его мужу и свекрови как сына своей сестры. Она отвела ему отдельную комнатку, постелила ковер и скатерть, приготовила угощение, принесла разных яств и напитков. Когда ночь-невеста набросила на лицо дня черное покрывало, жена отпросилась у мужа под каким-то предлогом и пришла к тому брахману, который пребывал в пучине изумления. Она обольщала его некоторое время лстивыми словами, а потом предложила разделить с ней ложе.

— Не теряй даром времени,— уговаривала она его,— поскочи по майдану сладострастия на резвом коне и ударь по мячу вожделения моими благоухающими локонами, подобными чоугану. Ведь сладостная жизнь быстротечна.

Неискушенный в таких делах брахман вспотел от стыда и воскликнул:

— О неблагодарная женщина! Ведь только что ты называла меня своим племянником, а теперь домогаешься такого?! Ради бога, не приставай ко мне, я никогда не позволю себе такого мерзкого поступка.

Но женщина на это ответила ему:

— Ты целиком в моей власти. А ну, поторапливайся и не ленись!

Промедление губительно, жаждущий силы теряет *.

Но брахман ничего не смыслил и еще ни разу не отважился на подобное наслаждение. Потому он не посмел приступить к делу и не решился пустить скакуна вожделения по полю страсти. Он стал ссылаться на свой сан брахмана и религиозные запреты, женщина же, которая была мастером в таких делах, подумала: «Так этот несчастный безумец никогда не добьется своего и останется обездоленным».

Что делать, чтоб счастья
не погубил он?

Тут она пришла к убеждению, что ради его же пользы брахману следует надрать уши, и она сузила глаза в приторном гневе и закричала:

— Эй ты, неблагодарный безбожник! Что это за проклятие и подлость! Я ли не относилась к тебе ласково, как к своему сыну? Я называла тебя племянником, а ведь племянник все равно что сын! Ты же покушаешься на мою честь и хочешь запятнать насилием мое доброе имя! Ты хочешь опорочить мое целомудрие бесовским искусом и дьявольским вожделением!

После этого она принялась звать соседок:

— О соседки! Помогите бедной женщине, спасите меня от этого грубияна! Он пристал ко мне и не отпускает!

И со всех сторон сбежались женщины. А брахман не ожидал такого оборота дела и от страха потерял сознание. Коварная женщина быстро выбросила на пол рисовую кашу, которую принесла для гостя, и стала рассказывать:

— Сестрицы, этот юноша — мой племянник. После многих лет разлуки он наконец навестил меня. Всего час назад он попросил у меня молочной рисовой каши. Но вдруг ему стало плохо, он стал биться и упал без сознания. Не знаю, что с ним творится, помогите привести его в себя.

Тут она начала всхлипывать и проливать горячие слезы. Соседки же принесли всяких снадобий, стали утешать ее. Когда соседки удалились, брахман открыл глаза и промолвил:

— Ну и тяжкое же испытание выпало на мою долю! Чудом спасся я от скандала.

А женщина, подстрекаемая бесом, сказала:

— Эй, недотепа!

Бедая приближалась, но мимо прошла, слава богу! *

— А теперь живо повинуйся моей воле и не вздумай перечить мне в чем-либо. Не то на этот раз не спастись тебе, погибнешь!

Брахману ничего не оставалось, как повиноваться ей, и он уступил ее домогательствам и приступил к запретному деянию.

Когда же с этим было покончено, женщина сказала брахману:

— Ну, растяпа, я преподала тебе урок. Смотри, в другой раз не плошай и мигом повинуйся моей воле.

Молитвенный коврик вином окропи, если это веление мага,—

Кому лучше старого путника знать и невзгоды, и трудности пути *.

— Ведь нередко,— продолжала она,— многое с первого взгляда кажется мерзким, если же присмотреться внимательнее, то окажется, что оно-то и есть наилучшее.

Все, что праведник встретит в пути, обратится на пользу ему *.

Когда солнце глянуло с востока, словно кумир из храма, коварная женщина отпустила брахмана и отправилась с кувшином к водоему, чтобы рассказать своим подругам о том, как она провела ночь.

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

Вторая из тех пяти женщин решила также помочь брахману и привела его к себе, а мужу своему сказала:

— Сегодня жена бакалейщика очень расхваливала среди женщин своего мужа и говорила: «Достоинства моего мужа превосходят всякую меру, его доблести невозможно ни описать, ни пересказать. Нет такого дела, которое было бы ему не под силу. С завязанными глазами он доит корову, так что ни одна капля молока не падает на землю». Я не смогла сдержаться и сказала ей: «Это не такое уж искусство, которое стоило бы расхваливать. Мой муж может сделать это с еще большим совершенством». Но жена бакалейщика не поверила моим словам, а я стала настаивать, и, наконец, мы побились об заклад, и вот я пришла и привела в качестве свидетеля этого справедливого юношу. Я надеюсь, что ты в присутствии этого юноши подоишь корову и докажешь свои способности, чтобы я не опозорилась перед женщинами города.

Самолюбивый муж стал утешать жену:

— Это не такое уж трудное дело, и тебе не стоит тревожиться и беспокоить свою нежную душу. Что я, ниже этого бакалейщика, этого торговца луком? Я не допущу, чтобы тебе было стыдно перед равными тебе женщинами!

Услышав ответ мужа, хитрая жена расцвела, словно бутон, распустившийся от утреннего ветерка. Она поспешно завязала глаза мужу, который был слеп умом, дала ему посу-

дину, спутала корове ноги и поставила перед ним. Сама же легла в постель и сделала брахману знак, и он проворно погнал своего стремительного и быстрого коня в ее теснину. Когда жена уголила свой зуд, она мигом вскочила, поцеловала мужу руку, сняла с его глаз повязку и выказала радость и удовлетворение, а муж радовался еще пуще, ибо

сумел такое трудное дело сделать с закрытыми глазами. А хитрая женщина сказала брахману:

— Видел искусство моего мужа?

Муж меж тем стоял гордый, расплывшись в улыбке, слушал славословия по своему адресу и просил брахмана удостоверить его мастерство. От радости он не находил себе места. Тут жена простилась с праведным брахманом, показав ему место, где переночевать.

На другой день, когда солнце появилось с востока, словно брахман с золотым зуннаром из храма, пять женщин собрались у водоема, и та обманщица рассказала, как провела она мужа, и все похвалили ее.

ТРЕТЬЕ СВИДАНИЕ

На третий день из тех пяти женщин одна, которая в коварстве превосходила самого Иблиса, решила взяться за брахмана и повела его с собой. Она оставила его в укромном месте, а сама вошла в дом. Там она притворилась, будто у нее сильная резь в животе, такая, что душа вот-вот готова покинуть телесную оболочку. Она сказала мужу:

— Может быть, я поела чего-нибудь и отравилась или же кто-нибудь сглазил меня во время еды... Но как бы там ни было, я испытываю смертельные боли.

Она притворно прикладывала руки к животу и кривила лицо. Муж очень любил жену, он испугался и стал утешать ее.

— Потерпи немного,— говорил он,— я сейчас пойду к лекарю и попрошу у него лекарство.

А хитрая жена говорит ему:

— Не отходи от меня, ибо твое присутствие придает мне силы. Спрячься за завесой, а я позову соседку, которая умеет лечить такие болезни.

Муж спрятался за завесой и стал молиться богу, чтобы жена его выздоровела, а она послала за брахманом служанку, велев ему войти в дом, накинув на голову женскую чадру. Брахман, еще мало вкусивший запретного плода, не

медля вошел в чадру в комнату и так стал лечить ее, что боль вскоре исчезла. А женщина с дьявольской натурой в самом разгаре страсти еще просунула голову за завесу, положила ее на колени мужу и попросила погладить ее лоб. Когда лихой конь брахмана устал и начал спотыкаться, женщина встала и сделала мужу знак отойти в уголок. Тогда брахман, утоливший страсть, выбежал из комнаты и пошел туда, где ему было приготовлено место, а бесстыжая и проклятая женщина осталась дома, вся раскрасневшаяся от счастья, и стала хвалить в самых нежных выражениях соседку, муж же присоединил к ней свой голос.

На другой день, как было условлено, все собрались у водоема, и эта женщина позвала брахмана и при нем рассказывала подругам, как было дело.

ЧЕТВЕРТОЕ СВИДАНИЕ

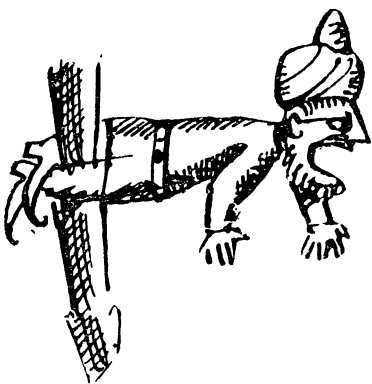
Четвертая женщина, от стрел коварства которой на пятом небе * небесный воин-тюрок * дрожал от страха, словно осиновый лист, обратила свое внимание на скитавшегося по чужбине брахмана и послала его в сад, сама же, придя домой, сказала своему благородному мужу:

— В саду нашего знакомого есть пальма, финики на ней растут сочные и сладостные. Но самое удивительное, что, взобравшись на нее, видишь всякие чудеса. Давай-ка пойдем сегодня к этой пальме, взберемся на нее и нарвем фиников, заодно и чудеса посмотрим.

Она наговорила при этом столько ласковых и льстивых слов, что муж согласился, пошел с ней к чудесной пальме и полез наверх. Она же подозвала знаками брахмана, который сидел в ожидании в дальнем уголке сада. Брахман, который

уже понаторел в таких делах, не задумываясь побежал к ней и пустил свой финик в ее пшеницу. Муж, видя с дерева, что его жена творит такую мерзость, закричал в ярости:

— Эй, скверная блудница! Что это за разврат?

Но жена не проронила в ответ ни слова, и муж, еще больше разгневавшись, стал спускаться с дерева. Тогда брахман погнал своего коня еще быстрее, а потом слез с серебряной рогатки и пошел своей дорогой.

Воистину, счастье в проворности и расторопности.

Жена, пока муж спускался, натянула шаровары и сказала:

— Ты что, с ума спятил, обезумел? Что ты кричишь зря и позоришь нас? Разве есть здесь другой мужчина, кроме тебя? Чего ради ты обвиняешь меня в разврате?

Муж не увидел никого в саду, остановился как вкопанный и подумал: «По-видимому, здесь таится какое-то чудо. Да и разве решится самая последняя потаскуха предаться в присутствии мужа такому мерзкому греху?» Хитрая и лукавая жена догадалась по его виду, что он сомневается, и повела дерзкие и шуточные речи. Она тут же подоткнула подол платья и полезла на пальму.

Когда она поднялась повыше, то вдруг закричала сердитым голосом:

— Эй, муж! Что это за мерзкий разврат? Зачем ты обвиняешь этого юношу? Если уж твое злосчастье совратило тебя с истинного пути, то предавался бы такому постыдному греху вдали от людских глаз. А ты, видно, позабыл совсем о стыде, что так поспешил заняться этим!

— Не кричи зря, жена,— отвечал снизу муж.— Успокойся, это свойство пальмы. Каждый, кто взберется на нее, видит оставшегося внизу в разгаре блуда.

Хитрая жена быстро спустилась с дерева и сказала:

— Чудные места в этом саду: можно и фиников поесть и посмотреть на чудеса.

— Да уж, сад чудесный — человек зря обвиняет своего ближнего в разврате,— вторил ей муж.

Итак, эта женщина с дьявольской натурой, хотя и совершила на глазах мужа мерзкий грех, вернулась домой целой и невредимой. На другой день подруги по своему обыкновению собрались у водоема, и она позвала брахмана и рассказала всем, как ловко надула мужа.

ПЯТОЕ СВИДАНИЕ

Пятая женщина, от коварства которой Иблис готов был искать убежища у Аллаха, увела с собой брахмана с того сборища блудниц. Она научила его кое-каким уловкам, а сама вошла домой, притворилась, что повредила в уме, и принялась городить всякую чушь. В это время брахман, как подговорила его женщина, вошел в дом с книгой под мышкой и заявил:

— Я искусный и прославленный лекарь. Могу лечить любые болезни.

Муж не медля ввел брахмана в свои покои и оказал ему наивеличайшее уважение, какое только можно представить, усадил его в самом почетном месте, а потом показал ему больную. Брахман пощупал пульс женщины и сказал:

— Тело твоей жены абсолютно здорово, но в ней сидит сильный джинн, и ею овладело безумие. Она или спасется от этого джинна, или погибнет.

Родственники жены стали умолять лекаря:

— О благородный муж! Эту болезнь ты можешь вылечить. Ради бога, постарайся и не покидай нас в отчаянии.

— Хоть я давно уже бросил врачевать такие болезни, — ответил лекарь, — но мне жаль эту молодую женщину и ее родственников, а вознаграждениями я себя не оскверняю. Я постараюсь ее спасти.

Промолвив это, лекарь велел вынести и окропить водой комнату, бросить в огонь алоэ и побольше роз. Потом мудрый лекарь принялся жечь вместе с алоэ и бумагу и направил струю дыма в нос больной, отчего она стала часто дышать. Тут джинн сильно заволновался и произнес изнутри:

— Эй, глупец! Не усердствуй понапрасну, ибо я не тот, над чьей крышей может пролететь птица, подобная тебе. Меня зовут Фарнас, мне подвластно сто тысяч джиннов, и ни один из них не смеет преступить мою волю даже на волосок. Таких, как ты, служителей страсти я поил напитком смерти. Пожалей дорогую жизнь и беги, покуда у тебя есть ноги, а не то я велю подвластным мне джиннам изничтожить тебя.

Слыша такие слова, присутствующие затрепетали от ужаса, а лекарь ответил:

— А я не тот, за кого ты меня принимаешь. Не питай пустых надежд. Если хочешь остаться в живых, то немедленно оставь эту невинную женщину, а не то я посажу тебя в бутылку*, буду жарить на огне и подвергать страшным пыткам.

Между лекарем и джинном — а это на самом деле была та женщина, от коварства которой ифрит убежал на расстояние столетнего пути,— происходила такая перепалка. Наконец, лекарь отошел и объявил:

— Это великая борьба, и мне нужно произвести много вычислений и претерпеть много трудностей, прежде чем я одолею этого джинна.

Все родственники женщины пали к его ногам и стали умолять:

— Сотвори доброе дело, окажи нам великое благодеяние, сделай всех нас своими рабами! Помоги ты этой несчастной и вылечи ее.

Лекарь стал утешать и успокаивать их, а потом вышел из комнаты.

Когда же горизонт снес золотое яйцо-солнце, то искусный лекарь смешал с шафраном несколько голубиных яиц, влил туда несколько капель крови белой утки, принес все это к родственникам больной и велел им закрыть сосуд крышкой и поставить на огонь. Вокруг него собрались люди. Когда содержимое сосуда закипело, женщина страшным голосом вскричала:

— Горю, ради бога, сжался надо мной, больше я никогда не войду в эту женщину!

Она повторила эти слова еще раз, и лекарь заявил:

— Если поклянешься своей верой и дашь слово, то спасешь свою жизнь.

А женщина подошла к лекарю и сказала ему на ухо, какие еще хитрости придумать. Тогда лекарь велел родствен-

никам снять сосуд с огня и закопать в землю, а джинна спросил:

— Ну, что тебе нужно?

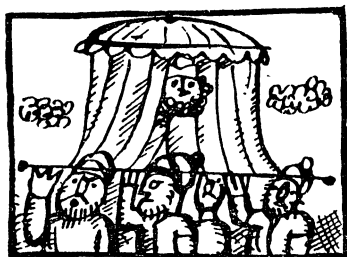
— Пусть меня облачат,— сказала женщина голосом джинна — а она и была джинн,— в самые роскошные одеяния и надушат самыми прекрасными благовониями, потом пусть посадят в паланкин с занавесками. При этом пусть играют музыканты и поют певцы. Пусть четверо рабов поднимут на плечи паланкин и семь раз пронесут вокруг дома.

— Хоть все это и подобает твоей царской особе,— возразил лекарь,— но у этих бедняков нет ничего такого. Откажись-ка ты от этой просьбы и облегчи мне дело.

— О мудрец! — сказала тогда женщина,— ведь ты хорошо знаешь, что:

По мере возможностей каждый пытается мыслить *.

Торг между ними затянулся, и, наконец, они приняли условие джинна. Вместе с больной в паланкин сел и лекарь. Он схватился за черные локоны любовницы, каждый завиток которых благоухал, словно мускус кабарги из Чина. Он перебирал ее локоны и тем временем произносил всякие молитвы, а муж и родственники поднимали паланкин на плечи. Тут лекарь опустил занавески и притянул в объятия ту гурю, подобную букету роз. Она обвилась вокруг него кольцом, и он снял чары с клада, а муж и родственники между тем шагали с паланкином на плечах, а дома шел пир горой, певцы пели пленительные мелодии, музыканты играли, пока лекарь удовлетворял желание своего сердца с госпожой дома. Наконец, после долгих хлопот в шкатулку госпожи упала царственная жемчужина, и хитрый брахман поднял занавески и приказал поставить паланкин на землю. Лукавая женщина, которая сама научила брахмана всему этому притворству, открыла глаза, стала осматриваться по сторонам с удивлением и, наконец, спросила печальным голосом:

— Что это за радостный пир? Для кого этот паланкин? Все, кто был там, а в особенности муж, начали смеяться от радости и говорить ей:

— Этот пир устроен ради тебя.

Жена выслушала от них рассказ о своих уловках, притворилась, что ни о чем не ведает, и воскликнула:

— Слава Аллаху! А я ничего не подозревала обо всем этом.

А благочестивый лекарь получил богатые дары за лечение и покинул этот дом с большим почетом.

На другой день, когда небесная невеста вышла из паланкина на востоке, эта коварная женщина повела брахмана к роднику и рассказала подружкам о том, как она ловко надула вчера ночью своих родных. Они похвалили ее и признали ее превосходство над ними в этом искусстве. Те пять женщин, которые для хитрости были все равно что пять чувств для человека, отпустили его и сказали:

— Теперь ты получил полные сведения о «Тирья-Веде», о ее разделах и тонкостях. Ты убедился, на какие уловки пускается твоя добродетельная жена и ради чего отправила тебя скитаться по дальним странам.

Брахман от всего сердца поблагодарил их, закрутил усы* и в ярости двинулся к родному городу, проклиная свою жену. Он прошел весь путь за короткое время и с разбегу ворвался в дом, не обращая на жену никакого внимания. Бывалая жена тут же смекнула, в чем дело и почему он хорохорится. Она решила пока дать ему волю — отпустила веревку, привязанную к ноге недавно прирученной птицы, — и стала во всем беспрекословно повиноваться ему.

Когда солнце удалилось на запад, словно невеста в брачную комнату, любовник, услышав о возвращении брахмана, отправил к любовнице весть. «Искренность твоей любви и правдивость клятв, — говорил он, — подтвердятся и ловкость твоя будет доказана, если сегодня ночью ты озаришь своим приходом келью этого несчастного влюбленного, который прозреет при виде твоей совершенной красоты».

Приди поскорее, стань другом стесненного сердца*.

Жена брахмана ответила ему так: «Хотя мое сердце подобно нищему, который страдает сокровищ Каруна, хотя оно жаждет сладостного свидания с тобой, но поскольку подлый небосвод не всегда вращается в одном направлении,

то этой ночью мне не удастся увидеть твой лучезарный облик. Я сама очень удручена тем, что должна поступить так».

Стыжусь я безмерно того, что, увы, совершила *.

«Я надеюсь,— продолжала она,— что ты по своему великодушию простишь милостиво мне этот поступок и проведешь без меня эту ночь».

Но любовник и слышать не хотел об этом, нетерпение овладело им, и он передал:

Вот мой ответ: «Не согласен я жить без тебя» *.

«Клянусь богом, который изжарил мое сердце, как кебаб на огне, если ты лишишь меня сегодня ночью свидания с тобой, то я рассеку себе грудь острым кинжалом, выброшу вон сердце, над которым я потерял власть, и расстанусь навеки с тобой». Жена брахмана очень любила своего возлюбленного и поневоле решилась исполнить его просьбу. Она оставила с мужем свою доверенную подругу, а сама побежала к милому.

Когда брахман возлег на ложе, та женщина погасила свечу и легла рядом с ним. Брахман горел желанием, он смягчил свой гнев и, поговорив с ней ласково и нежно, приступил к делу. Он ожидал, что она станет отвечать ему томно и кокетливо и во всем станет угождать ему, но этого не случилось, так как подруга жены, боясь быть узнанной, молчала.

Тогда брахман стал спрашивать ее мягко:

— Ты всегда была кокетливой и игривой, всегда говорила с негой и томностью, своими словами вдохновляла меня. Почему сейчас ты слова не вымолвишь? Что случилось, почему твой сладкоголосый язык-соловей не поет?

Где теперь твое кокетство и шуточные упрёки? *

Но она не решалась говорить. Брахман, сердце которого от недостойных поступков жены было покрыто клеймом горя, словно тюльпан *, раздраженный прежним развратным поведением жены, перестал владеть собой, вскочил с постели, выхватил из пенала перочинный ножик и, не задумываясь,

отрезал прямой, как алиф, нос той, которая заменила ему жену на брачном ложе.

Бедная женщина получила то, что заслужила, и удостоилась этой высокой награды за то самопожертвование, которое проявила для своей подруги.

Каждый поступок влечет воздаянье, и любое деянье —

возмездье *.

Брахман же, удостоверившись, что поступил достойно, набросил на голову одеяло, и гнев его улегся. Под утро его жена вернулась от любовника, тихонько разбудила подругу и спросила ее жестами:

— Ну как, сошло?

— Что говорить, — ответила та шепотом, — во имя дружбы я лишилась носа.

Хитроумная жена простилась с подругой, решив загладить в будущем свою вину перед ней, сама же села в углу комнаты и тихим голосом стала произносить молитвы.

— О боже великий, — говорила она, — все тайное для тебя явно, даже в темную ночь ты отчетливо видишь поступки людей. Поскольку ты знаешь, что моя пола не осквернена грязью прелюбодеяния, что я ни разу не ступала на стезю разврата, то сжался надо мной и спаси меня от той беды, верни мне мой отрезанный нос.

Потом она стала бить лбом об пол, воздавая своим красноречивым, как попугай, языком, благодарность и хвалу богу, и произнесла даже стих:

Если каждый волос мой обратить в язык,
Будут все они твердить: «Ты один велик!»
Благодарности моей не уместишь в стих, —
Как воздать за жемчуга милостей твоих?

Брахман, услышав, как его жена возносит молитвы всевышнему судие, вскочил с постели, зажег свечу и поднес к лицу жены, чтобы посмотреть, подтвердит ли нос ее слова. Он взгляделся хорошенько, убедился, что нос ее цел и невредим, и пришел к убеждению, что жена невиновна. Он только диву давался, раскаялся в своей поспешности, дух его сгорбился под бременем раскаяния, и он стал просить прощения, поверив в непорочность жены. Моля о прощении, он разре-

шил ей пожать пятой свою голову, счел ее достойной самого большого доверия, источником непорочности и основой похвальных поступков и дал ей полную свободу во всем.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ И БЛАГОЖЕЛАТЕЛИ

ВНОВЬ УВЕЩЕВАЮТ ДЖАХАНДАР-СУЛТАНА,

УПОДОБИВШЕГОСЯ ФАРХАДУ,

НО ДЖАХАНДАР ОТКЛОНЯЕТ ИХ СОВЕТЫ

ПО ВЕЛЕНИЮ ЛЮБВИ, ВРАЖДЕБНОЙ РАЗУМУ

После того как хулители и порицатели женщин пустили вскачь коня калама по обширному майдану, а доброжелатели и благожелатели царства и державы украсили свои сердца искренностью, а чело — покорностью и смирением, надеясь, что стрела их рассказов попала в цель, они вновь отправились к Джахандару и снова стали увещевать его, рассыпать жемчужины и светочи назиданий.

— О благородный шахзаде! — говорили они. — Поскольку твоему светлому уму стали известны подлость и неискренность женщин, то жаль будет, если сразит любовь к женщинам, в природе которых заложены только хитрость и коварство, такого шахзаде, как ты. Ведь ты благороден и рассудителен, слава о могуществе твоём распространилась до горизонтов, и пред твоим покоряющим мир мечом венценосцы дрожат, как осиновый лист на ветру. Это навлечет на тебя позор, ты прослывешь не ведающим благородства и слабым человеком.

Но шахзаде, опьяненный испепеляющим разум любовным напитком и пораженный недугом страсти, не обратил ни малейшего внимания на советы мудрецов, для него царственные жемчуга-назидания и рубины-увещевания не имели никакой цены, наказы не запечатлелись на страницах его разума, чары рассказчиков не оказали воздействия на его сердце. Напротив, советы и наставления еще больше усилили его страсть и любовь.

Тогда советчики и наставники поневоле отступились от него, перестали усердствовать и через доверенных и приближенных сообщили падишаху о состоянии шахзаде. Их послание гласило: «Пресветлые умом мудрецы и ученые мужи с недремлющим разумом употребили законы и приемы ума и мудрости, чтобы вылечить шахзаде, насколько это было в их возможности, но не смогли добиться цели своих усилий, их старания не принесли никакой пользы. Несомненно, если в сердце поселился всемогущий владыка любви, если оно подняло вздымающееся до небес знамя страсти и забило в литавры безумия, то в таком случае разуму-стражу ничего не остается, как сносить оплеухи и спастись бегством от воинов властителя любви, которые суть самые сильные богатыри на поле брани. Любовь, без сомнения, — это бушующее море, а разум — светящаяся песчинка, страсть — похищающий мир ураган, рассудок — мерцающий светильник. Рану, нанесенную копьем безумной любви, не исцелить ватой, смоченной бальзамом разума. Роза на лужайке сердца, орошенная водой любви, не завянет».

Когда падишах выслушал послание мудрецов, его сердце растоптали полчища отчаяния и горя, пламя скорби испепелило гумно его ума. Он позвал к себе в покои других мудрецов и стал держать с ними совет, как избавить шахзаде от этой губительной страсти. Преданные властелину ученые мужи и украшенные знаниями мудрецы собрались с мыслями и стали обсуждать этот вопрос. Все они пришли к заключению, что после всего случившегося пытаться излечить шахзаде назиданиями и советами — это все равно что ковать холодное железо или пытаться зажать в кулаке ветер, так как он уже не властен над своими желаниями и стрела решения уже вылетела из лука рока, а с судьбой сражаться невозможно.

У храбрейшего героя нет щита против судьбы*.

— А теперь, — сказали они, — надо постараться, чтобы роза его мечты распустилась на лужайке желаний, иными словами, надо склонить отца Бахравар-бану, чтобы он согласился отдать ту розу из цветника красоты за этот кипарис на берегу ручья владычества над миром.

**ПАДИШАХ ИЩЕТ ПУТИ К РЕШЕНИЮ ЭТОЙ ТРУДНОЙ ЗАДАЧИ
И ПО СОВЕТУ МУДРЕЦОВ ПОСЫЛАЕТ СВАТОВ
К ОТЦУ БАХРАВАР-БАНУ.**

Благожелатели указали только один путь для исцеления шахзаде — женитьбу на Бахравар-бану, и падишах сильно призадумался над тем, как выполнить это. Найдя, что трудно и почти невозможно осуществить этот замысел, он стал держать совет с разумными и совершенными везирами. Они облобызали сначала подножие трона — это ведь обязательно для благовоспитанных придворных — и доложили:

— Ум наш и знания подсказывают, что к отцу той целомудренной красавицы из великолепного дворца надо отправить послов и сватов с дарами, которые были бы достойны вечно цветущей державы.

А вместе с ними — письмо, полное дружеского расположения и искренней любви, слов и выражений, продиктованных наставником-рассудком, как это принято в наше время среди властелинов. Письмо надо составить в выражениях вежливых и льстивых и так, чтобы легко можно было разобрать смысл просьбы, чтобы жемчужина нашего желания была нанизана на нить исполнения.

Падишах одобрил совет везиров и приказал дабину, который мог соперничать с Утари-дом, нанизать отборные жемчужины и блестящие рубины для разъяснения сути дела и пустить калам, словно быстрого как ветер скакуна, вскачь по полю красноречия и ясного изложения. Волшебник-дабир по велению победоносного и возвышенного государя стал наряжать слова, словно черные локоны красавицы, начертил письмена на белой, как камфара, бумаге и заставил перо заливаться трелями, словно соловья.

«После благодарности и славословий Изеду, сотворившему вселенную, при описании величия которого калам раскалывается пополам, после хвалы и славы господину посланников*, при восхвалении которого перо останавливается в изнеможении, посылаем букет базиликов-приветствий и пожеланий, возвращенных в любви и неге цветника дружбы и расположения, осыпаям нисаром тот высокий и прекрасный царственный престол, окруженный святыми мужами, основу всех мирян, обладателя фарра Фаридуна и благословенного, как Кей-Хосров, венец державы, украшающий мироздание, открывающий тайну завоевания стран и краев, десницу величия и счастья, заглавный лист великодушия, царской печати в рескрипте поисков истины. Привет

Шаху, что в битвах могуч, чье счастье солнцем согрето,
Лучшей из розовых роз в саду бирюзового цвета.

Калам дружеского расположения скачет словно горячий конь по майдану молитв за тебя. Хотя мы сейчас и отправляем послов, чтобы оформить узы дружбы и союза, в действительности наша цель, которую только и признают проникательные сердца,— это завязать тесную дружбу и родство самое близкое. Ведь благородство и великодушие всегда зависят от улыбки светил любви и аромата базиликов духа. Наша сокровенная цель — это достичь единения и установить отношения, которые состоят в близости сердец и духовном слиянии, которое знатоки тайн и ювелиры истин называют любовью. В мире тайном и явном нет уз, возвышеннее любви! Безусловно, эта мечта без сомнений и позрений отразится в светлом зеркале твоего ума, место которого на небе, около Плеяд, который воплощает в себе любовь и привязанность. Но поскольку мы имеем дело с людьми, а они видят лишь внешнее явление, а не суть, то я, желая любви и близких отношений, обратился с мольбой к божественному чертогу, чтобы искренняя привязанность и любовь наши обрели внешнее оформление, чтобы перед всеми знатоками и простолюдинами предстала во всей красе

наша привязанность, словно красавица, красующаяся перед людьми, чтобы крепкий союз и искренняя дружба двух наших великих родов не прерывалась до тех пор, пока будут сменяться дни и ночи, чтобы они послужили примером для славных властелинов и правителей. Поэтому совет избранных, мудрых и рассудительных мужей нашего рода отправил к твоему украшающему небосвод престолу нашего доверенного и посвященного во все тайны слугу, который с младенческих лет до возмужания находился под сенью нашей благосклонности и расположения и получил воспитание на службе трону, а это уже само по себе является пробным камнем для его способностей. Ему поручено лично, а не через посредников доложить о нашем желании установить дружеские и родственные отношения и передать тебе устно то, что было доверено ему.

Я надеюсь, что ты — средоточие владычества на всей земле — ответишь мне благосклонно, даруешь вечное цветение и свежесть лужайке нашей просьбы, оросив ее влагой своих милостей и покровительства и соскоблив своим расположением ржавчину скорби с моего сердца, что ты воздвигнешь в этом преходящем мире высокий дворец любви. Те, кто украшает своим присутствием общество и наряжает лужайки в саду знания, чьи умы озаряют истину, хорошо знают, что в этом мире праха и тлена наилучшее изображение творца-художника на сцене бытия — это союз и единство и для человека нет более достойного занятия, чем любовь. И если это является счастьем и благом для обычных людей, то очевидно, как прекрасна должна быть любовь меж могущественными властелинами и великими царями, которые суть самые лучшие и избранные из творений господина и которым наш творец отдал предпочтение перед всеми людьми после пророков, да благословит их Аллах.

Суть этих моих речений, проникнутых желанием добра, в том, что если некоторые болтуны, которые не знают законов разума и лишены счастливой доли ума, которые никогда не вдыхали аромата благородства и пред кем не раскрывались врата истинного смысла, вздумают вмешаться в это возвышенное дело, надев на себя личину доброжелательства (хотя на самом деле они жаждут противоположного), и захотят представить в ложном свете прекрасное лицо этой нашей красавицы-просьбы (она ведь — пленительная живая Лейли), то пусть прославленный и высокий род пренебрежет глупостью подобных людей и не омрачит свои высокие

помыслы. Ты сам в уединении со своими священными мыслями вникни в суть дела справедливым взором, чтобы осмыслить красоту его, чтобы, вкусив этот приятный напиток, подарить безмерную сладость тем, кто страждет. В моей стране по наущению тех, кто недалёковиден и обуреваем гордыней, самым мерзким пороком людей, взбунтовались жители окраин, из поколения в поколение повиновавшиеся нашей власти и находившиеся в кругу покорности. Полагаясь на недоступность высоких гор и тесных ущелий, они стали грабить имущество жителей окрестных городов и тем самым устремились к своей гибели. Охрана этих подданных, лучших творений господа, и наказание сбившихся с пути смутьянов лежит на обязанности благородных, и я отправил для усмирения их огромное войско под водительством прославленного военачальника. Победа и успех в таком деле зависят только от божественного споспешествования и от воли господа, и вот враги были растоптаны копытами моего победоносного войска, так что это стало устрашающим примером для всех смутьянов, чей конец плох, а друзья и благожелатели нашего дома укрепились в своей верности и преданности.

Несомненно, тот, кто восстал против вознесенных до облаков и возвеличенных вечным владыкой, кто будет пытаться взлететь на крыльях снесь, только приблизит свою гибель и падет во прах с такой же неизбежностью, как пушечная стрела.

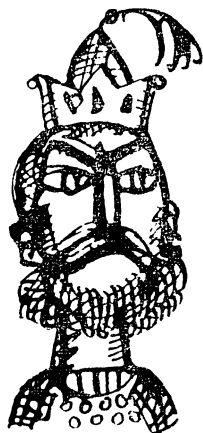
Все эти строки были написаны только из чувства любви. Если на то будет воля Аллаха, мы установим узы дружбы и приязни, и я надеюсь, что и ты, дарящий блеск счастья челу людей, проявишь стремление к союзу и любви, соблюдая собственные интересы, не разрывая цепи доблестей, не роняя достоинств своего трона, во имя справедливости, преданности и искоренения врагов, ради соблюдения покоя державы, ради укрепления блага и благоденствия, во имя обеспечения покоя и благополучия знатных и простых людей, ради укрепления религии и державы, ради достижения побед, украшающих царствующих особ,— что ради всего этого ты ответишь утвердительно молящемуся у чертога единого творца.

Более наш калам-конь не будет скакать по полю красноречия. Да вознесется солнце твоего владычества и счастья над настоящим небом, да будет благосклонен к твоему царствованию владыка всевышнего чертога».

Посол распрощался с падишахом и двинулся в дальний путь, без устали миную один переход за другим. Вскоре он прибыл в страну отца Бахравар-бану и был принят падишахом. По обычаю знатоков этикета он вручил ему письмо с многочисленными дарами. После славословий он изложил суть просьбы в подобающих выражениях. Когда падишах узнал, в чем состоит просьба, то пришел в сильный гнев, цвет лица его изменился, на челе проступили следы ярости, и он с пренебрежением отверг просьбу посла.

Приближенные падишаха были удивлены происшедшей переменой. Падишах молчал, как истукан, и посол переменился в лице, потерял всякую надежду и смешался.

Падишах в первый же день, который был для свата горше последнего дня его жизни, велел придворному писцу пустить быстроходного коня-калам по майдану-бумаге и дать ответ. И посол, так и не добившись цели своей поездки, вернулся назад в свою страну в полном отчаянии.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО

«После славословий и благодарности пречистому Изеду, а также прославления пророка передаю привет благородному мужу с чистыми помыслами, тому, кто украшает сад мироздания и пиры властелинов, кто есть опора и изголовье владычества над миром, кто увеличивает красу престола и блеск венца и трона в книге знания и наук, привет потомку властелинов, крупному жемчугу в ожерелье царствования и славы.

Я удостоился получить букет любви и дружбы, иными словами, дружественное послание, каждое слово которого —

заглавный лист для страниц разума, в самое благоприятное время, когда я был в наилучшем расположении духа. Письмо меня обрадовало. Твои слова с изъявлением дружбы и расположения я прочитал внимательно. Я выслушал также со вниманием твое поручение, которое красноречиво изложил посол. Слава и благодарность Аллаху, что я — ничтожный молитель у чертога пресвятого Аллаха — собрал в саду божественной милости целые лужайки роз и букеты базиликов мудрости и знаний и удостоился за свое терпение испить напиток познания и истины из погребка божественного руководства. С его помощью я подавил в себе склонность к дурным поступкам и веду счет своим дням на том и этом свете по книге разума, не поддаваясь соблазну обманчивых слов глупцов. Я различаю истину и ложь, вредное и полезное и никогда не совершу поступка, о котором знатные мужи будут стыдливо молчать, а простолюдины — трезвонить повсюду. Клянусь Аллахом, избранному и возвышенному кругу властелинов, которых господь отличил над всеми людьми, подобает разумно мыслить.

Прежде всего им надлежит обойти цель своих желаний, как циркуль обходит вокруг центра, чтобы взвесить разумом добро и зло предполагаемого поступка. И лишь после этого следует осуществлять свои намерения, словно сокола выпускать на охоту. А если они не наделены в достаточной мере тонким и ясным умом, то мудрые советники должны заменить им разум. Иными словами, они должны попросить у мудрых помощи и осуществлять по их указаниям свои высокие помыслы и намерения, чтобы заслужить одобрение людей и не раскаяться в содеянном. Мудрецы никогда не одобряли того, чтобы, не приступив к делу, говорить о нем и излагать его суть двуязычным каламом, и результат таких предосудительных действий несомненно один — стыд и раскаяние.

Пусть Изед сделает свою помощь руководством для твоих поступков, а разум предоставит тебе в помощники. Солнце твоего царствования пусть высится на небе».

**ПОСОЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НАЗАД, НЕ ДОБИВШИСЬ СВОЕЙ ЦЕЛИ,
МОСТ НАДЕЖД ДЖАХАНДАРА РУШИТСЯ.**

ОН ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

И ПРЕДПОЧИТАЕТ ЕЙ ЧУЖБИНУ И УДЕЛ НИЩЕГО

И ВО ИМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ СТРАСТИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ

В РУБИЩЕ НИЩЕГО В СТРАНУ БАХРАВАР-БАНУ

Когда посол, униженный и в отчаянии, вернулся в столицу, был принят и удостоился чести поцеловать подножие трона, он вручил приближенным шаханшаха недружелюбное и неприязненное ответное послание. Падишах, видя, что на письме нет доброго предзнаменования, а, напротив, оно проникнуто неприязнью, огорчился безмерно и от сильного огорчения не мог прийти в себя. Потом он отвел шахзаде в уединенный покой и сообщил ему о результатах сватовства. Он вновь пытался воздействовать на сына увещеваниями, осуждая его упорство в этом невозможном деле ясными доводами и убедительными доказательствами, в надежде, что тот послушает его и откажется от своей мечты и несбыточного желания. Но в шахзаде бушевало море страсти, в сердце его бурлило вино любви, так что драгоценные жемчужины-назидания отца не стоили для него и ячменного зернышка, а возвышенные советы не оказывали на него никакого воздействия. Он только поднял с удивлением голову и ответил:

— Возвышенные и сочувственные слова шаханшаха достойны того, чтобы запечатлеть их в сердце золотыми буквами. Но следует знать, что любовь и разум несовместимы и несоизмеримы. Я безумен в любви, и бразды моей воли находятся во власти умопомешательства, увещевания не принесут мне никакой пользы и разум ничем не поможет.

Не давайте нам советов, здесь мы скрылись, дабы
Нам о светлой скорби пели чанги и рубабы *.

Внутренний жар и страдания шахзаде перешли всякую меру, любовь выхватила из рук его воли повод терпения, и он, подобно Меджнуну, окунулся в долину исканий. Наконец, он предпочел царству скитания, владычеству над страной — удел нищего и бедняка, а тяготы и чужбину — покою и родным краям, сбросил с головы царский венец и надел нищенский клобук, а нежное тело, взлелеянное в шелках, он облачил в рубище из грубой шерсти и покрыл солнцеподобное лицо, что было нежнее розы, дорожной пылью. С горящим сердцем и источающими влагу глазами стал он скитаться по долине страсти.

Люди при виде печального состояния шахзаде тяжело вздыхали, а сострадательные проливали слезы, и стар и млад сокрушались и от удивления кусали пальцы. Даже травы в степи вздыхали по нем, вздымая стоны до небес, вопли же мужчин и женщин отдавались эхом под голубым небосводом. Сановники державы и государственные мужи, слыша о его недуге, приходили в отчаяние и недоумевали. Наконец, они пришли к шахзаде, стали проливать на румяные щеки кровавые слезы, стали читать наставления и назидания и умолять его отказаться от губительной мечты. И тогда разлученный с любимой шахзаде, разум которого был испепелен пламенем любви и скорби, заговорил, словно зажег речью светильник мучительной страсти, и рассыпал сердце, словно зернышки граната, крупичами слез по щекам*.

— О мудрые мужи,— сказал он,— поскольку посылающий нам долю даровал мне с небесного стола сердечный недуг, поскольку вечный художник начертал на моем челе приметы позора и моей судьбой оказались скорбь и горе, могу ли я предаваться покою и раздобыть себе доброе имя?

Если горе мне велит пить лишь собственную кровь,
Как же к радости напитку я прильну губами вновь?

— Человек не может,— продолжал он,— соскочить ножичком со своего чела предначертанное судьбой и сражаться с роком, ибо он всего-навсего — узник, закованный в цепи рабства и заключенный в темницу несчастья. Какой смысл теперь в советах и назиданиях, когда безумие засело у меня в голове и страсть разодрала одежды моего терпения? Напротив, мне надо сейчас помочь, и коли вы можете, то не жалейте своих сил и поспособствуйте мне, а не хотите — так оставьте меня в покое, чтобы я по зову своего сердца ски-

тался в поисках желанного, наступая на шипы и камни, посыпая раненую душу алмазными опилками, пронзая сердце иглой отчаяния. Постелью мне будет дорожный прах, а подушкой — камни той страны, где живет моя возлюбленная.

Радость там, где украсившая сердце мое,
Что бы ни было — я отыщу ее след*.

Дав наставникам такую отповедь, он положился на бога — а это лучшее зеркало, чтобы узреть желаемое, — оперся на помост божественной милости, самой прочной опоры для страждущих, и решил отправиться странствовать.

Он двинулся в путь, обгоняя ветер, а с собой взял попугая, который был его доверенным и искренним другом. Несколько приятелей, разумных и расположенных к нему, считая, что в такой момент покинуть друга противоречит обычаям дружбы и законам верности, как многобожие противоречит единобожию, присоединились к нему и во имя достижения счастья и вечного блаженства отправились с ним в дальние края.

ДЖАХАНДАР ПРИХОДИТ К БЕЗБРЕЖНОМУ МОРЮ

И ПЕРЕХОДИТ ЧЕРЕЗ НЕГО С ПОМОЩЬЮ ДЕРВИША,

ПОХОЖЕГО НА ХЫЗРА

Когда шахзаде, подобно Меджнуну, по велению всевластной и беспощадной любви, в закоулках которой томятся, словно Харут, столько прославленных шахов, попавших в западню ямочек на подбородках, закованных в цепи локонов красавиц с челом Зухры, пренебрег покоем, словно беспесенные цветы на лужайке; сел на коня скитаний и пустился в путь по пустыне страданий, он преодолевал трудности пустыни, окрыленный любовью и страстью, и путь не казался ему трудным, так что в короткий промежуток времени он прошел большое расстояние, словно месяц, который опережает все звезды. Наконец, перед ним предстало безбрежное море, бушующие волны которого даже рыб приводили в трепет, даже крокодилов — в ужас. Как перейти это

море без проводника? Томимый жаждой любви, переполненный страстью, шахзаде готов был просить крылья у птиц небесных. В волнении он дрожал и трепетал, словно рыба на суше.

Попугай, который был искренне предан шахзаде, пожалел его и сказал:

— О ты, скитающийся на чужбине! О ты, странствующий по долинам невзгод! Теперь, когда ты сам оказался в железной клетке беды, в тенетах любви, неразумно держать в клетке меня. Напротив, надо выпустить на волю преданного и безгрешного друга, снять путы с моих крыльев, чтобы я мог расправить их, полететь туда и сюда и сыскать кормчего — последователя Ноя. Быть может, тогда разрешатся наши трудности и ты достигнешь своей цели.

— О мой сострадательный друг,— ответил шахзаде,— ты хорошо знаешь, в этом опасном и утомительном пути единственный утешитель и доброжелатель мой — ты. Я боюсь, что, поднявшись в воздух на свободных крыльях, ты устремись к своим попугаям и позабудешь меня, что желание побыть и поговорить со своими собратьями победит в тебе любовь ко мне, и тогда разлука с тобой еще более усугубит мою скорбь.

— О шахзаде,— отвечал попугай,— хотя слово слабой птицы и не заслуживает, может быть, большого доверия и мудрец не станет надеяться на верность выпущенной на волю птицы, однако следует знать, что творец-художник в этой мастерской бытия нарисовал свои творения не на один лад. Слава и благодарность Аллаху, глина, из которой я был сотворен, состояла из воды и праха верности, а на пашню моей природы, этой горсти перьев, посеяли только правдивые семена.

Я не тот, кто способен нарушить присягу свою,
Даже если на дольки меня рассекут, как тростник.

— Я буду верен тебе,— продолжал попугай,— пока ты не поймашь в море желанная жемчужину цели. Пока ты не добьешься, чего желаешь, я ни за что не расстанусь с тобой. Я всегда буду летать на расправленных крыльях, жертвовать собой ради тебя и угождение тебе буду считать своим поклонением единому богу.

Я этом мире лишь дом твой убежище мне.
Я склонюсь до земли лишь у двери твоей *.

— Если же мои слова будут осквернены грязью лжи, то пусть всемогущий творец, который сотворил попугаев благородными и уважаемыми, в день Страшного суда сделает мое счастье черным, как ворон, а в этом преходящем мире пусть он бросит меня в когти кровожадного кота-палача. Мои речи продиктованы лишь доброжелательством и любовью к тебе, другой цели у меня нет. Я хочу только отплатить тебе за то добро, которое ты оказывал мне, и отблагодарить тебя.

Шахзаде поверил в преданность и верность попугая и выпустил его из клетки.

Оказавшись на свободе, попугай взлетел в воздух и с высоты стал осматривать все края и закоулки той пустыни. Вдруг он увидел на берегу моря хижину, низкую, как помыслы подлецов, и узкую, как глаза тюрков. Он полетел и сел на ветке дерева, растущего неподалеку, чтобы разузнать, кто обитает в этой лачуге и почему он поселился в таких нелюдимых краях. Лачуга была сплетена из тростника, дверь открыта, словно взор прямодушного человека, а дом был чист, как помыслы праведных мужей. Перед дверью сидел слабый старец, облачившись по обычаю тех, кто смиренно стремится к богу и познанию божественной сущности, в старое рубище. Он сидел на молитвенном коврике, перебирал четки с покорностью и смирением и произносил про себя молитвы. Чело его блистало божественной истиной и осведомленностью в потусторонних тайнах. Его помыслы были свободны от мирских соблазнов, а сердце было разбито и истерзано, весь облик его говорил о страхе перед богом, а душа его стремилась к единению с творцом. От его смиренного лица исходили лучи сокровенного смысла, словно свет от лампады.

Попугай, убедившись в том, что помыслы дервиша чисты, как зеркало, сразу же заговорил и, как полагается воспитанным людям, стал воздавать ему хвалу. Мудрый муж, услышав сладостные речи попугая, пришел в волнение, обратился на птицу взор и молвил:

— О птица с изумрудными крыльями, речами, как у

Исы, с твоего розового клюва каплет прозрачная вода красноречия! Что у тебя за важное дело? Ради кого расправил ты свои крылья? От твоих жалобных речей веет правдивостью и искренностью!

— О ты, украшающий сад истины,— ответил попугай,— о ты, наряжающий мыслями пир познания! Просьба моя отразилась в твоём возвышенном уме отчетливо, словно красавица в зеркале, и потому мне не следует проявлять излишнюю настойчивость.

Для чего о желании вслух говорить при тебе? —
В мире нет ничего, что бы сердцем познать ты не мог.
Свет и радость вселенной, пылающий солнечный глаз,
Силу черпает в прахе, который ты стряхивал с ног *.

Тот муж, чей разум был равен солнцу, своим проникновенным умом распознал тайну попугая и велел привести шахзаде.

Услышав его слова, попугай проникся надеждой, от большой радости захохотал, как куропатка, и в один миг долетел до шахзаде. Его розовый клюв раскрылся в улыбке, словно бутон роз от утреннего ветерка.

Шахзаде, опечаленный и удрученный усталостью и волнением, с нетерпением ждал возвращения попугая. Увидев улыбающуюся птицу, он снова проникся надеждой. Попугай поведал ему приятную весть, и они отправились к тому праведному мужу, который вкушал из чаши поклонения единому богу и мог открыть им врата надежды. Шахзаде всей душой доверился попугаю и, не задумываясь, направился к дервишу, который обещал ему счастье. Когда он прибыл к благословенному порогу и взоры его осчастливил сокровенный облик, он, как и подобает благородному, оказал дервишу подобающие почести, подошел поближе и сел у его порога, исцелявшего душу, словно сурьма * глаза, и выразил свою просьбу в стихах:

Как я устал от морей и от гор, что встают на пути моем,
Праведный Хызр, помоги мне своей благосклонностью *.

— О счастливый юноша,— сказал дервиш,— «Слава Аллаху, господа миров» *, он устраивает трудные дела своих рабов. Поступай же соответственно благому изречению:

«Тебе мы поклоняемся и у тебя просим помощи» *, ибо ни у кого другого не следует просить покровительства. Ступи на правильный путь и уповай на бога, ибо он лучше всех исполняет надежды и чаяния. Иди один, ибо путь желания узок, и не полагайся ни на кого, кроме как на Аллаха, если хочешь увидеть возлюбленную.

Шахзаде по совету дервиша отправил назад своих верных друзей и слуг, отрекся от этой бременной жизни и ступил на путь исканий, просветленный. Иными словами, он закрыл глаза, а когда открыл, то он и попугай были на том берегу моря.

То, о чем молятся все падишахи великие,
В зеркале счастья дервишей видно заранее.
Царь словно кыбла, к нему обращаются с просьбами,
Дервиша мудрость — всему на земле основание *.

Хотя шахзаде перешел через бурное море при помощи мудрой и красноречивой птицы, хотя это очень радовало его, хотя сердце ему ублажали сладостные речи попугая, все же от одиночества и разлуки с друзьями он был печален в той страшной пустыне, где не было дорог, и был растерян, словно заблудившийся путник. Но стремление побывать в стране возлюбленной одолело другие желания, любовь захватила поводья его сердца, и он, наконец, отбросив осторожность, двинулся вперед, словно Меджнун. Он проливал дождь кровавых слез, словно пьяный шагая по камням и колючкам.

Положившись на милосердие бога, который является другом страдающих в темные ночи и путеводителем одиноких путников на чужбине, он раскрыл свои уста, подобные по сладости соловью, и произнес стихи:

Если ночью светильник Мусы не разгонит кромешную тьму,
Как смогу я во мраке найти благодатного счастья долину? *

**ШАХЗАДЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ, ОБОШЕДШИМ
ВСЬ СВЕТ, КОТОРЫЙ ПОСЛЕ ДОЛГИХ СКИТАНИЙ ПО СВЕТУ
ПОСЕЛИЛСЯ В ПУСТЫНЕ. ПОПУГАЙ ОТПРАШИВАЕТСЯ
У ШАХЗАДЕ ДЛЯ ПОИСКОВ ПУТИ К ЦЕЛИ, А ВСТРЕЧНЫЙ
РАССКАЗЫВАЕТ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ И СКАЗКИ
С ЦЕЛЮ НАСТАВИТЬ ШАХЗАДЕ НА ИСТИННЫЙ ПУТЬ**

Когда шахзаде, страждущий в долине печали и напоенный напитком безумия, прошел, не делая остановок, несколько фарсахов по той ужасной пустыне, в которой даже дикие звери умирали от страха, вдруг из тени поднялся старец. Тело его от худобы походило на новый месяц, а лицо светом благочестия напоминало месяц полный.

— Вот уже два дня, как я жду тебя в гости и непрестанно смотрю на дорогу. Слава Аллаху, желание мое исполнилось, и ты осчастливил меня своим приходом,— сказал старец.

Сень счастья ты бросил на этот разрушенный дом *.

Шахзаде не стал много рассказывать, а предложил отшельнику разделить с ним скромную трапезу, сладостную, как пища Исы *. Они поели, и шахзаде, отдохнув, сбросив с себя бремя дорожных трудностей и утолив голод, попросил старца помочь ему в его деле.

Дервиш ответил:

— О беспокойный юноша! Много лет назад я долго бродил по свету жертвой своих страстей. Я повидал и добро и зло этого мира. Распознавши суть вещей, я отбросил бремя тщетных волнений, решил уединиться, довольствуясь малым, покинул людские поселения и укрылся в этих диких местах. И теперь я не ведаю никого, кроме творца вселенной, и ни с кем не знаюсь. Не проси меня о помощи, ибо в пустыне любви каждая росинка — сотня бушующих морей пламени.

Раз ты ступил ногой на этот путь, то не избегай трудностей, а храбро бросайся в пламя мучений и бедствий, отложи в сторону здравый смысл, довольствуйся упованием на бога, смирись перед ним, прими удел одиночества и разлуки с ближними.

Страсть не игра для детей, сердце, смело не слушайся разума.
Мячик любви не взлетит, если бить по нему вождельем *.

Итак, попутный ветер благосклонности не подул со стороны избравшего уделом одиночество странника на бутон надежды Джахандара, в горло шахзаде не упала капля надежды из чаши благородства. Тут шахзаде сильно растерялся, впал в отчаяние, встретившись с враждебностью судьбы, и погрузился в изумление.

Легкой казалась любовь, трудности всплыли не сразу. *

Отчаявшись достичь желанной цели в этой обители горя, он решил погибнуть, стал царапать ногтями лицо и посыпать прахом голову, читая печальные стихи.

— О заглавный лист всех опечаленных на пути любви,— стал утешать его попугай.— На каждом шагу тебе придется жертвовать своей жизнью и отдавать свою голову, а нетерпение и слабость духа проявляют только мужи незрелые. Те же, кто созрел в делах любовной скорби, кто опален пламенем страсти, считает каждую каплю, которая падает из скорбного сердца, желанным плодом.

Нужно терпенье в любви. Сердце, будь стойким и твердым *.

— Остерегись,— продолжал попугай,— не жалуйся и не причитай. Не звони от нетерпения, словно колокольчик, а усердствуй в терпении, я же постараюсь найти путь и отыскать оконце для выхода из темницы скитаний.

Проговорив эти слова, попугай стал летать туда и сюда в поисках выхода, а шахзаде остался на месте дожидаться его. А тот благочестивый дервиш углубился в свои молитвы, не обращая более внимания на скорбного скитальца. Один из обитателей кельи дервиша, по имени Шарик, сжалился над шахзаде, заговорил с ним участливо, утешая и ободряя его, занимая его увлекательными рассказами, чтобы залечить его глубокие сердечные раны бальзамом убеждения.

ШАРИК НАЧИНАЕТ СВОЙ РАССКАЗ

В СООТВЕТСТВИИ СО ВСЕМИ ПРАВИЛАМИ КРАСНОРЕЧИЯ

Мудрый Шарик стал сыпать из уст сладостный сахар слов, говоря:

— О разумный царь! Я — бывалая птица и повидал в мире много всяких чудес и диковинок. Немало встречал я пораженных пламенем любви, но в конце концов благодаря облаку божественных милостей они расцветали от исполнения желаний, словно розы и базилики. Если этот несправедливый небосвод несколько дней немилостив к тебе, то пусть твое сердце не сжимается, как бутон: ведь рано или поздно проявится божие милосердие и ветер благосклонности повеет в твою сторону.

Пусть сердце твое не сжимается,
словно бутон,
Тебе и прохлада и утренний ветер
помогут *.

— Ведь, согласно велению всевышнего, «трудности сопутствует легкость» *, за каждой болью следует облегчение, за каждым опасением и подозрением следует освобождение от тягот и начало покоя.

Тот, кто боится страдать, не обретет наслажденья *.

— Теперь ты страдаешь и переживаешь из-за своих желаний, — продолжал Шарик, — но в будущем ты добьешься успеха и вновь склонишь голову на изголовье неги и покоя. Считай своим великим долгом и первой обязанностью избегать четырех вещей: во-первых, великие дела не могут свершиться без тщательного обдумывания, а не то легко подвергнуться ударам судьбы и бедствиям рока, как это случилось с дочерью купца.

— А какова история дочери купца? — спросил шахзаде, и Шарик стал рассказывать.

РАССКАЗ

— Некий бедняк, — начал Шарик, — поселился в одном городе на чужбине. Он бедствовал и старался ради хлеба насущного, который столь необходим человеку. Жителей города он не знал, никому не было до него дела, и ему приходилось выполнять самую грязную и черную работу, да и та не всегда ему доставалась, так что он еле сводил концы с концами.

Прошло много времени, как он там поселился, и вот как-то один старый продавец гороха сжалился над ним и нанял его топить печку. На ужин хозяин велел испечь лепешку. Бедняк счел это великой удачей и в надежде на хорошее угощение старался вовсю. Старику понравились его исполнительность и преданность, он вывел его из нищенского состояния в достаток, назначил своим помощником, отдал в его руки все дела по хозяйству и одел его с ног до головы во все новое. Не прошло много времени, как дела того человека пошли в гору, он обрел уважение и почет среди людей, и вот уже вчерашний бедняк и нищий счел для себя возможным породниться со старшиной того рода. Старшина от этого сильно рассердился и пошел жаловаться к старику.

— Несмотря на твое богатство и родовитость, — сказал старшина, — ты никогда не пытался сравняться со мной. А вот помощник твой, который недавно был всего лишь истопником, сегодня хочет породниться со мной. Если он не извинится передо мной, то я не прощу его, накажу как следует. Ты же помни, что и тебе не следует пренебрегать мной.

Старик попросил у старшины извинения за невоспитанность своего помощника, позвал молодого человека в уединенную комнату и стал рассыпать перед ним царственные жемчуга наставлений.

— Душа моя, — говорил старик, — попытка сравняться с великими мира сего и поставить себя в один ряд с ними, будучи весьма маленьким, — признак глупости.

Похвальбой не сравнишься с великими мира сего,
Если все, чем владеют они, раздобыть не сумеешь *.

— Берегись,— продолжал старик,— впредь не совершай таких поступков, ибо обида нашего уважаемого старшины не принесет нам пользы.

То, что я слышал от старших, сегодня тебе повторю:

Сын, ты состаришься тоже, прислушайся к мнению старца *.

Но юноша, оправдав изречение: «Тот, кто мерзок по натуре, не отблагодарит благодетеля» *, счел это поводом к тому, чтобы расстаться со стариком, простился с ним, мигом забыл все оказанные ему благодеяния, ступил на путь черной неблагодарности и поселился в квартале купцов. Однако спустя несколько дней он обнищал и остался без единого гроша.

Но вот по воле случая красивой дочери богатого купца полюбилось его пригожее лицо, и, не подвергнув его настоящему испытанию, как это делают с золотом, она вышла за него замуж.

Прошло какое-то время, и в один прекрасный день муж стал распространяться о своей знатности и богатстве, уговаривая жену выехать из ее родного города. Жене захотелось увидеть новые края, стать хозяйкой его огромного состояния, пожить в свое удовольствие и вкусить всех мирских благ и наслаждений. Через родственников она попросила у отца разрешения на отъезд, но тот не разрешил. Тогда она тайком вместе с мужем покинула ночью отчий дом и двинулась в дальний путь.

По прошествии многих дней, после всяких трудностей и долгого пути они очутились в пустыне, где и не пахло людским жильем.

— Что это за место? — спросила жена. — Здесь нет ни единой живой души, а язык от жажды не может слова вымолвить. Ради бога, найди воды, я умираю от жажды.

— Не горюй,— стал утешать ее муж,— потерпи часок, здесь поблизости есть чудесное место, там растут разные плоды и злаки, во все стороны бегут ручьи, подобные райским Салсабилу и Тасниму, повсюду — лужайки со смеющимися розами и базиликами. Все это похоже на вышний рай и райские сады. Вот там и живут мои родители. Мы скоро прибудем туда и избавимся от тягот пустынь и безводных степей.

Жена обрадовалась его речам, и, хотя ей трудно было двигаться, она через силу вновь зашагала.

Спустя какое-то время вдали показалась деревушка из нескольких жалких лачуг.

— Муж мой,— сказала жена,— в этой деревне нет ни садов, ни арыков. Ведь в таких лачугах постыдился бы жить даже простой мусорщик.

— Жена,— ответил он,— здесь даже более того прелестей, чем я говорил тебе. Ведь ты еще ничего не видела, а возводишь напраслину.

Затем муж посадил жену в тени дерева и сказал:

— По нашему обычаю мои родственники должны встретить тебя громом барабанов и пением флейт, облечь тебя в драгоценные одеяния и украшения, а потом ввести торжественно и с музыкой в город, чтобы там устроить пир и празднество и провести весь день до самого вечера в веселии и за вином. Посиди немного под этим деревом, а я сообщи родным о тебе.

Жена, одураченная красивыми словами, села под деревом, а муж побежал к деревне.

Не прошло часа, как послышались гром барабанов и звуки флейт, и жена увидела вдали мужчин и женщин, приближавшихся с песнями и танцами. В предвкушении нарядов и украшений женщина готовилась достойно встретить родных мужа. Но вдруг к ней подбежало несколько безобразных и мерзких мужиков, похожих на мясников. Они схватили ее за косы, раздели донага, словно в день Страшного суда. Женщина кричала и оборонялась, но ничего не помогло. Наконец, они связали веревками эту беднягу, оказавшуюся без защиты на чужбине, обрили ее сверху донизу и исколотили так, что она обливалась алой кровью. Потом соорудили носилки, бросили ее туда, крепко привязав ее руки и ноги к подпоркам, а затем, довольные и радостные, вернулись в деревню. А два стрелка сели в засаду с отравленными стрелами, натянув тетиву. Жена сначала кричала и плакала, но потом от потери крови совсем лишилась силы и перестала двигаться. Спустя час в воздухе показалась огромная птица с мощными крыльями, подобными ветвям дерева, с клювом величиной с хобот слона. Человек при виде ее терял мужество, от шума ее крыльев душа улетала прочь.

Птица подняла клювом несчастную женщину и взвилась в воздух. Веревки, которыми она была привязана, разорва-

лись, как паутинка, а носилки полетели на землю. Засевшие в засаде стрелки стали пускать в птицу отравленные стрелы, и две из них угодили прямо в крылья, но не причинили поначалу птице вреда, и она пролетела по небу около ста фарсахов. Но потом яд стал действовать, и она начала слабеть и опускаться на землю. Она села на каком-то острове, окончательно ослабев от яда, выпустила женщину, а потом стала изрыгать из клюва разной формы изумруды чистой воды, которые, казалось, были отполированы и огранены лучшими ювелирами. В тот же миг душа птицы покинула свою оболочку, словно последний выдох ее был изумрудом.

Израненная и разбитая женщина долго лежала там без сознания. Придя в себя, она открыла глаза, оглянулась и увидела, что находится на острове, одинокая и покинутая всеми, вся в крови. Поблизости не было ни друга, ни утешителя, ни коня, ни пищи. И все-таки она поблагодарила всевышнего Изеда, подняла камни, которые послужили причиной стольких мук и тревог для нее, и двинулась, нагая и плачущая, куда глаза глядят. Она шла потихоньку, надеясь найти укромное местечко, где бы спрятаться от хищных зверей.

Бедная женщина прошла так около двух фарсахов. Золотая птица-солнце спряталась на западе, ночь подняла над горизонтами навес из темноты, и женщина, опасаясь за свою жизнь, решила переночевать в пещере. К этому времени она изнемогала от голода, от холода и ночной сырости, раны ее ныли, а страх одиночества довершал ее мучения. Всю ночь напролет она молилась, воздев руки к всевышнему судие, покровительствующему тем, кто просит его о помощи, моля спасти ее из этой пучины бедствий и гибели. Но ответа на ее молитвы не было.

Когда невеста востока выскользнула из объятий утра и набросила на мир покров из света, несчастная и раненая женщина вышла из пещеры и двинулась в том же направлении, в котором шла накануне, падая и вставая. В полдень, когда солнце стояло в зените, раны ее от дорожной пыли и июльского солнца стали мучительно ныть и терзать ее, так что ей стало невозможно. Она не видела пути к спасению и примирилась с мыслью о гибели, всецело покорилась судьбе и шагала со слабой надеждой, ожидая наступления последних минут жизни. Наконец, она оказалась на берегу океана. Усталая, она присела у родника и вдруг увидела огромного зверя, настолько большого, что его невозможно

было охватить взглядом. С черной шерстью, безобразный видом, он казался подобным горе. Если бы он не двигался, его и не отличить было от высокой горы на берегу моря. Женщина, уже распрощавшаяся с жизнью и ожидавшая лишь смертного часа, бесстрашно ухватила за его хвост, надеясь переправиться на нем через море и попасть к людским поселениям. Животное благодаря своим огромным размерам не обращало на глубину моря никакого внимания, переправляясь с острова на остров. Женщина тихонько отпустила его хвост, и стала дожидаться другого случая, благодаря бога, который дарует бальзам истерзанным сердцам. Когда зверь отошел подальше, женщина снова двинулась в путь. Не прошла она и фарсаха, как очутилась на прекрасной цветущей лужайке, которая казалась райским уголком на земле. Повсюду текли ручьи, подобные райскому Салсабилу, росли целыми кущами прелестные цветы, развесистые плодовые деревья бросали густую тень, соловьи заливались трелями, утренний ветерок колыхал ковер свежей травы — словом, судьба, будто гостеприимный хозяин, разостлала скатерть с самыми изысканными яствами.

Женщина изнемогала от голода, она поела плодов, напилась из родника и легла поспать в тени дерева на траве, которая была мягче и нежнее бархатных и горностаевых подстилок. Отдохнув от тягот пути, она проснулась, села на лужайке и стала смотреть на розы и базилики, зеленые травы, цветы и ручейки.

Так она просидела с час, как вдруг на лужайку набежали со всех сторон обезьяны, рассыпались вокруг и стали карабкаться на деревья, срывая спелые и зеленые плоды. Увидев стаю обезьян, женщина испугалась за свою жизнь, из последних сил она быстро взобралась на дерево без плодов и спряталась там среди листвы, трепеща всем телом от страха. Случайно под тем деревом оказался вожак той проклятой стаи. Увидев на дереве женщину, он пустился в пляс от восторга и приказал одной обезьяне снять с дерева несчастную. Обезьяна схватила бедняжку за шиворот и стащила вниз, а вожак схватил ее в объятия и давай целовать. Женщина от ужаса словно окаменела, побелела. Вожак, видя ее испуг, стал обращаться с ней ласковой и повел в свое жилище. Стаю он тут же распустил, и обезьяны вмиг рассеялись. А тот вожак взял несчастную в жены, и она стала жить в его логове. Вожак приносил жене вкусные плоды, прикладывал травы к ее ранам, и они скоро зажили. Кожа

сошла с тела женщины, как змеиная шкурка, и оно стало белым и нежным, как прежде. Однако хоть тело ее и излечилось от ран, но душа была ранена сожительством с обезьяной, и жизнь стала для нее темницей.

Тяжко страдает душа, если равных себе не находит*.

Вожак ни на минуту не отлучался от женщины и стерег зорко. Так прошло много времени, и наконец она забеременела от той обезьяны.

По прошествии положенного срока она разрешилась от бремени двойней. Телом дети походили на обезьяну, но умели говорить по-человечески. После этого вожак стал доверять женщине, полагая, что дети привяжут ее к нему и отвлечение ее пройдет. Положившись во всем на жену, вожак предоставил жилище в ее полное распоряжение, а сам стал проводить большую часть времени в отлучке. Жена же выказывала ему приветливость и ласку, покоряясь его желаниям, но втайне ждала только удобного случая.

Так прошло еще некоторое время, и жена ничем не показывала, что хочет расстаться с обезьяной, все его подозрения и сомнения рассеялись, и однажды он отправился в даль-

ние края, поручив жене заботы по дому и уход за детьми. Жена тотчас принялась изыскивать пути к спасению, бродить взад и вперед. Пройдя около двух фарсахов, она оказалась на берегу океана, где по всем приметам должна была быть стоянка кораблей. Она очень обрадовалась своему открытию и вернулась в жилище обезьяны, но с той поры частенько стала наведываться на берег, ожидая прибытия какого-нибудь судна. Она не теряла надежды на милосердие и помощь всевышнего, который избавляет от скорби и горестей всех страждущих.

И вот в один прекрасный день, полная радужных надежд, пришла она на берег океана и увидела вдали очертания корабля как раз в тот самый момент, когда матросы поднимали якорь, чтобы отплыть с попутным ветром. Задохаясь, она добежала до берега и закричала:

— О набожные люди! Я — бедная женщина, перенесшая жестокие удары судьбы и лишившаяся рассудка от ударов чоугана небосвода. По воле своей злосчастной звезды я натерпелась мук, по велению судьбы я извела много мучений. В этой пустыне меня захватил вожак стада обезьян. Сжальтесь надо мной, ради бога! Спасите меня из этой гибельной пропасти во имя человеколюбия и возьмите под сень своего покровительства.

Но матросы с корабля и не думали жалеть ее, они отвечали:

— Мы — торговцы, у нас с собой много товаров, а из-за твоего спасения подвергнутся опасности все, кто находится на корабле. Обезьяны стаи могут напасть на корабль и разграбить все наши товары, а губить целый корабль с товаром и людьми ради спасения одного человека неразумно.

Выслушав такой ответ, женщина пришла в отчаяние, ударила головой о землю и вновь взмолилась:

— О благочестивые! Вожак еще не знает о том, что я покинула его, и вам нечего опасаться обезьян. Во имя Аллаха, не отвергайте моей просьбы, не пренебрегайте добрым делом, которое зачтется вам на том свете и увеличит ваши блага на этом свете. Во имя надежд, которые вы возлагаете на чертог всевышнего бога, не лишайте надежды меня, а в благодарность примите от меня этот драгоценный изумруд.

Но владельцы корабля вновь ответили ей отрицательно:

— Неразумно ради какого-то камня рисковать нашими товарами, которые равны податям целого государства. От-

кажись от своего неразумного намерения и не осуждай нас за вынужденный отказ.

Но поскольку человек в своей корысти безумен, женщина так умоляла их, что и вообразить невозможно. Ведь время шло, и она страшилась, что вожак может вернуться и узнать о ее бегстве, и вот она сделала все возможное, чтобы ее взяли на корабль.

Наконец, капитан корабля, который был также старшим каравана купцов, сжалился над горестным состоянием бедняги (он загорелся также желанием завладеть изумрудом) и ответил:

— О пораженная судьбой женщина! Хотя сейчас помощь и покровительство тебе вредит нашей собственной безопасности, но в надежде заслужить благосклонность всевышнего мы окажем тебе помощь. Торопись, взойди на корабль, изумруд передай моим слугам, сама же спрячься в трюме корабля.

Как только женщина услышала радостные слова, желтое лицо ее от радости порозовело, а бутон ее сердца расцвел от ветерка приятной вести. Она извлекла из листьев, прикрывавших ее наготу, драгоценный изумруд и, ни на миг не задумываясь и без сожаления, отдала его матросам, а сама, словно пылинка, трепещущая в солнечных лучах, приплясывая, поднялась на палубу. Но капитан корабля, как только она отдала изумруд, велел гнать несчастную с корабля и тем самым закрыл для ее сердца путь к спасению. Когда она поняла, какой оборот принимает дело, пламя скорби вновь загорелось в ней, и она словно плакальщицы, посыпала голову прахом, упала на землю, стала биться, словно раненная на смерть птица, и проливать кровавые слезы.

— О благородный муж! — воскликнула она.—

Если меня не боишься — побойся Аллаха! *

— Не обижай несчастную женщину, ведь все это может обернуться против тебя, и страшись того часа, когда я принесу жалобу на твое насилие в чертог всевышнего творца.

Эти слова сильно действовали на капитана корабля, и он велел оставить ее на корабле.

Бедная женщина, когда спаслась от палящих лучей солнца невзгод в тени благоденствия, стала воздавать хвалу и благодарность богу, потом села в укромном уголке корабля, и сердце ее успокоилось.

Матросы меж тем подняли якорь, и корабль отплыл. Едва корабль отошел, на берег прибежал проклятый вожак, таща под мышкой двух своих ублюдков, в сильном волнении и тревоге. Матросы и купцы, увидев стаи обезьян, растерялись от страха, лица их побледнели. Бедная женщина, заметив, что матросы ведут себя недостойно пред лицом бесчисленных стад обезьян, стала опасаться, как бы ее не прогнали с корабля и как бы ей вновь не пришлось жить с этим гнусным вожаком обезьян.

— О храбрые мужи! — воскликнула она. — Некрасиво вести себя так нерешительно. Не беспокойтесь, эти обезьяны не смогут вам ни настолечко повредить. Ведь они сами боятся вас, да к тому же они ведь не могут броситься в воду.

Матросы ободрились и погнали корабль с возможной быстротой. К счастью, подул попутный ветер, и корабль быстро поплыл вперед.

Когда вожак обезьян убедился, что он не может ничего поделывать — плавать-то он не умел, — он остановился на берегу и стал жестами и знаками умолять женщину остаться с ним. Он выставял вперед детей, взывая к ее материнским чувствам, показывая, что те могут погибнуть без материнского молока. Но она не поддалась на его уловки, и вскоре корабль скрылся из виду. А женщина стала благодарить бога и произносить молитвы.

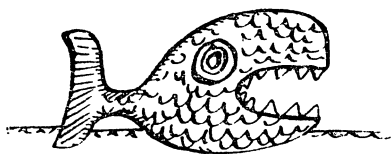
Но кукольник-небосвод из-за своей голубой завесы выкидывает все новые шутки, он сыграл злую шутку и с кораблем. Спустя три дня, когда золотой корабль-солнце сорвался со своего якоря и устремился на запад, по воле разгневанного бога подул противный ветер и вырвал поводья управления кораблем из рук капитана и матросов. За два часа корабль проплыл путь двух месяцев в неизвестном направлении и оказался в гибельных пучинах.

Мчит корабль по божьей воле разъяренный океан,
Даже если рвет одежды в иступление капитан *.

Все, кто был на корабле, воздели с молитвами к небу руки, но ответа не было, ничего в их положении не изменилось, удел их по-прежнему был жалок. Тут вдруг из воды высунула голову огромная рыба, размеры которой невозможно даже представить. В мгновение ока она подплыла к кораблю с теми несчастными и схватила его зубами. От силы удара огромный и тяжелый корабль разлетелся на куски,

словно бутыль, ударившаяся о камень. О камень ударились и склянка жизни всех людей, и они вместе со своими товарами опустились в небытие водным путем, за исключением той несчастной женщины, которая уцепилась за обломок корабля. Ветер погнал тот обломок прочь от гибельной пу-
чины.

Три дня и три ночи плыл обломок, словно стрела, выпущенная тетивой спасения, а на четвертый день, когда золотой корабль-солнце появился на зеленом море небес, об-

ломок вдруг остановился — по воле бога, которого бесполезно вопрошать «почему?» и «как?». Казалось, что к этому куску дерева привязано сто тяжелых якорей. В час рассвета, когда повеял прохлад-

ный утренний ветерок, обломок вновь поплыл дальше и через полчаса его прибило к берегу. Женщина, которая совсем уверилась в своей скорой гибели и жила страхом и тревогой, как бы вновь родилась на свет, увидев вблизи берег. Она отпустила доску, за которую держалась, вышла на берег и целый час просидела, не в состоянии рукой шевельнуть от прошедшего страха, а потом стала произносить благодарственные молитвы богу. Собравшись с мыслями, она двинулась куда глаза глядят. Она шагала словно летела на крыльях, надеясь набрести на человеческое жилище. Но сколько она ни шла, повсюду простиралась лишь безлюдная и безжизненная пустыня. Она устала и утомилась, но ей нигде было остановиться, и она поневоле продолжала путь. Наконец, она подошла к реке с чистой и прозрачной водой, на обоих берегах которой росли ровными рядами плодовые деревья. Тень раскидистых деревьев, свежесть прохладных вод, зелень трав и распустившиеся цветы принесли ей душевный покой. Она поела сладких плодов, выпила прохладной воды и погрузилась в сладостный сон. Веки закрыли перед ней завесой все происходящее кругом, и она перестала видеть добро и зло этого мира.

Проснувшись, она пошла дальше, дрожа и трепеща от страха, как бы опять не подвергнуться новым злоключениям. И вдруг она увидела вдали толпу существ в человеческом облике, выглядывавших из-за деревьев. Роза ее сердца расцвела от радости, и она побежала к ним, ликуя и радуясь.

Подойдя поближе, она увидела сорок мужчин и женщин, на которых не было никакой одежды: они прикрывали свою наготу, как Адам и Ева, листьями дерева. Их уста были сжаты, словно бутон, сами они были тощие и худые от чрезмерных молитв и только и делали, что молились богу. Голодная женщина, видя этих людей, которые питались листьями деревьев и кореньями, пришла в отчаяние и огорчилась столь же сильно, сколь сильно прежде обрадовалась. А те PROVIDЦЫ с ясными сердцами догадались о ее огорчениях и стали знаками показывать ей путь. Она пошла, куда они указали ей, и вскоре увидела несколько роскошных деревьев и источник с прохладной и прозрачной водой, которая, казалось, вытекала из жемчужной раковины. На краю родника стояла лачуга из тростника, и каждая тростинка казалась фонтаном благодетельных. В очаге горел огонь и висел над огнем котелок, в котором варились какие-то яства, но хозяев не было видно. Женщина вошла в лачугу и, поскольку ее обуревал голод, подняла крышку котелка, посмотрела и увидела, что в воде варится несколько листьев. Она пришла в еще большее отчаяние и упала, измученная, под деревом. Прошло некоторое время, и перед ней явился мужчина со светлым ликом и сияющим челом, словно солнце и луна. Ею овладел благоговейный страх перед тем человеком, испившим чашу напитка в погребке поклонения богу и погрузившимся в глубины моря божественной истины. Она затрепетала всем телом и забыла себя. Этот муж с проникновенной душой и ясным умом сразу же понял, что с ней творится, хотя она не раскрывала уст и не рассказала о себе. Он услышал не рассказанную ею историю и прочитал не написанные ею страницы, ласково и нежно приложил руку к ее голове, успокоил ее и сказал:

— Закрой глаза, женщина.

Она покорно сомкнула веки, а когда подняла их, то оказалась у порога отчего дома, избавившись от всех тягот и злоключений этого мира. Перенеся столько бед и пережив столько мук, она целой и невредимой вернулась домой.

— Вполне очевидно,— закончил Шарик свой рассказ,— если бы дочь купца, прежде чем выйти за того недостойного мужа, испытала бы его пробным камнем и разузнала бы подробно о его происхождении и достоинствах, то она не связала бы с ним судьбы и не стала бы мишенью для ее стрел.

— Во-вторых,— продолжал Шарик,— не следует пренебрегать даже ничтожным врагом, если не хочешь, чтобы тебя

ославили на весь свет, как это случилось с гилянским правителем.

— А что случилось с гилянским правителем? — спросил шахзаде, и Шарик стал рассказывать.

РАССКАЗ О ЦАРЕ МЫШЕЙ И ГИЛЯНСКОМ ПРАВИТЕЛЕ

Рассказывают, что в давние времена по воле судьбы и велению небес в гилянском лесу на престол возвели мышью, и под ее владычеством оказались все звери и животные тех мест.

Она назначила везирами двух лисиц и препоручила им все государственные дела, и они служили ей верой и правдой со всем усердием, на какое были способны. Слава Аллаху, что у такого государя были такие расторопные везиры!

Не вопрошай, почему небеса подлецам помогают,

Я полагаю, у них есть для этого
тьма оснований*.

Однажды мимо того леса проходил караван купцов, и старшина каравана оставил на дороге верблюда, так как тот выбился из сил и вся спина его была покрыта ранами от непосильного груза. Когда верблюд избавился от побоев

погонщика и седло перестало натирать спину, он принялся щипать зеленую траву без помехи узды и в скором времени поправился и разжирел. Тем временем лисица прослышала о верблюде и доложила Мыши:

— Во владениях вашего величества поселился верблюд, который избавился от узды и седла. Он пасется на царских лугах и срывает плоды с тех деревьев, которые берегут специально для царя. Все, что ни понравится ему, этот верблюд пожирает без страха и зазрения совести. Проживание его в

нашей стране без разрешения царя противоречит закону, и потом если такой сильный и большой верблюд пробудет на воле долго, то он обретет независимость, возгордится, возомнит о себе и вознамерится отобрать власть у нашего царя и захватить силой все его владения. И уж тогда мы не сможем противостоять ему и не сможем подавить смуту. Интересы державы требуют, чтобы царь приказал вызвать его и повелел бы ему бросить это недозволенное занятие. Царю следует заставить этого верблюда признать свою власть. Если он, на свое счастье, покорится смиренно, то его надо принять в число слуг и оказать ему милость. Заставить покориться такое животное — важная победа для нашей державы, это возвеличит мощь нашего царя. А если он по своей гордыни и спеси, полагаясь на свою мощь, не захочет покориться, то необходимо погубить его, покамест он не окреп и не завязал дружбы с врагами нашего государства. Словом, надо погасить пламя того вреда, которое он нам может принести, умело и обдуманно пробить брешь в основании его жизни. Пусть всем станет ясно, что неповиновение власти имущим и попытка ступить на стезю непокорности царям влечет за собой лишь гибель и это равносильно тому, чтобы броситься вниз головой в бездонную пропасть.

Мыслями спорить с царем ни к чему,—
Лучше резать себя самому *.

Царь одобрил мысли умного везира и приказал позвать Верблюда. Лис сам взялся за выполнение этого поручения. Он хитростью, лаской и коварством надел на Верблюда узду покорности и привел его в царский дворец. Верблюд, увидев на троне Мышь, ничуть не испугался, раскаялся в своем приходе, отказался повиноваться и пошел из дворца во-своея. Мышь сочла такой поступок в присутствии вельмож оскорблением своей чести и сказала Лисице:

— О мудрый везир! Твои слова и поступки были продиктованы доброжелательством и расположением ко мне, но, несмотря на твою рассудительность и знания, все произошло не так, как ты предполагал, ибо мое небольшое тело вызвало в нем презрение. Те, кто видит сердцем и понимает суть дела, могут убедиться в величии моего духа, те же, кто поклоняется только внешнему, лишены этой счастливой доли. Этот низменный Верблюд не был достоин того, чтобы мы его приняли. Неразумно было вызывать его на царский

прием. Прежде в его сердце был хоть какой-нибудь страх, а теперь он разом улетучился, и, напротив, в его голове теперь укоренилась гордыня и спесь, и это может послужить для недалёковидных смутьянов поводом к объединению.

— Пусть наш царь не беспокоится об этом,— стала уверять Лисица.— Хоть это животное сильное и в голове у него сидит спесь, но ведь сказано, что «каждый длинный глуп»*, и потому он никогда не вкушал яств со стола разума. Поэтому-то ребенок может продеть сквозь его ноздрю узду и повести куда захочет. При всей его телесной мощи он слаб духом. Если на то будет воля Аллаха, я в ближайшее время заставлю его покориться воле нашего царя и сидеть на коленях в кругу самых преданных рабов.

Верблюд меж тем спокойно пасся на лужайках, наслаждаясь волей и пощипывая траву, а Лисица расстилала на его пути тенета хитростей и ждала удобного случая, чтобы свалить его с ног из засады.

Однажды в силу природной жадности, которая есть самый мерзкий порок, Верблюд вытянул шею, сорвал с высокого дерева ветку и стал жевать ее. Но узда его зацепилась за сук, и он не смог оборвать ее, да так и остался с поднятой головой. Скоро Верблуду стало невмоготу, и он начал звать на помощь. Лисица услышала, тотчас побежала к царю и сообщила о несчастии, которое приключилось с Верблюдом. Мышь важно пришла к дереву, поднялась на него, села на узду и принялась укорять Верблюда.

— Эй, Верблюд,— говорила она.— Прекрасные были времена, когда ты поедал такие свежие и сочные яства!

А Лисица тоже упрекала Верблюда:

— Эй, глупый Верблюд! Это наказание тебе за твою непокорность. Если бы ты признал власть его величества царя и покорился ему, отдавшись под сень его покровительства, то сегодня не угодил бы в такую гибельную беду. Тебе ничего не остается, как сложить бремя своей жизни во прах и заснуть в земле вечным сном.

Трусливый Верблюд, дрожа за свою жизнь, стал умолять их.

— Хотя я поначалу и совершил тяжкий проступок,— говорил он,— теперь я приношу самые искренние извинения и от всего сердца кладу свою голову и волю к порогу владыки и ищущу убежища под сенью его покровительства. Да простит великодушный царь мои грехи, да освободит меня из этой беды и возьмет под крыло своего благорасположения.

Мышь величественно снизошла до просьбы Верблюда, перегрызла повод, который обмотался вокруг ветки, и спасла ему жизнь. А тот глупый длинношей Верблюд стал благодарить ее и во всем покорился той короткошей длиннохвостке. При всей своей величине и мощи он склонил перед ней шею в знак покорности. Мышь от великой радости не помещалась в своей норке! Она разрешила Верблуду спокойно пастись днем на тех лужайках, а по вечерам приходить во дворец для служения ей.

После этого прошло некоторое время, и однажды дровосеки гилянского правителя увидели в лесу на воле Верблюда без повода и без хозяина. Они схватили его и присоединили к стаду правителя. Об этом прослышала Лисица и доложила Мыши, а этот богатырь из норки пришел в ярость.

На другой день, когда дровосеки пришли в лес за дровами, Мышь заявила им:

— Мы ведь прежде не враждовали — недостойно благородных и великих мужей затевать враждебные действия и поднимать пыль смуты. Разум велит, чтобы вы вернули мне моего Верблюда, дабы не пролилась невинная кровь. А коли нет — опасайтесь нашей мести и готовьтесь к войне. Мы не за что не отступимся от своего требования и не откажемся от своих прав.

Дровосеки были поражены смелыми речами Мыши, в которой они никак не подозревали воинской доблести, и сообщили об этом, как бы ради потехи, гилянскому правителю. Тот не придавал словам Мыши никакого значения, громко рассмеялся и стал смешить своих придворных, повторяя ее слова. Когда Мышь прослышала о поведении правителя, она стала советоваться с Лисицей.

— Не подобает моему царскому достоинству, — говорила она, — такое пренебрежительное отношение с его стороны. Поэтому я считаю благоразумным созвать всех своих военачальников и разом покончить с этим делом. Мы возьмемся за оружие и ринемся в бой.

Везир присоединился к мнению царя и во всем выразил свое согласие. И царь приказал явиться всем военачальникам. За короткое время со всех краев собралось войско, считать которое не смогли бы все математики мира.

Вся округа была переполнена несметными полчищами мышей. По совету везира сначала решили проделать отверстия во всех амбарах и сокровищницах противника и вынести их содержимое. Мыши справились с этим быстро, и у

правителя остались только разорванные мешки и изгрызанные сундуки. А хранители амбаров и не ведали об этом.

Когда были опустошены все амбары, Мышь приказала:

— Теперь нам надо раздобыть умного и способного человека, чтобы он возглавил наше войско и завершил наше дело.

Надо сказать, в то время один бедный юноша вместе со своими братьями и родственниками покинул родные края в поисках заработков и отправился на чужбину. Его путь лежал как раз через эти места, и он увидел мышей, которые играли слитками золота. Юноша, который ради куска хлеба готов был подстрелить кошку, решил во что бы то ни стало отобрать у мышей слитки золота, как вдруг одна из мышей сказала ему:

— Эй, добрый молодец! К чему тебе тужить? Если тебе нужно золото и ты хочешь разбогатеть вопреки неблагоприятной к тебе судьбе, то поступай на службу к нашему царю — разбогатеешь сразу.

Юноша счел это предложение небесным даром, полагая, что сама судьба благоприятствует ему, и поступил на службу к царю мышей. Царь положил ему большое жалованье, назначил старшим казначеем и главным везиром, приказал готовить войска к походу и вооружить их как следует.

Юноша отправил письма к своим приятелям, сообщая им о случившемся. «В наше время,— писал он,— когда судьба перестала благоволить к людям и дарить им блага, благоденствие и богатство можно обрести лишь на службе у царя мышей, который владеет огромными сокровищами и кладами». Корыстолюбивые и жадные люди, признававшие лишь силу денег, сочли это удобным случаем и со всех сторон устремились к нему, так что в скором времени у него оказалось огромное войско, вооруженное всем необходимым для ведения войны.

И вот, наконец, царь мышей во главе огромного войска двинулся против гилянского правителя и велел забить в литавры, извещая о своих намерениях. А гилянский правитель, который словно заткнул уши разума ватой, не ведал ни о чем и был разбужен от глубокого сна громом литавр. Он созвал на совет сановников и военачальников и стал советоваться с ними, как подавить бунт и погасить пламя восстания.

— Хотя в этом мире неожиданностей и случается такое,— говорил он,— но очень уж смехотворная беда свали-

лась на нас. Мне тошно сражаться с мышами! Нам надо обсудить все как следует и поступать по велению разума.

— Теперь, когда враг забил в литавры и объявил войну,— сказали советники,— остается только одно — разжечь пламя битвы.

Тогда правитель по совету своих везиров приступил к сбору войска, приказал открыть двери казны и сделать необходимые расходы. Тут его взорам открылись пустые сокровищницы, и путь надежды был отрезан для него,— ведь в казне не осталось и следа монет. Пришлось ему пообещать воинам уплатить жалованье в будущем, и он выступил из столицы во главе войска, подняв боевое знамя.

Когда солнце-мышь с золотым хвостом спряталось в свою норку на западе, царь мышей приказал атаковать вооружение противника. И вот муравьи и стрекозы со всех сторон набросились на лагерь правителя и перегрызли все стремена, поводья, тетиву луков, кожу барабанов, так что к утру от них остались лишь обрывки.

Меж тем гилянскому правителю доложили, что воины противника по приказу царя выстроились боевыми рядами, как обученное войско, и что они готовятся к атаке. Гилянский правитель приказал своим военачальникам и храбрецам собрать воинов и тоже выстроить их. Но едва всадники стали садиться на коней, как увидели, что сбруя вся разодрана в клочья, оружие испорчено,— и войско гилянцев растерялось. Воины мышиноного царя воспользовались их замешательством и храбро бросились в бой, повергли всех ударами губительных мечей, так что все стало их добычей, а те, кто спасся от клинков, бросились наутек, сохранив свою жизнь ценой бесславия.

Правитель Гиляна с горечью и болью покинул ратное поле и заперся в неприступной крепости, оставив врагу весь обоз, палатки и ковры.

Когда царственный всадник двинулся из своей столицы на востоке и поскакал по небу с золотым мечом в поход для завоевания всей земли, правитель Гиляна отправил послов со смиренной просьбой, умоляя противника перестать бунтовать. Царь мышей, как он ни был слаб и презренен, отверг дары и решил показать себя великодушным и благородным владыкой.

— Мы сражались не ради того, чтобы завоевать вашу страну. Мы требуем только вернуть нам нашего Верблюда.

Гилянский правитель счел такой ответ небесным даром и отправил Верблюда к царю мышей вместе с инкрустированной драгоценными камнями сбруей и золотыми колокольчиками, принося при этом многочисленные извинения. А царь мышей с победой вернулся на свое поле и отпустил своих воинов, Верблуду же велел пастись, как и прежде, на воле, выдав ему грамоту на вольное пребывание. Одержав столь блестящую победу, царь мышей, как ни мал он был, поднял от гордыни голову до самого неба и от спеси не признавал ни одной кошки на свете.

Если бы гилянский правитель не презрел бы царя мышей, не пренебрег бы враждой его, а с самого начала решил бы как следует противостоять врагу, то он легко погасил бы пожар мятежа и ему не пришлось бы пережить позор и унижение. Мог бы он и закончить дело полюбовно, не прибегая к оружию, — ценой одного верблюда. Ведь и то и другое было хорошо для него. Для того, чтобы справиться с этой бедой и пребывать безмятежно в покое, ему нужны были только верблюд и кошка. Но он сошел со стези разума и не последовал словам мудреца: «Нельзя пренебрегать врагом, если он даже ничтожен» *. Он ступил на путь гордыни и спеси и в результате пожал плоды горести.

— В-третьих, — продолжал Шарик свои увещевания, — не следует перед женщинами снимать покров с красавицы своих тайн, иначе попадешь в беду, как тот молодой купец.

— А что случилось с молодым купцом? — спросил Джандар, и Шарик стал рассказывать.

РАССКАЗ

Рассказывают, что в одном индийском городе жил купец, а у него был сын в расцвете юности. Однажды, когда юноша уже достиг совершеннолетия, он во время разговора с отцом выпустил из рук поводья самообладания и ответил ему грубо и резко, перейдя всякие границы вежливости и учтивости. От резких слов отец пришел в ярость, в нем разгорелось пламя гнева, и он в сердцах прогнал сына из дома.

Сын купца, обуреваемый гордыней юности, повел себя неразумно, покинул отчий дом, облачился в рубище каландаров и отправился скитаться по белу свету, по дальним и трудным дорогам. Но ему еще не приходилось испытывать тяготы пути и трудности чужбины, и в первый же день он не добрался до стоянки и остался, усталый и разбитый, на дороге. От изнеможения он не мог двигаться, сошел с тропы и прилег на берегу озера, под одиноким деревом, решив переночевать в этих нелюдимых местах. Под самый вечер, когда солнце, пройдя весь небосвод, стало заходить на западе, на берег озера опустились с неба четыре голубки. А это были не голубки, а пери в облике птиц. Очутившись на берегу, они сбросили с себя одеяния голубок и обрели свой настоящий облик, а потом вошли в воду, оставив одежды на берегу, и стали резвиться и плескаться. Юноша, увидев их, поднялся тихо, сгреб их одежды и спрятался в дупле дерева.

Вскоре пери вышли из воды, не нашли своей одежды, растерялись, стали в недоумении бегать по берегу озера и, наконец, увидели спрятавшегося в дупле юношу. Они смиренно стали упрашивать его вернуть их одежду, но он не соглашался.

— Пока не сбудется моя мечта,— заявил он,— я не смогу исполнить вашей просьбы.

— Если это зависит от нас,— стали они уверять,— то мы не пожалеем сил.

— А просьба вот такая,— сказал он. Пусть одна из вас добровольно и с любовью назовет меня мужем и будет принадлежать мне отныне и навеки.

— О, юноша,— сказали они,— всемогущий творец сотворил нас из пламени, тебя же — из воды и праха*, основы наших тел противоположны. Так как же между нами может быть телесное единение? Как могут быть супругами сотворенные из огня и из праха? Откажись от этой несбыточной мечты, не забивай себе голову пустыми мыслями, ибо этому не бывать.

Но юноша не обратил внимания на их слова и продолжал настаивать на своем. Он выбрал ту, которая была моложе и красивее, и сказал:

— Отдайте ее мне, и тогда я верну вам всем одежды.

Пери ничего не оставалось, как смириться, и они простились с подружкой. Тогда та, что осталась, удрученная разлукой со своими подругами и необходимостью жить с существом иного склада, принялась проливать слезы, другие же стали утешать ее и успокаивать.

— По-видимому,— говорили они,— в диване судьбы тебе была предначертана такая доля. Теперь уж ничего не поделаешь, и мы ничем не можем помочь тебе. Ведь если он захватит всех нас, какая тебе от этого польза?

Юноша отдал им одежды, а полюбившуюся красавицу оставил себе и не вернул ей ее одежд. Под шелковой черной завесой ночи ввел он ее в отцовский дом, нарядил в самые дорогие роскошные наряды, убрал украшениями и драгоценностями и счел жизнь с ней отрадой. Дни и ночи он только и делал, что утешал ее, и ни на миг не мог оторвать от нее взора. Опьяненный любовью к ней, он оставил все иные привязанности и непрестанно пил из чаши единения с ней напиток счастья и срывал в цветнике ее красоты розы желания. Словно соловей, он заливался любовными напевами, и всегда его уста произносили эти стихи:

Кравчий, сияньем вина озари нашу чашу,
Пойте певцы, нам сегодня судьба улыбнулась *.

Прошло время, и пери свыклась с обществом юноши, она стала привыкать к нему, а потом, по прошествии времени, родила ему детей, перестала избегать мужа, подружилась с женщинами по дому и с соседками и радостно и весело стала заниматься делами по хозяйству, так что муж перестал сомневаться в ней и поверил в прочность совместной жизни с пери.

И вот однажды десять лет спустя молодой купец разорился и оказался в тяжелом положении. Ему пришлось собрать свои пожитки и отправиться в дальние страны, чтобы раздобыть средства и заработать на хлеб насущный. Примирившись с разлукой, он препоручил жену одной старой няне, которой полностью доверял, рассказав ей, где спрятаны одежды пери. Он наказал няне беречь жену-пери, соблюдать предосторожности и двинуться в путь, полный опасностей и трудностей, в дальние страны в поисках своей доли.

Пери же, расставшись с мужем, притворилась огорченной и постоянно сетовала на разлуку в самых жалобных выражениях. Служанка верила ей, утешала ее, говорила:

— Пусть твое солнцеподобное лицо не тает от скорби, не сжигай свое сердце словно мотылек в пламени горя, крепись, ведь темная ночь разлуки скоро кончится и взойдет заря счастья свидания с любимым.

Однажды пери искупалась, и, когда она вытирала свои благоухающие косы, служанка залюбовалась ее чарующей красотой и принялась хвалить ее.

— О служанка,— ответила ей пери,— если сейчас я кажусь тебе красивой, то какой нечеловеческой красотой засияла бы я, если бы облачилась в свои настоящие одеяния! Да будет тебе известно, что мы, пери,— самые совершенные из созданий. Если ты хочешь увидеть мастерство творца и самое чудесное творение его, то принеси мне мои одежды, которые муж спрятал. Только на миг я надену их — и покажу тебе красоту, которую еще не видал ни один человек на земле.

От этих хитрых слов недалекая служанка выпустила из рук предосторожность, которая является самым необходимым признаком ума. Она тут же пошла, достала одежды пери и принесла ей. Та облачилась в них и взлетела, расправив крылышки, словно птица, которую выпустили из клетки. Она простилась со всеми и улетела вдаль. Служанка, словно плакальщица, посыпала свою голову прахом, кричала и взывала к ней, но все было бесполезно, ибо птица, вырвавшаяся из силка, не вернется назад.

Когда муж возвратился из поездки и вошел в дом, то он не увидел желанной розы, а в покоях его ожиданий погасла свеча надежд. Словно опаленный мотылек, он лишился сил, стал бесноватым и сошел со стези разума, лишив себя всех благ этого мира.

— Вполне очевидно,— закончил Шарик свой рассказ,— что если бы тот молодой купец не вручил служанке драгоценную тайну-жемчужину, если бы он не сообщил ей своего секрета, то ему не пришлось бы посыпать прахом голову своего счастья, он не уронил бы счастье во прах неудач и не стал бы скитальцем в долине скорби, упустив такую великую удачу.

— В четвертых,— продолжал наставлять Джахандар Шарик,— если ты причинил кому-либо неприятность, то берегись мести и возмездия, а не то погибнешь, как это случилось с тем молодым вором.

— А что случилось с молодым вором? — спросил Джахандар, и Шарик стал рассказывать.

Художники речи и живописцы слова начертали на шелку изложения этот занимательный рассказ. Жил-был в одной стране правитель. Он любил драгоценные камни так, как пылится любит красоваться на солнце. Вид румийского рубина опьянял его, как вино сорта райхани, лал, жемчуг и яхонт он ценил больше, чем уста, зубы и щеки красавиц. Камни, которые царь собрал у себя, он любил всегда держать под рукой и наслаждаться, глядя, как переливаются они искрами. Хранители сокровищниц и казны еле успевали беспрестанно приносить камни из казны к падишаху. В силу ограниченности человеческих способностей они не могли угодить ему, и он постоянно бранил и порицал их за нерасторопность, а порой даже приходил в ярость и сильный гнев. И вот правитель, чтобы это его желание исполнялось без промедления и задержки, приказал ювелирам и мастерам, искусным как самаритянин, овладевшим всеми тайнами своего ремесла, смастерить изящную и красивую рыбу из золота, инкрустировать ее самыми лучшими и ценными камнями и жемчугами из шахской сокровищницы, чтобы тем самым прославить дары морей и копей. Изготовленная ими рыба была бесценной сокровищницей, в которой вместо золота были яхонты и жемчуга, а вместо медяков были рубины. От Луны до Рыбы * все люди дивились бесподобной красоте этой золотой рыбы, море от зависти к ее красе заснуло на прибрежных песках, а алмазные россыпи превратились в презренный прах. Видя совершенство ее жемчугов, Рыба на небесах погрузилась в ведро Водолея *, а рыбы в Каусаре и Таснине годились разве что в рабы ей. Плавая в чистой воде своих камней, она упивалась водами Каусара, поражая своим благородством мужей, подобных Искандару, она не нуждалась в источнике Хызра *.

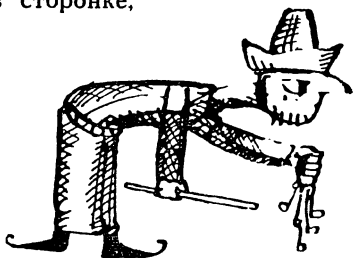
Вскоре слава об этой рыбе распространилась по всем горизонтам, словно слава о победах самого падишаха, и о ней прослышал один искусный и расторопный вор. Этот вор мог бы украсть само солнце, которое плавится на небе, словно золото в тигле, он похищал рубины из лучей солнца, прежде чем они успевали превратиться в драгоценный камень в глубине рудника *, воровал жемчуг из раковины, прежде чем она успевала затвердеть, и ловил Рыбу в небесном океане

одними пальцами, без крючков и удочек. Он счел своим долгом похитить эту рыбу падишаха и тем самым достичь высшей степени воровского мастерства и искусства.

Приняв такое решение, вор словно сел на коня намеренный и погнал его по широкой улице исполнения. Он изучил как следует стены падишахского дворца, нашел место для засады и входа и взвесил все обстоятельства.

Когда золотая рыбка небес погрузилась в водоем на западе и ночь набросила на горизонты темное покрывало, знаменитый вор взял с собой необходимые инструменты, пришел к дворцу и стал кружить вокруг него. Сначала он проверил, бодрствует ли стража: отовсюду слышались окрики «Слушай!» да «Стой на страже!». Тогда он сел в сторонке,

дожидаясь удобного случая. Наконец, настала полночь и машшате-время разбросало в волосах ночи-красавицы украшения из росы, а стражники от сырости и холода набросили на голову кожаные накидки. Они то спали, то бодрствовали и перекликались по временам, словно

из хума. Как раз в такой момент вор осторожно и со страхом пополз по земле на животе, словно змея, и достиг стены дворца. Он достал аркан, извивающийся, как локны красавиц, забросил его вверх, зацепил за зубец башни и стал подниматься по нему, словно канатоходец. С крыши он так же спустился в падишахские покои. Падишах возлежал на троне и спал, как счастье его врагов, рядом с ним бодрствовал светильник, словно верный страж, а рыба, ради которой вор поднялся по лестнице из аркана почти до самых небес, лежала в изголовье падишаха. Прекрасная, как пери, наложница гладила пятки падишаха ладонями, нежными как лепестки роз. Вор быстро и незаметно вошел в покои, спрятался за завесой и стал ждать, когда наложница уснет. Наконец, она села у подножия трона властелина и заснула, положив голову на колени, а вор осторожно снял с ее головы покрывало, набросил его на себя и принялся гладить пятки падишаху. Вскоре падишах повернулся набок. Тут вор ловко вытянул из-под подушки

золотую рыбу и вышел из дворца тем самым путем, каким пришел, миновал стражников, обманув их бдительность, и ушел своей дорогой.

Рыба была длинная, ее невозможно было нести за пазухой, а городские ворота закрывались на ночь, и вор подумал: «В это время, когда ночь на благо воров и молящихся по ночам праведников набросила темное покрывало, остаться в городе, ничего не придумав, значило бы добровольно броситься навстречу собственной гибели. Ведь как только падишах узнает о пропаже рыбы, он прикажет произвести розыск, и тогда никакие предосторожности мне не помогут, и рыба превратится в западню. А когда улыбнется утро, когда откроются двери дня и отворят городские ворота, то едва ли разумно выносить на виду у всех такую рыбу, слава о которой распространилась по всему свету». После таких размышлений вор решил прибегнуть к хитрости, завернул рыбу в покрывало служанки, которое он прихватил во дворце, наподобие тела грудного ребенка, стащил у продавца цветов букет белых роз, положил их на сверток и, причитая, как человек, которого постигло тяжелое горе, пошел к городским воротам.

— Кто ты такой? — спросили его стражники. — Что делаешь здесь в неурочный час?

— Я бедный и несчастный человек, — отвечал он сквозь рыдания. — Меня опалили и поразили насилия неба и несправедливой судьбы. Был у меня сын, красноречивый, как попугай, он говорил слова, подобные розам, его соловьиные трели озаряли мою бедную лачугу блеском лужаек, и мои помыслы расцветали розами. А сегодня ночью он умер от оспы, поверг меня в вечную скорбь и наложил на мое сердце креймо горя и печали, как на тюльпане. У меня нет средств похоронить его, как принято в нашем городе, мне стало стыдно злословия врагов и укоров друзей, и я решил похоронить его сегодня же ночью и уложить навеки в могилу, словно в колыбель, чтобы мои родные не догадались о моей бедности и не растревляли моей сердечной раны своими попреками, жальщими как скорпион. Ведь это только усугубит мое горе, а насмешки и злорадство врагов тем паче.

В ответ один стражник с прескверным характером залаял как собака:

— Нельзя в полночь открывать ворота для такого, как ты несчастного, без разрешения начальника стражи! Подожди здесь до утра и перестань реветь без пользы, не пре-

рываю моего сладостного сна. Впрочем, реви, коли хочешь палочных ударов.

Вор тяжело вздохнул, сел в уголок и стал причитать еще громче. Стражники принялись бранить и ругать его, а хитрый вор начал умолять их.

— О вы, чья поклажа на берегу беспечности легка! — сказал он. — Сжальтесь надо мной, упавшим в пропасть скорби и несчастья. Остерегайтесь вздохов несчастных, в душе которых есть горечь печали.

Стражники убедились, что им от него не избавиться, пока они не откроют городские ворота, что только так они спасут себя от его причитаний и стенаний и спокойно заснут. И они поневоле открыли ворота и выгнали его из города.

А в городе был другой искусный вор, состоявший в любовных сношениях с одной блудницей. В ту ночь он бодрствовал и, услышав притворные причитания первого вора, сразу смекнул, в чем дело. Он не раздумывая побежал за ним и поспел к воротам до того, как их успели закрыть.

— Что тебе нужно? — спросили его стражники. — Зачем ты хочешь так поздно выйти из города?

— Человек, который только что вышел отсюда, — мой брат, — ответил он. — Его сын, который учил красноречию самих попугаев, в младенческом возрасте покинул этот тесный мир и отправился в просторный мир вечности, повергнув своего отца в скорбь и горести. Я хочу последовать за братом, чтобы помочь ему похоронить сына.

С помощью этой выдумки он тоже вышел из города и побежал за первым вором. Тот же отправился прямо к виселице, где висело три вора. Одна перекладина была пустая. Вор отсчитал от виселицы несколько шагов в сторону, зарыл там золотую рыбу, поднял из-под виселицы окровавленный камень и положил сверху, для приметы, чтобы потом не искать и не трудиться. А второй вор, когда первый копался в земле и зарывал рыбу, поднялся на виселицу и повис на свободной перекладине. Когда вор покончил с золотой рыбой, он из предосторожности снова вернулся к виселице. На этот раз там висело уже четыре человека, и его изумлению не было границ. «Ведь только что эта перекладина была пуста, — подумал он. — Как же теперь там очутилось четыре человека? Может, сначала я ошибся? Или память мне изменяет?» Изумление охватило его, он решил проверить все и выяснить, в чем тут дело, провел рукой по

груди и носу повешенных, чтобы убедиться, все ли они мертвы и не дышит ли кто-нибудь. Все четыре повешенных были на один лад и ничем не отличались друг от друга. Вор удивился пуще прежнего и остановился как вкопанный, а потом вновь подошел к перекладине, которая вызывала его сомнения, крепко схватил повешенного за нос и продержал целый час, не давая дышать. Но второй вор приучил себя подолгу не дышать и останавливать пульс, так что даже Ифлатун не мог бы почувствовать его. Первый вор, испробовав все возможности, решил прибегнуть к крайнему средству и согласно изречению «последнее лекарство — прижигание, а последняя хитрость — меч»*, он обнажил свой кинжал и исполосовал лицо висевшего. А тот плут и виду не подал и терпеливо снес удары кинжала, не шелохнувшись. Тогда первый вор отринул сомнения, убедился в полной безопасности и пошел своей дорогой.

После его ухода второй слез с перекладины и откопал рыбу, молва о сказочной стоимости которой распространилась от Рыбы до Луны. Ликуя, он похвалил свою расторопность и сообразительность, потом зарыл рыбу в другом месте, сел в уголке и стал перевязывать раны на лице. Когда же рыба-день выплыла на поверхность из глубин моря и осветила мир своими блестящими жемчугами, он вошел в город и отправился к своей любовнице. Блудница, увидев раны на лице любовника, стала расспрашивать его, но он, соблюдая осторожность, не открыл ей своей тайны.

— Что толку распространяться об этом,— сказал он,— велика лучше привести лекаря, пусть он перевяжет мои раны.

Блудница позвала своих служанок, которые занимались тем же, что и хозяйка.

— Вы уже долгое время промышляете этим ремеслом,— обратилась она к ним.— Нет ли среди ваших посетителей искусного лекаря?

Одна служанка с ужимками и гримасами вышла вперед и сказала:

— Ко мне приходит один искусный лекарь, прославившийся своим умением лечить раны. Каждую ночь он прикладывает бальзам надежды к ранам моих желаний и перевязывает мои внутренние раны.

Госпожа расспросила ее как следует, а потом велела скорей привести лекаря. Тот осмотрел раны вора, похвалил его за стойкость и выносливость и принялся лечить.

А тот вор, который стащил рыбу из падишахских покоев, чтобы убедиться в ее сохранности, отправился однажды туда, где он зарыл рыбу, но увидел, что ее словно водой смыло и что все его труды пошли прахом. Поскольку с перекладки исчез, словно Анка, висельник, лицо которого он исполосовал, он понял, что сам попал, словно рыба, в сети скорби и вернулся в город печальный и горестный, подобно человеку, придавленному великим несчастьем. Согнувшись в три погибели, пораженный насилием вращающегося небосвода, он сел в отдаленном уголке, потрясенный печалью и горем, положил голову на колени, словно мяч, по которому ударили чоуганом. Он стал придумывать всякие неразумные решения и выискивать необдуманные шаги, как вдруг услышал громкие крики глашатая, который объявлял, что из падишахского дворца украли бесценную рыбу и что нашедшему ее падишах окажет великие почести и одарит несметными дарами. Несчастный и скорбный вор встал с места и побежал к падишахскому дворцу. Он попросил начальника стражи допустить его во дворец, вымолил сначала пощады, а потом рассказал падишаху все как было.

— Рубцы тех ран, которые я нанес негодяю,— заявил вор,— служат прямой уликой и помогут поймать этого ловкого мошенника. Но пусть властелин наш, которому подчиняется весь мир, издаст указ, чтобы мне никто не мешал разыскивать его.

Падишах предоставил вору в помощь начальника стражи и дал ему полную свободу действий.

Вор начал ходить по городу, он заглядывал во все дворы и закоулки, разузнавая, кого лечат городские лекари. Наконец, в один прекрасный день вслед за тем лекарем он вошел в дом блудницы и увидел ее любовника, который восседал, словно царь, на ложе, вытянув небрежно ноги, и пил одну за другой чаши вина. Раны его уже почти зажили. Первый вор, как только завидел его, рассыпался в похвалах.

— Тысяча славословий такому искусному и ловкому вору, как ты,— говорил он.— В этом мире еще не рождался такой способный человек. Сама судьба никогда не видала столь умелого и совершенного мошенника, как ты. В этом мире искусство воровства благодаря тебе достигло вершины и совершенства. Воистину, мастерство увеличивается исполнителем! А теперь вставай и ступай в шаханшахский

дворец, подобный раю, ибо властелин всего мира дожидается твоей милости.

Этот мошенник понял, что нет иного пути, кроме правды, и сказал:

— Слава Аллаху и благодарность, что я заслужил похвалы от такого прославленного и искусного вора, как ты, который обучает воровскому ремеслу всех других воров, поднимается по лестнице во дворец небес и крадет у этого фо-

кусника-небосвода солнце. Ты воздал мне по справедливости, и пусть процветает мое счастье, пусть процветает мой удел. Но благородство и великодушие требовали оставить меня в покое и пощадить, пока не заживут мои раны, так поступили бы великие мужи. Тогда я бы сам по велению своей счастливой звезды и по твоему указанию отнес бы рыбу к падишаху, чье сердце щедро, как море. Но раз ты поступил не по-человечески, а скорей всего глупо, то мне не остается ничего другого, как смириться. По-видимому, кровожадная судьба решила, что жемчужина моей жизни должна быть разбита мечом. Поскольку в воровском искусстве я победил всех, то рок окропил моей кровью перекладину виселицы.

Проговорив это, вор встал и отправился к падишаху, плечом к плечу со смертью, и рыба его жизни поплыла в его собственной крови.

Те, кто следует по стезе разума, кто измерил пробным камнем каждую вершину и низину человеческих отношений и достиг тем самым конечного пункта истины, хорошо знают, что если бы второй вор был в безопасности от мести первого и поселился бы в таком месте, где тот не мог его найти, то жизнь его не оборвалась бы.

Если ты зло совершил, не дожидаясь прощенья,
Ибо не сможет никто жить, отказавшись от мщенья *.

ПОПУГАЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

И ВЕДЕТ ДЖАХАНДАР-СУЛТАНА К ЦЕЛИ

Когда истинный хозяин положения хочет исполнить желание своего раба без усилий с его стороны, он позаботится о средствах и орудиях к достижению цели. Иными словами, когда попугай распрощался с Джахандаром, который, казалось, восседал на престоле скорби в тронном зале чужбины, то он, расправив свои крылья и влекомый благородными чувствами, полетел в поисках того, что было желанием его властелина. В скором времени попугай прилетел на лужайку, которой мог бы позавидовать рай. В той райской местности жили два брата. Они поспорили и ждали третьего, который решил бы их тяжбу, полагаясь на изречение «появится посторонний человек и разрешит ваше дело». А дело было в том, что отец оставил им в наследство четыре вещи и при дележе они повздорили, ибо никак не могли поделить поровну старое залатанное ведро, льняную подушку, деревянную миску каландара и деревянные башмаки. Хотя эти вещи и были ничтожны по своей стоимости и свидетельствовали только о нищете, но даже сорок сокровищниц Каруна не стоили их и сокровища Хосрова Парвиза перед ними казались пустым звуком. Из того дырявого ведра каждую минуту можно было извлечь в любом

количестве самые дорогие ткани, благовония и драгоценности, какие только производились во всех странах мира. Из подушки можно было вытащить самые отборные жемчуга и ценные камни, которые добывают под этим голубым небосводом из моря россыпей. Из деревянной миски можно было достать в любой миг самые изысканные яства и напитки, какие бывают на столе у властелинов, и она была не чем иным, как морем щедрот и благ божественных. А деревянные башмаки были подобны трону Сулеймана — да приветствует его Аллах. Стоило только их надеть, как человек в мгновение ока мог пролететь пространство от востока до запада.

Когда попугаю рассказали об этих вещах, он сильно обрадовался, расправил в ликовании крылья и в один миг вернулся к шахзаде, рассказав ему, что он узнал о тех вещах и юношах.

— Теперь,— говорил попугай,— когда тебе предстоит длинный и долгий путь, сопряженный с трудностями, когда тебе нужно решить великие дела, когда ты еще не знаешь, чем кончится твой путь, следует во что бы то ни стало добыть у них те четыре вещи, которые и описать-то трудно. И тогда ты без усилий и стараний сможешь прибыть в страну своей возлюбленной. Хотя человеку такого сана, как ты, не подобает осквернять себя обманом и коварством, хотя это не одобряется религией, тем не менее было бы неразумно упустить из рук такие неожиданные блага, которые посланы богом в этот мир только из милосердия, только ради наших насущных нужд.

От скорби и печали шахзаде кипел, словно вино в хуме, и он не раздумывая двинулся по указанному попугаем пути. Спустя три дня и три ночи он прибыл в тот край. Братья ждали его с нетерпением, обрадовались его прибытию, словно счастливому предзнаменованию, и изложили ему свою тяжбу. Шахзаде призадумался на некоторое время, а потом сказал:

— О дорогие друзья! Сколько ни судить, ни рядить, а лучшего не придумать: я пушу из лука две стрелы — одну на восток, другую на запад. Вы побежите за стрелами. Тот, кто вернется первым, возьмет себе две вещи, которые он любил, а тот, кто придет вторым, — возьмет себе оставшиеся.

Братья согласились и побежали за стрелами, словно сами вылетели из лука. А шахзаде не стал терять даром

времени, схватил ведро, перебросил через плечо подушку, повесил миску на ремень, надел башмаки и направился прямо в Мину-Савад, где жила Бахравар-бану. По воле всемогущего творца, для которого самые трудные дела — пустяк, шахзаде в мгновение ока оказался у ворот города Мину-Савад, пройдя за единый миг несколько тысяч фарсахов без усилия и труда, — а ведь для этого требовались многие годы! А его благословенный попугай прибыл в те края, словно сказочная птица Хумай, сидя на голове шахзаде.

ДЖАХАНДАР-СУЛТАН ПРИБЫВАЕТ ВО ДВОРЕЦ ОТЦА

БАХРАВАР-БАНУ В РУБИЩЕ ДЕРВИША

Когда Джахандар в одежде дервиша прибыл к воротам того райского города и хотел было войти внутрь, шахские стражники схватили его и отвели во дворец. В той благословенной стране был установлен обычай: когда из чужих стран прибывал человек, то, будь он даже Фаридуном, сначала его отводили в падишахский дворец, где его заставляли рассказать о себе приближенным падишаха. Рассудительный шах, внимательно взглянув на чело Джахандара, который шел прямым путем по майдану любви и арене страсти, заключил, что пришелец не нищий, хотя одет в рубище. Он ясно увидел на его челе черты величия и фарр благородства. Падишах удивился и спросил:

— Откуда прибыл ты в нашу страну, о каландар, равного которому нет? Зачем ты приехал в наши края?

Шахзаде снял с красавицы своих речей покрывало, пустил ее покрасоваться в этом собрании и ответил по всем правилам.

— Я, — сказал он, — наследник престола и перстня Хиндустана, которому завидует сам рай. Я был взращен и взлелеян в неге и под сенью счастья. Но поскольку все наши дела зависят от судьбы, то я по воле рока и велению сердца избрал уделом служение этому порогу, дарующему блага, мне запала в голову мечта быть слугой твоего величества.

Я расстался со своими родными, ведь сказано: «Для меня быть твоим рабом лучше, чем быть властелином» *, предпочел удел каландара царствованию и отрекся от царской власти. Я смирился с тяготами пути и устремился вдаль в поисках своего счастья. Слава и благодарность Аллаху, мне посчастливилось выразить свою покорность пред твоим возвышенным престолом и удалось после тысячи бедствий поцеловать прах у твоего священного порога. Теперь твои милости, быть может, заставят меня забыть о горечи чужбины, ведь

Все оправдания паломников лишь в совершенстве Каабы,
Ибо скорбящие души сгорают в пустыне ее *.

Умный и рассудительный падишах, выслушав разумные и почтительные слова-жемчужины шахзаде, убедился в том, что тот знает правила учтивости и вежливого обращения, и вспомнил, как к нему прибыл раньше посол от отца царевича с просьбой отдать замуж Бахравар-бану и с предложением союза и дружбы. По его смятенному виду и угнетенному состоянию он понял, что подразумевает этот шахзаде в рубище каландара, но разум и опыт не позволили ему признаться в этом и раскрыть присутствующим значение слов и намеков пришельца. И, притворившись, что он не ведает, о чем идет речь, шах приказал своим стражникам:

— Гоните прочь этого лживого каландара и дерзкого нищего! Он захотел обмануть меня, воспользовавшись сутолокой, и выдал себя за того, кем он не является. Чтобы обрести в глазах людей почет и уважение, он украсил свой рукав фальшивыми нашивками, но по чрезмерной глупости не догадался, что его ложь не засверкает там, где светит светильник разума.

Хотя падишах и прогнал шахзаде, опозорив и обесславив его, он поручил своим тайным слугам все время следить за ним и докладывать подробно, с кем тот встречается и с кем водится.

**ДЖАХАНДАР-СУЛТАН ВСТРЕЧАЕТ ХУРМУЗА,
СЫНА ВЕЗИРА СВОЕГО ОТЦА,
И СЛЫШИТ ОТ НЕГО ПРИЯТНЫЕ ВЕСТИ**

Выйдя из падишахского дворца, Джахандар увидел Хурмуза, который облачился в скромное одеяние нищего и избрал уделом жизнь скитальца. На челе его виднелись приметы скорби и печали. Шахзаде удивился ему и спросил:

— Ради чего ты поселился в этой чужой стране, где у тебя нет ничего? Зачем ты покинул своих родных и живешь в бедности? Чего ради подвергаешь себя этим бедствиям и тяготам?

Хурмуз же, согласно выражению: «Какое дело ринду, сжигающему весь мир, до рассудка?»*, тотчас высказал все, что было у него на уме.

— У правителя этой страны,— сказал он,— есть дочь Бахравар-бану. Это не девушка, а блистающая звезда! Солнце на небе заимствует лучи у сияния ее щек, а луна тем и хороша, что служит ей. Ни разу ее не видав, я, словно рыба, попал в сеть ее благоухающих кудрей и, покинув пиршество разума, устремился в долину безумия. И вот, влекомый пылающим сердцем, я прибыл в эту страну, потеря разума грозит мне гибелью, а душа моя сгорела, как свеча, в пламени сердца. Я так ничего и не добился, даже не понюхал ветерка надежды, чаша моих желаний не наполнилась, ибо эта несправедливая разбойница и солнцеликая владычица пренебрегает такой добычей, как я, полагая, что, обратив внимание на меня, презренного, она нарушит законы любви.

Сердце расплавилось, чтоб умереть — напрасно!

Ради мечты я пытался сгореть — напрасно!

Я в опьяненье хотел целовать губы-рубины,

Сердце пытался вином отогреть — напрасно! *

— Но сообщаю тебе приятную весть,— продолжал Хурмуз,— та луна апогея счастья будет в твоих тенетах и без

твоих усилий. Уже давно ее сердце тешится любовью к тебе, словно играет в нарды и скачет на коне желания по арене любви к тебе. Не знаю, ветер ли принес ей вести о тебе или же она увидела твое лучезарное лицо во сне... А теперь расскажи мне, что низвергло тебя с паланкина счастья во прах горя, как сошел ты с царского трона на циновку нищего, почему предпочел клобук дервиша шахскому венцу.

Услышав историю того, как Хурмуз попал в тенета любви к Бахравар-бану, как опутали его ее локоны, как он сгорал от страсти к ней, Джахандар загорелся было ревностью, но узнав, что семена его страсти дали всходы на ниве Бахравар-бану, что побег любви к нему вырос в сердце царевны, он успокоился. Однако он не открыл Хурмузу своей тайны, вышел из города и поселился в загородном саду Бахравар-бану, надеясь, что утренний ветерок принесет ему весть о возлюбленной. Как у всех обездоленных и опечаленных людей, сердце его сжигало пламя, а лицо он посыпал пеплом. Любовь его росла с каждым часом. Кровавые слезы, повиснув на его ресницах, вызывали зависть Плеяд и рдели, как кораллы *. Тоскуя о свидании с возлюбленной, он пренебрегал даже судьбой, его одиночество разделяла с ним лишь мечта о любимой. С ним не было ни друга, ни приятеля, которому он мог бы поверить свою тайну или пожаловаться на несправедливость судьбы,— один только попугай. Поэтому он часто изливал птице свои горестные жалобы и просил у нее помощи и содействия.

**ПОПУГАЙ, ГОРЯ СЛОВНО МОТЫЛЕК НА СВЕЧЕ НЕСЧАСТЬЯ
ДЖАХАНДАРА, НАЧИНАЕТ ЛЕТАТЬ ПО ЛУЖАЙКЕ УТЕШЕНИЯ
И РАССКАЗЫВАТЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ,
ЧТОБЫ ЧЕМ-НИБУДЬ ЗАНЯТЬ ЕГО**

Попугай был мудрой и смышленной птицей, и, видя, что шахзаде страдает и томится, он стал утешать и успокаивать его.

— О заглавный лист всех влюбленных! — говорил попугай. — О первая жемчужина в ожерелье страстных безумцев! Не бросайся в бездну горя и пропасть скорби из-за того, что благоухающий ветерок надежды не веет еще из весеннего сада мечты, из-за того, что роза мечтаний не распускается на лужайке. Уповай на истинного покровителя и

защитника во всех бедах. Разве ты не знаешь, что над всей нашей вселенной начертаны слова: «Не теряйте надежды на милосердие Аллаха» *? Ведь в конце концов бутон мечты распустится благодаря ветерку желания, а пальма надежд принесет плоды. Ведь так уж повелось, что судьба и рок сначала подвергают страждущих скитаниям по долинам отчаяния. А когда отчаяние достигает крайних пределов, они одним махом избавляют человека от мрака скорби и печали и ведут к роднику желания. Не ты первый бредешь стезею грусти и тоски. Задолго до тебя много султанов поднимали на майдане безумия знамя любви и били в литавры восторга в этом мире, а история каждого из них удивительна и странна. В теснинах и на вершинах любви им пришлось претерпеть много бед и невзгод. Если послушать о всех их злоключениях, от жалости растает сердце у самого Рустама,— а ведь ты до сих пор не снес и десятой доли того, что вынесли они. А в конце концов они после многих страданий и мук извлекли из морских глубин жемчужину желания и после бесчисленных злоключений и тягот достигли цели.

— О любезный друг и ласковый утешитель,— ответил шахзаде,— расскажи мне о тех, кто испил напиток любви и вкусил яства со стола страсти, о тех, кто погрузился в скорбь, а также о злоключениях и невзгодах, которые встретились им на этом пути. Поведай мне, как они вышли из мрачной ямы отчаяния и достигли своих желаний.

Тогда попугай начал рассказывать Джахандару увлекательные и занимательные любовные истории, которые приятно слушать и которые дают пищу тем, у кого есть вкус, полагая, что этими рассказами он развлечет шахзаде. Он надеялся такими беседами соблазнить красавицу-надежду и заставить цвести бутоны ожидания. Каждую ночь он рассказывал приятный дастан или чудесную сказку, которые были для раненых помыслов шахзаде как бы целительным бальзамом, а для его безумного сердца — заклинанием.

РАССКАЗ О ФАТАНСКОМ ЦАРЕВИЧЕ

Рассказывают, что в городе Фатан жил правитель, чья мощь соперничала с судьбой, ибо вышнее небо целовало подножие его трона, а солнце повиновалось ему, как раб господину. У него был солнцеликий сын. Щеки его едва окружил пушок — словно зелень розы, а черные локоны обрамляли его лик, словно ореол луну. Его стан был словно молодой побег на лужайке, а лик его счастья был омыт водой благословенной судьбы.

В делах державы он следовал примерам Кей-Кавуса и Кей-Кубада, время коротал на охоте. Когда, собираясь на охоту, он садился на своего быстрого как ветер коня, то Бахрам с неба, словно онагр, от страха перед его стрелами спускался на землю; когда он натягивал тетиву, то Лев с небес падал к его ногам*.

Однажды царевич ловил рыбу на берегу моря, как вдруг вдали показался корабль, но матросов на нем не было видно. Царевич удивился, что корабль плывет без команды, и стал внимательно наблюдать. Когда судно подплыло ближе, царевич увидел, что оно разубрано по-царски, украшено камнями и жемчугами. Повсюду были разостланы роскошные ковры, и весь корабль был прекрасен, как новый месяц на небосклоне, быстро пересекающий горизонты. На палубе сидела девушка лет четырнадцати, с лицом, блистающим, как месяц, прекрасная, как солнце. Она сидела одна, ее локоны, черные, словно мускус, вились вокруг луноподобного лика, брови тонкой дугой протянулись над нарциссами глаз. Стрелы очей ее поражали рыб в море, а арканы кос снимали с бирюзовой башни неба солнце.

Царевич был сражен первым же ее взглядом и, словно рыба, запутался в сетях ее мускусных локонов, а корабль проплыл мимо стремительно, как вихрь. От разгоревшегося пламени царевич потерял власть над сердцем, и оно покатилося по земле, словно песчинка, а слуги его тем временем ловили рыбу и не заметили происшедшей с ним перемены. Царевич угодил, словно рыба, в сети той луны, слуги же решили, что ему дурно от зноя, и стали брызгать ему в лицо розовой водой. Но это не принесло пользы, и тогда они ре-

шили, что в него вселился див, и отвели его к мудрецам-лекарям. Они и не ведали, что то был не див, а пери!

Как ни старались искусные лекари, они ничего не смогли добиться и отступились в отчаянии, царевичу же становилось все хуже, и люди решили, что им овладело безумие. Царь был сильно огорчен и обратился за помощью к философам и мудрецам. Эти последователи мудрости и знания пытались лечить его согласно указаниям разных философских школ*, но и у них не появилось надежды на исцеление, лечение их осталось бесполезным, и они даже не смогли нащупать его пульс. Воистину, «боль любви не исцелить лекарствами лекаря»*.

Итак, никакое лечение не помогло, все лекари и мудрецы опустили руки, признав свое бессилие, и царь сильно огорчился. Вся душа его обратилась в пепел, словно семена руты на огне. Не видя пути к исцелению сына, царь объявил:

— Тому, кто сумеет погасить губительное пламя, охватившее царевича, я уплачу четверть всех податей моей державы.

Эта весть быстро распространилась по всем краям и окраинам страны, и всяк принялся стараться по мере своих сил, ступив на стезю ищущих исцеления.

Меж тем сын везира, который рос и учился вместе с царевичем и пользовался его доверием, узнав о болезни друга, немедленно явился к нему. Он увидел, что щеки царевича пожелтели, как зарир, что уста его скованы печатью молчания, что он никого знать не хочет и впал в безумие. Сын везира пощупал его пульс — не рукой, а умом — и сразу понял его состояние, попросил всех посторонних удалиться и, оставшись с ним вдвоем, стал расспрашивать его.

— Сними покров с тайны, — стал он упрашивать царевича, — поведай мне то, что у тебя на уме. Скажи мне, стрелачьих бровей поразила тебя? Какой тюрк-разбойник* похитил твой разум? Если это Зухра — я раздобуду ее с неба для тебя. Если это пери, летающая по воздуху, — я загоню ее своей хитростью, как джинна, в твою склянку.

Услышав слова друга, царевич открыл глаза, рассказал ему о своем горе и попросил помощи. Сын везира великодушно решил повязаться поясом содействия и сказал:

— С самого младенчества я выращивал в сердце побег повиновения тебе, отдал тебе свою верную душу. Покуда во мне теплится жизнь, я буду верно служить тебе, ни на волосок не преступлю твоей воли.

Царевич, убедившись в его полной поддержке и сочувствии, обрел силы и сказал:

— Есть только один выход: любым путем я должен попасть в страну, где живет моя возлюбленная. Если захочет того моя звезда и я смогу увидаться с ней,— большего мне не надо. Коли нет — лучше мне сложить голову на улице безумия, чем властвовать над семью странами.

Так они и порешили. Царевич взял с собой драгоценных камней на дорожные расходы, и они покинули родные края, твердо уповая на бога. Он никого не посвятил в свою тайну и двинулся в том направлении, куда уплыл тот золотой корабль с волшебницей-луной. Поскольку влюбленный путник не страшится высей и бездн, царевич без остановок пересекал горы и равнины, пренебрегая тяготами и трудностями пути. В страшных и губительных местах он вместо хлеба питался одной лишь тоской по возлюбленной и шел с неприкрытым телом и плачущими глазами туда, куда влекло его испепеленное сердце.

Много ли или мало они прошли, но однажды встретились с каким-то человеком. Он поспешно шел за ними, пытаясь догнать их и присоединиться к ним. Когда он, наконец, с трудом догнал их, сын везира спросил незнакомца:

— Кто ты и чем занимаешься? Куда так торопишься?

— Я — моряк, — ответил тот, — и всегда ловил рыбу для падишаха, зарабатывая на пропитание себе и семье. А теперь, когда царевич покинул родной дом и скитается по берегу моря, то оказанные мне прежде милости обязали меня покинуть дом и семью и поспешить за ним. Я обладаю одним удивительным свойством: если кто-нибудь пройдет по земле и даже по морю, то я в течение шести месяцев смогу отыскать его по следам, ни на минуту не задумываясь, и сказать, что за человек это был.

Царевич очень обрадовался такой удаче и счел великим благом такого спутника.

— Не знаешь ли ты, — спросил царевич моряка, — не проплывал ли здесь кто-нибудь в последнее время?

Молодой моряк поглядел внимательно на море.

— Мой опыт говорит мне, — ответил он, — что недавно здесь проплыл вихрем корабль без матросов.

Царевич решил, что такой следопыт обеспечит ему успех дела, что чаша его надежды начинает уже наполняться, и двинулся в путь, обгоняя ветер и молнию.

Они прошли еще немного и увидели, что за ними спешит человек, за которым не мог бы угнаться и ветер. Догнав их, он пошел медленнее и присоединился к ним.

— Откуда идешь и куда? — спросили его.

— Я иду из города Фатана, — ответил тот, — и хочу присоединиться к вам. Я — искусный столяр. Своей тешой я превзошел резец Мани, а рубанком могу посрамить кумиров Азара. Я вырезаю из дерева таких изящных куколок, что красавицы Халлуха и Наушада будут восторгаться ими. Я воздвигаю такие дворцы, что жители райских палат спешат поглядеть на них. Я так полирую дерево, что оно делается гладким, как зеркало, и мудрые и красноречивые, подобно попугаям, мужи восхваляют меня. А вершина моего мастерства — и этого не может сделать ни один геометр — в том, что я из дерева делаю кресло, которое без крыльев поднимается в воздух, словно птица. Тот, кто воссядет на него, может лететь куда захочет, хоть на седьмое небо, — в мгновение ока он окажется там, словно Кейван. Когда царевич покинул лоно матери, словно блистающее солнце, озарил весь мир лучами своей красоты и почил в объятиях няни, как озаряющее мир солнце в объятиях зари, я изготовил для него колыбель и на полученное вознаграждение приобрел жизненный достаток, так что не стал ни в чем нуждаться. Теперь я решил отблагодарить за оказанные мне благодеяния, сопровождать царевича в его скитаниях на чужбине и оказывать ему услуги, какие смогу.

Царевич счел общество столяра великим благом, уверовал, что увидит свою возлюбленную, соскоблил тешой надежды бугорки отчаяния со своих помыслов и продолжал путь.

Дорога была такая тяжелая и трудная, что каждый шаг казался шагом в пасть крокодила, казалось, каждое мгновение на голову обрушивается море мук и с каждым вдохом поднимается ураган. Моряк, словно Нух, стал их путеводителем и вел царевича, бросившегося в пучину бушующего моря тягот и трудностей, по следам пропавшего корабля, а остальные следовали за ними.

Дни и ночи шагали они по той знойной пустыне, обгоняя ветер. Наконец, им встретился седовласый, согбенный старец. Он сидел под деревом и, собирая коровьи кости, кропил их водой. Кости тотчас соединялись жилами и суставами и обрастали мясом, так что те, кто видел и лицезрел это, убеждались в справедливости аята: «Посмотри на

кости, как мы заставляем их подняться и как одеваем мясом» *. По воле всемогущего бога, одним из атрибутов которого является «он оживляет и он умерщвляет», жизнь вошла в корову, и она поднялась и замычала, словно подтвердились слова: «Мы сотворили из воды каждое живое существо» *. Царевич и его спутники были поражены этим зрелищем, от изумления они сами присохли к земле, словно мертвые кости.

— Не может быть сомнения, — сказал царевичу сын везира, — что этот старец не кто иной, как сам Хызр, — да приветствует его Аллах. У него есть живая вода. Воистину твое счастье проснулось, и ты получил удел Искандара, раз в такой безжизненной и полной опасностей пустыне он встретился тебе. Ступай к нему немедленно и попроси помочь тебе, припади лицом к его стопам, быть может, он протянет тебе руку помощи. Прах под его ногами пусть будет целебным бальзамом для твоих глаз, дабы очи твоего счастья заблестали лучами надежды. Ухватись же рукой за его полу, чтобы он освободил тебя от мрака скорби.

Царевич повиновался совету друга и обратился со смиренной мольбой к старцу, прося его о помощи.

— О юноша, — ответил старец, — чем же могу помочь тебе я, старик, который не может и шагу сделать без посоха?

— О ты, видом старец, а натурой юноша! — воскликнул царевич. — Мои надежды — на твою сокровенную сущность, которая разрешает все трудности, а не на наружную слабость. Несомненно, ты — Мессия, а мы — безжизненные трупы, ты — Хызр, а мы — заблудшие путники на стезе надежды. Ради бога, не гони нас от себя и не пожалей своей милости ради горстки людей.

— Я не Мессия и не Хызр, — сказал старец. — Я всего-навсего скромный смертный, удалившийся от людей и избегающий их общества. Тут поблизости живет одна старая женщина, отрекшаяся от этого непрочного мира и поселившаяся в пустыне. Вместе с ней живет ее дочь, подобная Рабие. Обе эти женщины день и ночь молятся Изеду, а эта вот корова кормила их. Но случилось так, что лев задрал и сожрал ее, так что они остались без пропитания. Тогда ради сохранения своего брэнного тела, потребного, чтобы молиться богу, они стали питаться травами и кореньями. Тут всевышний Аллах даровал мне немного живой воды. Тем временем две бедняги в этой безжизненной пустыне дошли до крайнего изнеможения и вознесли свои молитвы к милостивому господу, и ко мне снизошло повеление. Я окропил водой истлевшие кости, так что корова по воле творца вышла из бездны небытия на арену существования и стала вновь источником пропитания тех женщин. А вам я могу помочь только каплей этой воды. Если она нужна вам, — мне не жалко.

— О благословенный старец, — сказал царевич. — Как бы там ни было, сжался над нами и помоги нам, подобно Хызру. Иными словами, окажи нам милость и пойдем с нами и будь нашим товарищем в трудностях и удачах, ибо присутствие твое будет укреплять наш дух.

В старце пробудилась жалость, он присоединился к ним и стал скитальцем по пустыне скорби.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА О ФАТАНСКОМ ЦАРЕВИЧЕ.

ЦАРЕВИЧ ПРИБЫВАЕТ В СТРАШНУЮ ДОЛИНУ,

ГДЕ ЖИВЕТ ДИВ ХУЛ-ХУЛ, ВМЕСТЕ С СЫНОМ ВЕЗИРА

ПОРАЖАЕТ ЭТОГО ИФРИТА И ЗАПОЛУЧАЕТ ПРЕКРАСНУЮ ПЕРИ

Царевич в сопровождении благочестивого старца покинул те места, прошел еще кусок пути и оказался в пустыне, воздух которой был ничуть не лучше, чем в аду, да и сама пустыня ничем почти не отличалась от ада. Даже вода там была горячая, как в аду, и от нее распространялось смрадное зловоние. Вокруг росли деревья, ядовитые словно кобры, а травы походили на пестрых змей аркám. Ад стыдился сравнения с этой пустыней, адский зной горевал от уподобления ее жару.

Когда царевич увидел такое страшное место, то мужество покинуло его и тревога овладела всем его существом. Его спутники от страха дрожали, как осиновый лист на ветру, от ужаса с них лил пот целыми кувшинами. Тогда царевич спросил благочестивого старца:

— Что это за ужасное место? Ведь от здешнего воздуха даже адское пламя превратится в воду, даже адские муки не сравнятся с ужасами этих мест.

Знавший истину и повидавший свет старец ответил:

— Здесь обитает один из величайших ифритов по прозванию Хул-Хул. Он могуч, безобразен, ужасен и покори́л себе весь мир. Все окрестные города и селения он разрушил и сравнял с землей, а жители все разбежались от его насилий, так что сейчас даже на расстоянии ста фарсахов не найдешь ни одной человеческой души. Он сожрал окрест всех онагров и серн, всех хищных и травоядных, всех волков и слонов, а львов и пантер он пожирает целиком, не разрывая на части. И сколько ни ищи, в этой пустыне не найдешь людского жилья, в городах ныне поселились совы и филины, а в садах свили гнезда вороны и галки. Слабому и немощ-

ному телом человеку не пройти через эту пустыню, если он предварительно не погубит этого мерзкого ифрита.

— О разумный старец,— вновь обратился к старику царевич,— ты — самый мудрый среди нас, укажи нам, как убрать с нашей дороги этот ужасный камень, эту страшную скалу.

Мудрый старец отвечал:

— Первые две недели, когда луна прибывает, див охотится и проглатывает все, что ни попадет. А следующие две недели, когда луна идет на убыль, он засыпает и спит непробудным сном. Вот тогда-то и надо расправиться с ним, тогда его легко отправить в бездну небытия. Когда же он бодрствует, его не одолеет целый свет.

Царевич и его спутники стали определять положение луны и солнца и установили, что луна покоится в голове девятиглавого дракона-неба и обитатели этого мира только ждут ее появления. Царевич счел конец месяца началом своего благоденствия, а сон дива — пробуждением своего дремлющего счастья, решил не упускать удобного случая поразить проклятого ифрита и попросил друзей помочь ему. Но ни один из них не осмелился выступить вперед. Они стали отказываться, ссылаясь на свое ремесло и сказали сыну везира:

— Каждый из нас ограничен пределами своего ремесла, и мы, когда понадобится, успешно справимся со своими обязанностями. А сражаться с врагами — это дело рассудительного везира.

Сын везира понял, что они устраниются от этого дела, не желая участвовать в нем, и что ему, хочет он того или нет, придется встретиться со смертью. Вооружившись мужеством и доблестью, он взялся сразиться с ифритом, распрошавшись с царевичем, попросил поддержки у Изеда, который помогает несчастным в беде и выручает попавших в беду, и, положившись во всем на бога, поспешил туда, где ждала его смертельная опасность.

Пройдя немного, сын везира увидел вдали дворец, стены которого доставали звезды небесные, а крыша соприкасалась со стенами, подпиравшей небо. Сын везира стал приближаться ко дворцу, ступая осторожно и незаметно в тени деревьев, пока не подошел вплотную к воротам. Он шел так тихо, что сам не слышал шороха своих шагов. От страха он трепетал, как осиновый лист, печень его таяла, словно соль в воде, желчь превращалась в воду, а сердце раскалывалось,

словно кончик калама. Вдруг во дворце появилась красавица со стройным станом. Увидев ее, пери сошла бы от зависти с ума, а гурия за такую красоту не пожалела бы жизни. Сердца влюбленных от страсти к ее щекам пылали, как семена руты в огне. Терпение и разум покинули сына везира, ее черная родинка лишила его жизни. Он потерял сознание, словно влюбленный соловей, и оцепенел. А красавица, подобная кипарису на берегу ручья, легко и грациозно подошла к нему и стала сыпать из рубинового ларца слова-жемчужины.

— О ты, осужденный на смерть,—обратилась она к нему,—разве ты не знаешь, что здесь обитает кровожадный див? Здесь и птица не решается расправить крылья, и муха не смеет зажужжать. Зачем же ты по собственной воле ступил прямо в пасть крокодила, бросился в тенета смерти? Может быть, ты пресытился жизнью?

— О пери! — ответил он ей.—Мне предстоят великие дела, но расскажи лучше ты о себе. Как оказалась в обществе дива такая пленительная красавица? Ведь розы по сравнению с твоими щеками презреннее шипов, а луна перед твоим прекрасным лицом ничтожнее рыбы. Как ты согласилась жить с таким мерзким ифритом?

О роза, твои собеседники только шипы,—
Неужто сама избрала ты компанию эту? *

Красавица, выслушав его, стала лить из нарциссов-глаз слезы на розы щек, а потом сказала:

— Я была розой на царственной лужайке, жемчужиной в шкатулке падишаха. Звали меня Паринажад, и отец выдал меня по обычаю шаханшахов за Манучихра, который взимал дань со всех властелинов земли и снимал венцы с хаканов нашего времени. Этот див сожрал по одному всех жителей нашей страны, а потом протянул лапу и в столицу. Прежде всего он проглотил всех подданных, а затем обратил взоры к падишахскому дворцу и стал пожирать стройных невольниц, которым завидовали полевые цветы, луноликих служанок, настолько обольщенных своей красотой, что они не ставили солнце ни во что, презирая немые и незрячие лилии и нарциссы. Наконец, в покоях падишаха остались только я и сам падишах. На следующий день проклятый див ворвался в гарем, схватил шаха, как воробья, и лишил жизни, а меня притащил в эти гибельные места.

— А теперь расскажи мне,— продолжала она,— отчего ты решил погубить себя и почему по собственной воле ступил прямо в пасть дракона?

Сын везира рассказал ей обо всем, посвятил ее в свои тайны, а она, выслушав его, сказала с улыбкой на устах:

— О юноша, стоящий на краю смерти! Ты никогда не решишь этой трудной задачи, никогда не доведешь это дело до конца. Разве соломинка может сдвинуть с места гору? Разве мошка может бросить оземь слона? Торопись, покуда цел, спасайся бегством! Не сражайся попусту с самой смертью!

— О луноликая! — ответил сын везира. — Хотя твои сочувственные слова разумны и дальновидны, но ведь часто случается, что маленькие люди с ясным умом совершают великие дела. Ведь ничтожно малый муравей при помощи своего разума валит с ног могучего слона *. Если ты укажешь мне путь и поможешь советом, — я возьмусь за это трудное дело.

Та красавица, сияющая, как Муштари, ответила ему:

— Да будет тебе известно, что дива можно поразить только одним путем. Надо найти шершня и смазать медом его крылышки. Потом надо пустить его в нос ифрита, у того запершит в носу, и он чихнет. Если при этом шершень вылетит из носа, то див разорвет тебя в клочья и превратит в прах. Если же шершень не вылетит, а через нос проникнет в мозг, то див погибнет.

— Я не боюсь смерти, — ответил ей сын везира, — и рискну своей головой ради успеха. Если нам повезет и мы сумеем погубить этого дива, то избавим весь мир от приносимых им бед. А если нет, — я сложу голову ради своего благодетеля.

С этими словами он положился во всем на Аллаха и, прикрываясь упованием, словно щитом, вошел в комнату, где почивал див.

Он увидел нечто черное, огромное, как гора, с двумя длинными рогами, и по земле вился хобот. Казалось, слон и бык соединились в едином существе. Клыки у дива были, как у кабана, а тело его, подобное скале Бисутун, обросло густой шерстью, как у медведя. Увидев его, человек от

страха лишался зрения, разум мерк от сего мерзкого и безобразного облика.

Сын везира, увидев эту гороподобную тушу, затрепетал от страха, но, обратившись в душе к Аллаху, проникся мужеством во имя благородных помыслов. По совету той красавицы со стройным станом он отыскал среди листьев адамовой головы шершня и стал внимательно приглядываться к ифриту. Когда тот выдыхал воздух, то поднималась пыль, словно от сильного ветра, а когда он вдыхал, в его нос вместе с воздухом летели хворост, пыль и камешки с расстояния двух танабов. Сын везира помазал шершня медом, поднес к носу ифрита, и тот влетел прямо в нос, а юноша отбежал в сторону и спрятался в высокой траве. Див тотчас же вскочил и чихнул так громко, что юноша задрожал от страха. Но по воле судьбы шершень проник в мозг дива, и чиханье не помогло ему. Див начал громко стонать, лишился сил, взревел так, что Бык, на котором стоит земля, задрожал от страха, а небеса и вся земля стали содрогаться. Вскоре ифрит в ярости забегал по сторонам, стал вырывать с корнем деревья и метать валуны. Наконец он скончался, дерево его жизни упало. Сын везира, когда свершилось такое великое дело, когда он одолел это глубочайшее море, приник лицом к земле и стал молиться богу, а потом, словно утренний легкий ветерок, помчался к царевичу с приятной вестью. Одновременно он прочитал ему хвалебную касыду о красоте Паринажад. Он рассказал о хитрости девушки, о шершне и меде. Шахзаде от радости затрепетал, словно травка от ветерка, обнял сына везира, поцеловал его, а потом отправился во дворец дива и стал любоваться красотой Паринажад. Подошел он и к труп дива, рассмотрел его и подивился его устрашающему гороподобному телу. Он похвалил изобретательность сына везира, потом приник головой к земле, вознося благодарность к чертогу всемогущего творца, который губит дракона малым воробьем и убивает слона комаром. А ту красавицу, которая была послана им как дар небесный, он взял с собой, и они снова двинулись в путь.

**ЦАРЕВИЧ ПРИБЫВАЕТ В ГОРОД БАНУДБАШ,
РОДИНУ ПАРИНАЖАД.
НИВА ЖИЗНИ МАНУЧИХРА ЗЕЛЕНЕЕТ ВНОВЬ БЛАГОДАРЯ
СОДЕЙСТВИЮ БЛАГООБРАЗНОГО СТАРЦА, РАВНОГО ХЫЗРУ,
А ПАРИНАЖАД ОБРЕТАЕТ УТРАЧЕННЫЕ НАДЕЖДЫ**

Царевич, покинул те проклятые места, прошел несколько переходов, и, наконец, перед ним предстал огромный город с высокими домами. Измученный долгим переходом и обрадованный тем, что ему удалось выбраться невредимым из той гибельной и ужасной пустыни, он стал двигаться к городу, радуясь, словно распутившаяся роза, стал возносить благодарственные молитвы богу и быстро вступил в городские ворота. Это был обширный и прекрасный город, которому Ханаан годился в рабы, а дворцы кайсара и Нумана были по сравнению с его дворцами лишь прахом у порога. Дома там были богатые и красивые, с арками, изящными, словно брови красавиц, а минареты стройны и прямые, как кипарисы, здания располагались ровными линиями, лавки выстроились рядами, словно жемчужины в ожерелье. Однако нигде не было видно ни одного человеческого существа. Царевич сильно огорчился этому и разослал из предосторожности своих спутников во все стороны с наказом искать людей на базарах, улицах и в домах. Те искали повсюду, заходили во все дома, но так и не нашли ни одной души. В какой бы дом они ни входили, всюду видели неслетные богатства, роскошную утварь и убранство, яства и напитки, сосуды и посуду. Казалось, люди только что поднялись со своих мест и спрятались где-нибудь в доме. Посланные насторожились и испугались: может быть, это жилища ифритов или дивов? Они вернулись к царевичу встревоженные и со страхом сообщили, что в городе нет никого.

— Наверное,— сказал им царевич,— ифрит Хул-Хул разорил этот город.

Он соскочил с ума тревожные мысли и страх, а потом решил: «Надо отправиться в падишахский дворец, ведь в этих местах мы можем повстречать гуля».

Шахский дворец, в который они вошли, был тоже безлюден, но все было в порядке, сады в цветении. Когда царевич увидел украшения, портики и галереи дворца, ему захотелось осмотреть все это великолепие, он стал ходить по дворцу и разглядывать его, а потом они все стали гулять по дорожкам дворцового сада и, наконец, вошли в гарем. Тут Паринажад начала громко рыдать, проливая кровавые слезы. Царевич поразился столь внезапной перемене и решил было, что она жалеет о разорении такого прекрасного города, полагая, что другой причины для слез нет. А та красавица с челом Зухры от сильного волнения не могла вымолвить слова, потом, собравшись с силами, сказала:

— О ты, чьей головой гордится венец! Я рыдаю потому, что побег моей жизни вырос именно на этой лужайке, где теперь вместо трелей соловья слышны только крики сов и филинов. Я была возвращена в этом райском дворце в неге и покое, а теперь его стены источают горе и несчастье. Я вспомнила все бывшее великолепие, красу служанок и невольниц и благородного шаханшаха, который осенял этот мир счастьем, словно вещая птица Хумай, и благодаря покровительству которого я затмевала солнце и луну. Я вижу, что от бывшего величия не осталось и следа, и рана в сердце вновь кровоточит, а в груди бушует море скорби.

Когда царевич выслушал эти жалобные и горестные речи Паринажад, ему стало жаль ее, он сам пролил горестные слезы, стал утешать и успокаивать ее, как это подобает людям великодушным. Потом он отер с ее глаз слезы, взял ее ласково за руку и вместе с ней пошел в другой дом, чтобы развлечь ее красотой арок, расписанных стен и украшений на крышах. И вдруг они увидели на ложе смерти юношу с царственной осанкой и прекрасными чертами лица. Он спал непробудным сном, склонив венценосную голову на изголовье небытия. На его голове еще был надет царский венец, а на теле — шахские одежды. Казалось, он только уснул. Паринажад, как только увидела Манучихра, стала громко рыдать и стенать, словно горлинка, стала рвать свои благоухающие косы и до крови царапать щеки-розы. Она упала на землю, словно поникшая травка, и так зарыдала, что даже соловей сжалился бы над ней и в горе разорвал бы свои одежды.

От пламени в ее груди сердце царевича также стало гореть, он жалобно заплакал, а остальные тоже запричитали. Рыдания их все усиливались, причитания не умолкали. Наконец, царевич, проникнутый сочувствием к Паринажад, обратился к тому старцу с обликом Хызра и характером Мессии.

— Ради бога,— взмолился он,— протяни руку помощи этой бедняге, оказавшейся в пучине горя, и верни ей утраченные надежды той каплей живой воды, которая осталась у тебя.

Благочестивый старец, последователь Хызра, повиновался царевичу, великому, как Искандар, и благородному, как Дара, открыл склянку с водой жизни, произнес формулу «Во имя Аллаха», которая является ключом ко всяким чарам, потом побрызгал той водой лицо и голову мертвого юноши. Тогда по воле творца, дарующего жизнь и сотворившего из ничего оба мира, юноша раскрыл глаза и огляделся по сторонам. Вдруг он увидел Паринажад. Она стояла у его изголовья, словно светильник, и в радости произносила благодарственные молитвы Аллаху, готовая от полноты чувств лишиться рассудка и ступить на стезю безумия. Погода он увидел царевича и его четырех спутников, которые творили молитву. Манучихр обратил взор на себя, увидел отросшие ногти и волосы, подивился, но так и не понял, что все это означает. Он погрузился в бушующее море изумления, а потом принялся за расспросы. Тогда та периликая дева обнажила красавицу-тайну и рассказала любимому обо всем том,

что произошло. Манучихр привлек к себе тот кипарис с лужайки неги, они стали вспоминать прошлое, радоваться настоящему, достигнутому после стольких мучений, а потом заплакали от радости, проливая из глаз слезы, словно жемчуга. После всего этого они пали к ногам шахзаде, благодаря его за содеянное, и стали так превозносить его, что даже невозможно описать. Манучихр заговорил.

— О ты, исцеливший меня, как Мессия,— говорил он,— никто на земле не помнит та-

кого благодеяния, которое ты оказал мне, вернув меня из пучины небытия на арену жизни. Человек не в силах отблагодарить и отплатить за такое добро,— разве только отдать жизнь за тебя.

ЦАРЕВИЧ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ В ГОРОДЕ БАНУДБАШЕ

ПО ПРОСЬБЕ МАНУЧИХРА И ПАРИНАЖАД,

ПОТОМ ПОРУЧАЕТ ОДНОЙ СТАРУХЕ НАЙТИ МЕХР-БАЛУ

Когда Манучихр по божьей воле родился на свет вторично и второй раз вышел из небытия на арену бытия, он взял Паринажад за руку и подошел к царевичу, принял головой к его ногам и сказал, как подобает тем, кто стремится к правде:

— Если бы ты по своему милосердию озарил бы своим пребыванием мое скромное жилище и осчастливил бы меня своим присутствием, ты вознес бы меня до небес, подарил бы мне еще одну жизнь и открыл бы мне оконце в райский сад.

Царевич согласился, решив остаться там на несколько дней. Манучихр возблагодарил бога, вновь почувствовал себя властелином и воссел на шахский престол. Весть об этом вскоре распространилась по дальним окраинам, которые были подвластны ему, и мудрецы и ученые мужи стали рассказывать о чуде. Прослышали об этом и оставшиеся в живых подданные Манучихра, которые бежали от страха перед кровожадным ифритом в разные страны, стали возвращаться по своим домам, возносить благодарственные молитвы тому, кто «выводит живых из мертвых и выводит мертвых из живых» *, и селиться на прежних местах, занимаясь своим старым ремеслом. В скором времени страна вернулась к благоденствию. Воистину, подобные события в мире происходят для наказания преступников и поощрения праведных мужей. Блажен тот, кто взирает на непорочное лицо красавицы-истины и сидит за завесой, из-за которой видна сокровенная тайна.

Манучихр всеми силами старался услужить царевичу и проявить гостеприимство, угождая ему во всем, не жалея своего времени и сил. Когда он уезжал на охоту, то царевичу прислуживала, стараясь превзойти самых расторопных невольниц, сама Паринажад. Но царевич, пьяный от тоски по возлюбленной, ничем не интересовался, уста его были сухи, а глаза влажны, и он, томясь, словно песок на берегу реки, только и спрашивал всех прибывающих и отъезжающих о своей луне, бросившей ковчег его сердца в пучину бедствий.

В один прекрасный день Паринажад учтиво, вежливо и грациозно вошла к нему, поцеловала прах у его ног и сказала:

— О ты, прах из-под ног которого служит для моих глаз целительным бальзамом! Я — твоя служанка и рабыня, желаю тебе только добра, и у меня есть к тебе просьба, разреши ее высказать.

Царевич, хоть и с неохотой, разрешил говорить. Паринажад продолжала в самых учтивых выражениях:

— У нас здесь лужайки переполнены розами и базиликами, есть все, что нужно для веселия и радости. Так почему же твое сердце сжато, словно бутон, почему на нем лежит клеймо скорби, словно на тюльпане? Если у тебя есть какая-нибудь кручина, поведай ее мне, быть может, я смогу помочь тебе. К тому же и Манучихр — раб твой, обязанный тебе жизнью, и он ничего не пожалеет ради тебя, сложит голову там, где ты пожелаешь.

Царевич, убедившись, что она сочувствует ему, как никто на свете, не стал стесняться и открыл ей тайну своего сердца, рассказал о корабле, о том, как он влюбился в сидевшую на нем девушку, лишился из-за нее своего доброго имени, бросил родной дом и пустился в дальние странствия. Паринажад, выслушав рассказ о его злоключениях, погрузилась в море раздумья, а потом снова заговорила.

— О ты, восседающий на троне любви! — воскликнула она. — Как же можно найти следы той, чьих примет ты не знаешь? Как можно разыскать ту, что не оставила следов? Только терпением и ожиданием можно решить эту трудную задачу, попасть туда, где живет твоя возлюбленная. В этом деле поспешность бесполезна, и тот, кто торопится, не поставит ногу в стремя коня, скачущего к ней. Запасись ключами терпеливости, и тогда ты сможешь открыть врата надежды, ибо «терпение — ключ к радости»*. Жди божьего

милосердия, пока из небытия не выскочит красавица твоей надежды.

По совету Паринажад царевич волей-неволей сел в панланкин терпения и нехотя навьючил надеждой коня желания. Паринажад повязалась поясом помощи ему, стала придумывать, чем бы ему помочь, и велела одной старухе искать повсюду нить желаний царевича. Та была мастером своего дела, она была знаменосцем любящих, била в барабан посредничества и претендовала на первенство в том, как познакомиться и свести влюбленных. Паринажад велела ей найти следы той луноподобной с корабля. Старуха, которая была искусна в подобных делах, расспросила подробно обо всем, отправилась к морю и двинулась в путь вдоль берега. В каждом городе на побережье она искала в собраниях красавиц ту дивную розу, которую описал царевич.

Наконец, эта старуха прибыла в город, который назывался Хуснабад. В этом городе на всех улицах и перекрестках бушевало море женской красоты, из всех уголков волнами выходили кокетливые красавицы, нежные газели, опьяненные вином неги и прелести, толпились на лужайке красоты. Старуха устремилась аркан своего взора на тех красавиц и стала искать ту, за которой ее послали. Она применила все свои уловки и, наконец, после долгих поисков напала на след. Та девушка была словно лучезарное солнце, она была драгоценным камнем из царских копей и солнцем на небе владычества над миром, а звали ее Мехр-бану. Характер у нее был прихотливый, она садилась на корабль и плыла одна по морским просторам, словно солнце по небу. Лучезарное солнце заимствовало свет от ее луноподобного лица, а роза, из-за которой терзается соловей, похитила цвет и аромат для своих лепестков у ее ланит.

Хитроумная старуха открыла на главной городской площади цветочную лавку и за короткое время подружилась крепко, как это случается с женщинами, с придворной цветочницей, которая каждый день по-новому составляла букет цветов и отправляла Мехр-бану, этому побегу в цветнике красоты. Она засыпала цветочницу подарками и вскоре крепко привязала ее к себе. Когда старая сводня убедилась, что их отношения крепки, как цепь, она однажды с простодушным видом попросила цветочницу взять ее с собой к Мехр-бану. Цветочница, находившаяся под бременем благодеяний старухи, сразу же согласилась и провела ее к тому прекрасному кипарису, дав ей нести корзину с цветами. Так

хитрая и бывалая старуха проникла к Мехр-бану. Она подала ей букет по-новому подобранных и связанных цветов, и Мехр-бану, которая ценила всякие редкие вещи, прониклась к ней расположением, а старуха в первый же день изучила как следует все ее достоинства.

Спустя несколько дней старуха, сорвав букет желаний из цветника надежды, вернулась, обгоняя ветер, к царевичу и через некоторое время уже была у него. Она так обрадовала его приятными вестями, что он от восторга готов был жизнь отдать.

ЦАРЕВИЧ НАХОДИТ В УТРОБЕ РЫБЫ ЗАПЯСТЬЕ МЕХР-БАЛУ.

ПО УКАЗАНИЯМ СТАРУШКИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРОД ХУСНАБАД,

ПОЛУЧАЕТ РАЗРЕШЕНИЕ НА СВИДАНИЕ, А ПОТОМ

ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РОДНУЮ СТРАНУ, ДОСТИГНУВ ЦЕЛИ

Царевич, чаша терпения которого уже переливалась через край, хотел двинуться в путь в тот же миг, призывая для своих ног быстроту у ветра. Он хотел бежать так быстро, как текут слезы влюбленного, лететь в Хуснабад на крыльях любви, как соловей. Но Паринажад удалось удержать корабль его нетерпения у берегов самообладания, и она пообещала отправить его в путь рано утром. Царевич, этот водолаз в море любви, с большим неудовольствием согласился и остался ночевать. Той старухе, которая словно удод из Савы* принесла ему весть о красавице, подобной Билкис, он подарил много драгоценных камней, а сам, чтобы скоротать время до того, как запад проглотит солнце, словно рыба Юнуса, отправился на рыбную ловлю. Едва он закинул сети, как в них попала огромная рыба. Царевич, довольный, велел зажарить ее и принести кувшин вина — ведь жареная рыба хороша с вином. Когда повар вспорол рыбе брюхо, то из него выпало запястье с инкрустациями, словно солнце выглянуло из-за созвездия Рыбы, так прекрасен был тот браслет. Царевич, увидев такую вещицу, был поражен и

с любопытством стал рассматривать украшавшие браслет камня. Сердце его, едва он притронулся к тому браслету, вдруг забилося, словно рыба на суше, душа почувствовала благоухание любви, и он воскликнул:

— Несомненно, этот браслет целовал ногу той светлой луны! Иначе отчего в моем сердце вспыхнуло такое пламя?

Тут царевич поспешил к старухе и спросил:

— Не знаешь ли ты, кому принадлежал этот браслет? Ведь искры его камней озаряют душу, словно луна.

Та опытная и знающая старуха с первого взгляда узнала браслет, расплылась в улыбке и ответила:

— О ты, поспешающий по стезе любви! Бросай шапку до небес: это браслет Мехр-бану. Такая удача означает, что очень скоро ты увидишь этот прекрасный кипарис. Теперь и правда нет смысла задерживаться здесь.

Царевич в тот же миг распрощался с Манучихром и Паринажад, не заботясь о путевых припасах, пустился в путь и полетел как на крыльях в сторону города, где жила его возлюбленная.

За короткое время он пересек переходы и стоянки и прибыл в Хуснабад. В городе царевич, как это подобает бедным скитальцам, поселился в саду. А старуха, которая сопровождала его, открыла, как и в тот раз, цветочную лавку и вновь стала плести хитрости и уловки, так что сумела приставить лестницу к самому небу, и приготовилась поймать Мехр-бану.

В один прекрасный день она наполнила корзину цветами, отнесла той придворной цветочнице, с которой у нее была дружба, и попросила ее пойти с ней, чтобы поднести цветы Мехр-бану.

— О любезная сестра, — отвечала цветочница, — в ближайшие дни нам не удастся повидать Мехр-бану — она очень огорчена пропажей своего браслета. Несколько дней тому

назад она пошла на реку купаться, погрузила в воду свои черные в завитках локоны, подобные татарскому мускусу, и в этот момент браслет соскочил с ее ноги и упал в воду. Она все время думает только о браслете, но найти его не удастся, поэтому она все время грустит и ни на кого глядеть не хочет.

Старуха сочла эти вести залогом успеха и радостно вернулась к царевичу.

— В скором времени,— заявила она,— луна попадет в твои сети, словно рыба, а этот браслет поможет получить жемчужину желаний. Теперь же наилучший советчик-разум велит тебе вместе с твоими спутниками покинуть этот сад и поселиться в уединенном доме. Ты должен вести себя осторожно, чтобы ни один посторонний не знал о тебе. А этот старик, что с тобой, пусть облачится в рубище дервишей и в лохмотья каландаров, выдаст себя за отшельника, ступившего на путь божественного прозрения. Пусть он проливает горячие слезы, показывая смятение в сердце, а потом пусть отправится к падишаху этой страны, представится как посланец пророка Хызра и скажет ему: «Пророк Хызр — да приветствует его Аллах — посылает тебе привет. А затем он сообщает тебе, что всевышний бог очень милостив к твоей дочери Мехр-бану и предначертал выдать ее замуж за человека, подобного редкостной жемчужине. Аллах заключил на небесах брачный договор. А этому жениху из знатного рода он повелел облачиться в одеяния дервишей и прийти в ваш дом, подобный раю. В подтверждение своей миссии юноша покажет запястье Мехр-бану, которое она уронила в воду. Хызр по повелению Аллаха спрятал то запястье в утробе рыбы, а потом препоручил тому благородному юноше. Как только он прибудет в ваш город, окажите ему должный прием и воздайте Аллаху благодарственные молитвы».

— И тогда эту царственную жемчужину не мешкая отдадут тебе, так как пропажу запястья и находку его в утробе рыбы можно представить как волю Аллаха, согласно изречению: «Деяния мудрого не лишены мудрости» *. А в подтверждение послания надо дать падишаху в виде подарка от Хызра немного живой воды. Только так ты сможешь достичь своей мечты, ибо отец Мехр-бану не хочет выдавать ее замуж. Он настолько привязан к ней и любит ее, что не может с ней расстаться. Ведь многие властелины и падишахи уже сватались к ней, но ни у кого из них чаша надежды не наполнилась желаемым напитком, а кубки их сердец были заклеены тавром скорби, словно тюльпаны.

Царевич одобрил выдумку старухи и стал действовать. Он отправил благочестивого старца к падишаху, а сам скрылся от людских глаз.

Старец явился к падишаху, с подобающей учтивостью передал ему послание Хызра — да приветствует его Аллах, — а потом вручил подарок пророка — склянку с живой водой. Царь выслушал старца и пришел в крайнее изумление. Он не знал, верить или не верить, но когда старец заговорил о браслете, то падишах не дерзнул перечить. Наконец, падишах после некоторого раздумья открыл склянку с живой водой и, чтобы удостовериться, брызнул несколько капель на рыбу, пойманную два дня назад. Рыба тотчас забилась, словно сердце влюбленного, услышавшего имя возлюбленной, подпрыгнула, бросилась в водоем, на краю которого сидел падишах, и поплыла. Присутствующие, увидев такое чудо, громко закричали от удивления и стали приветствовать старца громкими криками одобрения. Не дожидаясь повеления падишаха, придворные усадили старца на почетное место, выказывая ему уважение и внимание. Старец, убедившись, что его цель достигнута и намерение осуществлено, встал и промолвил:

— Дервишам не подобает долго оставаться в обществе земных владык. Я пробыл у падишаха некоторое время по необходимости, теперь же мне не следует задерживаться.

Падишах начал уговаривать старца остаться, но тот не поддался его просьбам и твердо стоял на своем, так что падишах и придворные, примирившись с мыслью о его уходе, распрощались с ним. Когда он вышел из дворца, то простолюдины окружили его, полагая, что он поможет им достигнуть благополучия и благоденствия, так что старик с трудом спасся от их приставаний. А он от старческой немощи и худобы еле волочил ноги и с трудом добрался до царевича и рассказал ему о том, что случилось в падишахском дворце.

Спустя несколько дней царевич показался в городе, словно только что прибыл, остановился в том самом саду, где он побывал прежде, и отправил сына везира к падишаху, чтобы известить придворных, что наследник престола и перстня Фатана по воле судьбы поймал некую рыбу и что ему было велено распороть ее и принести найденное внутри падишаху этой страны. А в брюхе рыбы оказалось запястье с инкрустациями из драгоценных камней. Царевич взял его и прибыл в эту страну, чтобы поцеловать прах у трона падишаха. Трудности, мучения и тяготы, которые пришлось

пережить в пути, невозможно описать или даже вообразить, поэтому царевич утомлен и расстроен. Но слава и благодарность Аллаху, он исполнил порученное ему! Если падишах соизволит принять его, он вручит ему то, что ему было поручено, и вернется в свою страну.

Когда сын везира передал падишаху послание царевича, на челе властелина обозначилась радость, и он ответил, ликуя:

— Добро пожаловать! Ты принес радостные вести! Только зачем царевичу так быстро возвращаться домой? Ведь разумные и мудрые мужи хорошо знают, что не подобает отпускать наследника престола великой страны, не воздав ему подобающих почестей. А он к тому же оказал нам такие бесценные услуги! До тебя у меня был один святой и пречистый старец, посланец Хызра,— да приветствует его Аллах. Он предупредил меня о скором вашем прибытии, а также сообщил мне божественную волю об отраде моих очей — моей непорочной дочери. Хвала Аллаху, слава Аллаху, что царевич прибыл в нашу страну целым и невредимым. Поскольку эта светлая жемчужина прибыла ко мне, я не стану медлить и откладывать ни на миг.

— Царевич ничего не ведает о божественной воле,— отвечал сын везира.— Хоть он великодушен, умен и благороден, он сторонится общества женщин из-за ущербности, которая заложена в их природе. Но если такова воля Аллаха, ему остается только повиноваться.

С этими словами сын везира попросил падишаха отпустить его и тотчас вернулся к царевичу, чтобы освежить его душу ароматом этой приятной вести.

Весть о царевиче дошла и в покои Мехр-бану. Прослышав об этом, она пришла в сильное волнение, ею овладело любопытство, и ей захотелось узнать, достоин ли царевич того, чтобы провести вместе с ним жизнь, кто тот человек, которого она должна избрать по воле Аллаха. В то время когда она так раздумывала, к ней пришла вместе со своей названной сестрой та старуха и принесла ей прелестный букет цветов. Как бы невзначай, чтобы не вызвать подозрения Мехр-бану, старуха заговорила о царевиче.

— Сегодня,— говорила она,— я пошла в сад нарвать цветов и увидела там красивого и пригожего юношу, с белым лицом, умного, красноречивого. На его челе блистали приметы величия и царского происхождения. Спутники его сказали мне, что он — наследник властелина Фатана, про-

шел из своей страны длинный путь и прибыл на чужбину по важному делу. За всю свою жизнь — а мне ведь более шестидесяти — я не видела такого красивого, благородного и умного юноши. А как он воспитан и обходителен, как приятен в обращении! Говорят, что по силе десницы Рустам перед ним — немощный старик, что справедливостью он превзошел Хосрова Ануширвана, а щедростью — Хатема Таи, что подножие его трона упирается в небеса. Несомненно он — молодой побег в цветнике любви и прекрасный кипарис на берегу ручья прелести. В нем сочетаются все по-

хвальные качества, а всевышний бог одарил его знанием тайного и явного, так что эти стихи сложены о нем:

Верь, не нужны славословья пречистой природе твоей,
Что машшатé может сделать с созданной богом красой? *

Мехр-бану, выслушав речи старухи, из возлюбленной превратилась во влюбленную. Она перестала владеть собой и отправила падишаху такую вестъ: «Дар, который прислал пророк Хызр, надо счесть светильником на моем пути и как можно скорее надо осуществить волю Аллаха». Падишаху понравились такие слова, и он приказал устроить свадьбу, подобающую властелинам и правителям, забить в царские литавры и в благословенный час соединить кипарис с пальмой.

ОПИСАНИЕ СВАДЕБНОГО ПИРШЕСТВА

Знатоки царственных пиров и устроители падишахских собраний стали готовиться во дворце к свадебному пиршеству, припасли все, что необходимо для веселия и радости. Литавры счастья прогремели до самых небес, а радостные крики донеслись до самых окраин мира, веселящее вино стало пениться в кубках, музыкальные инструменты услаждали слух пленительными мелодиями. Повсюду были разбросаны букеты роз и базиликов; мускус и амбра источали аромат и благовоние на радость пирующим. Чудные певцы, словно горlinks, затянули радостные песни, а музыканты, подобные Зухре, заиграли мелодии. Сереброликие кравчие украсили пир рубиновым вином, а красавицы стали пленять пирующих кокетством, опутывая их цепями своих кос.

Когда лучезарная невеста вселенной удалилась в брачную комнату на западе, владычицу всех цариц усадили, принарядив, на престол. Царевича же, подобного полному месяцу, облаченного в новые одеяния, сияющего блеском Фаридуна и славой Кей-Кубада, ввели в покои и возвели на царский престол рядом с той красавицей, так что луна и солнце отражались в зеркале в счастливом сочетании. Крики приветствий поднялись до самого неба, поздравления оглушили уши земли и времени. В виде нисара было высыпано так много камней, что Быку, на котором стоит земля, стало тяжело.

Когда все свадебные обряды были совершены, доброжелатели разошлись, словно мотыльки разлетелись, и розу оставили наедине с соловьем. В опьянении наклонившись, как кувшин к чаше, царевич стал поверять ей свои сердечные тайны, разглядывая ее с головы до ног, и вино желания стало пениться в его голове, а на щеках той чаровницы от смущения проступила испарина, подобная росе на лепестках жасмина. В неге и томлении разгорелся торг между покупателем и продавцом, и, наконец, облако желания повисло в небе удовлетворения, роза, осмелевшая от вина, разорвала свою рубашку и оказалась в объятиях соловья. После долгих мучений царевич обрел бесценное сокровище и после бесчисленных страданий достиг того, чего желал.

Когда облаченный в золото владыка неба поднялся из объятий невесты-ночи, осыпав по обычаю великодушных мужей обитателей мира золотом лучей, царевич, словно солнце, вышел из гарема и стал принимать народ, как это подобает падишахам. Он начал рассыпать динары и дирхемы, а придворных он одарил халатами и драгоценными одеяниями. Старуху, хитрости которой он был обязан тем, что сумел снять чары с этого клада, он осыпал золотом и камнями в благодарность за великую услугу, и она на старости лет из нищей превратилась в богатую.

По прошествии положенного срока после свадьбы царевич двинулся в обратный путь, испросив разрешения у падишаха. Падишах, следуя примеру предков, воссел на коня щедрости и подарил царевичу в виде приданого тысячу коней, чаши с драгоценными камнями, много мускуса, табуны верблюдов, роскошные ткани, солнцеликих невольниц и юных рабов — столько, что самый способный математик не смог бы сосчитать. Получив все эти дары, царевич распрощился с падишахом, а ту владычицу во всей ее красе усадил в паланкин, и, словно солнце, стал он проходить земные градусы, направляясь в Фатан.

ХУШАНГ, СЛОВНО ЛЕВ, НАПАДАЕТ ИЗ ЗАСАДЫ,

ЗАХВАТЫВАЕТ ТУ ГАЗЕЛЬ С ЛУЖАЙКИ КРАСОТЫ

С ПОМОЩЬЮ ПОДОБНОЙ ГУЛЮ СТАРУХИ. ОН УВОДИТ МЕХР-БАНУ,

А НА ЦАРЕВИЧА, СЛОВНО ПОТОК, ПАДАЮТ БЕДЫ

Обстоятельства, с которыми сталкиваются люди в этом мире, недоступны им, скрыты за завесой судьбы и божественной воли, словно невесты или старые девы в отцовском доме. В этом мире праха и тлена и добро, и зло проявляется только по установлениям божественной мудрости и по воле творца. И вот в силу этого с царевичем случилось странное событие. А было это вот как. Один юноша царского рода по имени Хушанг уже давно был влюблен в Мехр-бану и находился в плену ее кос. Сколько ни бродил он в долине стра-

сти к ней, как ни изранил ноги в этих скитаниях, дорога не привела его к цели. И вот, когда для него закрылись все врата к исполнению его надежды, он по велению владыки любви, безумный словно Меджнун, пошел по следам своей возлюбленной, надеясь, что когда-нибудь на него повеет благоухающим ветерком от ее мускусных кос. Словно пыль, стелился он за ними, переход за переходом. А одной старухе, немощной и дряхлой, верной служанке своей, Хушанг велел присоединиться к каравану царевича и каким угодно путем постараться помочь ему. Эта старуха, которая издавна была искусна в колдовстве, стала дуть в трубу чар, взяла посох, пробралась к Мехр-бану и, проливая потоки слез, начала жаловаться на несправедливость судьбы и насилие рока. Мехр-бану отнеслась к ней ласково, взяла под свое покровительство, велела накормить ее и помочь ей.

— О Мехр-бану! — молвил царевич. — Мне не нравится вид этой старухи, я опасюсь, что она накличет на нас беду и что она затаила коварство. Пригреть такую старуху — все равно что посадить в рукав змею или за пазуху волка. Было бы лучше прогнать эту чертовку и впредь не допускать ее пред твои светлые очи. Я ей не верю.

— О ты, украшающий престол счастья! — отвечала Мехр-бану. — Что опасаться такой немощной старухи, стан которой от ударов судьбы согнулся вдвое, словно новый месяц? Не подобает великим и благородным людям отказывать в покровительстве и отвергать обиженных судьбой.

Одним словом, прихотливая судьба стала кокетничать, словно красавица, Мехр-бану собственной рукой разорвала завесу своего счастья, а царевич уступил ее настояниям.

Однажды они остановились в пленительной и красивой местности, где воздух был чист и прохладен, росли зеленые травы, а люди пьянели без вина. И стар и млад стали веселиться, а царевич, прельщенный теми местами, выпил несколько чаш прозрачного вина, сел на гнедого, быстрого как ветер коня и поскакал в степь поохотиться. Та старуха, которая только и дожидалась удобного случая, сочла охоту царевича самым подходящим моментом и не медля сообщила Хушангу. А этот безумец вскочил на каракового скакуна, быстрого, как Бурак, и поскакал к лагерю царевича. Старуха меж тем вошла в царский шатер и сказала Мехр-бану:

— Царевич, словно Бахрам Гур, свалил своей стрелой онагра и сел пировать в саду, не уступающем раю. Но без твоей красоты мир для него мрачен, а дворец его сердца без

светильника твоих щек темен, он не в силах оставаться там один, и вот он прискакал за тобой, словно на крыльях ветра, и прислал тебе коня. Вставай, погаси своим появлением пламя его нетерпения.

Мехр-бану не подумала о предосторожности, не разобравшись в сути дела, встала, не раздумывая, набросила на лучезарное лицо покрывало, отослала стражу и служанок, села, словно Ширин, на гнедого коня, не ведая о том, что двуклая судьба нанесет ей, как Фархаду, удар в грудь, и, приняв Хушанга за своего мужа, поскакала к нему словно на двух конях*.

Несчастный Хушанг, видя, что небо стало вращаться по его желанию, что счастье попало в его сети, помчался словно ветер. Коня их несли бок о бок быстрее вихря, и, наконец, они переправились через реку, которую невозможно было переплыть без корабля. Хушанг оттолкнул корабль от берега, чтобы им не мог воспользоваться другой, и поспешил в свою страну, не обращая внимания на препятствия.

Они ехали так долго, что силы человеческие истощились и Мехр-бану стала проявлять признаки усталости, так как дорога утомила ее, и закричала:

— О царевич! Куда это мы скачем так быстро? Помедли немного, мои ноги устали от шпор.

Хушанг, зная, что ему нельзя отвечать, не проронил ни слова, и это сильно удивило Мехр-бану. Ей стало страшно, показалось, что ее спутник — страшный гуль, похитивший ее. Она отвела с лица покрывало и посмотрела на Хушанга, чтобы проверить свои подозрения. Увидев чужого мужчину, которого она никогда не встречала, она испугалась, что к ее лозе прикоснется филин, задрожала как осиновый лист, оцепенела от страха, словно истукан, и спросила Хушанга:

— Кто ты такой? Как звать тебя? Мне страшно с тобой. Моя душа того и гляди вылетит из своего гнездышка.

— Я твой преданный раб, — отвечал Хушанг. — Я забыл из-за тебя разум и терпение и готов из-за любви к тебе расстаться с жизнью. Быть твоим рабом для меня лучше, чем владеть всем миром, в поисках тебя я из падишаха превратился в нищего, а прах под твоими ногами стал для меня целительным бальзамом. Хоть я и шах, но горжусь тем, что стал рабом твоим, хоть я и государь, но не ишу освобождения от цепей, которые ты наложила на меня. Я так страдаю, а ты ненавидишь меня! Почему бы тебе не взять в рабы такого падишаха, как я?

Мехр-бану, разобравшись, в чем дело, притворилась обрадованной и сказала:

— О венец моей головы и мечта моего сердца! Я должна благодарить Аллаха. Уже с давних пор в мое сердце вонзилась стрела тоски по тебе, а в груди полыхает пламя страсти к тебе. Когда все шахи мира влюбились в меня и отправили к моему отцу письма и сватов, я разорвала все письма. Лишь твое письмо запечатлела я в сердце. Но я не могла распоряжаться собой, и у меня только и осталось клеймо скорби в сердце, как у тюльпана, да расстроенные помыслы, подобное растрепанным лепесткам гиацинта. Видно, недремлющее счастье помогло мне, и небо стало вращаться так, как я хочу. Теперь мои глаза озарены твоей красотой, а сердце ликует, опьяненное сладостью свидания с тобой.

Слава богу! Мне досталось
Все, о чем его молила *.

— Но мне предстоят трудности,— продолжала Мехр-бану,— и сердце мое страдает из-за них. Я дала обет богу, что если я благодаря своей счастливой звезде смогу сорвать розы желания и увидеть твое светлое лицо, то пробуду четыре месяца в келье отшельника, предаваясь молитвам и постам и оделяя яствами и золотом бедняков. Боюсь, что ты не станешь помогать мне, что ты не снесешь разлуку со мной в течение этого срока и будешь стремиться сорвать розы в саду свидания и осквернить мою веру прелюбодеянием. А ведь набожные люди считают нарушение обета неверием! Моя вера тогда может пошатнуться, корабль моего желания затонет, нить моего счастья, за которую я схватилась после долгих полуночных и утренних молитв, вновь может оборваться, бутон моих стремлений осыплется, так и не распустившись. Эти четыре месяца пройдут как бы мгновение ока. Коли мы провели долгое время в отчаянии и горе, теперь, когда расцвела ветвь нашего желания и исполнились наши мечты, нет смысла торопиться и тревожиться.

Хушанг, услышав от Мехр-бану такие ласковые слова, от радости расцвел, словно роза от утреннего ветерка. Он сошел с коня, приложился челом к земле и стал возносить благодарственные молитвы богу, а потом ответил Мехр-бану:

— Сердце и душа мои да будут жертвой твоих любезных слов! Мое царство и все мое состояние пусть будет ни-саром за них. Разве могу я пожалеть богатства для тебя? Ведь я сражен стрелами твоих взглядов, я раб твоей веры. Смею ли я перечить твоей воле? Ты властна над моим сердцем и душой.

Для влюбленных предписанья не составлены покуда,
Тот, кто любит, поступает так, как ты ему велишь *.

— Не тревожься напрасно, исполняй свой обет, а я предоставлю в твое распоряжение все, что бы ты ни пожелала, и буду повиноваться твоей воле.

Хушанг отвез Мехр-бану в свою страну и поселил ее, как она просила, в келье на расстоянии полфарсаха от города. Он прислал ей для раздачи бедным всяких кушаний и припасов, доставил утварь и дрова, определил к ней в услужение нескольких опытных невольниц. Кроме того, он приставил к ее келье стражников и приказал, чтобы и птица не смела пролетать поблизости. Сам же он перестал докучать Мехр-бану и стал предаваться веселию, задавать пиры и осыпать людей милостями да выезжать на охоту, по обычаю пади-

шахов. Но сердце его, словно мяч, было в плену чоугана локонов Мехр-бану, а птица его души трепетала в когтях ее бровей. От тоски к ней он не мог ничем заняться и считал только дни, как это делают звездочеты.

**ЦАРЕВИЧ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ОХОТЫ И УЗНАЕТ,
ЧТО МОЛНИЯ БЕДСТВИЙ ПОРАЗИЛА ГУМНО ЕГО ДУШИ.
ОН НАЧИНАЕТ ОТ ТОСКИ ГОРЕТЬ, СЛОВНО МОТЫЛЕК,
С ПОМОЩЬЮ СВОИХ ДРУЗЕЙ ДОСТИГАЕТ КЕЛЬИ МЕХР-БАЛУ
И ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ПОБЕДОЙ В СВОЮ СТОЛИЦУ**

Когда несчастный фатанский царевич вернулся с охоты, вошел в шатер и узнал, что его черноокая газель стала добычей льва, что его кокетливая пава полонена соколом, то пламя скорби охватило его с головы до ног, искры безумия посыпались из его глаз, он упал как подкошенный, разорвал на себе одежды, словно бутон розы, стал посыпать голову пеплом и проливать из глаз реки слез. То он, словно безумец, лобзал следы Мехр-бану, то, словно Меджнун, громко и жалобно призывал свою Лейли, то пытался отыскать в воздухе аромат из цветника возлюбленной, то пробовал переслать с ветром восточку любимой, стройной как кипарис. Он перестал есть, потерял сон, беспрестанно умолял ветер принести вести о возлюбленной, спрашивал, как выются ее мускусные локоны, как раскрываются в улыбке ее уста, на кого смотрят ее глаза-нарциссы, кого привлекает ее черная родинка.

— Ради бога, о ветерок! — твердил он. — Если тебе придется побывать у моей любимой, расскажи ей о том, как я лежу во прахе с разбитым сердцем, расскажи, что вместо шахских одеяний я облачился в рубище нищего, что я рыдаю, вспоминая ее, и что уже более нет слез в глазах, что от поисков мои ноги перестали повиноваться мне. Пусть она сжалится надо мной и вновь покажется мне, осенит меня те-

нию своего стана-кипариса, чтобы я поднял голову из праха. В этой жизни мне остался лишь краткий миг, пусть она торопится, не то увидит лишь горсть праха, уносимую ветром.

Но Мехр-бану не показывалась, а безумие царевича все росло, он начал заговариваться, так что свои и чужие стали жалеть его, сердце друга и недруга разрывалось при его виде. Сын везира взял его руку и сказал:

— Чем помогут тебе эти безумства? Какая польза от причитаний и стенаний? Мужайся и не теряй самообладания, в этом бренном и преходящем мире, полном самых неожиданных перемен, на долю обитателей грешной земли выпадает много подобных бедствий и злоключений. Коловращение голубого неба приносит тысячи бед, в каждом повороте небесного круга таятся сотни козней. Доблестный муж, попирающий, словно гора, невзгоды, не должен поддаваться горестям и погружаться в пучину отчаяния, когда на него обрушилась беда. Напротив, он должен сесть на корабль благоразумия и выплыть из пучины к спасительному берегу. Наставник-разум, путеводитель заблудших в долине скорби, наставит человека на путь, который приведет его к конечной цели. Когда благодаря содействию творца мы прибудем к Мехр-бану, мы во что бы то ни стало добьемся своего.

По совету сына везира царевич роздал бедным все свое имущество и сокровища, облачился в рубище и двинулся в путь вслед за своей надеждой. Когда они прибыли на берег той реки, там не оказалось ни одного корабля, и они волею-неволей пробыли там некоторое время в бездействии. Потом моряк срубил несколько деревьев, сделал из бревен плот на бурдюках и переправил царевича с его спутниками на противоположный берег. Оттуда царевич направился прямой дорогой к цели, и после долгих злоключений и невзгод он, наконец, прибыл к келье Мехр-бану.

Когда путники подошли к келье, слуги угостили их по обычаям гостеприимства, принесли им кушаний и напитков, соблюдая законы ласкового и учтвого обращения. Царевич и его спутники от-

дохнули от дороги, утолили голод и жажду, забыли о тяготах и мучениях пути и собрались с мыслями, которые растеряли по дороге. Сын везира спросил слуг и поваров:

— Какой великодушный властитель повелел так встречать странников? Мы — бедные дервиши, прошедшие в скитаниях весь мир, но ни в одной стране и ни у одного правителя мы не встречали такого великодушного гостеприимства.

Ему ответил один молодой слуга:

— Это делается по велению царицы мира Мехр-бану, слава о гостеприимстве которой, как и о ее красоте, распространилась до горы Каф.

Царевич, услышав имя возлюбленной, лишился чувств и, словно тень, распростерся на земле. Сын везира, чтобы не открылась тайна, тотчас бросился к нему, окропил царевича розовой водой, а потом обратился к присутствующим:

— Нет ли у вас в городе лекаря, который вылечил бы этого юношу от падучей болезни?

Потом он будто невзначай спросил:

— А кто такая Мехр-бану? Почему она проводит свои дни в этой тесной келье, предаваясь молитвам?

Тот недалекий юноша рассказал ему всю историю Мехр-бану. Царевич же, узнав, что сокровищница его чести осталась нетронутой, что товары из каравана его доброго имени не разграблены разбойником-роком, слозно обрел новую жизнь, перестал отчаиваться и проникся надеждой. Он обратился с мольбой к чертогу всевышнего творца в надежде, что

Аллах велик, он грешному рабу

Пошлет через Сурүша весть прощенья *.

Слуги же, приняв гостей как подобало, передали Мехр-бану о вновь прибывших. Этот непорочный кипарис велел одной простодушной и приветливой служанке пойти к гостям и, оказав им уважение, разузнать, что они едят и как относятся друг к другу, а потом обо всем доложить ей.

Служанка отправилась к гостям, разузнала о них все, что велела ей госпожа, а потом пришла к Мехр-бану.

— Их пятеро, — рассказала служанка, — и они едины, словно пять чувств у человека. Все они одеты в нищенские рубища, служат смиренно богу, при людях они делают все поровну, но когда остаются одни, то оказывают уважение одному.

Мехр-бану, выслушав рассказ служанки о тех странниках, догадалась, что ее возлюбленный, разлученный с ней, наконец нашел ее. На другой день, соблюдая все предосторожности, она отправила гостям с той же недалекой служанкой поднос с фруктами и положила туда клочок от своего покрывала, которое хорошо знал царевич. Царевич, увидев лоскуток, обрел новую жизнь, подобно тому, как Якуб прозрел при виде рубашки Юсуфа *, и невольно пролил из глаз потоки слез. Сын везира собрал красивый букет, положил среди цветов перстень царевича и, не заставив служанку дожидаться, отправил цветы к Мехр-бану, попросив служанку извиниться перед госпожой и передать: «У нас, нищих людей, нет ничего другого, чем отблагодарить тебя. Ведь от каландара можно ждать в награду только травы, а от медведя — его собственной шкуры. Этот букет мы собрали в то время, когда счастье улыбалось нам и небо было благосклонно. Присоединяем к нему молитвы».

Мехр-бану, получив перстень, от радости готова была вложить его в глаз вместо зрачка. По мягкости своего характера она не смогла совладать с собой, ушла в уединенный уголок и заплакала навзрыд. Потом она взяла калам и стала писать о том, что произошло с ней с момента разлуки, что жемчужина ее добродетели не пострадала от разбойника-судьбы. Письмо тайком отослали царевичу. Получив его, царевич от восторга лишился чувств. Придя в себя, приложил письмо к глазам, словно оно излучало свет, снял печать, стал читать его, а начало письма было украшено такими стихами:

Жемчужина-тайна осталась такой, как была.

Печать со шкатулки любви я сорвать не дала.

У ветра спроси: только запах любимых кудрей

Со мной неразлучен от вечера и до утра.

Приблизься же к той, что убита разлукой с тобой,

Довольно скорбеть, воедино нам слиться порал *

«Судьба всегда сидит в засаде, — говорилось далее в письме, — небо ищет повод все к новым проделкам, а удобных случаев на земле так же мало, как и счастья. Мужество и разум повелевают, чтобы ты озарил свои покои светильником доблести, покамест враг еще не пробудился от тяжелого сна и не разбил бутылку нашей чести о камень. И поскольку роза чести не завяла от ледяного ветра злоключений, возблаговари бога и не тревожь судьбу напрасными просьбами».

Царевич, прочитав письмо, в ответ ограничился несколькими словами. «Если бы я вздумал жаловаться на этот голубой небосвод, который спрятал в своих складках наше счастье, превратил нашу радость в горе и подмешал яд в нашу халву, то этим жалобам не было бы конца. И как мне жаловаться на тебя, нарушившую мое благоденствие: ведь аркан любви к тебе стянул мне горло, словно безумцу, а твой ум перебил мне ноги камнем бедствий. Если бы ты не приютила ту чертову старуху, хитрости которой страшнее яда кобры и гадюки, то я не оказался бы в таком жалком и печальном состоянии и не сидел бы, несчастный, в яме бесчестия. Но поскольку здесь не обошлось без судьбы и рока, то разум не позволяет обвинять других».

Кровь свою пью и не смею роптать на судьбу,
Горькая доля Аллахом указана мне *.

«Теперь,— говорилось далее в письме,— мужайся и жди скорого милосердия бога».

Служанка передала письмо Мехр-бану, а царевич вызвал к себе столяра и сказал:

— Во время наших странствий всем нам пришлось испытать страданий сверх всякой меры, но я все же надеюсь, что ты поможешь мне в одном деле. Прошу тебя, смастери трон, как у Сулеймана, чтобы он мог мигом взлететь. Этим ты спасешь меня от потопа бедствий, словно Ноевым ковчегом.

— О царевич! — ответил столяр. — Мы ведь с первого дня расстались со своими семьями и решили служить тебе искренне — так тому и быть, покуда наши тела не истлеют и кости не рассыплются в прах.

С этими словами столяр поцеловал перед царевичем землю, не медля отправился в степь и стал рыскать повсюду в поисках материала. Наконец, он нашел подходящее дерево, но вокруг ствола его обвилась ядовитая змея. Тогда столяр, приложив руку к груди, остановился перед змеей и стал превозносить ее в самых изысканных выражениях.

— Кто ты и что тебе надобно? — спросила его змея.

Столяр рассказал змее обо всем, ничего не утаив, и объяснил ей всю важность дела. Тогда по воле Изеда, в чертоге которого и змея и муравей одинаково равны, змея отползла от дерева и разрешила столяру срубить его. Столяр срубил несколько толстых ветвей, пустил в ход тешу и смастерила кресло, которое было под стать самому трону Джамшида. Через короткое время он явился к царевичу вместе с тем крес-

лом. А от срока, который Мехр-бану дала Хушангу, оставался всего лишь один день, и царевич сидел в ожидании, сгорая от нетерпения. От тоски каждый вздох казался ему последним в жизни. Когда появился столяр с креслом, царевич от радости не знал, что и сказать, потом упал на землю, вознося благодарственные молитвы, а столяру дал в вознаграждение много драгоценных камней.

На другой день, когда владыка светил воссел на бирюзовом престоле и открыл сверкающий праздник, Хушанг, предвкушая свидание с Мехр-бану, устроил пир, от которого и жители рая пришли бы в изумление. Он пригласил всех царевичей и ханов державы, велел приготовить все, что необходимо для царственного пира, роздал бедным много богатств. Наконец, Хушанг величественно и важно, словно Джемшид, воссел на падишахский трон, снял замки с сокровищниц и превратил в богачей всех обитателей земли, раздавая направо и налево золото и драгоценные камни. Чаша ходила по кругу, словно взоры красавицы, кокетливо взирающей окрест, а радостные мелодии услаждали слух, словно пение горлинки. Веселие кипело в каждом уголке, словно вино в хуме, мелодии оседлали кобылки лютен и своими пленительными напевами похищали разум. Если бы самой скорби вздумалось пройти по тому пиршественному собранию, она превратилась бы в великую радость.

Прослышав о том, что Хушанг полон самообольщения и самообмана и ни о чем не ведает, заткнув ватой уши разума, царевич не стал терять даром времени, вознес молитвы творцу, поднял знамя упования на бога, воссел на тот самый трон и усадил перед собой четверых друзей, которые были четырьмя опорами его счастья, четырьмя первостихиями* его существования. По воле единого бога трон, который был птицей Хумай на небе счастья, взлетел ввысь, словно престол Сулеймана. В тот момент, когда машшате проворнее ветра принялись убирать и украшать лицо и кудри Мехр-бану, усадив это солнце неги и кокетства, одев венки из роз и жемчужные ожерелья ей на шею, покрыв ее ладони и кисти краской алой, словно морская звезда, когда та старуха, что обманула Мехр-бану, плясала перед ней, как обезьяна, притоптывая ногой и распевая свадебные песни, трон опустился у самой кельи. Служанки и стражники при виде такого чуда в страхе рассыпались, словно звезды на небе, а машшате погрузились в море изумления и не могли вымолвить ни слова, будто истуканы.

Мехр-бану, увидев лучезарный лик царевича, вскочила с места быстрее ветра, схватила за руку ту старуху, которая зажгла костер бедствия, и взошла на трон. Старуха вопила

и плакала, но ей ничто не помогло, и трон, словно быстрокрылая птица, вознесся на нижнее небо, над которым покоится небо верхнее. Престол пролетел над дворцом проклятого Хушанга, который сидел, дожидаясь свидания с Мехр-бану, раскрыв, словно фисташка, рот в улыбке от предвкушения близости с ней, а желания в нем распустились, словно бутоны на лужайке. Пировавшие были поражены пролетающим тронем, и тут

сын везира отрубил старой ведьме голову и бросил ее вниз. Окровавленная голова угодила в лицо Хушанга, и он свалился с трона прямо на середину пиршественного стола. Часть пировавших тотчас обратилась в бегство, полагая, что с неба снизошла великая беда, другая — покинула пиршественные столы и разбежалась по углам, недоумевая, что может означать такое чудо. Хушанг же совсем растерялся, объятый ужасом. И тут во дворец явились напуганные и взволнованные сторожа Мехр-бану и, призывая на помощь, рассказали о том, что случилось.

— Пять дервишей в рубищах, — говорили они, — спустились с неба около кельи, усадили на трон Мехр-бану с твоей преданной старой служанкой и вновь поднялись на небо. Все это было молниеносно и произошло в мгновение ока, так что мы даже не догадались, в чем дело, и поняли что к чему только после того, когда все уже было позади.

Хушанг при этих словах от ярости словно потерял рассудок и приказал пушкарям и стрелкам немедленно сбить престол царевича ядрами и бомбами. Но престол мчался как вихрь, как вылетевшая из лука судьбы стрела, все усилия стрелков пошли прахом, и они, наконец, остановились остолбеневшие, кусая пальцы от отчаяния. Пир Хушанга обернулся поминками, вместо веселых мелодий поднялись вопли

и крики, вместо вина в чаше закипели слезы в глазах Хушанга.

Царевич же вернулся в родной дом с победой и удачей и озарил Фатан светом, словно лучезарное солнце. Он одарил своих спутников по их заслугам, дал каждому в удел хорошее владение, а потом отпустил всех.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК БАХРАМ СПУСТИЛСЯ В КОЛОДЕЦ БЕДСТВИЙ,

СЛОВНО ХАРУТ В КОЛОДЕЦ ВАВИЛОНСКИЙ

ИЗ-ЗА ЛЮБВИ К ЗУХРЕ, ПОДОБНОЙ ЛУНЕ

Сладкоречивые попугаи из сада рассказов повествуют о такой истории в этом древнем мире. В области Гиланэ, которая является одной из самых обширных областей Хиндустана, на престоле сидел справедливейший правитель. Он срубал ветви несправедливости мечом правосудия, был милостив к подданным и воинам, приветлив со знатными и простыми. У него был сын красивой наружности по имени Бахрам. Бахрам получил образование у искусных учителей. Вместе с ним в одной школе училась дочь везира Зухра. Освободившись от уроков, они, как и все дети, играли вместе, так что привыкли и привязались друг к другу. В конце концов это привело к тому, что они полюбили друг друга крепко.

Прошло некоторое время, солнце любви выглянуло и заиграло лучами, так что со взоров людей упала пелена, прикрывавшая до тех пор их чувства, и эта любовь, согласно выражению «мускус и любовь невозможно сокрыть», вскоре стала видна всем, как заглавный лист книги. До вступления Бахрама и Зухры в совершеннолетие они были избавлены от сплетен и молвы. Но когда кончилась пора детской невинности и они достигли того возраста, когда должны были подчиняться всяким предписаниям, со всех сторон налетели посредники и открыли врата наставлений и назиданий. Но, поскольку их шеи с самого детства были связаны нитью любви и чаша привязанности кипела в их сердцах, они не прислушивались к советам и увещеваниям. Поневоле им пришлось сносить упреки, так что в скором времени от людской молвы

поднялась затихшая было смута, а нить любви с каждым днем стала затягиваться все прочнее, словно косы красавицы.

Везир, слыша слова, которые бросали тень на его честь, сокрыл Зухру за завесой, словно жемчужину в раковине, и запретил ей ходить в школу, которая на самом деле была лечебницей для пораженных недугом любви. Бахрам, непрерывно повторявший Зухре в школе заученные уроки, в ее отсутствие потерял рассудок, лишился доли в разуме и стал выказывать нетерпение. Зухра также разорвала завесу терпения, словно безумная, пришла в крайнее волнение и пала с неба терпеливости на землю беспокойства.

Однажды Зухра выбрала подходящий момент и, презрев отцовское запрещение, побежала в школу, прямо к Бахраму, и вновь стала уверять его в любви. А Бахрам стал рассказывать ей о том, что пришлось ему пережить в разлуке с ней. Влюбленные бросились друг к другу в объятия и плакали навзрыд, проливая из глаз потоки слез. Школьные друзья передали везиру о происшедшем. Тот сильно разгневался, немедленно забрал Зухру из школы, запер ее в тесной комнате, обрек ее на мучения, приставив к ней нескольких жестоких слуг. Он приказал давать ей только немного воды и хлеба, а вместо постели бросить лишь грубую циновку и не отвечать ни на одно ее слово. А сам, расстроенный и огорченный, отправился к падишаху и, исполняя свои обязанности, начал докладывать о делах дивана. Падишах, увидев на челе везира явственные приметы огорчения, спросил своего сановника, почему завяла роза его настроения и бутон сердца. Везир, по обычаю тех, кто знает этикет, поцеловал подножие трона и промолвил:

— В то время, когда твое величество — тень бога на земле — украсил правосудием эту разорившуюся страну, когда от ветерка твоего великодушия распустились цветы надежд подданных, когда воробьи выют свои гнезда на крыльях орлов, когда овца расчесывает свою шерсть лапой волка, твой сын вознамерился пробить брешь в стене моей чести и репутации и решил опозорить меня. Если вся моя преданность тебе заслужила лишь такой несправедливости, если падишах полагает, что на старости лет этот преданный слуга достоин такого бесславия и позора, то кому же мне пожаловаться и кто примет мою жалобу?

Есть множество звезд надо мной, но довольно судьи одного:

Пускай в этом деле запутанном будет судьей падишах*.

Выслушав слова везира, падишах пришел в ярость и, не проверив этих слов, издал фирман об изгнании шахзаде. Бахрам не решился противиться воле падишаха, примирился с мыслью о скитаниях на чужбине, в краю, где у него не было ни души. Он распрощался с отцом и двинулся в путь через пустыню. Знатные и простые мужи страны, узнав об этом поучительном примере, очень огорчились и пришли проститься с шахзаде, проливая горестные слезы. Пришла также няня, вскормившая Бахрама, поручила его милости Аллаха и попрощалась с ним.

Бахрам сказал:

— О любезная кормилица! Я радуюсь тому, что предписано каламом судьбы, ведь

Тот, кто судьбой не доволен, кто ропщет
и требует много,—

Не понимает покорности или не ведает бога.

— И какие бы бедствия ни послал мне бог, я буду считать их благом, поскольку

О бранных причинах не думай, мудрец,—

И горе, и радость исходят от бога *.

— Я ни на кого не жалуясь, но умоляю тебя: пойдя к Зухре и передай ей весточку от меня, если сможешь. Скажи ей: «Любовь к тебе довела меня до такого. Куда бы ни занесло меня теперь злосчастье — это будет не по моей воле. Сегодня я останавлиюсь под деревом в надежде, что ветерок принесет пыль с той улицы, где ты живешь. А завтра двинусь в путь через пустыню и буду рыдать в горах и долах, вспоминая свою возлюбленную. Хотя по повелению отца, равному предписанию судьбы, я должен расстаться с тобой и отправиться скитаться по дальним странам, знай, что на моей могиле вместо травы поднимется в твоем облике мандрагора, каждый листок которой будет петь песни о тебе. Ни живым, ни мертвым не забуду я любви к тебе. Пусть я безумец в долине скорби, но ты научилась у меня делам любви, полагая, что я опытнее тебя в ее безумствах. Если ты можешь сносить бремя разлуки, то сохрани честь отца, меня же оставь одиноким в моем позоре и отчаянии. А если и тебя терзает любовь, словно тебя иголками колют, если и тебе в сердце из-за любовной тоски вбиваются алмазные опилки, то торопись, а не то

Мы уйдем. Лишь ты да сердце догадаться могут ныне,
Где покажет нам злосчастье ручеек среди пустыни.

Няня поручила Бахрама богу и отправилась под каким-то предлогом в дом везира. Тот, довольный изгнанием Бахрама, уже выпустил Зухру из заточения, и няне без труда удалось переговорить с ней и передать послание Бахрама.

— Неужели ты думаешь, что моя душа спокойна? — спросила Зухра. — Неужели полагаешь, что жизнь для меня сладка! Но ведь я не властна над собой. Я могу только страдать и терпеть.

Здесь только тело мое, с возлюбленным рядом душа:
Люди ошиблись, решив, что тело с душой неразлучны...

— Но я готова, — продолжала Зухра, — отдать жизнь ради любимого, чтобы быть рядом с ним. А тебя, дорогая няня, я прошу об одной услуге: вели приготовить за воротами быстрого, подобно молнии, коня, да поскорее, чтобы мне не пришлось томиться в ожидании и чтобы я могла быстрее двинуться в путь.

Няня согласилась помочь ей, поспешно встала и вышла. Вскоре она вернулась с караковым конем, который мог одним прыжком, словно солнце, покрыть путь от востока до запада, словно ангел мысли, пройти за единый миг всю вселенную.

Мир пересек этот конь. Если поводья пустить,
Вскачь он помчится туда, где Судный день настает *.

Няня доложила Зухре о том совершенном коне, и Зухра, блеском подобная Муштари, а знаниями — Тиру, не стала терять даром время, облачилась в мужские одеяния, взяла с собой на путевые расходы драгоценные камни из шкатулки отца, вышла из дому и села на того хуталлянского коня, летящего по небесам и земле, быстрее двухнедельного месяца, и поскакала к несчастному возлюбленному. А он в ту темную безлунную ночь дожидался своей пальмы, словно кипарис. Уже издали ветер донес до него топот коня любимой, и он стремительно рванулся навстречу. Когда Зухра с бровями, как месяц, увидела на коне Бахрама, подобного солнцу, она забыла страх пред ночной тьмой, соскочила с коня и бросилась в его объятия. Бахрам, хотя он был сильно уд-

ручен постигшим его позором и изгнанием, так обрадовался, словно обрел царство Искандара и сан Джемшида.

От страха перед везиром они не стали задерживаться там и помчались словно ветер и скакали без передышки три дня и три ночи на своих благородных конях.

На четвертое утро, когда звездное небо ударило в золотые литавры, предвещая об уходе ночи, они прискакали к роднику, который сверкал на зеленой лужайке, словно солнце на небесной ниве. Родник был чист, как сердца счастливых чисты от ржавчины скорбей, был сладок, словно улыбка красавицы, и так прохладен, что если бы само солнце вздумало искупаться в нем, то озябло бы.

Периликая Зухра почувствовала усталость, и они сошли с коней и остановились на той лужайке. Они напились воды из родника, потом они, словно Муштари и Луна в счастливом противостоянии, приблизились друг к другу. Свежий ветерок, прохладный воздух и зеленая трава принесли Зухре покой, она положила голову на траву и сомкнула глаза-нарциссы. Бахрам не хотел будить любимую; охраняя ее покой, он осторожно сел на коня и поскакал в сторону столицы. Он поднялся на холм и стал наблюдать, не едет ли кто в погоню за ними. Вдруг он увидел вдали клубы пыли и всадника в пыли. Бахрам поскакал навстречу, и оказалось, что это один из воинов везира, посланных им вдогонку за дочерью. Всадник тоже узнал Бахрама и поскакал бесстрашно вперед, крича:

— Эй, мошенник! Скажи несчастному отцу, где ты скрыл ту пленительную луну, а не то я сей же час отправлю твою голову в пасть крокодила и смешаю кровь твою с дорожной пылью.

От этих слов в Бахrame закипела ярость, он погнал к нему своего хуталлянского коня-орла и обрушил на голову несчастного воина рассекающий шлемы меч, так что тот исчез из этого мира быстро, словно сверкнувшая молния. Конь, почувствовав, что его седок выбит из седла, умчался прочь. А Бахрам, покончив с врагом, поскакал назад к Зухре, но поскольку небо-игрок каждый миг выкидывает все новые шутки и устраивает на своей хризолитовой арене все новые представления, то оно поступило с Бахрамом так же, как со всеми.

СКЛЯНКА СВИДАНИЯ ВЛЮБЛЕННЫХ РАЗБИТА КАМНЕМ,
БРОШЕННЫМ ЭТИМ ГОЛУБЫМ ЧЕРТОГОМ,
ВИНО ИХ НАДЕЖД ПРОЛИТО ВО ПРАХ НЕСЧАСТИЯ.
ЗУХРА ПОПАДАЕТ В ЧУЖУЮ СТРАНУ
И ВОСХОДИТ НА ПРЕСТОЛ

В тот самый момент, когда Бахрам сражался с проклятым врагом, периликая Зухра проснулась и стала оглядываться по сторонам, но не увидела и следа своего властелина. Ей стало страшно, от одиночества начали мерещиться всякие ужасы, она быстро вскочила в седло. Наконец, она увидела вдали всадника, похожего на Бахрама, и поскакала к нему. Догнав его, она, разгневанная тем, что он так вероломно покинул ее, нахмурилась и вскричала:

— Не думала я, что так быстро надоем тебе! Скажи мне, где это слышано, чтобы подобную мне девушку бросали так вероломно в безлюдной пустыне и убегали?

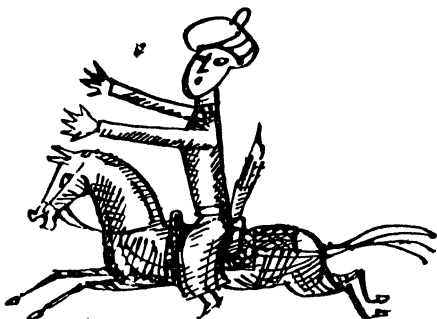

Всадник, услышав конский топот, повернулся, Зухра взглянула на него и увидела чужого человека, которого ни разу в жизни не встречала. Она тотчас

повернулась и в отчаянии поскакала назад к роднику. Между тем несчастный Бахрам подъехал к роднику, увидел издали того всадника, которого Зухра приняла за него, и, не задумываясь, помчался следом за ним, словно молния.

Зухра, которой изменило счастье, отдохнула немного под деревом, потом вернулась к роднику, но нигде не нашла Бахрама, и тогда злая судьба настигла ее. Она стала метаться у родника, словно безумная, рыдая и призывая любимого, но ответа не было. От страха она растерялась и потеряла само-

обладание и направилась по пути, который был очень далек от ее цели. Из глаз ее лились потоки слез, из груди вырывались стоны, от которых раскалывалось небо. Она скакала по губительной и страшной пустыне с тоской и унынием, несчастная, пока, наконец, владычица неба не скрылась за завесой запада и ночь не набросила темный покров на горизонты, так что кругом стало темно и мрачно. Зухра пугалась собственной тени, каждая травка казалась ей драконом. Ведь эта луна со стройным станом, перед которым лепестки розы становились бледнее водяных лилий от зависти, покинула ложе счастья и покоя, бросила родных, рассталась со служанками и невольницами и без пищи и сна, без подруг и товаров, без спутника и проводника ехала по темной и полной ужасов пустыне. Из глаз ее лились кровавые слезы из-за разлуки с любимым, а печень ее готова была лопнуть. Нить любви с тысячами страданий была обвита вокруг ее шеи, от ее горьких стонов разрывалось сердце неба, а пламя страсти охватило ее с головы до пят, словно купину Мусы*.

То она оплакивала Бахрама, то проливала слезы-жемчужины над своим одиночеством.

Семь дней и семь ночей Зухра ехала по дорогам, которые были темны и запутанны, как ее локоны. На рассвете вострого дня, когда насильник-утро перерезало горло ночи над золотым тазом, она оказалась у стен какого-то города с высокими домами. Как только она увидела город, птица страха, которая взлетела с ее сердца, вновь села на свое место. Остановившись в тени деревьев, Зухра смыла с лица дорожную пыль, переоделась мужчиной и поехала дальше. Когда она подъехала к городским воротам, то повстречалась с шахзаде, который выехал в сопровождении своей свиты на охоту за вольными зверями степей. Из-под лука ее черных бровей в его сердце вонзилась стрелой ресница, он был сражен мечом любви — словом, охотник превратился в добычу. Шахзаде и думать забыл об охоте, остановился, оцепенев, словно безумец. Наконец он спросил Зухру:

— Из какой страны луноликих держишь ты путь, о красавец? Ведь самому Юсуфу из Ханаана ямочка на твоём подбородке покажется бездонным колодцем, а египетский Азиз станет рабом твоей черной родинки. Куда ты скачешь, одинокий, словно солнце? Ведь цветущая весна пред твоим прекрасным лицом подобна завядшей траве.

Разумница Зухра не проронила в ответ ни слова, не впустила его в шатер своей тайны, ибо

Затаи свои тревоги, спрячь сомненья и мечты,
Если нужно будет, мигом их раскрыть сумеешь ты,
Но когда открыта тайна, ни отшельник, ни злодей
Скрыть того, что стало явным, не сумеет от людей.

Шахзаде, который потерял голову от красоты Зухры, не отставал от нее. Зухра, видя, что она, словно Харут, упала в бездну бедствий, поневоле развязала язык, заговорила ласково и любезно.

— О царь нашего времени,— сказала она,— я чужестранец, еду по своему делу. Я погнался на охоте за добычей, заблудился и отъехал далеко от родных краев, так что потерял своих спутников. А теперь я ищу дорогу назад.

— Все же,— настаивал шахзаде,— озари своим благословенным приходом келью страждущего и отведай с нами того, что есть под рукой.

Зухра, догадавшись, что сердце юного шахзаде стало ее пленником, что ее мускусно-черные локоны арканом обвились вокруг него, поняла, что легко от него не избавится и что уберечь свою невинность и честь Бахрама она сможет лишь с помощью божественного покровительства. И вот она, руководствуясь благоразумием и здравым рассудком, уступила просьбам шахзаде, поскольку

Мудрая птица, в силоч угодив, сумеет набраться терпенья*.

Шахзаде обрадовался этому всей душой, и они поехали в его дворец. По обычаю гостеприимных шахов он велел принести вина и яств и вместе с несколькими близкими друзьями уселся с Зухрой пировать вдали от людских глаз.

— Как звать тебя? — спросил он Зухру. — Ведь перед твоей пленительной красотой и стройным станом все красавицы Чина и Чигила замажут от стыда свои лица глиной.

Зухра же заиграла на своей лютне новую мелодию и отвестила:

— Меня, глупого чужестранца, нарекли Хирадмандом, подобно тому как негра в свое время называли Кафуром*.

Когда трапеза была окончена и настала пора отдыха, мнимый Хирадманд согласился на просьбы хозяина отдохнуть у него. Шахзаде сам отвел его в покои, потом позвал к себе няню, которая была доверенной всех его тайн, и раскрыл перед ней свою новую тайну. Он рассказал, как встретил Хирадманд, пленился его красотой и влюбился в него.

— Хотя этот гость и в мужском платье,— закончил он,— но движения и повадки у него не мужские, верно, это женщина. Если бы ты смогла привести ее на мое ложе и утолить жажду моего сердца свиданием с ней!

— О шахзаде,— отвечала няня,— ведь на свете много юношей, щеки которых еще не украсились пушком, ибо они только что ступили на путь совершеннолетия. Потому-то они и походкой напоминают женщин. А бывает и так, что юноша проведет много времени в обществе женщин и невольно начнет им подражать поведением или походкой. Мне кажется, что это и есть юноша, а не девушка. Неразумно так сразу пытаться овладеть им, не разузнав все как следует. Ведь если дело повернется вопреки твоим ожиданиям и твое желание не исполнится, то тебе придется раскаяться и устыдиться, так как в скором времени об этом узнают все люди и над тобой будут потешаться те, кто любит позлословить. К тому же этот юноша побывает еще во многих странах и всем расскажет о тебе и будет жаловаться другим падишам, так что в течение многих веков о тебе будут повествовать все рассказчики и историки правителям и падишам, да еще приукрашивая и привирая. Было бы разумнее тебе воздержаться и не спешить. Если это даже женщина — все равно, оставь ее в покое, так как не подобает великим мужам обижать путешественников и странников.

— О няня,— возразил шахзаде,— хотя все жемчужины наставления, которые ты просверлила острием своего языка, и достойны похвалы, но тем не менее — как мне быть? Сердце мое пленено ее густыми кудрями, а мое терпение и разум похищены ее взорами.

— Если ты не можешь совладать со своим сердцем,— сказала няня,— и не в силах удержаться, то тебе надо сначала разобраться во всем и докопаться до истины, а потом уже заикаться о своем желании, чтобы не пришлось потом краснеть от стыда.

Шахзаде послушался мудрых советов няни, вышел из гарема и завел с Хирадмандом беседу о красавицах с серебряными ногами и сандаловыми плечами. Он показал ему

периликую красотку, резвившуюся в неге, и предложил провести с ней ночь.

— О шах, равный Фаридуну! — ответил Хирадманд. — Меня ждут великие и важные дела на чужбине, и не подобает мне нарушать свое целомудрие скверной прелюбодеяния.

Когда шахзаде не добился своей цели таким путем, он решил подвергнуть гостя другому испытанию: велел слугам принести купальные принадлежности, а потом сказал Хирадманду:

— Во дворце есть прелестный водоем с прохладной водой. От ветерка вода там искрится и переливается пузырьками, словно льющаяся волной локоны красавицы. Сейчас как раз полдень, летний зной в разгаре, неплохо бы нам искупаться и поплавать.

— Купание, бесспорно, освежает тело и очищает душу, — ответил Хирадманд, — но я несколько дней и ночей скакал по знойной пустыне и меня бросает то в жар, то в холод, а в таком состоянии купаться вредно. Прими мои извинения и уволь меня от этого!

Тут Зухра поднялась, собираясь проститься, но шахзаде стал просить ее остаться еще на несколько дней. Он так упрашивал, что Зухра догадалась о его намерениях и решила схитрить.

Из благоразумия она приложила руку к глазам в знак согласия и сказала:

— Те милости, которые мне оказал падишах, так обязали меня, что птица моего сердца в ожидании разлуки расправляет крылья с большой неохотой. Если бы не мой долг, я бы навеки пал у твоего порога в знак своей рабской покорности.

Шахзаде сверх меры обрадовался этим словам и решил вместе с Хирадмандом отправиться на охоту, надеясь испытать красавицу в охоте на львов и тем разоблачить ее.

Когда охотник-утро полонило горизонты сетью света, а владыка звезд выскочил в небесные степи, охотясь за небесным Львом, Зухра отправилась в степь, подкупила охотников и попросила их убить несколько львов. Когда те исполнили, что она велела, она отрезала животным уши и хвосты, спрятала их, а охотникам велела пойти к шахзаде и объявить, что еще до восхода солнца в шахские уголья ворвался какой-то юноша и поубивал львов, прежде чем охотники

увидели его, и что такой доблести они-де еще ни в ком не видели.

Шахзаде, услышав, как та серна поражает львов, совсем потерял рассудок и, словно испуганная газель, убежал в бескрайнюю степь изумления. Тут как раз появился Хирадманд и бросил перед шахзаде уши и хвосты львов. Все присутствующие, убедившись, что такое хрупкое создание сразило лютых львов, громко закричали от удивления и погрузились в бездну изумления. А шахзаде, потрясенный и подавленный, тут же побежал к няне и рассказал ей о случившемся. Няня стала успокаивать его:

— О средоточие благородства! О источник радости во всем мире! Не раздирай своего царского облика ногтями печали, испытай ее вином: вот тогда воистину проявится ее природа, и ты узнаешь, рис это или же маш.

Для нас пробным камнем да будет вино, пусть принесут вина!
Высоких и низких разделит оно,— пусть принесут вина!

Шахзаде послушался ее совета, вышел из ее каморки, поцеловал руку Хирадманду и стал расхваливать его.

— Ты проявил героизм в этом трудном деле,— говорил он,— и теперь даже само небо должно целовать тебе ноги. А мне следует устроить по этому случаю пир, увидев который, сам Джамшид изумился бы. На пиру мы выпьем вина, зажигающего в душах людей пламя радости и веселия.

— Я — смиренный скиталец на чужбине,— отвечал Хирадманд,— я отдал поводья своей воли в руки твоего величества, и ты можешь направлять меня куда пожелаешь. Однако днем, когда палит солнце и парит зной, не следует приступать к такому делу. Пить вино днем — все равно что зажигать днем светильник, а ведь разумные мужи этого не одобряют. Если же устроить этот веселый пир ночью, когда луна светит и озаряет своими лучами весь мир, то мы хорошо повеселимся.

Шахзаде от этих слов опьянел, хоть и не выпил вина, и велел друзьям и слугам приготовить все, что необходимо для пира.

Когда виночерпий небес наполнил луну до краев светом, словно чашу вином, и она пустилась в круг по небесному своду, шахзаде поднял кубок за арку бровей той луны на небе красоты и кравчий пустил по кругу чашу. Хирадманд, чтобы не выдать себя, принимал у кравчия чашу с ясным видом, а потом, похитив своим томным взором разум у пи-

рующих, выливал вино на землю и вновь прикасался губами к кубку, делая вид, что осушает его единым духом.

Наконец, когда чаша ночи от звуков шахских литавр наклонилась и вино пролилось из нее в подол наступающего дня, предвещая разлуку пирующим, разбойник-сон похитил разум из головы шахзаде и его надимов, и они уснули вповалку, так что изголовьем для одного был зад другого. Так они и валялись в забытьи.

Прозорливая Зухра не стала даром терять время, собрала в карман все жемчуга и камни с венца шахзаде, на чертила ножом крест на его лице, связала за спиной руки кравчего, надимов и сотрапезников царевича, отрезала им всем носы и сложила в руки шахзаде, сама же вышла из дворца, села на быстрого как ветер коня и пустилась вскачь быстрее вихря.

Когда дева-утро вместе с утренним ветерком открыла золотые глаза, проснувшись от ночного опьянения, шахзаде и его злополучные друзья пришли в себя от хмеля и убедились, что счастье повернулось к ним спиной. Сколько они ни таращили глаза друг на друга, так и не увидели своих носов, и от позора и стыда их прошиб пот и пришлось им носить на лице черные повязки. Но молва об этом случае быстро рас-

пространилась по свету, и шахзаде от стыда затворился в отдаленных покоях, разослав во все стороны людей с приказом непременно найти этого насильника и доставить его во дворец, чтобы примерно наказать.

А та быстролетная луна, которая неслась, словно аромат розы по ве-

тру, за один день покинула владения шахзаде и прибыла к границам другого правителя. Там она поселилась в доме одной торговки цветами и почувствовала себя в безопасности. Цветочница, увидев ее прекрасное, как весна, лицо, восхитилась пленительной розой красоты, и ее глаза от изумления перестали видеть.

Пораженная, она спросила:

— Из какого ты сада, такой прекрасный и пленительный кипарис?

Прекраснее луны твой бледный лик!
Подобной розы не взрастит цветник *.

— Какого неба ты луна? — говорила цветочница. — Гурия ты или пери, или райский отрок? Еще никто в мире не видел подобной тебе красавицы!

— О любезная мать! — отвечала ей Зухра. — Я — юный чужестранец, зовут меня Хирадманд. Я еду из Бенгалии, вот и заехал в ваш город. Мой отец — купец. Мне захотелось постранствовать по свету, и я решил отправиться по торговым делам, взял с собой товары своей страны и отправился с пустой надеждой на прибыль в вашу страну. Но я был в пути впервые, и у меня не было опыта в торговых делах. По утрам, когда барабаны били, созывая в путь, я все еще нежился в объятиях сна, а потом с трудом догонял караван. И вот однажды я заблудился. Сколько ни бродил я по пустыне в поисках своего каравана, так и не нашел его — и потерял весь свой товар, а на долю мне достались лишь скитания по чужбине и горести. Если ты позволишь мне поселиться у тебя, пока я не найду своих спутников, то я всю жизнь буду нести бремя благодарности.

С этими словами Зухра положила ей в руку деньги. Цветочница была очень довольна и от радости зарделась, как червонное золото. Она ответила, расплывшись в улыбке, словно распутившийся бутон:

— Если ты всю жизнь будешь сидеть у меня на голове — хоть посреди глаза, как зрачок, — то и тогда ты будешь гостем, желанным, словно аромат розы и свет очей.

Пусть глаз мой станет твоим гнездом.

Зухра поселилась в доме цветочницы, приобрела некоторые товары и открыла лавку, надеясь получить какие-либо вести о Бахrame. Целыми днями она смотрела на дорогу, надеясь на приятные вести, и проводила жизнь в томительном ожидании. По ночам она возносила молитвы к чертогу того, кто исцеляет истерзанные сердца, и молила его оберегать любимого от набегов судьбы.

Вскоре слава о красоте Хирадманда распространилась по улицам города, и все жители прониклись любовью и уважением к нему. А дочь падишаха той страны по имени Парипайкар, вызывавшая красотой зависть гурий и пери и превосходившая лучезарной красой двухнедельную луну, про-

слышала о красоте Хирадманда и втайне опьянела от напитка любви к нему. Спустя несколько дней после того, как в ней закипело вино любви, она потихоньку, благодаря помощи цветочницы, сумела взглянуть на Хирадманда и попала в плен к его тугим локонам, словно птица в силос охотника. Она готова была отдать за него жизнь, стать его рабыней, в ее глазах постоянно стоял его образ.

Однажды падишах сел на серебристо-белого коня и поехал в степь поохотиться. То он стрелой поражал и валил на землю газелей и окрашивал их кровью траву, словно украшал лужайки багряными цветами, то его пятнистые гепарды и гончие терзали своими когтями грациозных серн и хитрых лисиц, то его королевские зоркие соколы когтили журавлей, клевали насмерть голубок, венценосных удонов, вяхирей и других птиц, которые летали по воздуху. Тут-то и появился издали Хирадманд верхом на быстром как ураган коне, обликом подобный шаху. В память о своем Бахраме Зухра-Хирадманд пришила стрелой ногу онагра к его голове, наподобие того как красавицы посылают из лука бровей стрелы ресниц в глаза влюбленных. Потом она остановилась перед свитой шаха, словно луна перед звездами. Шахские стрелки, увидев незнакомого лучника с бровями, изогнутыми как лук, погрузились в долину изумления на глубину ста полетов стрелы, плененные его меткостью. Падишаху также понравилась ловкость юноши, и он стал пленником его черных локонов. Невзирая на свой сан падишаха, он склонился низко перед красотой юноши и ради его прекрасных, как у газели, глаз перестал проливать кровь степных газелей. Не дожидаясь возвращения во дворец, он решил уединиться с красавцем и стал расспрашивать своих приближенных о юноше. Один из его слуг поцеловал перед ним землю и показал ему истину во всей ее красе. Падишахом овладел нетерпение, и он приказал немедленно привести к нему незнакомого юношу. Хирадманд, будучи чужестранцем, не счел возможным уклониться от встречи, повиновался повелению падишаха, облачился в царские одеяния и направился к властелину. Войдя в покои, Хирадманд озарил их лучами красоты, вызывая зависть самого солнца. Опьяненный страстью, падишах не смог вымолвить ни слова, словно язык не поворачивался у него во рту, а про себя произнес:

Вернулся тот, кто долго был в пути.
Раскрой глаза, на гостя погляди!

А Парипайкар, которая жаждала, как мотылек, виться вокруг его лица, прослышала о прибытии Хирадманда во дворец, выглянула из окошечка и стала любоваться тем луноликим, не подозревая о падишахе, а потом начала громко читать стихи:

Щель, сквозь которую вижу тебя, так узка,
Ты так прекрасен. Давно уж садовнику снится
Щелка пошире, на пире свиданья с тобой:
Все заслоняют колеблющиеся ресницы.

Падишах взглянул на дочь и убедился, что чувство стыда в ней погасло, словно светильник в гареме, что склянка чести разбита о камень позора. Он тут же отпустил Хирадманда, позвал своих советников и приближенных и рассказал им о виденном, ничего не утаив. Советники после долгого раздумья обратились к падишаху:

— Разум подсказывает нам, что нужно посадить куст жасмина и кипарис на берегу одного ручья, покуда не разгорится этот тлеющий огонек страсти в сердце царевны. Ведь любовь не может сносить бремени терпения, а страсть не умеет ждать. Красота же этого юноши служит убедительным доказательством его знатного происхождения. Как бы там ни было, промедление может только навлечь беду. Чем скорее будет осуществлено это благословенное дело, тем это будет разумнее.

Падишах одобрил везиров и советников, велел известить Хирадманда о выпавшем ему счастье и удаче, о том, что звезда его счастья скоро достигнет апогея, и приказал ему готовиться к свадьбе. Но Хирадманд отверг его милости и вежливо отказался, чем поверг падишаха в крайнее изумление. Падишах поручил доверенному человеку выяснить причины этого отказа, отклонения такой чести и счастья, полагая, что Хирадманд не соглашается из-за низкого происхождения.

Доверенный шаха поспешил к Хирадманду и стал выспрашивать, почему он отверг такую неожиданную удачу, о которой не смеют мечтать даже самые могущественные земные владыки. Хирадманд долго думал, потом заговорил:

— Всем известно,— сказал он,— что по законам неба породниться с царской семьей может только тот, кому покровительствует всевышний и сопутствует счастье. И все же я

отказываюсь от такой высокой чести, ибо мне, скромному бедняку, предстоят очень важные дела, которые не позволяют мне жениться и велят странствовать по дальним странам одному. Другой причины у меня нет. И самое трудное то, что никому из смертных я не могу раскрыть своей тайны. Уже давно я страдаю, мои горести перешли всякую меру, родник моих надежд засорен, и в нетерпении я закрыл сердцу путь к радости и веселию, словно бьющийся в воде утопленник. Я поклялся, пока не обрету ключей к моей цели, не искать доли в земных радостях и избегать мирских удовольствий.

Мудрый посланец падишаха, выслушав слова Хирадманда, вернулся к падишаху и доложил о том, что слышал. Падишах согласился с этим и приказал, чтобы погасить полыхавшее в сердце дочери пламя, немедленно помолвить ее с Хирадмандом, а затем отложить свадьбу на целый год, и не порицать жениха за промедление, и не удивляться этому странному событию, а стараться развеселить и развлечь его.

Расторопные слуги и служанки приготовили все необходимое для празднества, начался свадебный пир, в доме жения соединили жемчужину с яхонтом и сочетали жасминовый куст с сосной.

Хирадманд, восседая с Парипайкар на престоле счастья, удивлялся проделкам игрока-неба и думал: «Боже праведный! Что это за чудо ты совершил? Что за удивительные изображения начертала судьба-художник в мастерской мира? Зухра стала мужем, а Парипайкар — женой?»

Парипайкар от счастья расцвела, словно распутившийся бутон розы, упиваясь вином речей Хирадманда, а Зухра с ужасом ждала назначенного срока и того дня, когда покров спадет с тайны и она будет опозорена, и трепетала, словно осиновый лист. Пламя горестного ожидания Зухра разжигала страхом, а сердце свое испепеляла огнем скорби, словно семена руты.

ПАДИШАХ ВСТРЕЧАЕТСЯ С АНГЕЛОМ СМЕРТИ

И УСТРЕМЛЯЕТСЯ В РАЙ,

А ВЛАСТЬ В ТОЙ СТРАНЕ ПЕРЕХОДИТ К ЗУХРЕ,

И ОНА ВСТРЕЧАЕТ БАХРАМА

Спустя шесть месяцев после того как мудрая, как Утарид, Зухра, которая все еще звалась Хирадмандом, стала украшением шахского дворца и восседала в мужской шапке, а Парипайкар принимала этот обманчивый мир за прозрачный и чистый родник и утоляла свое жаждущее сердце обещаниями, то есть как раз в середине назначенного срока, прервалась нить жизни падишаха, а чаша его жизни наполнилась до края. Помимо воли он вручил душу ангелу смерти и стремительно понесся в вечный мир.

У падишаха не было наследника, а зять, как известно, равен сыну, и вот по странному стечению обстоятельств, чему должны дивиться мудрые мужи, царская власть перешла к Зухре, так что она стала полновластным правителем той страны.

Зухра, видя, что судьба вознесла ее выше самого Кейвана, немедленно припала головой к земле и стала произносить молитвы всевышнему богу.

— О владыка вселенной, подножие трона которого недосыгаемо для человеческого воображения,— говорила она смиренно,— ты знаешь, что Зухра недостойна падишахского престола и венца. Мантия, которую я ношу, подходит тому, кто скитается из-за меня по пустыням. Я никогда не была достойна того, чтобы волшебная птица Хумай осенила меня своей тенью, и раз ты все же вручил мне такую власть, то я уверена, что это сделано для того скитальца. Ради благополучия твоих рабов и порядка в делах доставь поскорей сюда пастыря для паствы, чтобы он взялся за это дело. И тем самым я достигну цели, к которой страстно стремлюсь. О боже! Этот трон будет стоять нерушимо только в том случае, если Бахрам взойдет на него, а блеск этому венцу придаст только его чело.

Стрела ее полуночных молитв и утренних стенаний попала в цель, бог смилостивился над ее жалостными просьбами, бутон ее мечтаний стал распускаться.

И вот в один прекрасный день, когда Зухра по обыкновению выслушивала жалобы простых людей и творила правосудие, она взглянула на дерево, которое росло неподалеку от дворца. Дерево было высокое, но, согласно изречению: «Скромность украшает великих мужей», опустило в смирении голову перед людьми.

Бросая тень, оно стояло, как всегда,

И тенью по земле простерлась доброта *.

Как раз в это время на ветвях того дерева сидел грач, словно слугитель Каабы *, одетый во все черное, и обучал сладкоустых попугаев красноречию, а соловья — трелям.

Грач кричал, и Зухра обратилась к нему с приветствием.

— О благословенная птица! — сказала она. — О птица, подобная Хумаю! Никто, даже попугаи, не видели подобной тебе черной птицы. Ни один соловей в наше время не видал такой красоты. Я считаю твой крик добрым предзнаменованием, твоя песня звучит для меня вестью о свидании с любимым. Если любимый узнает о постигшем меня и озарит прибытием ночь разлуки, то я прикажу сделать тебе на этом дереве гнездо из золота и драгоценных камней и набросать туда столько плодов, что тебе хватит на всю жизнь.

Во время этой беседы появился Бахрам в одежде нищего странника. Он, конечно, не знал, что падишахом той страны стала его возлюбленная, что его сверкающий венец превратился в венценосца этой державы. Подойдя поближе, он увидел, что владычица всех красавиц восседает на троне и озаряет весь мир лучами своих щек. Бахрам растерялся и подумал: «Этот падишах так похож на Зухру, что я даже усомнился». В сердце его разгорелось пламя страсти, но почтение к царскому трону не позволило ему высказать вслух свои догадки. Зухра сначала не узнала его, так как от долгих скитаний по чужбине его щеки поблекли. Но едва взгляды их встретились, они вновь отдали друг другу сердца, а души их запылали и закипели. Зухра решила опередить любимого и сказала:

— Эй, нищий! Откуда путь держишь? Видом ты похож на падишаха... Как тебя зовут?

Бахрам, услышав знакомый голос, вместо ответа пролил из глаз жемчужины слез. Тогда Зухра, не задумываясь,

сошла с трона, обняла Бахрама, и оба они громко зарыдали. Потом они удалились во внутренние покои и, усевшись друг против друга, стали наперебой рассказывать, что с ними случилось за время разлуки.

Зухра вознесла благодарственные молитвы всевышнему творцу, потом отправилась в гарем, попросила у Парипайкар женское платье, облачилась в него, опустила черные косы на румянные щеки, насурьмила томные глаза и подвела брови полумесяцем, так что ее прелесть и привлекательность еще более увеличились. Потом она кокетливо и грациозно, словно пава, вышла из гарема. Парипайкар, увидев своего нареченного в наряде невесты, лишилась чувств, а ее служанки погрузились в бездну изумления. Никто не мог понять, как это падишах за такой короткий срок мог превратиться в женщину? Зухра взяла руку Парипайкар и сказала:

— Не удивляйся. Я не падишах, а всего-навсего Зухра, а тот, кто достоин царского трона, отдыхает в моих покоях. Мы обе будем его женами. Ты ведь помнишь, что я просила у твоего отца отсрочки из-за важного дела? Сегодня оно свершилось, и мои глаза избавились от пламени ожидания.

Зухра сняла покров со своей тайны и рассказала Парипайкар о себе все от начала до конца, от бегства из дому до вступления на престол, о том, что пришлось ей пережить во имя любви. Потом она отвела ее к Бахраму и сочетала их законным браком. Парипайкар, которая до сих пор лишь любовалась красотой Зухры, — а какой в этом прок? — взглянув на лучезарный лик Бахрама, охотно согласилась

выйти за него замуж, разделила с ним брачное ложе, положила в рот своего желания финик с его пальмы и наконец вкусила сладость жизни. Зухра также удостоилась счастья свидания и за оставшуюся часть жизни получила все, чего хотела. И Бахрам после тысячи бедствий и страданий достиг своей цели, из бездны скорби вознесся на трон владычества и получил полную долю от благ жизни.

**РАССКАЗ О КУПЕЧЕСКОМ СЫНЕ ХАСАНЕ, О ТОМ,
КАК ОН ПОЛОЖИЛ ЖИЗНЬ В ПОИСКАХ ГОУХАР
И ОБРЕЛ АЛМАЗ ЛЮБВИ, ПРОНЗАЮЩИЙ СЕРДЦЕ,
И О ТОМ, КАК ОН ВСТРЕТИЛСЯ С РАЗБОЙНИКОМ-СУДЬБОЙ
И КАК ПОГРУЗИЛСЯ В БЕЗДНУ БЕДСТВИЙ
ИЗ-ЗА КРАСОТЫ ГОУХАР**

Рассказывают, что в одном из городов Хиндустана, где земля подобна райским угольям, где под нежным и ароматным дуновением ветерка расцветает любовь и множатся ряды влюбленных, ибо

Хинд — это сотни миров, пойманных страстью в тиски,

Хинд — это сотни миров, полных любовной тоски.

Каждый кусочек его — сгусток любовных чудес,

Отсвет сиянья его виден сквозь девять небес,—

жил молодой купец по имени Хасан. Благодаря своей счастливой судьбе и покровительству всевышнего бога в пору расцвета своей молодости он прислушивался к советам старцев, часто бывал в кругу набожных и благочестивых людей, продел в ухо кольцо покорности праведным мужам и стал во всем повиноваться святым. Благодаря частому общению с дервишами и их благодатному влиянию он отверг мирские наслаждения и земные удовольствия, радел о том, чтобы очистить от скверны сердце и облагородить душу. Он порвал всякую связь с этим миром и его обитателями,

ибо все это приносит лишь несчастье. Хасан смело ступил на путь одиночества и зажил уединенно и спокойно в этом мире горестей, отказавшись от намерения заводить семью. Большую часть времени он, по обычаю праведных мужей, проводил в скитаниях и бодрствовал по ночам на могилах святых мужей.

Однажды Хасан почувствовал желание совсем удалиться от людей. Он покинул город и направился в пустыню. Дороги он не знал и вскоре сбился с пути. Спohватившись, он пытался выйти на дорогу, но в тех губительных местах повсюду виднелись только песчаные горы, высокие, как Эльбурс, и дорога была недоступна человеческому взору, словно вещая птица Анка. Солнце поднялось в зенит, песчаные холмы от летнего зноя накалились, как кузнечные горны, и бедняга изнемогал от жары. От жажды язык его высунулся, словно тычинки у лилии, и он примирился с мыслью о гибели. Хотя Хасан от природы был силен, от зноя и жары он лишился чувств и упал на раскаленный песок, словно надломленная соломинка. И тут вдруг мелькнула перед ним черная газель с жемчужными копытцами. Словно у красавицы, с головы до пят у нее не было ни одного изъяна. Витые рога напоминали локоны, ножки были тонкие и стройные, мордочка — как тюльпан. Газель была прелестна, как красавицы Чина и Чигила, как девы Фархара и Хотана. Словно опьяненная негой красавица, она медленно удалялась, искоса поглядывая на Хасана. Бедняга с пересохшими губами и влажными от слез глазами подумал: «Видно, эта газель или спасет меня из пасти смерти, или приведет в объятия могилы. Лучше сразу пойти за ней, чтобы судьба могла осуществить свои намерения, а рок — свою волю».

Хотя Хасан едва передвигал ноги, он двинулся вслед за газелью, уповая на божье милосердие. Газель летела вихрем, а Хасан из последних сил тащился за ней.

Так прошли они два или три фарсаха, и тут чудесный проводник Хасана скрылся из виду, но вдали показалось несколько деревьев. Несчастный Хасан с великим трудом добрался до них и каким-то чудом спасся от смерти. Это оказался пленительный и роскошный сад, деревья там были стройны, как красавицы, воздух упоителен, как юность, землю покрывала свежая трава, напоминавшая пушок на щеках прекрасных дев. Лепестки тюльпанов искрились влагой, сочные кудрявые гиацинты, похожие на локоны прекрасных дев, склонялись над тюльпанами, будто над ланитами.

Посреди под сенью кипарисов, журча, протекал ручей, чистый, как сердца ангелов.

Увидев этот райский уголок, которому мог позавидовать сам Ризван, Хасан расцвел, словно бутон. Он напился воды из ручья, похитившего свежесть и прохладу у Таснима и Каусара, и ожил, а потом вознес богу благодарственные молитвы и хотел было прилечь в тени кипариса, чтобы немного отдохнуть, и тут увидел лачугу из тростника, а перед ней — очаг. Хасан постоял немного, желая узнать, кто хозяин этой лачуги и очага. Но сколько он ни ждал, из лачуги не слышно было голоса, а над очагом не видно было дыма — верно, хозяев не было. Тогда он пошел дальше и увидел на прекрасной лужайке восьмиугольное деревянное возвышение. На нем на корточках сидела дева, от лика которой исходило сияние, одетая в нищенское рубище. Полная луна позавидовала бы ее лучезарному лицу, завитки волос вились вокруг него, словно лучи вокруг солнца, кипарис перед ее стройным станом сгибался, как фиалка, ее глаза-нарциссы похищали покой из сердец мудрецов. Птицы, словно мотыльки, кружились вокруг ее головы, трава, поцеловав ее ноги, становилась египетским шелком, а земля, обняв их, начинала презирать китайский шелк.

Черная и быстроногая газель, которая привела Хасана в этот райский сад, была привязана около нее на цепь, а эта владычица красавиц играла с газелью. Тут же сидела преклонных лет женщина, такая черная, что ее лицо казалось родинкой на лике ночи * или просто куском ночи. Казалось, что судьба сотворила черные кудри из ее лица, а рок вместо лука бровей согнул ее спину.

Старуха сидела, словно змея при кладе или шип на розе. Простак Хасан подошел ближе и с удивлением воззрелся на этих женщин, столь различных и непохожих, вознося хвалу вечному художнику-творцу, который создает самые разнообразные картины. Он и не ведал, что с каждым мигом он приближался к молнии, готовой спалить гумно его жизни, что поток грозил унести рубище его благочестия.

Наконец, он встретился с разбойными глазами той волшебницы. Взгляд красавицы полетел, словно грабитель-тюрьки, и в единый миг она похитила терпение и разум Хасана, в мгновение ока она сожгла его сердце пламенем любви, совратила его с пути поклонения богу, — как христианская девушка шейха Санана *, превратила в мяч, которым играет кумир.

Несчастный Хасан изменился, разорвал нить терпения, вступил в круг одержимых любовью, забил в литавры безумия и застыл перед той луной, словно воткнутое в землю знамя. Он стал объясняться в любви и произнес такие стихи:

Одежды набожности страсть мгновенно разорвала,
Сто лет терпенье я копил, но вмиг его не стало.

Похитительница сердец, увидев Хасана в плену своих благоухающих локонов, вздрогнула словно газель от стыда и закрылась покрывалом, словно луна облаком. Мир показался Хасану темным, когда он перестал видеть ее лучезарную красоту, он залился кровавыми слезами, повалился, словно трава, на землю, повторяя стихи:

«Нет надежды» мне шепни и лицо мне покажи,
Пред горящей свечой прикажи душе: «Сгори!»
Посмотри на рот сухой и воды не пожалей,
Жизнь убитому верни, будь сиделкой до зари*.

ХАСАН ЖАЛУЕТСЯ ЧЕРНОКОЖЕЙ СТАРУХЕ

НА ПРОИЗВОЛ ЛЮБВИ. ОН УЗНАЕТ ИМЯ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И ПУСКАЕТСЯ ВПЛАВЬ ЧЕРЕЗ МОРЕ ЖЕЛАНИЯ

С ПОМОЩЬЮ ТОЙ СТАРУХИ

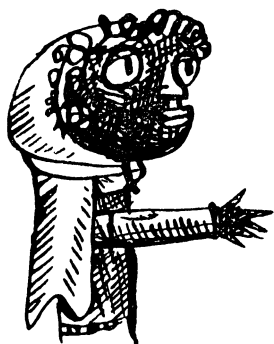
Старуха-негритянка, видя, что Хасан потерял покой, спросила его:

— Как это случилось, что ты за один миг спустился с вершин рассудка в пропасть безумия, в мгновение ока потерял власть над своим сердцем?

Хасан снова стал проливать жемчужины-слезы, говоря:

— О почтенная женщина! Я — чужестранец, и меня поразила внезапно стрела беды. Ради бога, сжался над бедным скитальцем, удели мне немного милосердия, ведь сердце мое испепелено. Попроси ту тюрчанку-разбойницу нанести последний смертельный удар раненой ею дичи, чтобы я не бился в пыли полуживой.

— О ты, потерявший сердце! — ответила чернокожая. — Хотя твоя душа попала в тенета благоухающих локонов этой розоликой красавицы, а твой разум улетел, словно лепестки розы от осеннего ветра, я советую тебе скорее выбраться из этой пучины на спасительный берег и вырвать из сердца побег любви, пока он не пустил корни, ибо эта сделка не принесет тебе никакой прибыли, — только головы лишишься. Ведь это блистающая звезда на небе красоты, розовый куст на лужайке целомудрия, кипарис в саду добродетели. Зовут ее Гоухар, что значит жемчужина, и она, словно жемчужина в раковине, чиста от скверны и грязи. Долгие ночи проводит она, словно вечно стоящий кипарис, в молитвах, не смыкая

глаз, подобно сияющей всю ночь луне. Ее отец — ученейший богослов, потомок славного рода праведников. Он пренебрег всеми мирскими благами и высоко поднял знамя божественного познания, он благороден, словно лилия и кипарис, вкушает напиток поклонения богу и давно, облачившись в рубище святых мужей, испепелен огнем подлинной любви*. Добиваться любви такой непорочной и святой девушки, на которую даже солнце и луна не смеют взирать

дерзким оком, все равно что подрубить топором корень своей жизни. Откажись от этой несбыточной мечты и беги прочь, обгоняя ветер, довольствуясь тем, что вдохнул ее благоухание. Ведь мудрецы не станут мерить лунные лучи, прозорливые мужи не будут взвешивать на ладони ветер.

Но птица страсти Хасана стала резвиться в пыли, и он ответил:

— Да воздаст тебе Аллах добром в обоих мирах! Ты отнеслась ко мне милостиво и указала путь к спасению. Но что поделаешь, я по собственной воле вышел на это ристалище, где познается мужество, сам попал в тенета беды. Я не ведал, что такое любовь и страсть, порвал с добром и злом мира, удалился от благородных и низких людей нашего времени, словно лилия... Но судьба вдруг схватила меня за ворот и приволокла к возлюбленной, заковала в цепи любви и накинула на шею петлю страсти. Теперь я сам не знаю, что жизнь и что смерть, радость и горе. Мне известно одно:

пока этот розовый лик будет скрыт от моих плачущих глаз, мое бренное тело будет томиться в разлуке. Как же мне расстаться с любимой, пока я жив? Ради бога, сжался над этим грешным телом, в котором загорелось пламя страсти, плесни на него водой милости.

— О ты, лишившийся сердца! — отвечала рабыня. — Для твоего исцеления есть только одно средство — на несколько дней покинуть порог возлюбленной и предаться молитвам. Хотя ты посеял в сердце семена любви к кумиру, притворись, что это поклонение богу. Ее отец, увидев тебя в таком состоянии, сочтет тебя человеком достойным и полюбит. Быть может, так ты сможешь добиться цели.

По совету старой невольницы Хасан расстелил под ивой молитвенный коврик, уселся на него и, подобно Меджнуну, ожидающему Лейли, начал славить Аллаха. Через несколько дней он стал тоньше нити от поста и все время возносил молитвы богу, распластавшись во прахе.

Когда отец девушки вернулся, он увидел в саду Хасана с телом, запачканным пылью, и душой, очищенной любовью к богу. Он тлел во прахе, словно уголек, проливая из глаз слезы-жемчужины, отказываясь от хлеба и воды, словно ангел. Отец, восхищенный его презрением к этому миру, тут же проникся к нему сочувствием и спросил черную невольницу:

— Давно ли этот опьяненный божественной любовью юноша озарил словно Мессия нашу келью? Рассказал ли он что-нибудь о себе, когда остановился в наших местах?

Старая невольница, хотя и была осведомлена обо всем, раскрыла книгу хитростей и с первых же слов начала обманывать.

— О боже! Это не человек, а небесный ангел, ниспосланный богом с неба, — воскликнула она. — Если ты обойдешь всю землю, то не найдешь человека, так сильно любящего бога. Тебе следовало бы поймать эту волшебную птицу счастья и выдать за него отраду твоих очей, твою прекрасную луну. Ведь звезда и луна так подходят друг к другу, а роза и травка прекрасны вместе. Это ведь не такая птица, которая легко попадет в силос, это не та роза, которая расцветает в нашем саду.

— Приложи все усилия, — велел старой невольнице держишь, — и постарайся заполучить для нас это счастье, которое даже во сне не увидишь.

— «Для человека остается только стараться *», — сказала в ответ старая невольница. — Я приложу усилия и не пожа-

лею сил, побуждаемая доброжелательством. Если я сумею убедить его хитростями, то, значит, небо покровительствует тебе, а если нет — не взыщи.

Пообещав все это, она отправилась к тому безумцу, который ждал, исхудав от любви, словно тростинка. Приятной вестью она вдохнула новую жизнь в его бестрепетное тело, и Хасан расцвел и ожил, словно бутон от ветерка и трава от дождя. Невольница, обязав Хасана благодарностью, вернулась к простодушному дервишу, решив получить благодарность и от него. Дервиш, услышав, что дело идет на лад, рассмеялся, попраля пятой небесного война * и, по обычаю, принялся готовить приданое и все необходимое для свадебного пира. Потом в благословенный час он отдал Луну за Муштари, иными словами, сочетал Хасана и Гоухар узами законного брака. Несчастный влюбленный так радовался, словно в его сердце расцвели розы. Соловьи в том саду, услышав эту радостную весть, пустились в пляс, лилия стала наигрывать мелодии своими листьями, похожими на языки, горlinka сменила серое оперение на пурпурное, музыканты-фиалки так заиграли на чангах, что сосны потеряли покой, птицы на лужайках, опьянев от вида двух кипарисов, затянули песнопения Давуда, а ветерок окропил всех благовониями.

Когда затихли песни на лужайке и пирующие решили отдохнуть, а нарциссы стражами стали вокруг, подняв зеленые знамена, новобрачных оставили вдвоем в брачной комнате, словно розу и соловья. Красавица Гоухар своими черными локонами, казалось, увеличивала мрак ночи, а страдалец-влюбленный в страстном томлении привлек в свои объятия розу и обрел высшее наслаждение: клюв опьяненного соловья погрузился в лепестки жасмина, так что бутон жасмина раскрылся и постель луны обагрилась кровью, за которую не положено выкупа *.

Хасан приготовился быстро, приняв ее радостный дар,
И начал искать драгоценность в сокровищнице Гоухар.
Пред юношей с телом, как роза, увидев, что сдаться пора,
Она положила шкатулку мерцающего серебра.
Шкатулку открыл он рубином, почувствовав счастье свое,
И скоро жемчужная капля неслышно упала в нее.

Хасан долго прожил в радости и наслаждении в том прекрасном саду, срывая розы наслаждения, коротая дни с отрадой сердца. Но время шло, и ему захотелось повидать

родные края. Он испросил разрешения у дервиша и двинулся в путь вместе с Гоухар, минуя один за другим переходы, быстро, словно луна.

ХАСАН ПОПАДАЕТ В БЕДУ,

А ГОУХАР ПОДВЕРГАЕТСЯ МУЧЕНИЯМ

Распроставшись с дервишем, Хасан в сопровождении своей луны быстро пересекал пространство, прошел длинный путь и прибыл, наконец, в город, где правил царь, не умудренный разумом, подобный глупому быку. По своему недомыслию он поручил управление страной, которое есть главная обязанность пастыря, а также все дела подданных, простых и знатных, везиру, вредному, как скорпион. Этот везир не ведал чувства благодарности за содеянное добро и двигался по стезе правосудия как рак, вкривь и вкось.

По прибытии в тот город у доброго Хасана кончились путевые припасы, а вслед за тем опустел и карман — так быстро, как проходит молодость и кончается верность красавиц. Терпение его иссякло, он пал духом, мужество покинуло его, так что он был вынужден прервать путь и остановиться в доме одного человека.

Гоухар, видя, что муж впал в уныние, вооружилась терпением, положила на милосердие Аллаха, взяла пряжу и села за вышивание. Иглой она выводила рисунки, словно Мани своей кистью, и вот уже показались на шелку цветы, синева которых завидовала темная ночь, пурпур — багряное утреннее солнце. Роза от зависти задрожала бы, словно от ветра, соловей в растерянности забыл бы дорогу в сад, даже весне-цветочнице, да и самому живописцу Чина* при виде той вышивки изменило бы их искусство. Когда жена окончила свое рукоделие, Хасан отнес его на базар, чтобы выручить деньги на расходы и свести концы с концами. Люди на базаре собрались толпой, словно соловьи вокруг роз, чтобы посмотреть на вышивку. Цена ее сразу поднялась до самого Кейвана, так что слуги донесли об этом везиру, и Хасана поволокли вместе с вышивкой к проклятому везиру. Один из его приближенных, который был под стать адским

стражам, рассказал везиру, в чем тут дело, и насильник-везир, плененный шитыми шелком цветами, влюбился в Гоухар, ни разу не видев ее. Он решил оставить себе вышитый пояс, обвинил Хасана в воровстве, велел связать его и бросить в темницу и приставил к нему стражников, которые не уступали бесам в аду и были посредниками между смертью и людьми. Потом везир поручил нескольким негодьям обратить Гоухар в рабыню, хотя она была женщиной свободной, целомудренной и мудрой, опозорить ее и привести к нему как наложницу, обвинив ее в бегстве от законного хозяина и в соучастии в воровстве. Босую и с непокрытой головой, Гоухар привели в дом везира и заперли в темной комнате. Все, кто видел несчастную красавицу в лапах тех зверей, проливали от жалости слезы. Люди дивились и говорили громко:

— Странно! Как может красавица-луна быть блудницей? Разве похоже, чтобы такая скромная женщина занималась грязными делами?

Гоухар, одинокая и брошенная на произвол судьбы, оплакивала разлуку с Хасаном, исторгала из больной груди тяжкие вздохи, проливала потоки слез и не знала, чем облегчить свою участь и где искать бальзам для своих душевных ран.

Когда жемчужина дня скрылась в шкатулке запада и ночь набросила на горизонты темный покров, некий юноша, который влюбился в Гоухар, увидев ее днем, пробрался бесстрашно, словно пьяный, к замку везира, привязал к веревке камень и бросил его через стену замка. Гоухар, заточенная во мраке насилия, словно источник живой воды * или зрачок в черноте глаза, испугалась шума упавшего камня, вскочила, словно поднятая ветром пылинка, выглянула из башни, достигавшей до самого неба, и увидела внизу юношу, который держал в руке конец веревки и смотрел вверх в томительном ожидании. Гоухар приняла его за Хасана, мигом закрепила веревку за зубец башни и спустилась, словно канатоходец, с небесных высот на поверхность земли, не ведая о том, что посылает ей коварная и несправедливая судьба. И вот ловкий и удачливый юноша, уверенный, что небо покровит, пустился в путь по степи, двигаясь вперед быстро словно вихрь и намереваясь идти до самого утра. Нежная и слабая Гоухар, для ног которой были жестки даже розы и тюльпаны, босая бежала по камням и колючкам. Они прошли немного, и ноги красавицы-луны покры-

лись волдырями, словно небо звездами, словно вода рябью или лепестки розы — росинками. Она не могла идти и присела на краю дороги. Юноша тоже был вынужден остановиться, но он не стал выпускать коня слов, чтобы Гоухар не догадалась, что он чужой человек, чтобы красавица-истина оставалась за завесой. Только сердце его от страха погони колотилось. Наконец, из-за горизонтов высунул голову рассвет, который предшествует утру и возвещает о восходе солнца и наступлении дня. Гоухар взглянула в лицо юному вору, с которым она сидела в степи, и тут же вскочила, словно внезапно наступила на змею, близкая от страха и ужаса к смерти, задыхаясь от волнения. «Что за злосчастье и невезение,— подумала она.— Я спаслась из пасти крокодила и угодила в когти к леопарду, выбралась из пучины бедствий и попала в чашу страданий. Где сокол смерти, который изловит воробья моей жизни и тем спасет меня от этого орла?»

От горя и печали она обезумела, словно Меджнун, огласила пустыню, где не было надежд на спасение, рыданиями и жалобами на несправедливость судьбы, коварного неба, стала причитать печально, как флейта, но ничто ей не помогло, и она уже не знала, что сделать, чтобы красавица-надежда показала свой лик из-за завесы. Тут вдруг вдали показался всадник на верблюде. Глупый юноша принял всадника за погоню везира, от страха обширная степь показалась ему меньше глаза слона, он пустился наутек, словно кошка, и спрятался в какой-то яме, словно мышь в норе. Всадник же подъехал к Гоухар и заглянул в ее прекрасное лицо: она трепетала, словно рыба на суше, и дождем лила слезы.

— О солнце на небе красоты,— воскликнул всадник,— о кипарис, из чьего ты сада? Потомки Адама не помнят под этим древним небосводом подобной красавицы!

Луна не блистает ярче тебя в созвездии красоты.

Стройны кипарисы на берегу — стройней кипарисов ты *.

— Если ты луна, то как ты снизошла на землю? Если ты роза, то зачем покинула сад? Где твой соловей, почему он оставил тебя одну? Быть может, он сгорел в лучах твоего солнца? Что случилось с ветерком, что он не может раскрыть бутона твоих уст?

Гоухар рассказала ему кое-что о себе. К счастью, всадник сжалился над ней, посадил ее перед собой на гороподобного верблюда и вихрем помчался по тернистой пустыне. Гоухар же обратилась с молитвой к всевышнему, которому известно, что сокрыто на уме у его рабов. «О ты, помогающий заблудшим,— молилась она,— о ты, ведающий о тайнах несчастных! Во имя тех, кто стал на путь любви и покорности тебе, не допусти осквернить полу моей добродетели, сохрани мой жемчуг ради моего мужа, который томится в темнице». Она молилась так, холодея от страха перед новым незнакомцем, который скакал вместе с ней на верблюде.

А тот трус, который бросил Гоухар, испугавшись всадника, и укрылся в яме, словно лиса в норе, видя, как обернулось дело, вылетел из ямы, словно поднятая вихрем песчинка, и громко закричал, но всадник пренебрег жалким трусом и поскакал вперед, обгоняя на своем верблюде ветер. А тот негодяй остался, словно мусор, в пустыне. Как раз в это время туда нагрянул везир с погоней. Везир догадался, что перед ним тот, кого он ищет, велел связать похитителя руки и допросил его, где Гоухар. Бедняга не смог увильнуть и рассказал все подробно, открыв все свое злосчастье и невезение. Везир взял с собой этого злосчастливого и поспешил следом за всадником на верблюде. В погоне он оставил позади владения своего государя и вступил во владения другого шаха.

Правитель этой страны как раз в то время охотился в степи и издали увидел всадника на верблюде, который летел на крыльях быстроты. Правитель приказал привести к нему путников. Всадник был очень некрасив, и правитель подумал, что блестящая жемчужина и невзрачный агат оказались рядом. Он начал расспрашивать их.

— По закону,— отвечал всадник,— эта женщина — моя жена.

Правитель все еще беседовал с ними, когда подоспел везир со своими людьми. Везир принес жалобу правителю, заявив, что Гоухар — его невольница.

— Но, поскольку женское племя лишено доли в верности,— заявил везир,— она спуталась с этим проклятым юно-

шей на верблюде, спустилась по веревке из башни моего замка и бежала вместе с ним. А теперь пусть сам падишах решает так, как велит ему правосудие.

Но в это время похититель, которого держали стражники везира, поднял крик:

— О падишах! — вопил он. — Все совсем не так. Врет он, эта женщина — моя жена! Этот насильник — везир соседней страны, он влюбился в мою жену. Науськиваемый дьяволом, он вступил на путь греха, силой увел ее к себе и заточил в башне. У меня нет покровителей, и мне некому было жаловаться, только и оставалось молчать. Ночью я пробрался к замку, спустил на веревке с башни свою луну и пустился бежать вместе с ней, чтобы прибыть в эту страну, которая под твоей властью подобна раю на земле. Но моя жена не привыкла к тяготам пути, она не смогла идти долго и на полдороге села отдохнуть. Когда же выючный верблюд ночи сбросил свой груз в долину небытия и на востоке показался скаковой верблюд дня с золотым колокольцем солнца, то нас, беззащитных, нагнал этот всадник на двугорбом верблюде. Я по простоте упросил его посадить жену на верблюда и подвести немного. Он великодушно согласился, посадил ее, но его добро мигом обернулось злом, он ударил верблюда и вихрем усакал от меня. Я не мог угнаться за ним и остался на месте в несчастии и беде. А справедливость за тобой, падишах.

Правитель, выслушав противоречивые свидетельства этих мерзких лжецов, призадумался, а потом велел посадить Гоухар в паланкин, словно жемчужину в шкатулку, и отвезти в свой гарем, а тех трех лживых негодяев он приказал отвести в разные комнаты.

Возвратившись с охоты и освободившись от дел, падишах велел привести к нему в покои Гоухар. Она украсила жемчугами слов красавицу-истину и рассказала подробно обо всем: как Хасан томится в темнице, словно Юсуф, как творит насилия и беззакония тот везир с повадками волка и природой собаки, как сбились с пути все эти последователи дьявола.

Падишах ласково погладил по голове Гоухар, эту редчайшую жемчужину своего времени, и обещал ей покровительство.

Когда царственная жемчужина семи зеленых морей* опустилась в шкатулку на западе и небо осветилось камфарной свечой луны, падишах велел устроить царский пир, которому позавидовало бы само небо. Он усадил в кругу знати

Гоухар, велел одеть ее в роскошные платья и убрать драгоценностями. А семи своим любимым невольницам — светочам этого преходящего мира — он приказал стать в стороне. Потом стали вызывать по очереди тех лжецов. Падишах велел каждому указать на Гоухар среди тех красавиц. Но поскольку они не очень-то хорошо знали лицо Гоухар, то впали в ошибку. Каждый из них хватал в нетерпении за полу одну из невольниц, называя ее Гоухар. Попав впросак, они доказали лживость своих притязаний, но по своей ослиной глупости каждый из них считал, что победил противников, и рассчитывал увести Гоухар. Когда мудрому царю стало ясно, в чем тут дело, он по своей справедливости, которой должны придерживаться все государи, посрамил и наказал как следует тех двух негодяев, а дерзкого везира велел заковать в кандалы, объявив, что освободит его только тогда, когда тот приведет к нему Хасана. Негодяй-везир, убедившись, что небосвод возвращается по желанию его врага, велел доставить Хасана к шаху. Когда Хасана привели, справедливый шах очень обрадовался, передал ему Гоухар, одарил его из казны и отпустил.

**ПОДЛЫЙ НЕБОСВОД ЕЩЕ РАЗ ГНЕВАЕТСЯ НА БЛАГОРОДНОГО
ХАСАНА И НАЛИВАЕТ В ЧАШУ ЕГО НАДЕЖД ЯД ОТЧАЯНИЯ,
НО ОН СПАСАЕТСЯ ИЗ ПАСТИ ДРАКОНА
БЛАГОДАРЯ СТАРАНИЯМ ГОУХАР**

Склонный к кривде, беспокойный небосвод, проливающий кровь людей так же обильно, как влюбленные — слезы, не жалеет сил для того, чтобы притеснять и обижать людей. При своем вращении он посылает на головы шахов и дервишей из небесной пращи камни насилия, разбивая сердца, словно маленькие склянки. И вот Хасан снова споткнулся о камень на своем жизненном пути, и ураган судьбы разметал его надежды, словно ветер розы и гиацинты. А случилось это так.

Когда Хасан, получив благодаря справедливости пади-

шаха Гоухар, избавился от страданий, то владыка звезд скрылся в тайнике земли, а звезды рассыпались по небу, словно ночные воры. Все кругом почернело от локонов ночи-красавицы, земная поверхность покрылась мраком, словно сердечко тюльпана, словно мускус. Хасан оставил в темной и тесной лачуге Гоухар, как жемчужину в раковине, и пошел на базар купить масла для светильника. От благоухающих локонов Гоухар приходил в восхищение тибетский мускус, от зависти к ее лицу и стану кипарис и роза готовы были разорваться, словно кора сосны и листья пальмы. Но тут подул ураган судьбы и погасил светильник счастья. Хасан зашел в лавку, куда вот уже два дня подряд пробирался вор и уносил у хозяина все товары. В ту ночь несчастный лавочник сидел в засаде, думая подкараулить вора. И вот в такое тревожное время неудачливый Хасан попросил масла для лампы. По воле судьбы коромысло весов стало склоняться в одну сторону. Но Хасан, которого сокол-рок избрал своей жертвой, не захотел мириться с обвесом, заспорил с лавочником, протянул руку к коромыслу, чтобы уличить обманщика, и рукавом загасил светильник в лавке. Тут хозяин вообразил, что он и есть вор, и стал кричать: «Держите вора!» Со всех сторон сбежались люди, Хасана схватили и повели, связав руки за спиной, к начальнику стражи. Лавочник уже жаловался начальнику стражи на воров, и тот, не удосужившись проверить дело, не стал расспрашивать и вызывать свидетелей. И вот по воле рока Хасана избili плетьюми и палками, а потом заточили без вины, словно Юсуфа, в темницу, тесную, как горестное сердце, мрачную, как дни угнетенного. Его сотоварищи были закованы в железные цепи, словно змеи в аду. И все они горели от горя, словно свеча, и ждали топора палача.

Хасан, когда с ним приключилась такая душераздирающая беда, погрузился в бездну изумления и подумал: «О великий Аллах! Видно, сокол беды опять взлетел в небо! Он хочет схватить воробья моей души и погубить меня. Что за ураган подул на меня по воле рока? Светильник моей жизни гаснет... По-видимому, роза моей жизни лишена аромата и красок, а звезда моя никогда не поднимется высоко в небо. Вершитель судеб решил даровать мне только кровь в сердце, а небесный кравчий наливает мне лишь напиток из слез, мои помыслы наполнены песком скорби, словно склянка песочных часов, небо дарит мне вместо милостей угольки скорби, а кувшин вместо вина — кровь моего сердца».

Одним словом, Хасан подвергся таким мукам, к которым уже ничего не прибавишь. Волей-неволей он смирился со своей участью и стал молиться всевышнему, подражая скорбным голосом чангу, и жаловаться на небосвод.

А Гоухар провела в той тесной лачуге ночь в ожидании Хасана, и ночь эта показалась ей длиннее ее кос. Она до самого утра не сомкнула глаз, словно бодрствующие звезды, нить ее терпения разорвалась в клочья, и ей стало невмogu. Но, соблюдая целомудрие и добродетель, Гоухар не покинула лачуги, хотя она вся была охвачена пламенем, словно хворост в костре, и горела наподобие свечи. Поскольку она была впервые в том городе, то никто не позаботился о ней, и она не получала никаких вестей об узнике. Поневоле она была вынуждена пуститься на поиски, и спустя несколько дней следы привели ее к темнице, где она увидела в окошке своего любимого в одежде преступника, закованного в цепи и кандалы, в окружении несчастных заключенных. Как только она увидела его в таком горестном состоянии, она стала проливать слезы, подошла ближе и спросила:

— Почему из решета неба на тебя сыплется прах горестей? Почему тебя, невинного, заковали в цепи? Почему судьба зачислила тебя в число грешников, хотя ты не совершил ничего дурного?

Хасан, взглянув на прекрасную Гоухар, стал проливать из глаз кровавые потоки и горько рыдать, а потом рассказал, что с ним приключилось.

Стражники тюрьмы, услышав его рассказ, доложили о том начальнику стражи, и он велел привести к нему Гоухар и расспросил ее обо всем. Выслушав ее, он пообещал освободить Хасана, но взамен потребовал, чтобы Гоухар одарила его своими ласками, так как ее красота свела его с ума и отвратила от чести. Не добившись справедливости, Гоухар покинула начальника стражи и отправилась с жалобой к кадию. Но сердце кадия также запуталось в плену ее кудрей, оно, словно родинка, попало в огонь ее пылающих щек, ее косы стали для него зуннаром позора, и он, подобно начальнику стражи, обусловил освобождение Хасана удовлетворением своей страсти. Гоухар, измученная горем, поразмыслила и согласилась, указав кадию, как пройти к ее лачуге.

Потом она вновь отправилась к начальнику стражи, стала жаловаться ему на насилие и попросила освободить мужа, пообещав удовлетворить его желания и покориться его прихотям. Она назначила ему свидание темной ночью и обнаде-

жила его сердце сладостью встречи. Сама же вернулась в скорби и печали к себе и стала дожидаться посетителей и того, что ей принесет ночь, беременная событиями.

Небесный меняла сбросил на запад солнце, словно золотую монету, по небу рассыпались жемчужины-звезды, а луны еще не было видно. Тогда влюбленные, словно два торопливых месяца, устремились, гонимые страстью, к лачуге Гоухар. Кадий, который от вожделения извивался, словно нить четок, надел на голову чалму праведников, облачился в роскошное платье, расчесал белую, как слоновою костью, бороду, насурьмил глаза, взял в руку эбеновый посох и двинулся в путь важно и величественно, намереваясь совершить паломничество к святыне страсти. Подойдя к лачуге Гоухар, кадий кашлянул, извещая о своем приходе. Гоухар встретила его с почетом и уважением, как это принято у воспитанных людей, извиняясь, что заставила его прийти к себе.

— Я благодарю высокочтимого кадия, — говорила она, — что он соизволил прийти в мою скромную келью, оказал мне эту великую честь, ведь я — женщина ничтожная.

Ты был милостив без меры, благодарности стесняясь,
Лишь молчанием могу я за добро благодарить.

Услышав любезные речи, кадий решил, что он желанен для нее, как вино для пьяницы, и от радости готов был выскочить из рубашки. Довольный, он стал просить ее скорее уступить его просьбам.

— О ты, — говорил он, — чьи ланиты — образец святости! Да дарует Аллах тебе счастье! Да будет тебе известно, что природа человека — самого драгоценного из всех существ — это благородная жемчужина. Каждого человека бог одарил двумя благами, которые суть величайшие милости божьи, как об этом сказал Саади, этот кладезь глубоких мыс-

лей: «Каждый вдох удлиняет нашу жизнь, а каждый выдох радует душу». Иными словами, жизнь и смерть — те два дара, и мы должны благодарить бога за каждый из них.

Чей язык и руки чьи, восхваляя мудрость бога
И за все благодаря, долг уменьшат хоть немного? *

— А наша благодарность богу состоит в том, — продолжал кадий, — чтобы это благо было употреблено в свое время и по назначению, дабы подтвердились слова: «Если вы будете благодарны, то я вам прибавлю *». Блажен тот, кто ступил на стезю справедливости и не пренебрегает этой заповедью. А ты, о моя госпожа, — одна из самых счастливых женщин нашего времени, которая облагодетельствовала своей милостью меня — молещика у всевышнего чертога. Этот твой добрый поступок будет вознагражден богом самым достойным образом.

В ответ Гоухар поблагодарила его и стала прислуживать и угождать ему.

— О ты, которому подвластен диван суда! — говорила она. — Невозможно представить большего блага и счастья, чем то, что ты, наставник истины, которому нет равного в мире науки, пришел в мою скромную лачугу и осчастливил меня своим обществом. Разве может язык должным образом поблагодарить и восхвалить тебя?

Кадий был введен в заблуждение приветливыми и льстивыми словами красавицы, он возликовал и намеревался уже открыть ворота крепости, заставив своего ночного молещика совершать коленопреклонения в ее хрустальном михрабе. Но в тот момент, когда кадий возлег на ложе счастья, собираясь укрепить подножие небесного трона своими богоугодными делами, постучался начальник стражи, свалившись на голову, словно нежданная беда. Услышав сей неприятный звук, кадий пробормотал: «Все во власти Аллаха», — со страхом соскочил с ложа, бледный и дрожащий, не зная, что делать, куда бежать от этого Страшного суда и где скрыться. А Гоухар, убедившись, что все идет так, как она задумала, подошла к кадию и учтиво сказала:

— Видно, коварный и низкий небосвод позавидовал нашему единению и подмешал в мою халву чеснок. Но если он преграждает слугам пророка путь к наслаждениям, то у меня в лачуге есть хум, высокий, словно помыслы великого человека, просторный, словно душа благородного мужа. Не сочти за дерзость, но я прошу тебя побыть там некоторое время, а

потом мы возобновим наше веселье. Это, по-моему, самое разумное.

Кадий, согласно пословице: «Когда настигла судьба, то зрение слепнет» *, немедля залез в хум. Таким образом целомудренная Гоухар загнала в склянку этого проклятого дива и избавилась от его посягательств, сохранив свою добродетель чистой от скверны. Она наглухо закрыла крышкой хум, а потом решила справиться с другим дивом. Открыв дверь, она выказала кутвалу почтение и уважение и ввела его в дом

— О кипарис в саду неги! — говорила она ему. — Вот уже давно стрела любви к тебе терзает мою печень. Я запуталась в твоих любовных сетях. Твои беспощадные глаза пленяют серн, черные завитки *, которые начертал живописец-рок на твоих розовых щеках, посрамляют мускус кабарги из Хотана. Я обошла много стран, но еще не встречала подобного тебе. Да убережет тебя судьба от дурного глаза, ибо ты прекрасен! Я хочу, чтобы на меня распространилось твое счастье, хочу вкусить близости с тобой, благословляю свои глаза за то, что они видели твое лучезарное лицо.

Кутвал от этих упоительных слов возликовал, в его сердце загорелось пламя желания, он сел на ложе, налил себе из кувшина вино и пригубил чашу.

Разумная Гоухар меж тем решила не терять времени, она, словно фокусник, решила обмануть его и напоить до бесчувствия. Она принялась подносить ему одну чашу за другой и, наконец, довела его до того, что он ничего не понимал и дворец его сознания качался, будто на воде. Затем она вдруг вскочила и закричала:

— Что же ты сидишь? Вставай, торопись! Ведь пришел главный везир и просит разрешения войти.

Бедняга, который ничего не понимал от опьянения, задрожал от страха, не зная куда деваться.

— Ради бога, придумай что-нибудь, — взмолился он, — смилуйся, спаси меня из этой пучины.

— В моем бедном доме нет ничего, кроме мешка, — отвечала Гоухар. — Тебе остается только спрятаться в этом мешке. Везир, уж конечно, не полезет в мешок, и ты спасешься.

Этот изменчивый мир непостоянен, и вот кутвалу, словно застигнутому врасплох вору, пришлось лезть в мешок, предпочтя заточение свободе. Гоухар не растерялась и тотчас завязала туго мешок.

Когда луна-стражник скрылась в тайнике земли, а на востоке показался мудрец дня, Гоухар велела хаммалу взва-

лить на спину мешок и хум и пошла вместе с ним во дворец падишаха. Она рассказала его приближенным о своем деле, а падишах, выслушав их, по обычаю правосудных правителей наказал как следует обоих мерзавцев, лишивших себя доли в том и этом мире. Он похвалил рассудительность и сообразительность Гоухар, велел освободить Хасана из темницы, дал им путевых припасов и коней и отпустил, так что они целыми и невредимыми прибыли в родные края.

РАССКАЗ О МОЛОДОМ КИРПИЧНИКЕ,

О ТОМ, КАК ОН ВЛЮБИЛСЯ В ДОЧЬ КУПЦА

И КАК ВОЛЕЮ ИЗМЕНЧИВОГО И КОВАРНОГО НЕБОСВОДА

ДОБИЛСЯ СВОЕЙ ЦЕЛИ

Садовники цветников преданий рассказывают, что в прекрасном городе Удджайн жил некий кирпичник. Однажды он разбил свою бrenную телесную оболочку и двинулся по пути в мир вечный, которого никому не избежать, возложив на коня пожитки своего бытия. И осталась после него всего лишь одна форма для отливки кирпичей, да и та старая, ветхая, готовая вот-вот разлететься на куски. Еще оставил он сына, на щеках которого уже пробивался пушок, как молодые базилики, как пушистые гиацинты близ свежих тюльпанов. Но юноша не знал никакого ремесла, а на лице его не видно было признаков ума. После смерти отца для него настали тяжелые дни, он не мог заработать себе на жизнь и только и думал о куске хлеба.

Однажды он жаловался матери на свою горькую долю:

— Судьба немилосердна ко мне,— говорил он,— а небо посылает мне вместо пропитания одни мучения. С девятисводного подноса неба на мой стол попадает только собственное окровавленное сердце, а с блистающего гумна луны мне достается, словно форме кирпичника, одна черная глина. Двухцветные, словно пантера, сутки даруют полные пшеницы мешки презренной мыши, я же из-за несправедливости

судьбы готов отнять последнюю кроху у кошки. Сладкий мед достается мухе, а я в бедности таю, словно воск, под этим ржавым балдахином-небом. Нет на земле человека беднее меня, не найдешь человека горестнее. Видно, здесь ветерок не оживит бутона моих надежд. А эта форма, которую отец оставил мне в наследство, не даст мне ничего, кроме кирпичей. Примирись же с мыслью о разлуке со мной, я хочу отправиться в дальние страны и попытать счастья, начать жить по-иному. Быть может, во время скитаний по чужбине красавица моих надежд сбросит покрывало и мне явится возлюбленная-мечта.

Здесь мы счастья добивались, но попытки бесполезны:

Надо вывезти пожитки и самим бежать из бездны *.

Мать отвечала ему ласково, участливо, нанизывая слова-назидания, как жемчужины.

— О душа моя,— говорила она,— лишь тому приносит плоды дерево скитаний, лишь для того распускается среди шипов страдания бутон свершений, кто владеет особыми товарами. Первый из этих товаров — богатство, при помощи которого можно обрести много всяких выгод и прибыль, а также верных помощников и друзей. Богатому не придется беспокоиться об охране своего имущества и о других крупных и мелких делах, так как за него все сделают другие. Богатый может проводить время в обществе падишахов и в кругу султанов, вращаться среди знатных мужей и вельмож. Кроме богатства, путешественнику необходимо также знатное происхождение, чтобы родовитые и благородные люди допускали его к себе, на свои пиршественные собрания, чтобы он мог обрести долю в мирских благах и удел радости в этом мире, подобном погребку с хумами. Или же, чтобы странствовать по свету, надо быть поэтом, слагать стихи, словно соловей песни, извлекать редкостные мысли, словно водолаз жемчуга, взвешивать их на весах волшебного слога, а потом дарить людям. Надо быть таким поэтом, который выставляет во дворце совершенного разума розы блестящих и тонких мыслей, одев их в богатые изукрашенные наряды, придав им блеск и красоту, для обозрения тех, кто поклоняется разуму и разбирается в красноречии. Надо быть поэтом, который облекает мысли, свежее ветра и слаще жизни, в выражения, прозрачнее и чище живой воды, и получает вечную славу, посвятив свои произведения венценосцам и падишам. В какой бы город, в какую бы страну ни пришел

поэт, его берегут и ценят как зеницу ока, в какой бы край он ни прибыл, его чтут за его слова. А у тебя, мой сын, нет ни одного из этих трех даров, только и есть у тебя, что красота. Боюсь, что путешествие по дальним странам не принесет тебе никакой пользы, напротив, на чужбине ты вкусишь еще больше горестей, ибо мудрые мужи ни во что не ставят красоту лица, а способные люди сторонятся и даже стыдятся тех, у кого нет дарования.

Идущий по правильному пути и зернышка не отдаст
За драгоценный халат того, кто богом не одарен *.

— Гордиться своей наружностью,— продолжала мать,— и надеяться обрести почет и уважение за телесную красоту — это лишь доказательство глупости, ибо ведь колоквинт, хоть и красив, но горек, потому его и не ценят. Тыква, хоть и велика, но лишена разума, потому и не дорога. Как бы красив ни был бумажный цветок, он не дает аромата, и даже с самым прекрасным портретом нельзя говорить.

Но сын уже вбил себе в голову мысль о путешествиях, он и не думал слушать ее наставления.

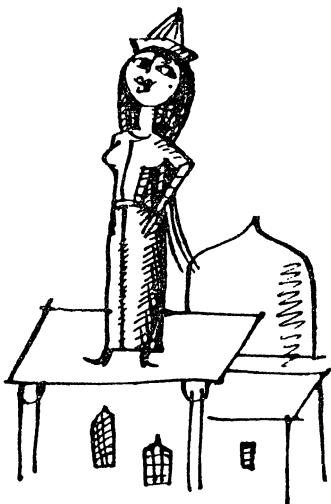
— Жемчужины твоих наставлений,— ответил он,— которые ты нанизала сейчас, вне всякого сомнения, достойны того, чтобы запечатлеть их в сердце. Каждое произнесенное тобой слово мудро, и его следует беречь как зеницу ока. Однако ваятели красавиц разума и художники из мастерской рассудка, которые испытали истину пробным камнем ума и собственными глазами видели добро и зло этого мира, пишут, что путешествие — ключ к вратам счастья и дверь к успеху, что удача человека лежит под его ногами, а жемчужина желания нанизана на нить скитаний. Рубин — лучшее творение лучезарного солнца, но, пока его не извлекут из россыпей и не пустят по свету, он не попадет на венец государя или султана. Пока жемчужина не выйдет из заточения в раковине, она не удостоится коснуться уха царевны и царицы. Хоть и слаб ветерок, но в своих скитаниях по свету он проникает к цветам на лужайке, а небо именно благодаря вечному коловращению собрало сокровища блестящих звезд. Неразумно отказаться от счастья путешествий и копать в навозе, как курица, стеречь мышиную нору, как кошка.

И вот сын расстался с матерью и отправился вместе с купцами в Хорасан. Несколько месяцев спустя он прибыл в Мазандеран и остановился в квартале купцов. Он распростерся в мечети, словно молитвенный коврик, и, поскольку

у него не было ни средств, ни способностей, ни ремесла, стал ждать благодеяний со стороны щедрых и великодушных мужей, кланяться и попрошайничать. Кирпичник рассказал жителям квартала, что он бедный чужестранец, и тогда некоторые люди, которые занимались благотворительностью, стали помогать ему и обеспечили ему существование, и он стал кое-как перебиваться.

Однажды дочь старейшины купцов того города поднялась на крышу дома и выпустила из лука бровей стрелы ресниц. Взоры ее были подобны резвящимся на лужайке газелям, она учила сердца любви и опутывала их своими мускусными кудрями. Эта кокетка была хуже насильника и разбойника с большой дороги. А юный кирпичник как раз проходил поблизости, ничего не ведая о коварных проделках судьбы и шутках неба. Он случайно увидел полумесяц бровей той луноликой красавицы, и в тот же миг был сражен мечом кокетства той, что была подобна Зухре, той, пред кем склоняло голову даже солнце. А красавица, недоступная, как Анка с горы Каф, поразила его своей красотой и бросила во прахе, словно сокол добычу. Она не стала спускаться с неба из-за такой ничтожной и скудной жертвы, не стала вонзать в него свои когти и покинула его, ибо шахи пренебрегают нищими. Иными словами, красавица, один взгляд которой проливал кровь, сошла с крыши и грациозно направилась в свои покои, оставив юношу в когтях безумия, переполненного волнением и тревогой, охваченного губительным пламенем страсти. Но, поскольку кирпичник совершенно не знал девушки, он не нашел возможности объясниться, затаил в себе пламя, которое могло бы сжечь все небо, и терпеливо ждал, повторяя стихи:

Что за спокойствие, господи, что за могущество мудрости!
Даже стонать не дозволено, мучась от внутренних ран *.

Прошло немного времени, и вот, когда настала пора звезде его счастья подняться в зенит надежды, когда его дремлющая удача открыла глаза и решила увидеть лик красавицы счастья, муж той красавицы, хоть он и очень любил свою жену, рассердился на нее, и между ними, как это нередко случается, произошла перепалка, недостойная разумных людей и некрасивая между любящими. С обеих сторон полились потоки ругани, а ведь это свидетельствует лишь о глупости и невоспитанности! Бес попутал этих бедняг и зажег меж ними огонь раздора, супруг сгоряча выпустил из рук поводья разума, этого путеводителя на истинном пути, сделал ложный шаг и произнес формулу развода*. Так он лишил себя общества своей луноликой красавицы, стал для нее чужим человеком, потерял возможность уединяться с ней и вынужден был расстаться с любимой, ибо то, что раньше было ему дозволено, теперь стало запретным.

Прошло несколько дней, пламя гнева мужа улеглось, безумие покинуло его голову, и он смог спокойно судить о своем недостойном поступке. Разлука с любимой стала тяготить его, мир показался его очам, привыкшим видеть красоту возлюбленной, мрачнее черной ночи, глаза его покраснели от непрерывных слез. Глупец поневоле был вынужден раскаяться в содеянном и повиниться. Он отправил к жене посредников, прося простить его, вернуться домой и допустить его к себе. Жена, видя, что муж искренне раскаивается, вспомнила их любовь, вернула ему свое прежнее расположение, простила его и, уступив его мольбам, согласилась вернуться назад. Но строгий шарият повесил между ними запретную завесу, и они не могли перейти ее, поскольку дела их зашли далеко и надо было решить их согласно изречению: «Если он дал ей развод, то она запретна для него с этих пор, пока он не выйдет за другого мужа»*. Только исполнив это предписание, супруги могли вновь зажить вместе, заключив новый брак. И тогда они решили, что надо найти нищего безвестного чужестранца, чтобы он своими пальцами распутал этот узел, обязав навеки того глупого и опозоренного мужа. Но чужестранец должен был ограничить наслаждение одной только ночью, не пытаться стать стражем клада навек, а с наступлением утра расстаться с красавицей и покинуть ее покои, словно мелодия струны. За это ему обещали уплатить немало, он же должен был хранить тайну и немедленно уехать в Ирак или Хиджаз*, вопреки обычаям новобрачных, не покидающих своих жен. Долго они искали

подходящего человека, но лучшего, чем юный сын кирпичника, не нашли. Они обратились к нему за помощью, рассказав ему обо всем. Юноша, который уже давно жаждал испытать воды в долине свидания с возлюбленной, услышав эту весть, принесенную, казалось, самим вестником богов Сурушем, очень обрадовался.

Когда лучезарная невеста-солнце исчезла в покоях на западе, а на престол неба воссела владычица звезд, то юношу, который валялся в пыли, мечтая о куске войлока, для которого циновка в мечети была что шахские горностаи и бобры, а кирпич — нежнее подушек фагфура, повели в баню, смыли с него грязь, облачили в роскошный халат, надушили благовониями и повели к постели той волшебной красавицы, дрожавшей от страха, а потом совершили их брачный обряд.

Юноша от охватившего его восторга опьянел без вина. Пораженный неожиданным счастьем, он боялся, что все это происходит во сне. Временами он смотрел на ту, что дарила упоение и счастье, и тихонько говорил себе: «О боже, во сне я это вижу или наяву?» До самого рассвета он не выпускал из своих объятий эту луну и упивался наслаждением. По мере своих сил он грабил доставшиеся ему задаром сокровища и старался сорвать побольше наслаждений. Когда же настала пора уйти из дома, как было условлено, юноша призадумался на некоторое время. «Как бы там ни было,— говорил он себе,— благодаря своей счастливой звезде я обрел наслаждение, о котором мог только мечтать во сне. Небо, которое долго несправедливо угнетало меня, теперь стало покровительствовать и помогать мне. Покориться желанию врагов и расстаться с возлюбленной, чтобы вновь подвергнуть себя унижению и позору, было бы слишком глупо».

Лишь сердце в крови искупав, я за полу ее ухватил.

Хитрейший соперник теперь не сумеет мне пальцы разжать *.

«Лучше всего,— продолжал он размышлять,— испытать свою звезду и постараться сохранить счастье рвением и усилиями. Если судьба будет благоприятствовать мне, если нива моих мечтаний будет орошена влагой божественной милости, то я достигну своей цели. А в противном случае я так и останусь в ничтожестве и нищете».

Приняв такое решение, молодой кирпичник стал рассказывать о своей любви той красавице, которая напоминала и Лейли и Азру, сравнивал себя с Меджнуном и Валиком, расписывая ей свою страсть. Любовными объясне-

ниями и излияниями он приворожил эту пери и волшебными напевами заманил в свои тенета ту газель из степи чар.

— Разумному человеку ясно,— говорил он ей,— что твой прежний муж расстался с тобой, затмившей красою весь Мазандеран, из-за того, что разлюбил тебя. Ведь из-за одного слова он с тобой развелся, не цenia счастья совместной жизни с владычицей красавиц. И за неблагодарность он был обречен на разлуку с тобой. Видно, любовь его стала остывать. Конечно, негодяй недостойн такого великого счастья, не всякая голова достойна такой власти.

Не каждого счастьем таким одаривать должно судьбе,—
Достойн не каждый осел Мессию носить на себе.

— Я же,— продолжал он,— с головы до пят преисполнен любовью к тебе, во имя этой истинной любви прошел длинный путь, полный бедствий и страданий, и, наконец, удостоился близости с тобой. За свою чистую и непорочную любовь вознагражден я твоим обществом: обнимаю твою шею, белизне которой завидует даже жасмин, прижимаюсь устами к твоим устам, сжимаю тебя в объятиях. Ты сама видишь состояние путника в долине любви, которая недостижима для влюбленного и желаннее которой нет ничего на свете, ты сама видишь, что я готов исполнять все твои прихоти и во всем покоряться твоей воле. Поэтому тебе ни к чему хранить верность прежней любви и незачем отвергать такого страстного любовника, как я,— этого не одобряют рассудительные и мудрые люди.

Хотя юный кирпичник не был ни знатен, ни умен, но он был хорош собой и умел немного играть на музыкальных инструментах. Красавица, поскольку женщина по природе своей не знает верности, стала склоняться к новому мужу и согласилась во всем с ним. Розы первого мужа увяли под осенним ветром ее неверности, и она стерла в своей памяти любовь к нему. А юноша, видя, что та пери поддалась ему, от ликования вскинул шапку в воздух и крепче схватился за нить своих надежд. Когда с красавицы-ночи упал черный покров и горизонты осветились утренней зарей, к дверям брачной комнаты пришли приятели первого мужа, с нетерпением дожидавшиеся рассвета, и стали звать юношу. Но тот, вместо того чтобы открыть дверь, закричал:

— Что это за шум в неурочное время? Почему вы мешаете нам? Разве в вашем городе не знают приличий, не ведают о благородстве?

Приятели мужа изумились и воскликнули:

— Эй, несправедливый человек! Ведь это счастье тебе было даровано только на одну ночь! Теперь же, когда на лужайке неба распустилась роза рассвета, тебе здесь не место. А ну, поторапливайся, вставай! Не горячись понапрасну, ибо сова недостойна селиться в саду, в раю не принято слушать карканье вóрона. Берегись, не принуждай нас прибегнуть к насилию! Да и сам муж может отнять у тебя то, что даровал тебе.

Юноша же ответил им со знанием законов разума:

— О друзья! Соразмеряйте шаги свои с возможностями и гоните коня в соответствии с границами поля. Ведь все совершенно согласно шариату, и теперь требования горстки наглецов и корыстолюбцев не смогут повредить мне. Не ставьте себя понапрасну в глупое положение и не подвергайте позору, не приставайте ко мне попусту.

Приятели прежнего мужа, выслушав его речи, лишились рассудка и потеряли дар слова, онемев, словно нарисованная птица. Но слух о происшедшем распространился по всем улицам и кварталам, молва стала переходить из уст в уста, мужчины и женщины передавали друг другу эту новость.

Недруги злорадствовали, друзья сожалели. Родственники той женщины, услышав об этом, сильно огорчились, собрались все вместе и стали совещаться и думать, как им избавиться от такого позора.

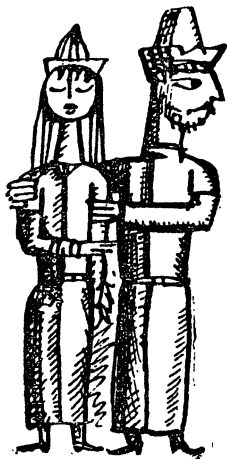
— Как смеет дерзать породниться с нашим знатным родом,— говорили они,— такой нищий бродяга, одно только упоминание имени которого навлекает позор и бесславие? Ведь он даже не слышал о том, что такое знатность! Как он посмел возмечтать о женитьбе на такой женщине? Коварный небосвод заменил наш чистый напиток отстоем и разбил склянку чести о камень позора... Нам трудно теперь будет жить в этом городе и смотреть в лицо знакомым. Как можно породниться с фальшивым и дешевым жемчугом? Как можно выйти замуж за простолюдина, жемчужина которого не нанизана на нить благородства? Разве кунжут и жемчуг помещают в одну шкатулку? И эту беду на нас навлек наш прежний глупый зять, покрыв нас прахом вечного позора,— ведь если сова притронется к розе или шип разорвет лепестки жасмина, то осуждения и порицания заслуживает только садовник. Однако теперь разум велит нам любой ценой смыть с нашей чести эту ржавчину позора.

На том они и порешили, выбрали из родичей нескольких мужей, слывших разумными и рассудительными, и отправили их к юноше. Те стали увещевать и наставлять его добрыми советами, пытались разными уловками уговорить его и разлучить с возлюбленной, но так ничего и не добились. Тогда они перешли к брани и к угрозам, начали ругать и поносить его, но и это ни к чему не привело. Наконец, они принялись соблазнять его золотом, но кирпичник не стал их слушать и не выпустил из рук желанную жемчужину.

— Да будет известно моим дорогим родственникам,— сказал он,— что до того, как я благодаря своей счастливой звезде нашел счастье в обществе возлюбленной, мое сердце долгое время было опутано ее черными локонами, похожими на чоуган. Я все время мечтал о том дне, когда обрету эту великую награду. А теперь, когда благодаря покровительству неба я достиг своих желаний, разумно ли, подумайте сами, упустить счастье из рук и спалить свое гумно молнией беды? Откажитесь от несбыточных притязаний, не питайте никчемных надежд и не терзайте мое сердце пустыми словами. Если вас побуждает к этому моя бедность и незнатность, если вы не считаете меня ровней себе и потому стараетесь от меня избавиться, то это просто неразумно. Ведь земное богатство немногого стоит из-за постоянной изменчивости судьбы и на него не надо полагаться. Разумные мужи уважают людей не ради их роскошных одеяний, а за знания и способности. Не следует также слишком полагаться на знатность и заслуги отцов. Будь человек даже потомком Бармакидов или Сасанидов, если он не обладает способностями, то какая польза ему от величия предков и в чем его преимущество перед другими? Кроме того, презирать человека и пренебрегать им из-за его нищенского одеяния не подобает разумному и ученому мужу. Ведь тут легко ошибиться.

Смотри без презренья на немощных этого
мира.

Кто знает, быть может, за пылью
скрывается всадник.

— Хотя и не подобает самому расхваливать себя,— продолжал он,— но необходимость обязывает меня. Знайте же, что мой отец происходит из Ширази, а современники называют Шираз источником учености и знаний. Слава о ширазской науке и учености распространилась по всему свету, так что каждая роза, в которой есть аромат знаний, считает, что расцвела в садах науки Ширази, а каждая жемчужина, наделенная блеском знания, найдена в океане мудрости Ширази. Слава об учености моего отца распространилась по всем странам, он одаряет своими знаниями и знатных и простых людей Фарса. По мальчишеству и избалованности я обиделся на своего великого отца из-за пустяка, который сейчас вызывает только досаду. Я решил удовольствоваться малым и отправился в дальний путь, следуя примеру купцов. Но торговать я не умел и в скором времени разорился, так что эта пустая затея принесла мне только огорчение, и я по воле бога из богатого человека стал нищим и прибыл в ваш город. Я уверен, что отец вскоре узнает о моем скорбном положении и не оставит меня в таком жалком состоянии на чужбине. Итак, дорогие родственники, надеюсь, что, выслушав меня, вы не станете более принуждать меня к чему-либо и будете лучше относиться ко мне, ибо милосердие к путникам и помощь чужестранцам — обычай великодушных мужей и залог доброго имени и громкой славы.

Забота о чужестранцах приносит добрую славу.
Скажите, неужто ваш город не знает, что это так? *

Родственники жены, выслушав его речи, устыдились своего гнева и грубых слов, стали обращаться с ним ласково и любезно.

— Если твои речи подтвердятся,— заявили они,— мы признаем тебя достойным этого брака, будем любить тебя, охранять, насколько хватит сил.

— Справедливость велит,— сказал юноша,— дать мне сроку месяц и оставить меня в покое. Если в течение назначенного срока завеса ваших сомнений спадет с красавицы-истины и грамота моих слов будет скреплена печатью правды, то поводья желания останутся в моих руках. А если все обернется вопреки моим утверждениям, то я не стану ни в чем вам прекословить.

Родственники жены вынуждены были согласиться с ним и стали терпеливо дожидаться назначенного им срока, лобопытствуя, что же покажется из-за завесы.

Когда они порешили на том, юноша мысленно перебрал все, что досталось ему от отца, но, кроме ветхой кирпичной формы, самана, извести и старой лачуги, которая наподобие горы Тур была вся продырявлена, ничего не смог вспомнить. От страха, что ему придется выпустить из рук нить надежды, он позабыл обо всем на свете, счел божественным даром близость с солнцеликой красавицей и предался наслаждениям с ней, ни на миг не выпуская ее из объятий. Когда прошла значительная часть обещанного срока, юноша стал таять, словно луна на ущербе. И вот, наконец, осталось всего три дня. Тоска из-за предстоящей разлуки терзала кирпичника, и от предчувствия он скатился из апогея счастья в перигей несчастья. Дожидаясь наступления ночи, опьяненный вином отчаяния, он напевал жалобные мелодии и горестные песни. Он пел так печально, что даже гранитная скала сжалась бы над ним.

А надо сказать, что правитель того города в сопровождении своих верных слуг выходил по ночам из дворца, чтобы самому убедиться, как идут дела в его стране, кто враг ему и кто друг, и однажды, проходя мимо дома того юноши, услышал печальные песни. Правитель так растрогался, что не удержался и дернул кольцо на воротах.

— Кто там? — спросил юноша. — Что тебе нужно в такое время, когда даже рыбы и птицы спят?

— О праведник! — отвечал падишах. — Мы — каландары, опаленные пламенем любви к богу и заклеянные горем. Испытали мы и печаль, и вот твои жалобные песни растрогали нас, и мы дерзнули остановиться здесь. Если ты, соблюдая законы гостеприимства, пригласишь нас к себе, то ты, несомненно, возродишь обычаи благородных.

Кирпичник тут же открыл ворота и ввел падишаха со слугой в дом. Но вместо каландара он увидел перед собой прекрасного юношу с фарром вокруг чела, в роскошных одеяниях и царском халате. Кирпичник переменился в лице, но правитель сказал ему:

— О прекрасный юноша! Не считай меня лжецом за мои роскошные одеяния, а лучше сыграй нам что-нибудь печальное.

Кирпичник пролил потоки слез и ответил:

— О каландар! Разве понять тебе того, кто опален пламенем любви, словно саламандра *, — ведь твои помыслы не омрачены любовным недугом! Зря ты просишь меня сыграть. Знаешь ли ты, что от жизни моей осталось всего лишь несколько мгновений и я рыдаю перед тем, как вздохнуть в последний раз? А ты по простоте душевной принял мои стоны за песню...

— О великодушный! — сказал в ответ падишах. — Твои скорбные мелодии испепеляют, словно кебаб, тех, кто страдает в долине страсти, потому-то они так растрогали меня. Ты прости нас и расскажи нам о себе. В чем причина твоих страданий? Из-за чего ты так жалобно рыдаешь?

Тогда юноша поведал падишаху свою историю с начала до конца, а потом тяжело застонал и заплакал.

Утром, когда взошло лучезарное солнце, падишах рассказал одному своему приближенному историю кирпичника и повелел ему: отнести юноше драгоценности и деньги из шахской казны, выдав себя за посланца его отца.

И вот как раз в тот момент, когда родственники жены по истечении назначенного срока набросились на беднягу с упреками и бранью, к дому подъехал на быстроходном скакуне с золотой сбруей одетый в драгоценный халат гулям, подобный Юсуфу.

Он ехал быстро, ловкий и расторопный. Приблизившись, он спросил:

— Где здесь живет Мирза Бади из Шираза, который расцвел словно кумир в храме Индии, сбежав от отца и поселившись в этом городе?

Тут все подумали, что это, верно, их новый зять и что рассказ его был правдивым. Они повели гуляма к дому, тот поклонился низко юноше, отдал ему драгоценности и деньги, которые были при нем, а потом сказал от имени отца:

— О мой мальчик, обидевшийся на отца! В разлуке с тобой я ослеп, словно старец из Ханаана *. Ради бога прости меня и погаси пламя моей скорби. Я опасаясь, что скоро меня навестит ангел смерти и мне придется сложить свои пожитки среди этих шатких развалин и свернуть подстилку своего существования.

Юноша был поражен этими словами, он подумал: «У моего отца, когда он был еще жив, не было никакого богатства, кроме черной глины. А теперь, когда люди делают кирпичи из глины его праха, как же мог он послать мне богатство, равное податям целой страны? По-видимому, здесь скрыта какая-то тайна. Как бы там ни было, эти дары — милость бога, в особенности в такое время, когда мне стало совсем невмоготу».

Юноша взял у посланца сокровища, потом припал к земле, вознося благодарственные молитвы творцу.

На другой день прискакал знатного вида человек и спросил:

— Кто из вас Мирза Бади из ширазской знати, который рассердился на отца, поселился в этом городе и женился на дочери купца? Падишах вызывает его во дворец.

Юноша немедленно вскочил с места и отправился в шахский дворец. А тесть его от радости не находил себе места и пошел вслед за ним. Кого бы тесть ни встретил по пути из родных и знакомых, он всем рассказывал о случившемся, даже если его не спрашивали. Когда же люди стали его поздравлять, как это принято, он так и надувался от важности и едва отвечал им кивком. Наконец, они прибыли во дворец. Как только юноша увидел падишаха, он сразу догадался, откуда на него свалилось все это счастье и в чем тут дело. Он тотчас по обычаю поцеловал перед падишахом землю и произнес про себя:

Если бы сто языков имел я взамен одного,

Все бы они прославляли шаха и милость его *.

Падишах оказал ему новые милости и благодеяния и отпустил, так что юноша-чужестранец благодаря великодушному покровительству того падишаха провел остаток своих дней в неге и довольстве.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ФАРРУХФАЛ, СЫН ФАРМАНРАВА,
ПРАВИТЕЛЯ САРАНДИБА, ВЛЮБИЛСЯ В ПОРТРЕТ
ПЕРВОЙ КРАСАВИЦЫ НА СВЕТЕ И КАК ОН ДОСТИГ СВОЕЙ ЦЕЛИ
БЛАГОДАРЯ ПОМОЩИ СИМУРГА**

Испившие чистого вина этой истории и налившие в чашу напиток рассказа передают, что в стране Сарандиб жил падишах с величием Фаридуна. Его чаша всегда была наполнена напитком счастья, он постоянно вдыхал аромат свершений, успех всегда сопутствовал ему, а судьба открыла перед ним врата счастья.

Но в его гареме не было светоча, который навеки озарил бы его дом счастьем, иначе говоря, у него не было потомка, чтобы обновить жизнь отца и прославить имя предков. Падишах проводил свои дни в тоске и унынии, мечтая о сыне, ища помощи у прозорливых мужей и коротая время в молитвах.

Наконец, после долгих молитв, когда его мозг уже начал таять от горя, стрела попала в цель и в один прекрасный день к падишаху явился какой-то отшельник, проводивший свои дни вдали от людей в одиночестве, и дал падишаху сочное и свежее яблоко.

— Это плод с дерева твоего желания, — заявил ему дровиш. — Сегодня ночью дай яблоко твоей царственной супруге, а потом взойди на ложе. Благодать этого плода такова, что древо твоего желания принесет плоды и на горизонтах твоего счастья взойдет блистающая луна.

Падишах возликовал от этой радостной вести и во всем последовал указаниям того благословенного и святого дровиша. По воле судьбы в ту же ночь царица зачала.

Когда пришла пора, у царицы начались родовые схватки, и в назначенное время из чрева ее показалось лучезарное солнце. Падишах приказал звездочетам и астрологам составить точный гороскоп ребенка. Знатки тайн девяти небес и семи кишваров начертали на бумаге знаки Зодиака и вычислили гороскоп несравненного отпрыска, чья составленная

из четырех стихий натура была средоточием счастья в кругу шести измерений*. Они доложили о гороскопе властелину.

— Рождение царственного светила,— говорили они,— означает великое счастье. Но после истечения четырнадцати лет ему будет угрожать сильный любовный недуг. По воле звезд, в соответствии с их положением и движением, гороскоп говорит нам, что поводом к его любовному безумию послужит чтение книг любовного содержания, украшенных рисунками. Поэтому, до тех пор пока шахзаде не перевалит через этот возраст, было бы благоразумно не давать ему в руки книги с рисунками, да и простые книги. Хорошо бы с этой целью приставить к нему нескольких благоразумных и бдительных наставников.

Падишах очень огорчился такому сообщению и приставил к сыну нескольких преданных и стойких людей, которые к тому же были благочестивы и умны, чтобы они постоянно находились при шахзаде и не давали ему обращаться к книгам. Но поскольку еще ни один мудрец не смог соскоблить ножичком предусмотрительности предначертанное судьбой, то однажды шахзаде в возрасте, который был предсказан, с разрешения наставников отправился в гарем. Шахские наложницы и не заметили, как он вошел в комнату и приблизился к запертому сундуку, к которому была приставлена молодая невольница. Шахзаде стал расспрашивать невольницу о содержимом сундука, и она ответила, что там хранятся рукописи, принадлежащие падишаху, с драгоценными

миниатюрами, написанные лучшими каллиграфами. Шахзаде хотел открыть сундук, а невольница принялась отговаривать его от этой затеи, помня о предсказании. Но шахзаде настаивал, и недалеко невольница сошла со стези благоразумия и сочла своим долгом повиноваться воле шахзаде, открыв путь урагану бедствий,— иными словами, она открыла сундук и выложила рукописи перед шахзаде. В первой же книге шахзаде увидел портрет де-

вушки. На ее голове была надета диадема, туго заплетенные косы падали ниже пояса, на челе ее были написаны нега и равнодушие к окружающим, а томные глаза смотрели горделиво и высокомерно. С первого же взгляда любовь к ней впиалась в сердце шахзаде крюком, а ее завитые косы стали арканом на шее. Владыка, тотчас превратившийся в дервиша в стране любви, весь отдался во власть любовного безумия, а разум пустился наутек из его головы.

Наставникам пришлось сообщить падишаху о случившемся. Тот безмерно огорчился, пришел к сыну и стал расспрашивать о причине происшедшей с ним перемены. Шахзаде ничего не отвечал отцу, он только проливал потоками кровавые слезы и, словно Меджнун, хотел бежать в степи и пустыни. Тогда падишах начал разбирательство, и та невольница повинилась и рассказала, как шахзаде открыл сундук, увидел портрет прекрасной девушки и влюбился в нее. Падишах созвал на совет своих дальновидных везиров и ясных разумом мудрецов и потребовал от них придумать средство к излечению сына. Сколько ученые мужи ни усердствовали, они так и не смогли прийти к цели, и быстроходные скакуны их мысли бессильно завязли, словно осел в глине. Тут падишах постиг, что человеческий разум не в силах изменить божественных предписаний, оставил шахзаде в покое и предоставил ему полную свободу действий.

Шахзаде, избавившись от бдительного наблюдения наставников, влекомый своей сжигающей и всевластной любовью, которая всецело овладела его волей, отправился по свету, сам не зная, куда держит путь и к чему стремится. Он пошел в пустыню. Сын везира Джафар, который с младенческих лет воспитывался вместе с шахзаде, поспешил за ним словно на крыльях, соблюдая верность в дружбе, что в наше время так же редко встретишь, как и птицу Анка. Джафар стал сопровождать его на чужбине по трудным дорогам, полным превратностей и опасностей.

Долго скитались они по пустыням и тернистым дорогам, ноги их покрылись волдырями и язвами. Наконец они прибыли в какой-то город, такой цветущий и благоустроенный, что и вообразить нельзя. В поисках красавицы они бродили по улицам города, но благоуханный ветер надежды так и не коснулся их. Тогда они покинули город и остановились в одном загородном храме, высоком и просторном.

**ФАРРУХФАЛ СПАСАЕТ ДОЧЬ ПАДИШАХА ТОЙ СТРАНЫ
ОТ РАЗБОЙНИКОВ И ПОПАДАЕТ В ТЕНЕТА БЕДЫ
ПО ПРИЧИНЕ НЕПОСТОЯНСТВА СУДЬБЫ**

Однажды Джафар, чтобы успокоить шахзаде, решил отправиться в город, надеясь разузнать что-либо о девушке, нарисованной на портрете и нарушившей покой шахзаде. А Фаррухфал остался в старом храме и прилег в уголке. Когда золотой идол скрылся в кумирне запада, а на небе заблестали звезды-кумиры, то служитель храма побоялся оставаться один и тоже ушел в город. Наступила темнота, шахзаде встал со своего места и сел словно идол около кумира, как раз там, где жрецы обычно зажигали свои лампы. Он проливал слезы, вспоминая свой кумир. Настала полночь, и вдруг он услышал у входа шум шагов. Шахзаде решил, что это джинны, испугался, так как был один, вскочил с освещенного места и спрятался в тени за идолом. Тут в храм вошли разбойники, упали ниц перед идолом по обычаю идолопоклонников-индусов и стали молиться.

— Мы слышали,— говорили они,— что дочь правителя города восседает на инкрустированном престоле и что на ней украшения, которые стоят податей целой страны. Если сегодня ночью мы завладеем этими сокровищами, то голову царевны мы принесем тебе в жертву.

Сказавши так, они поднялись и отправились вершить задуманное. А Фаррухфал, крайне пораженный их словами, подумал: «Дочь падишаха возлежит на роскошных подушках в неприступной шахской крепости, ее охраняет бесчисленная стража. Как же это воры могут захватить ее?»

Но прошло немного времени, и восемь силачей внесли в храм царевну, которая, погрузившись в сон, не ведала, где она. Они поставили перед идолом инкрустированный престол, на котором она спала, а сами пали ниц в молитве. Фаррухфал из-за спины идола взглянул на прекрасную царевну, и изумление овладело им. Он счел великим грехом убивать без вины такую солнцеликую красавицу, стал придумывать, как бы спасти ее. И вот он произнес таинственным голосом:

— Обет ваш исполнен, и я принял его. Впредь я всегда буду покровительствовать вам, и вам будут открыты врата успеха.

Воры с каменными сердцами, полагая, что это голос идола, стали молиться еще усерднее, решив, что идол спасет их от наказания. Фаррухфал понял, что хитрость его удалась, и снова сказал:

— Повелеваю вам теперь покинуть храм, всем кроме одного, самого благочестивого и стойкого, чтобы он отрезал голову девушки и возложил к моим стопам.

Воры без промедления повиновались, оставив в храме одного из сотоварищей для отсечения головы царевне. Тут Фаррухфал выскочил из-за идола стремительно, как молния, и острым мечом отрубил голову тому нечестивцу. Прошел час или больше, и воры, судя по себе, предположили, что их дружок решил присвоить драгоценности царевны. Они послали в храм другого, чтобы тот выяснил, за чем дело стало, и предостерег товарища от измены. Второй вор тоже свалился рядом с первым, и ему пришлось испить чашу смерти из стального родника. Короче говоря, все восемь мерзавцев отправились на тот свет один за другим, так что пол храма от крови тех несчастных стал багряным, словно цветущая лужайка.

Расправившись с ворами, шахзаде разбудил от сна красавицу, спавшую сном неведения. Владычица сладкоустых увидела, что творится вокруг, затрепетала и побледнела от страха. Шахзаде заметил, что она от страха ничего не понимает, стал утешать и успокаивать ее и рассказал ей, что произошло.

— О дорогая сестра! — говорил он. — Не горюй, не устремляйся по улице скорби, ибо я — твой утешитель и покровитель и вновь доставлю тебя целой и невредимой в твои покои.

Вымолвив эти слова, шахзаде, словно обретя силу Фархада, взвалил себе на плечи трон с владычицей сладкоустых и отнес его к падишахскому дворцу. Из своей чалмы он свил веревку, привязал ее крепко к подножию трона, поднялся, словно канатоходец, на крышу, а потом поднял наверх трон и целой и невредимой доставил царевну в ее покои. Царевна стала благодарить его от всей души, говоря:

— О садовник в цветнике благородства и великодушия! О блистающее светило милосердия! Воистину, добро и помощь, которые ты оказал мне, еще не виданы на свете. Не

знаю, как мне отблагодарить тебя,— разве только всю жизнь быть твоей служанкой. Ради бога, расскажи мне о себе. С таким царским величием — какой страны ты властитель?

Фаррухфал, хоть он и торопился, рассказал вкратце о себе и попросил разрешения удалиться.

— Пусть сердце и душа мои будут жертвой тебе! — воскликнула царица. — Хотя я и не могу отблагодарить тебя за твое благодеяние, я не теряю надежды, что, если перед тобой встанут какие-нибудь трудности, ты окажешь мне милость своим доверием, чтобы я по мере сил своих постаралась помочь тебе.

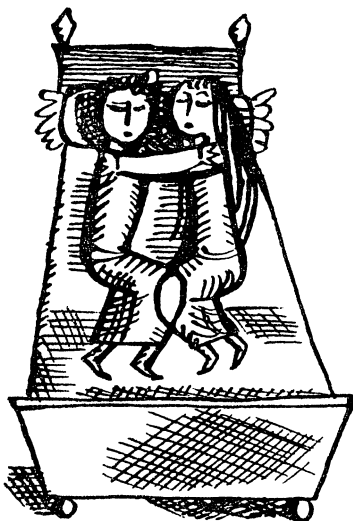
— О благородная царица! — ответил шахзаде. — Трудная задача стоит передо мной, и не в твоей власти решить ее, хоть ты и владычица всех стран. Удача и успех зависят от длани всевышнего. И, если будет на то его воля, в назначенное время красавица моего желания выйдет из-за завесы и явит свой лик. А теперь разум велит тебе отпустить меня, так как мне не подобает более оставаться здесь.

— О мой возлюбленный брат! — воскликнула царица. — Ты навеки обязал меня благодарностью. Было бы несправедливо и неблагородно с моей стороны не приложить всех усилий, чтобы помочь тебе. Я не хочу, чтобы ты страдал. Ради бога, освети своим благословенным пребыванием мою скорбную келью и отдохни здесь одну ночь так, как хочет твое утомленное сердце. А когда дева-утро откроет свои глаза под сверкающим солнцем и взглянет на вселенную, я сделаю необходимые приготовления для твоего дела и отпущу тебя, чтобы ты мог без особого труда достигнуть того, к чему стремишься.

И вот в разгаре беседы на шахзаде из засады набросился сон, и он перестал понимать и соображать, забыл об осторожности и заснул беззаботно на постели царицы. Царица тоже, одурманенная глубоким сном, упала на постель, и ее томные глаза закрылись. Во время сна, который является потребностью человека, они повернулись друг к другу, так что коснулись один другого ногами и руками.

Когда пришел рассвет и солнце выглянуло на востоке, словно из окошечка, слуги и невольницы проснулись и вошли в покои царицы, чтобы служить ей. И тут они увидели, что царица лежит в объятиях прекрасного юноши, а в стене чести падишаха пробита брешь. От страха перед гневом владыки они затрепетали, словно осиновый лист, и на некоторое время оцепенели. Но потом решили, что молчание и

укрывательство их погубит, не раздумывая, отправились к главному евнуху и сообщили ему губительную весть. Главный евнух не поверил словам невольниц, так как знал, что царевна не совершит поступка, который приведет ее к гибели. Но невольницы настаивали на своем, и тогда он, встревоженный, отправился в покои царевны и воочию убедился, что пламя греха разгорелось и молния ударила в гумно падишахской чести. Он мигом лишился разума, в нем запылало пламя гнева, и он одним махом стащил Фаррухфала за шиворот с постели. Фаррухфал пробудился от сладкого сна и вдруг ощутил горечь смерти. Он погрузился в пучину изумления, а потом отбросил сомнения по поводу скорого своего перехода в мир иной и промолвил:

— Слава Аллаху! Оказывается, за благодеяние лишают жизни и за добро воздают смертью... Теперь ничего не остается, как проститься с этой юдолью скорби и отдать жемчужину своей души смерти, так и не взглянув ни разу на свою возлюбленную.

Тут проснулась и царевна и увидела, что ее спаситель попал в лапы беды. Она тотчас закричала:

— Эй, слепой евнух! Этот юноша — мой названный брат по законам веры. Не смей касаться и волоска на его голове!

Но евнух пренебрег угрозами царевны, гневно говоря:

— Эй, бесстыдница! Ты осквернила чистый родник чести отца грехом и покрыла прахом позора свою невинность. А теперь еще дерзаешь защищать этого негодяя, которому место на виселице. Ты, может быть, не ведаешь, что тебе и жить-то осталось всего несколько мгновений!

Царевна, видя упорство евнуха, вспылала яростью, но ничего не помогло, и тогда ее розоподобные щеки оросились кровавыми слезами, словно лепестки роз, окропленные ночной росой. Евнух же пошел к падишаху, произнес словесия, а потом сказал:

— О шах, да будет жизнь твоя длиннее, чем могут подсчитать самые искусные математики! Сегодня ночью в шахском гареме произошло непотребное. При известии об этом разум из головы человека исчезает, словно напиток из чаши. Я не дерзаю довести до слуха падишаха эту мерзость, но не смею и скрыть.

Падишах сильно разгневался и спросил:

— Что случилось? В чем дело? Может быть, в шахском гареме погас светильник безопасности? Или же нить целомудрия в моем роду порвалась?

Евнух стал в подобающих выражениях докладывать падишаху и рассказал о том, что случилось. Падишах от ярости начал бушевать, словно бурлящее море, и немедленно написал указ о казни того невинного шахзаде. Евнух поволок к плахе шахзаде, удрученного сверх меры, намереваясь избавить его от жизни мечом. А бедняга уже примирился с мыслью о смерти и пошел прямо навстречу ей.

Царевна же, услышав об этом, пришла в сильное волнение, вошла к отцу и, не соблюдая церемоний почета, остановилась там, где стоят просители, говоря:

— О отец! Справедливые и правосудные мужи не проливают кровь невинного, не доказав предварительно его проступка и не расследовав обстоятельств. Такие действия правителей, призванных быть стражами своих подданных, были бы неслыханным насилием. Казнить этого юношу, который оказал твоей державе огромную услугу и достоин самого большого покровительства с твоей стороны, значит, вне всякого сомнения, вызвать гнев небесного владыки. Подумай о том времени, когда ты предстанешь с этим делом перед вышним Судией! Ведь тогда ты будешь стоять наравне с ним и не сможешь дать ответа.

Слова дочери очень действовали на падишаха, он повелел отложить пока казнь и произвести расследование. И тогда царевна рассказала отцу обо всем, ничего не утаив и не прибавив.

— Справедливость моих слов подтверждается тем,— сказала она,— что в храме лежит восемь трупов.

Когда рассказ дочери падишаха подтвердился и невинность шахзаде была доказана, когда все выяснилось, падишах раскаялся и позвал к себе Фаррухфала. Он попросил у него прощения, усадил на самое почетное место, выказывая ему всяческое уважение, а потом сказал:

— Прошу тебя, не сердись и прости мне мою оплош-

ность — ведь это в природе людей. Возьми себе служанкой эту мою дочь, жемчужину в море владычества.

— О великий падишах! — отвечал Фаррухфал. — Даже если рок и предначертал мне такое — этому не бывать. Если твое величество хочет усыновить меня, скитальца по долинам скорби, то для меня это милость, о которой я никогда и не мечтал. Причина же моего отказа от неожиданного счастья в том, что уже с давних пор мне предстоит великое и важное дело, за которое я готов отдать жизнь. Поэтому я надеюсь, что ты отпустишь меня поскорее, ибо для меня, твоего верного слуги, нет большей милости.

Падишаху не хотелось его отпускать, и он сказал:

— Прошу тебя, побудь с нами некоторое время и озари лучами своей красоты покои моего сердца, чтобы и мы могли оказать тебе милости. Впрочем, коли ты склонен огорчить нас расставанием с тобой, то делать нечего. Пусть бог хранит тебя в пути. Всегда считай мой дом своим домом и отправляй мне вести о своих делах. И если встанут перед тобой трудные задачи, то не стесняйся просить помощи у столпов моей державы, и мы поможем тебе и окажем тебе содействие самым лучшим образом.

Шахзаде, видя, что падишах сердечно к нему расположен и готов помочь, рассказал, как он влюбился в портрет.

— Хотя, быть может, и непочтительно рассказывать обо всем этом в присутствии вельмож и сановников, — говорил он, — но благодаря расположению падишаха я дерзнул на это. Я прошу падишаха, чей трон вознесся до Плеяд, повелеть найти Джафара, моего преданного и искреннего друга, а потом приказать своим служителям проявить рвение в поисках и определить имя и приметы, а также местонахождение той красавицы с портрета, похитившей мое сердце и веру.

Падишах приложил в знак повиновения руку к глазам, и не прошло и часа, как слуги нашли Джафара и привели к нему. Потом падишах вызвал своих доверенных придворных и наказал им строго ехать в известные и неизвестные страны и употребить все старания в поисках, расспрашивая путешественников и жителей.

Слуги падишаха побывали во всех странах, но так ничего и не добились и вернулись ни с чем. Падишах сильно огорчился, стал извиняться перед Фаррухфалом, который еще больше расстроился и попросил падишаха отпустить его.

Из той страны шахзаде двинулся куда глаза глядят. Хоть сил у него было немного, он, словно ветерок, в поис-

ках своей возлюбленной побывал в каждом саду и на каждой лужайке. За время своих поисков он обошел все страны, но нигде не почувствовал аромата надежды. Он истер ноги в поисках, но все было бесполезно. От изнурительной страсти он высох, словно соломинка, так что Джафару стало жаль его, и он сказал:

— О шахзаде! Долго ты скитался по свету и странствовал в поисках своей мечты. Но ты так и не достиг цели,— видно, звезды не покровительствуют тебе. Я боюсь, что ты в конце концов сложишь голову во имя любви, так и не увидев прекрасного лица своей возлюбленной. Разумнее было бы набраться терпения и остановиться на некоторое время в каком-нибудь городе. Положись на Изеда, исполняющего просьбы страждущих, а действовать предоставь мне. Может быть, терпение откроет врата успеха.

Фаррухфал, ноги которого от долгих скитаний по свету покрылись язвами до самых колен, поручил поиски Джафару, а сам поселился в городе Удджайне, во всем положившись на милость божью и ожидая благополучного исхода.

Милость Аллаха еще не иссякла,
Весть милосердия Суруш принесет *.

**ДЖАФАР ВЕДЕТ ПОИСКИ ПО СОВЕТАМ РАЗУМА
И УЗНАЕТ ПУТЬ К ЦЕЛИ, ИНЫМИ СЛОВАМИ,
ОН НАПАДАЕТ НА СЛЕДЫ НЕСРАВНЕННОЙ КРАСАВИЦЫ,
ТАК ЧТО ФАРРУХФАЛ ПО ЕГО УКАЗАНИЮ ДОСТИГАЕТ ТОГО,
ЧЕГО ЖЕЛАЕТ, И С ПОМОЩЬЮ СИМУРГА
СРЫВАЕТ ПЛОД ЖЕЛАНИЯ С ДРЕВА НАДЕЖДЫ**

Природа Джафара была возвращена в цветнике верности и орошена водой правды, и потому он готов был пожертвовать собой ради Фаррухфала. Он проявлял рвение и старание, превышающие возможности человеческие, напрягал разум, в котором заключены все блага человека, и наконец на-

шел средство. Джафар открыл лавку на видном месте, где проходили скитальцы и путешественники со всех сторон, и стал торговать самыми редкими товарами. На стене лавки он повесил портрет, вызвавший безумие Фаррухфала. Джафар показывал портрет всем странникам и путешественникам, расспрашивая их о той, что была нарисована на портрете, выпытывая ее имя и приметы. И вот, наконец, долгое время спустя, когда от чрезмерного ожидания терпение его начало уже иссякать, а силы его от неблагоприятности неба стали ослабевать, в лавку вошел некий муж, прошедший в скитаниях почти весь свет, измеривший его шагами. Он видел все чудеса земли воочию, был осведомлен о тайнах семи кишваров, повидал и белое и черное золото двухцветного времени, испытал и тепло и холод этого мира. Как только пришелец взглянул на портрет, он тут же вручил Джафору ключи к вратам цели, передал ему нить желания, развязал на его душе узел томительного ожидания, сказав:

— Это замечательная и мудрая девушка. Словно кипарис, она благородна. Но она избегает общества мужчин и считает себя единственной и несравненной. Трон Сарандиба держится на ее славе, а на ее голове красуется падишахский венец той страны. Даже сердца мудрецов терзают ее косы, а своими локонами она как арканом пленяет солнце в небе. Она проводит много времени на охоте, ловит и поражает прелестных газелей. Она, словно Джамшид, постоянно устраивает роскошные пиры. На ее весенних празднествах волшебные музыканты и певцы мелодиями, как у Барбада, и песнями, как у Давуда, чаруют сердца солнцеликих красавцев, а кравчии прозрачным вином похищают разум у ученых мужей. Ее щеки от багряного вина краснеют, как тюльпаны, и она делается еще прелестнее. А вельможи ее и государственные сановники — сплошь луноликие девы, которые своей прелестью заставляют деву востока — солнце забыть о всяком целомудрии. Сорок тысяч воинственных копьеносцев и меченосцев поклялись верно служить ей, и они всюду сопровождают ее, словно тень. Она нежна и граци-

озна, но вершит подвиги, словно Рустам, и может выступить в бой против Исфандияра. И при всем этом она мягка характером, ее речи приятны, она умеет шутить и острить. Вокруг ее владений на сто фарсахов простирается ужасная безжизненная и безводная пустыня. Ни одно живое существо не дерзнет пройти через эту пустыню: там высятся зыбучие песчаные холмы до самых небес и нет никакой дороги, как нет пушка на лице красавиц. К тому же границы ее страны охраняют отряды воинственных дев, которые поражают львов и сокрушают слонов, и им приказано, едва покажется вблизи рискнувший жизнью мужчина, пронзить его грудь стрелами, рассекающими гранит, и облегчить его тело от бремени головы кровожадными мечами.

Джафар выслушал рассказ о владычице сердец, поспешил к Фаррухфалу и сообщил ему радостную весть.

— А теперь,— заключил он,— отринь горе и скорбь и готовься воссесть на троне счастья. Настала пора, когда на горизонтах надежды взойдет заря счастья и солнце желаний засверкает лучами успеха.

Окончилось время разлуки, прошла одиночества ночь.
Гадал я, звезда поднимается, чтобы свершеньям помочь.
Истому и вкрадчивость осени, всё, чем пленяет она,
Весенний ликующий ветер сумел без труда превозмочь.
Во имя истерзанной розы, чтоб счастье несчастной вернуть,
Холодные зимние ветры от сада отброшены прочь.
Заре той надежды, что долго скрывалась в обители тайн,
Скажи: «Приходи к нам скорее, рассвета и радости дочь!» *

Фаррухфал, услышав весть о счастье, так преисполнился ликованием, что забыл все на свете, выпустил из рук поводья терпения, хотел взлететь от счастья, словно птица, и в один день очутиться в стране возлюбленной. Но Джафар посоветовал ему пробыть в городе еще несколько дней и приготовил несколько красивых женских платьев. Оба они были искусными музыкантами и прекрасными певцами, и Джафар решил при помощи этого искусства проникнуть в Сарандиб и купил много всяких музыкальных инструментов. После этого они вновь пустились вдвоем в дальний путь, во всем положившись на бога и уповая на его милость. Они шли трудными дорогами и опасными путями, взяв себе в проводники провидение и божественный промысел.

Проведя в пути большую часть своей короткой жизни

и пройдя долгий путь, они, наконец, прибыли к устрашающей пустыне и пустились дальше в путь по этой гибельной местности, наедине со смертью, позабыв о собственной безопасности и касаясь рукою бедствий. Шли они быстро, опьяненные предстоящим успехом.

Однажды, когда солнце находилось в зените, друзья оказались под деревом и, изнуренные зноем, сели отдохнуть в его тени. А на том дереве, оказывается, свил себе гнездо Симург. И как раз в это время полз по стволу дерева удав, чтобы проглотить его птенцов. Шахзаде пожалел птенцов, разрубил удава блестящим мечом на куски и бросил их под деревом, а сам лег поспать. Джафар, которого тоже утомила дорога, прилег рядом.

Когда златокрылая птица-солнце полетела за гору Каф на западе, к своему гнезду вернулся Симург, улетавший за пищей для птенцов, и принес для них разные плоды из всех садов земли. Вдруг Симург увидел спящих людей, принял их за врагов и уже готовился расправиться с ними, но птенцы догадались о его намерениях, рассказали ему, как их спас Фаррухфал, и стали благодарить юношу красноречиво. Симург раскаялся в своих поспешных подозрениях, подлетел к Фаррухфалу и, разбудив его, извинился и одарил его диковинными плодами.

— В награду за то, что ты спас моих птенцов,— сказал Симург,— я усыновляю тебя и беру на себя исполнение твоих дел. Если пред тобой встанет какая-нибудь трудность, поведай мне обо всем без утайки, и я постараюсь помочь тебе своим покровительством.

Фаррухфал, видя неожиданное участие и нежданную поддержку, расцвел, словно бутон от весеннего ветерка, уверовал в то, что небо стало покровительствовать ему, и рассказал Симургу о своих намерениях.

— О мое благословенное дитя! — сказал Симург. — Хотя ты взялся за тяжкое и трудное дело, но во имя любви мужайся, потерпи еще одну ночь. А завтра с божьей помощью твоё желание будет исполнено, и все преграды будут преодолены.

Когда куропатка небосклона выпорхнула из гнезда на востоке и воспарила над голубой степью, Симург посадил Фаррухфала и Джафара к себе на крылья и полетел в страну Сарандиб. Перед закатом солнца они прилетели в город, который был столицей той владычицы, и Симург оставил их там. Он дал шахзаде перо из своего крыла и на-

казал ему спалить перо на огне, если с ним приключится какая-нибудь беда или возникнут затруднения.

— Тогда я узнаю, что с тобой случилась беда,— заключил Симург,— прилечу к тебе и мигом избавлю тебя от невзгод.

Фаррухфал привязал перо к руке наподобие амулета и отпустил Симурга. Потом он и Джафар оделись в женские одежды, взяли с собой музыкальные инструменты и направились прямо в город. На щеках их еще не пробился пушок, а волосы у них были длинные, так что их вполне можно было принять за юных дев, никто и не подумал бы, что это мужчины. Таким путем они оградили себя от кар царицы и вошли в город, уверенные в своей безопасности. По счастливой случайности они оказались в подобном раю саду, где собрались и пировали прекрасные девы-гурии. Опыяненные вином девы сняли с лица покрывала, позабыли обо всем на свете, предаваясь веселию. Вновь прибывшие немедленно вошли в круг пирующих, по обычаю музыкантов пропели хвалебную песню в честь той, что украшала это общество, и попросили простить их за незваный приход. Девы, увидев, что это чужеземцы, сказали:

— Как будто от вас не веет ветер известности, благоухание и цвет ваших роз нам незнакомы. Если вы чужестранцы в нашем городе, расскажите нам немного о себе и назовите свои имена.

Фаррухфал вышел вперед и по обычаю людей воспитанных и знатоков этикета сначала воздал хвалу присутствующим, а потом сказал:

— Меня, скромную деву, называют Дилпазир Джадунавá, а сестру мою зовут Нахид*. Слава и молва о благосклонности владычицы всех цариц к чужестранцам и скитальцам распространились до горизонтов нашей земли, и мы решили служить ей, отважились на паломничество к ее престолу и пустились в дорогу. Мы проделали трудный, полный опасностей путь по горам и долам и пришли в эти подобные раю места из краев столь дальних, что и описать невозможно. Благодаря покровительству счастливой судьбы мы очутились в вашей прекрасной стране. Если владычица соизволит разрешить нам, то мы, бедные скитальцы, покажем свое искусство, словно розу в цветнике.

Пирующие обрадовались их предложению, обласкали их по законам гостеприимства, посадили на подобающее место. Тогда музыканты настроили свои арфы и заиграли

мелодию в ладу ушшак, а потом запели на этот мотив такую песню:

Сердце трепещет, забыв рубежи,
Пред похитительницею души.
Ветер, помедли со мною хоть миг,
«Он твой невольник!» — любимой скажи.

Они отбросили смущение и играли так, что даже соперники похвалили бы их. Затем они отложили арфы и взяли за лютни, и полились такие звуки, что даже песнопения Давуда поблекли бы от зависти, а мелодии Барбада пред их мелодиями были бы подобны мычанию теленка, все равно что хитрые фокусы самаритянина пред пророческой силой Мусы. Пирующие то расплывались в улыбке, словно распустившийся бутон, то, словно весенняя тучка, проливали потоки слез от охватившей их грусти. Отовсюду раздавались возгласы восторга и хвалы, динары и дихремы сыпались, словно лепестки роз в весеннюю пору.

Когда пир окончился и присутствующие начали расходиться, Дилпазир и Нахид — иными словами, Фаррухфал и Джафар — вышли из дома и стали искать, где бы им расположиться на ночь.

Светлое утро со своим золотым бубном вышло из тайника на востоке, и тогда дева-везир царицы по имени Санатубар, которая славилась умом, догадливостью и приветливостью, прослышав о тех удивительных музыкантах, решила позвать их к себе. Они сочли это приглашение великим благом и поспешили не медля во дворец. Сначала они воздали везиру хвалу и славословия, а потом заиграли на танбуре такие пленительные мелодии и чудесные песни, что они свели бы с ума самаритянина и сотворили бы чудо, словно рука Мусы. Они показали такое волшебное мастерство, что другие музыканты и певцы признали их полное превосходство, отреклись от званий мастеров и объ-

явили себя их учениками. Санаубар слушала как заворуженная, не в силах оторвать от них взгляда.

За короткое время они стали в ее дворце своими людьми и самыми приближенными надимами. Наконец, о них сообщили во дворец царицы, и та повелела привести их к себе. Санаубар одела дев-музыкантов в роскошные платья, украсила драгоценностями и повела в царский дворец. Прах у порога его был для сердца Фаррухфала целебным бальзамом, ветерок от локонов царицы был для него добрым вестником, поэтому, когда возлюбленная открылась ему во всей лучезарной красоте, не скрытая за завесой, он бросил к ее ногам свою жизнь и перестал владеть собой. Он долго, словно в забытьи смотрел на ее блистающие щеки жадным взором, как звездочеты смотрят на небесные светила. Несравненная царица по его лицу догадалась об охватившем его волнении, удивилась, стала доискиваться причины, спрашивать, почему пришелица так взволновалась. Фаррухфал, услышав ее слова, вознесся из бездны скорби на небо счастья, уразумел, что он поступает опрометчиво, и решил исправить положение. Он стал извиняться, говоря в свое оправдание:

— С тех пор как я помню себя, я не видала такого блестящего собрания и столь блистательного венценосца, от восхищения я онемела. Если царица соизволит простить мне этот грех, это будет великодушием и милостью.

Окончив извинительные речи, Фаррухфал тронул струны рубаб и сыграл несколько мелодий, таких, что даже Зухра на небе пустилась бы в пляс. Свита царицы и сановники ее забыли об этикете, одни стали подпевать, словно соловьи, его печальным песням, а другие, словно птицы на картине, застыли на местах, безмолвные. Царица же была так довольна, что описать невозможно, она расхвалила музыкантш, подарила им много золота и драгоценных камней, а потом сказала:

— Из какой вы страны, прелестные и пленительные музыкантши?

Дилпазир, по обычаю тех, кто знаком с правилами вежливого обращения, отвечала:

— Родина твоих скромных и смиренных рабов — благословенный индийский город Гвалиор. Мудрые путешественники, повидавшие мир, называют наш город рудником музыкантов. Слава о гостеприимстве и покровительстве твоём музыкантам распространилась до самых дальних окраин

земли, и мы в надежде поцеловать подножие твоего трона пересекли огромные пространства, испытал тысячи мук и бед, и вот удостоились чести поцеловать прах перед тобой. Слава и благодарность Аллаху, я достигла того, чего желала сердце, и обрела высшее счастье!

Царица приказала великому везиру держать дев-музыкантш у себя и раз в неделю приводить их в царский дворец.

Прошло некоторое время, и в один прекрасный день Санаубар, опьяненная их музыкой, захотела одарить их, не жалея ничего, и дала им множество всяких драгоценностей.

А Дилпазир в этот момент решила выйти из за-сады, где она пряталась в ожидании удобного случая, и сказала:

— У меня есть просьба к благородному везиру. Если будет дозволено, я выскажу ее.

Санаубар разрешила, и Дилпазир повела речь:

— Я прошу,— начала она,— открыть мне причину, по которой царица избегает мужчин и удалилась от их общества.

— Дилпазир! — отвечала Санаубар.— Проси у меня земных богатств и сокровищ — и я дам тебе столько, сколько пожелаешь. Но рассказать тебе о том, что ты спрашиваешь, я не смею, прости меня.

— О звезда на небе счастья! — стала убеждать ее Дилпазир.— Пусть твой почет при царице вознесется до самых небес. Стоит ли тебе жалеть ради меня одного слова,— ведь я ради твоих милостей покинула родные края и поселилась здесь на краю света.

Санаубар, видя, что Дилпазир настаивает, поневоле заговорила.

— Дело в том,— начала она,— что я и сама-то не во все посвящена. Теперь тебе следует повременить и набраться терпения, а я постараюсь выпытать тайну у несравненной царицы.

С тех пор Санаубар выжидала удобного случая. Наконец, однажды ночью, она была с царицей в ее покоях, и они обе предавались наслаждению и веселию. Санаубар стала целовать подножие трона царицы, испросила заранее прощения, а потом сказала:

— Рабам, подобным пылинкам, которые существуют только благодаря лучам солнца, не подобает задавать не-угодные властелину вопросы. Но оказанные мне шаханша-

хом милости и выказанное расположение придают мне смелость, и я решаюсь просить раскрыть мне одну тайну.

Царица была весела от вина, мысли ее от опьянения витали высоко в небесах, и она стала расспрашивать Санаубар и разрешила ей изложить просьбу. Санаубар поняла, что это самый подходящий момент, и приступила к делу.

— О венец на голове царства! — начала она. — Пусть сердце и душа мои сгорят, словно семена руты, дабы отвести от тебя беду! Вот уже давно меня терзают догадки и сомнения. Я хочу спросить, почему царица всей земли избегает общества мужчин, — ведь они лучший дар небес. Творец соизволил сказать: «Они — ваши одеяния, а вы — одеяния для них» *. Он сотворил женщин для развлечения мужчин, а мужчин — для улады сердец женщин. Почему же царица посеяла в сердце семена вражды к мужчинам?

Царица на это ответила:

— Хоть сердце и не велит мне разглашать свой секрет, не велит наливать напиток правды в чашу языка, но оказанные тобой услуги вынуждают меня показать красавицу-тайну, которую я всю жизнь скрывала за завесой в тайнике сердца. Ты должна оценить как подобает это доверие и никому не проговориться! А не то я потеряю веру в тебя, а себя подвергну смертельной опасности: ведь тайны нехорошо разглашать. Знай, что всемогущий творец, для которого самые трудные дела представляют пустяк и который поступает по своему усмотрению, никого не спрашивая, сначала дал мне в этом мире облик птицы и пустил летать по поверхности бытия. По законам этого мира, согласно которым обязательно рождение потомства и самке положено найти себе самца, я выбрала себе пару. По истечении положенного срока я высидела двух птенцов, и мы свили себе гнездо. Но вот однажды ночью, когда от туч было темным-темно, в степи разгорелся пожар, и пламя окружило наше гнездо, словно камень в перстне. Мы спохватились, когда уже ничем нельзя было помочь. Птенцы мои еще не научились летать и не могли без посторонней помощи спастись из гибельной стихии. Во мне заговорило материнское чувство, и я, решив спасти их во что бы то ни стало, бросилась в гнездо. Но как я ни билась, мне не удавалось спасти из огня сразу обоих птенцов, а вынести их одного за другим не было времени. Я стала звать о помощи и молить о поддержке, но это не принесло пользы, а языки пламени уже охватили гнездо со всех сторон, так что мне самой было не спастись.

А самец мой, полагая, что прежде надо спастись самому, и не думая об остальных, совсем струсил и пустился наутек, покинув меня с птенцами во власти пожара. И вот после того, как я сгорела и пережила смерть своих птенцов, творец вознес меня на небо и в силу своего безграничного великодушия вновь дал мне жизнь в ином облике, наделив меня возвышенной природой человека и способностью мыслить и говорить. Он превратил меня в такую красавицу, что даже пери не смогут соперничать со мной, и даровал мне высокий сан, а потом «благословил Аллах самое прекрасное из творений» *. Но, будучи птицей, я встретила с такой изменой, что в благородном облике человека я решила не иметь никакого дела с мужчинами и прервала с ними всякие отношения, поклялась не обременять себя брачными узами и быть свободной и вольной, как кипарис и лилия.

Санаубар, узнав о тайне царицы, обрадовалась несказанно и вскоре вернулась, ликуя, домой. Дома она посвятила в тайну Дилпазир и тем навеки обязала ее благодарностью. Дилпазир была вне себя от радости, и Фаррухфал счел эту вест вступлением к своему счастью.

Прошло несколько дней, и Дилпазир под каким-то благовидным предлогом попросила Санаубар отпустить их. Санаубар очень нравились их песни и мелодии, и она долго откладывала их уход. Но, наконец, она уступила с неохотой настойчивым просьбам Дилпазир и отпустила их. На прощание Санаубар дала им много денег, а Фаррухфал с Джафаром ушли за город, разбили в ту же ночь все свои музыкальные инструменты и спалили на огне перо Симурга. В тот же миг перед ними предстал Симург и унес их из страны царицы таким же образом, как доставил их туда. По совету Джафара Фаррухфал облачился в царские одеяния, надел на голову падишахский венец, скрыл лицо покрывалом и взял с собой нескольких воинов с мощью Рустама и Исфандияра, велел им также облачиться в роскошные одежды. Потом все они двинулись в путь по направлению к Сарандибу. С помощью Симурга, когда ночь набросила на мир темное покрывало, они опустились в царском саду, на кипарисы и лилии которого еще никогда не падала тень мужчины. Воины шахзаде подошли к дворцу царицы и захватили все входы и выходы, чтобы избежать случайностей и чтобы противник, будь им даже ветер, не смог проникнуть в сад.

Когда невеста утра, взяв в руки зеркало солнца и причесывая свои косы прохладным ветерком, вся сияя улыбкой,

как красавицы на лужайке, выглянула из-за горизонтов, то прекрасные садовницы вышли в сад, словно розы, и по своему обыкновению принялись рвать цветы, поливать их и подстригать деревья. Не ведая ни о чем, они подошли к тому месту, где сидел в засаде Фаррухфал с друзьями. Воины

выскочили из-за укрытия и в один миг предали их всех мечу, обогрив дорожки кровью розоликих. Одну же они оставили в живых и дали ей убежать. Сломая голову она вылетела из сада и побежала во дворец царицы, громко жалуясь на насилие воинов и рассказывая о том, что произошло в саду. Она дрожала от их жестокости, словно осиновый лист, повествуя о том, что все ее подруги сражены мечами.

Владычица красавиц, услышав такую весть, пришла в ярость, позвала Санаубар, приказала собрать военачальниц и воительниц, захватить тех жестоких мужчин, заточить их в темницу, подвергнуть самым страшным пыткам и истязаниям, а потом казнить медленной смертью.

Санаубар поцеловала подножие царского трона:

— О царица семи кишваров! Никто не осмелится прекословить твоему приказанию, равному решению судьбы, но разум велит сначала разузнать об их намерениях и помыслах. Почему они напали на наших садовниц без всякого к тому повода? Здесь кроется какая-то тайна. Ведь мы и не ведали о прибытии отряда воинов, хотя на всех наших границах воздвигнуты укрепления, хотя наши воительницы охраняют все подступы к нашей стране, а пустыня окружает ее со всех сторон. Наша страна представляет собой крепость неприступную, и пришельцы из-за отсутствия дорог должны погибнуть, томимые жаждой, и, обманутые миражами, должны отправиться прямо на тот свет.

Царица нашла слова везира разумными и отправила одну деву-воительницу послом, приказав ей разузнать, в чем дело. Но воины Фаррухфала прогнали ее со словами:

— Наш юный предводитель — наследник властителя Сандиба. Он посеял в своем сердце семена вражды к женщи-

нам, Встретив женщину, он тотчас поражает ее мечом. Чтобы не видеть женского лица, он всегда закрывает лицо, а воинами ему служат сами симурги. Какую бы страну он ни завоевал, он разоряет ее дотла с помощью симургов. Он услышал, что этой страной правит луноликая царица, решил уничтожить ее и потому прибыл сюда. А теперь мы остановились и ждем, когда симурги разрушат вашу страну. Как мы можем допустить женщину к нашему жестокому падишаху? Разве только ее шея захотела меча...

Посланница царицы, услышав это, перестала добиваться приема, возвратилась назад и рассказала, как обстоит дело. Царица призадумалась, а потом велела передать Фаррухфалу:

— Я слышала, что ты ненавидишь женщин и, чтобы не видеть их, закрываешь лицо. Самое удивительное, что мы также ненавидим мужчин, так что у нас все наоборот. Я очень изумлена этим, и тебе следует привести убедительные доводы или же отказаться от вражды.

Фаррухфал передал ей через посланца:

— Для доказательства своей правоты у нас есть веские и убедительные доводы, но ведь поцелуй не передают через посланца. Поэтому если ты хочешь узнать об этой великой тайне, то разум и рассудок повелевают, чтобы ты соизволила пройти путь меж нами и принять без посторонних из сокровищницы нашего разума благословенную истину, жемчужину-тайну, и тем самым избавилась от сомнений.

Царица по совету Санаубар вместе с некоторыми воительницами и военачальницами отправилась в сад и, усевшись в уголке, вызвала к себе Фаррухфала. Она оставила при себе Санаубар, а шахзаде привел с собой Джафара, и вот они в уединении стали вести беседу. Фаррухфал, дабы достигнуть цели, решил опередить царицу, начал рассказ уверенно и спокойно и поведал историю царицы, которую слышал от Санаубар, только приложив ее к себе и приписав таким образом неверность и измену самкам. А царица приняла его за покинувшего ее тогда самца и, разгневавшись за то, что он изобразил все в превратном свете, закричала:

— Эй, обманщик, враг истины! Ведь всевышний Судия знает правду обо всем, а люди благородные не станут скакать на коне лжи по ристалищу речи и поворачивать коня вкривь и вкось. Вспомни, как ты не пожалел меня с птенцами и покинул нас в огненной пучине, не побоявшись покрыть себя позором!

— Что мне ответить тебе теперь? На что жаловаться? — возразил шахзаде. — Ведь женщина сотворена из левого ребра Адама, чего же ждать от нее правого дела! Если бы это не было так, ты не стала бы после такой измены вести себя столь бесстыдно.

С обеих сторон посыпались взаимные упреки, спор затянулся, каждый стал доказывать свою правоту, и тогда Санаубар, желая им счастья, постаралась примирить их и погасить пламя вражды. Она стала увещевать и наставлять их, уладила взаимный гнев и направила стороны к примирению, заставив их снять покрывала с лиц, чтобы они увидели красоту друг друга. Царица, увидев лицо шахзаде, который был облачен в роскошные одеяния и блистал, словно солнце, в мгновение ока влюбилась в него, не задумываясь, поместила свое сердце, словно камень в перстне, в кольцо его локонов. Устыдившись, она уставилась в землю, прекратила упреки и укоры, отдала ему свой царский венец и мантию, а сама облачилась невестой и села в закрытый паланкин.

Так Фаррухфал благодаря стараниям Джафара, сначала отведав горечи страданий и тягот, испил напиток желания и обнял свою желанную возлюбленную. А Джафар с разрешения своего властелина женился на Санаубар и тем самым заставил ее дерево плодоносить. Он был назначен первым везиром, и все государственные дела были доверены ему.

РАССКАЗ О КУПЦЕ АЗИЗЕ, КОТОРЫМ ОВЛАДЕЛА ПУСТАЯ МЕЧТА, О ТОМ, КАК ОН РАДИ СТРАСТИ ПУСТИЛСЯ СТРАНСТВОВАТЬ ПО ПУСТЫНЯМ, ПОВИДАЛ МНОГО ЧУДЕС И СТАЛ В КОНЦЕ КОНЦОВ ОТШЕЛЬНИКОМ

Те, кто украшает предания, словно машшате невесту, разубрали этот удивительный рассказ и открыли его взорам, чтобы заслужить похвалу.

Рассказывают, что в городе Удджайне жил купец по имени Азиз. Чаша его жизни была до краев полна жизненными благами, кубок его достатка переливался богатством,

ибо он получил хорошую долю в сокровищах этого мира и был безмерно богат. Все его желания были исполнены, и он лишь вдыхал ароматные благовония жизни. На его мысли, словно на диск солнца, не садились пылинки огорчения, зеркало его мыслей, словно поверхность луны, не знало ржавчины злоключений *. Небо расстелило ковер его счастья в доме благополучия, а сама судьба просила у него подаяния. На поверхности земной не было таких сокровищ, которыми он не владел бы, а на изумрудном небе не было начертаний, которые противоречили бы его желаниям. Все свое время он проводил на пирах, наслаждаясь музыкой, всегда возлежал он на ложе счастья, держа в объятиях красавицу-удачу. Натура его была подобна цветущим базиликам, а роза его сердца непрестанно расцветала под ветром преуспеяния.

Однажды Азиз устроил роскошный пир и созвал своих друзей. Они пили из блестящих хрустальных кубков багряное вино во здравие друг друга. Азиз, полагая, что золотой кубок небес полон до краев вином его счастья, был опьянен довольством. И вот, когда веселье было в самом разгаре, в дом вошел какой-то чужестранец и сел в сторонке, бросив на пирующих горестный взгляд, застонав и проливая из глаз жемчужины слез, так что застольное веселье обернулось грустью. Все тяжело вздохнули, жалея его. Азиз также огорчился и стал расспрашивать чужестранца. Но на все расспросы тот отвечал только молчанием, и это повергло всех в еще большее изумление, а Азиз забеспокоился и решил не отставать от юного чужеземца. Он так умолял его поведать, из-за чего тот страдает, что заставило его так мучиться, что юноша вынужден был раскрыть уста и заговорить.

— Хотя твоя просьба, — сказал пришелец, — трудна и обременительна и я твердо убежден, что исполнение ее не принесет тебе пользы, но, коли ты так настаиваешь, мне ничего не остается, как поведать тебе частицу своей тайны и слегка приподнять завесу над ней. Да будет тебе известно, что у меня было столько богатств, что самый искусный математик не мог перечесать их. Однажды по совету купцов я с партией товаров отправился в Каннаудж в поисках прибыли. Многие знаменитые купцы сочли за честь войти в мой караван и присоединились ко мне. К несчастью, в четырех переходах от Каннауджа я со своими товарами отстал от каравана и затерялся в пустыне, где и не пахло человеческим жильем. Повсюду расстилалась устрашающая пустыня, и

нить моих надежд на жизнь стала рваться. Расстроенный и встревоженный, я с утра до вечера бегал по сторонам, но так и не нашел дороги. Каждый миг мне слышались какие-то страшные звуки, от которых сердце мое замирало, ежеминутно перед глазами моими являлись какие-то страшилища, так что душа моя холодела. После захода солнца, когда проявилась чернота ночи и пустыня уподобилась бушующему морю, волны которого, казалось, похищали с неба созвездие Рыбы, когда ветви деревьев под порывами ветра касались земли, а по земле, словно волшебные змеи Фараона, неслись струи пыли, готовые поглотить весь свет, я уже приготовился к гибели, всецело положившись на волю судьбы, и сел под деревом в ожидании смерти. От страха и ужаса я так трепетал, что мои суставы и кости чуть не разлетались в разные стороны. Наконец, ветер донес до моего слуха звуки человеческих шагов. Я стал осматриваться и увидел вдалеке человека, который двигался быстро, словно на крыльях. А я был убежден, что в той безжизненной пустыне не может обитать человек, и потому решил, что это див или гуль, вознамерившийся погубить меня. Я тотчас спрятался в яме и скрылся под кустами, как напуганная птица от сокола, и стал молить бога сохранить мне жизнь. А тот человек прямо направился к яме и закричал: «Кто ты? Что делаешь в этой гибельной пустыне? Может быть, ты див, совращающий добрых людей с пути, чтобы погубить их в этом ужасном месте?» От страха слова у меня застревали в горле, зубы отбивали дробь, я оцепенел, словно безжизненный труп. Мое молчание распалило прищельца, на его челе появились приметы гнева, и он закричал мне страшным голосом: «Живо отвечай, кто ты такой, а не то я разлучу твою голову с телом!» Я, трепеща за свою жизнь, решился ответить. «О благородный муж! — сказал я. — Не гневайся и не сердись, я — человек, по воле обманчивого неба я отстал от своих и обрек себя на скитания по этой гибельной пустыне. Теперь я сам не знаю, как мне быть и как выбраться отсюда на торный путь. Ради бога, сжался надо мной и моей незавидной долей, подай мне руку помощи, как подобает благородным мужам, и укажи мне дорогу, уподобившись Хызру, чтобы я мог присоединиться к своим товарищам, а потом и вернуться домой, к родным и семье».

Во имя бога, человеческим будь
И укажи потерянный мной путь *.

— Когда тот юноша узнал о моем печальном положении,— продолжал чужестранец,— туча его гнева рассеялась, в нем проснулась жалость, и он сказал мне: «Успокой свое сердце и не страшись смерти, ибо ты уже покинул гибельные места и выплыл из смертельной пучины на берег благополучия. Здесь неподалеку расположен прекрасный город, окрестности его улаживают душу, словно райские сады, жители его, подобно обитателям рая, готовы обласкать и утешить каждого пришельца. На каждой улице там расставлены яства, дома чисты, а рядом с дворцами картины Мани кажутся жалкой копией. С давних пор этот город называют Луубат-баз^{*}, а я служу там привратником, и мне завидуют даже обитатели рая. В городе столько прекрасных дворцов, обитатели его так похожи на райских гурий и прелестны, а сады так радуют глаз, что меня называют Ризваном Луубат-база. А теперь торопись и следуй за мной быстрее ветра, и тогда ты спасешься из этой гибельной пучины и придешь в тот райский город, где сможешь отдохнуть на ложе неги».

— Я поверил его ласковым словам и утешительным речам,— рассказывал чужестранец,— помолился богу за него и поспешил за ним, словно тень, и вот мы прибыли к воротам города. Когда я осмотрелся по сторонам, то моему изумлению не было предела, мне показалось, что это вышний рай.

Чужестранец довел свой рассказ до этого места, как вдруг с крыши свалились два кота, сцепившиеся в яростной схватке. Пирующие, которые сидели, не ведая о хитрых проделках неба, и внимали рассказу юного чужестранца, целиком превратившись в слух, повскакали с мест, уstraшенные визгом котов, и бросились наутек, словно испуганные петухи. А чужестранец под общий переполох скрылся. Азиз, когда опомнился, огорчился безмерно, что чужестранец исчез, не докончив своей истории, и им овладело мучительное беспокойство. Чужеземца искали повсюду, но его и след простыл, он исчез, словно волшебная птица Анка. А желание Азиза узнать конец повествования превзошло всякую меру, покой покинул его, и, оказавшись во власти смятения и тревоги, он решил отправиться в Каннаудж. Как ни отговаривали его лучшие люди города и родня, Азиз простился со всеми, взял с собой нескольких преданных слуг, немного товаров и пустился в путь.

Он быстро миновал все переходы и в скором времени оказался в пределах Каннауджа. Там он стал расспрашивать людей о городе Луубат-базе, но никто о нем и не слышивал.

А в Азизе с каждым днем разгоралось пламя нетерпения, и огонь безумия охватил его с головы до пят, оставив от его души лишь пепел. Все свои деньги он истратил на поиски, слуги покинули его и разбежались кто куда — ведь их хозяин из богатого купца превратился в нищего, вместо души

общества стал одиноким отшельником. Он так обеднел, что уже не мог вернуться домой. Волей-неволей бедняга смирился с нищетой и продолжал поиски один. И днем и ночью он, как сумасшедший, то бежал в город, то спешил в пустыню, пересекая горы и доли, словно Меджнун. Он истер ноги в скитаниях, но не добился ничего, он рсточал жизнь ради пустой мечты, но так ни к чему и не пришел. Порой он вспоминал свой дом, и пламя раскаяния охватывало его, и от отчаяния кровь лилась из его глаз вместо слез. От невзгод на чужбине он исхудал, как буква алиф, ветер желаний забросил его, словно соломинку, в пустыню немоши.

Однажды он шагал по степи, тяжело вздыхая и испуская стоны, — ведь ему так и не удавалось достичь цели. И тут встретился ему великодушного вида муж, на челе которого блистали приметы доброты и знаки благородства. Незнакомец спросил Азиза, почему тот так удручен и расстроен. Азиз рассказал о своих злоключениях и в самых изысканных и красноречивых выражениях попросил того мужа, подобного Хызру, помочь ему в поисках. Незнакомец отвечал:

— О лишенный разума! О невежда! Что за чушь засела тебе в голову? Ты выслушал от незнакомого человека какую-то сказку и, не потрудившись проверить его слова и не попробовав доказать их глупость, обрек себя на скитания по пустыням. Умный человек не станет пытаться взвесить ветер в кулаке! Узел, который ты тщишься развязать, никогда не удастся распутать. Уж лучше поспешай той дорогой, которая приведет тебя к облегчению.

— О благородный муж! — ответил ему Азиз. — Я расстался с домом и родными и ступил на путь, на который не следовало ступать. Но теперь самолюбие не позволит мне вернуться назад, не добившись цели. Ради бога, помоги мне в этом деле, насколько это в твоих возможностях, протяни мне руку помощи.

— О Азиз! — сказал ему в ответ незнакомый юноша.— Если даже всю жизнь положить на поиски,— не зная цели, не извлечешь из моря безвестности жемчужину-истину. Как ты можешь найти город Луубат-баз хотя бы и с моей помощью, если на самом деле такого города нет на земле? Если ты ударил себя топором по ноге, то ведь не следует дожидаться, чтобы от раны пошел антонов огонь! Покуда ты не погиб на этом ужасном пути, торопись выбраться в спасительные места.

— О наставник! — возразил Азиз.— Ведь ты знаешь, должно быть, что блестящие жемчужины наставлений не имеют цены для тех, кто пожертвовал собой ради какой-нибудь страсти. Я не смогу сойти с избранного пути, не добившись цели, если даже мне весь остаток жизни придется спать на острых камнях и шипах.

Не откажусь я от цели своей, чего бы судьба ни хотела,
Тело возлюбленной я подарю — иль душу исторгну из тела *.

— Ради бога,— продолжал Азиз,— поразмысли над этим делом и не оставляй меня по доброте своей в этой пустыне отчаяния во прахе тоски.

Тот знаток человеческих душ, видя, что дух Азиза изнемог от зноя поисков, проникся к нему состраданием и сочувствием и промолвил:

— О ты, отчаявшийся человек! Наберись терпения и уповай на милость Аллаха, ибо время может принести тебе освобождение. Возможно, в назначенное время красавица твоего желания покажет лицо из-за завесы. Следуй за мной, и я выведу тебя на путь к цели.

Азиз счел эти слова отрадной вестью и зашагал за незнакомцем без долгих разговоров. Пройдя немного, незнакомец остановился под деревом, указал Азизу направление и сказал:

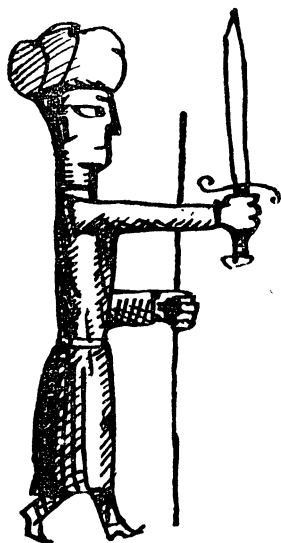
— Если ты искренен в своих стремлениях, то не бойся того, что с тобой нет припасов и коня. Покуда есть силы, спеши в направлении, которое я тебе указываю. Смотри, не сбивайся с пути, а иди прямо в ту сторону.

С этими словами он вручил Азизу меч из слоновой кости в ножнах из гранита, а потом прибавил:

— Когда ты почувствуешь в теле немощь и усталость от тягот пути, когда ты не сможешь идти дальше и тебе захочется отдохнуть, обнажи этот меч и держи его перед собой.

Когда же ты вновь двинешься в путь, то вложи опять меч в ножны.

Произнеся эти слова, незнакомец пропал из виду, а Азиз двинулся по указанному им пути. Он торопился изо всех сил, не жалея себя, не обращая внимания на дорожные камни и ранившие ноги шипы, на горы и доли. Наконец, когда гонец-солнце, промчавшись через весь мир, скрылось на западе, Азиз остановился и решил провести ночь в пустыне.

Помня наказ юноши, он вынул из ножен меч слоновой кости и положил его перед собой. Как только он сделал это, перед его взором возник огромный город, обойти вокруг которого не смог бы даже ангел мысли. Азиз вошел в него и остановился там, где полагалось путникам, выбрал себе место для ночевки, поел, попил и лег спать.

Утром, когда пропели петухи, Азиз вложил меч в ножны и продолжал свой путь, как и накануне. Он шел так долго, что, наконец, прибыл к озеру, где скопилась дождевая вода. Ему захотелось погасить пламя жажды, но когда он нагнулся, то по воле судьбы меч выскользнул из ножен, упал в озеро и погрузился на самое дно.

Азиз не смог достать меч из воды, и им овладела тоска. В горе и печали он уселся на берегу озера и впал в отчаяние. Он сошел с указанного пути и вновь стал скитаться по пустыням, не зная покоя и безопасности.

После долгих поисков и скитаний Азиз, наконец, набрел на какую-то ниву; на меже сидел крестьянин. Он попил вино, а жена его сеяла. Азизу захотелось поговорить с крестьянином, он приблизился с приветливым лицом, но сел чуть поодаль, — он ведь не был с ним знаком и только надеялся, что тот заговорит с ним. И действительно, человек посмотрел на Азиза сочувственно и стал расспрашивать его, и бедняга рассказал ему обо всем, что с ним приключилось.

— О прекрасный юноша! — сказал ему крестьянин. — Что за пустая мечта и бредовые мысли? Не стремись напрасну к своей гибели! Оставь эту вздорную мечту, ибо не

в твоих силах достичь этой цели. Если звезды покровительствуют тебе, оставайся некоторое время у меня, и, быть может, ты спасешься от ударов судьбы.

Азиз послушался его совета, укрылся под сенью его гостеприимства и на некоторое время оставил бесполезные скитания.

А в том краю вскоре после рассвета и появления первых солнечных лучей небо застилала дымная завеса. Постепенно она спускалась к дереву на краю нивы и окутывала его ветви, так что дерево начинало излучать свет, словно купина на горе Тур. Оттуда высовывалась рука, белая, словно длань Мусы. Крестьянин подходил к дереву и, словно кравчий, вкладывал в ту руку чашу чистого вина. Рука тотчас исчезала и возвращала ему пустую чашу. Так он передавал туда сорок чаш вина. Потом рука скрывалась совсем, дым рассеивался, поднимался к небу и исчезал бесследно.

Но вот по воле судьбы крестьянину случилось отправиться в дальнюю поездку, и он вынужден был порекомендовать Азизу свои обязанности. Прощаясь, он наказал Азизу каждый день подавать чаши пурпурного вина таинственной руке, которая высовывается из дымовой завесы. Азиз усердно исполнял наказания крестьянина. Он исправно наливал в чаши вино и подавал той руке.

Но через некоторое время Азизом овладело любопытство, ему захотелось пробить брешь в стене этой сокровенной тайны и разузнать, что там происходит. Эта мысль укоренилась в его голове, и вот однажды, когда он подносил вино, он набрался дерзости, забыл вежливость и нагло схватил руку, которая высунулась из-за ветвей, чтобы взять протянутую им чашу вина. В тот же миг раздался оглушительный грохот, от которого разорвалось бы сердце льва, из-за дыма показалась огромная птица с мощными когтями и длинным клювом, схватила Азиза, как воробья, и взвилась с ним под небеса. Оттуда птица стала вновь опускаться на землю и медленно села на вершине какого-то купола. Здесь она выпустила Азиза из клюва, и он, словно орех, покатился по поверхности купола, пока не упал в глубокую яму, темную, как черная ночь. Там он и остался горе мыкать. Как ни пытался он найти путь к спасению, это ему не удавалось, и он поневоле смирился с мыслью об уходе в мир иной и сидел у врат небытия в ожидании смерти.

И вот однажды Азиз увидел отверстие величиной с небольшую монету, через которое проникал луч солнца. Азиз

стал копать ногтями землю, расширил немного дырочку и заглянул в нее. Он увидел освещенное пространство и решил еще расширить отверстие. С неимоверными усилиями он увеличил его до таких размеров, что человек мог пройти через него. С трудом пролез туда, не соблюдая предосторожностей и забыв о страхе. А за ямой оказался мощный капкан, и он угодил прямо в него, а его голова попала прямо в петлю капкана. Чем больше он бился, стараясь спастись, тем больше запутывался в веревках, так что скоро оказался связанным по рукам и ногам. Охотник догадался о том, что в силке кто-то есть, быстро вытащил Азиза, но связал его кожаными ремнями, которыми стреноживают лошадей, и поволок по дороге. Пройдя около двух фарсахов, они очутились у дворца, который своей красотой мог посрамить дворцы рая. Из окошечка во дворце выглянула прекрасная девушка, красоту и прелесть которой не в силах описать человеческая речь и изобразить которую невозможно ни в каких повествованиях. Она посмотрела на Азиза и сказала:

— Сегодняшняя добыча что-то очень тощая. Надо посмотреть за ним, чтобы он мог прийти в надлежащее состояние.

Тогда охотник мигом снял с Азиза путы и пустил его на волю. А он, бедняга, измученный и усталый, не мог двинуться с места и пролежал больше часу в тени дворца на голой земле. Человеческой природе свойственна слабость, и вот он закрыл глаза и оказался во власти сна, который подстерегает человека в засаде. Когда он проснулся и поднял голову, то увидел себя в бескрайней пустыне. В страхе за жизнь он задрожал, как осиновый лист, и начал рыскать из стороны в сторону по той ужасной пустыне. От томившей его жажды каждый солончак представлялся ему водоемом живой влаги, и он спешил к нему, но тщетно. Наконец, обессилев от волнения и жажды, он остановился на склоне холма по изречению: «Когда нам неведомо, то где ни присесть — везде родина».

Он решил сделать остановку в этих краях, где не было надежд на жизнь, и дожидаться, что еще выкинет судьба. Если бы стены его бытия рухнули, он счел бы это избавлением от мук.

И вот, когда он сидел в таком состоянии, вдали за холмом показался старец на коне. Он подъехал к Азизу, стал расспрашивать о причине его горя и отчаяния. Выслушав рассказ бедняги, он начал утешать его, словно Хызр или

Мессия, и вывел того страждущего в долине скорби к роднику надежды. Он указывал ему дорогу некоторое время, словно выводя его из пустыни отчаяния на верный путь к цели. Азиз молился за того благословенного старца и шел по пути, указанному им, легко как ветер, хотя был разбит и утомлен. Ноги от усталости не повиновались ему, но он все же взял скорость напрокат у ветра и шагал в надежде вкушать, наконец, покой.

И вот в тот час, когда роза утра распускалась под утренним ветерком, он подошел к городу, при виде которого глаза раскрывались от восторга, словно нарциссы. Окрестности его радовали душу, словно райские сады, воздух был упоителен, как в раю, повсюду протекали благоухающие ручьи. Птицы на ветвях деревьев напевали мелодии Барбада, по берегам ручьев росли яблони, гранаты, в отличие от стройных чинар и кипарисов склонявшиеся под тяжестью плодов. Зеленокрылые попугаи жадно клевали плоды, словно младенцы мякоть манго. В благодатном климате жизненные соки в виноградной лозе кипели, словно вино в хуме. Деревья сплелись ветвями, словно влюбленные в тесных объятиях. На нивах были обильные хлеба, а на пальмах красовались гроздьи фиников.

Азиз, увидев столь пленительный край, лишился разума и долго безмолвствовал, словно изображение на картине. Потом он собрался с последними силами и двинулся прямо в город. Подойдя к городским воротам, он увидел, что створки их усыпаны драгоценными камнями, а земля и мостовые в городе сплошь из мускуса и йеменского агата. Казалось, там пригоршнями рассыпаны звезды и жемчужины, охапки — розы. Пройдя через ворота, он увидел базарные ряды под сводчатой аркой, напоминавшей изогнутые брови луноликих красавиц и украшенной картинами и пленительными изображениями, которые приводили зрителя в восторг и изумление. На земле не видать было мусора, как в сердце праведника — скверны. Воздух обновлял сердце, словно молитва, улицы веселили, словно вино, а дома привлекали, словно лужайки. Люди, казалось, были озарены божественным светом, жители города, словно обитатели рая, веселились и ликовали на улицах, украсив город по-праздничному.

Азиза при виде прекрасного города охватило восхищение, он стоял в безмолвии и думал: «Без сомнения, райские кущи или сады Ирема именно таковы. Земля здесь не за-

грязнена скверной мирской, дома нерукотворны, а жители подобны райским отрокам и гуриям и будто ничем не связаны с этим телесным миром из четырех элементов * и не ведают о том, что такое земные люди».

Азиз строил разные догадки, но так и не смог решить, что это за город и кто такие его жители. Во время этих размышлений к нему приблизились два юноши, сиявшие наружной и душевной красотой. Они двигались с такой скоростью, что от быстрой ходьбы на лбу у них проступила испарина, и капельки ее блестели, словно звезды на небе или же росинки на лепестках розы. Станы их были как кипарисы, а щеки словно розы, пред их сияющими лицами позлащенный диск солнца и посребренный круг луны не имели цены. Они подхватили Азиза под руки и повели за собой с той же быстротой. Азизу от этого стало страшно, и он закричал от ужаса, слезно умоляя отпустить его, но юноши не обратили на его мольбы никакого внимания.

Быстрокрылые путеводители привели его ко дворцу, своды которого вздымались до самых небес. В том величавом дворце собрались сановники и вельможи державы. Азиз при виде окружающего великолепия, свиты и стражников затрепетал от страха, пышность трона и великолепие приближенных, соперничавших со звездами, пугали его. Он никак не мог прийти в себя и не понимал, жив он или мертв. Тут везир, напоминавший своим обликом Асафа, приказал слугам немедленно отвести Азиза в баню, омыть его тело от дорожной пыли, облачить его в богатые одеяния и умастить благовониями. Потом ему возложили на голову падишахский венец и усадили на инкрустированный падишахский трон. Вельможи и сановники стали выказывать ему почтение, припадая к земле и лобызая подножие трона, а потом все стали громко поздравлять его, и радостные крики поднялись до бирюзового свода небес.

Пораженный Азиз, глядя на происходящее вокруг него, безмолвствовал, словно изображение на картине, погрузившись в море изумления и пучину размышлений. Он думал: «Кто я и что это за волшебное представление? Если это все приключилось со мной во сне, так почему же бодрствуют мои глаза? Если же я наяву вижу это счастье, то почему именно я должен быть падишахом?»

Мудрый и проницательный везир благодаря своему природному уму догадался о том, что творится в его душе, прочитал на его челе приметы удивления, почтительно поцело-

вал подножие трона, как подобает прозорливым мудрецам, а потом заговорил.

— Наш город,— сказал он,— страна, полная неги и покоя. Каждый квартал в нем — уголок рая, в котором текут тысячи Каусаров. Жители города стройны, как кипарисы и сосны, а прибывающие к нам паломники, словно соловьи и горлинки, возносят свои песни до самых небес. Называется город Луубат-баз. Звезды на небе, чтобы взглянуть на наш город, всецело превратились в зрение, небо-шутник, чтобы ступить в прекрасные окрестности нашего города, изогнулось колесом. Властелин сей пленительной страны в силу извечного закона нашего преходящего мира расстался с этой юдолью тлена и праха и переселился в мир вечный. У него не осталось сына или наследника, и он, прощаясь с этим бранным миром, наказал нам возвести на шаханшахский престол и вручить бразды правления тому, кто утром засияет перед городом, словно солнце, пусть он даже будет последним нищим. А у падишаха осталась дочь — луна в созвездии владычества, жемчужина из ларца верховной власти. Даже лучезарное солнце не смеет взглянуть на блистающее светило ее лика без покрывала. Благородный кипарис не смеет показаться ей, стыдясь своего ничтожества. Полная луна от страстного желания поцеловать прах у ее ног так истомилась, что превратилась в тонкий серп. Стоязыкая ли-

лия, мечтавшая о восхвалении ее локонов-гиацинтов, была так поражена, что онемела. Целомудрие навсегда поселилось в ее сердце, а скромность — в темнице ее зрачков, словно источник живой воды в вечном мраке. Покойный падишах приказал также озарить ликом этой луны с неба красоты гарем того, кто благодаря своей счастливой звезде воссядет на трон. Но зато преемник падишаха ни в коем случае не должен покушаться на гарем покойного. Теперь, когда твоя счастливая звезда вознеслась в зенит и вывела тебя из мрака неизвестности к царской власти, то следует ли тебе дрожать, как осиновый лист, и безмолвствовать, словно нарисованному? Оставь заботы и тревоги и взгляни на счастье, которое тебе даровано богом, возьми свою долю от благ этого мира.

В этом мире должен каждый исполнять твои мечты,
Делай все, что пожелаешь, ибо всем владеешь ты *.

Услышав такие речи, Азиз так безгранично обрадовался, что и рассказать невозможно. Воистину, кто искренне стремится достичь своей цели, тот добивается своего, кто проявляет упорство в достижении желанного, стремления того венчает успех. Азиз же после долгих страданий и безграничных мучений воссел на трон в городе Луубат-базе и поднял знамя счастья на ристалище царствования.

После окончания торжества мудрый везир повел Азиза в царские покои и там без досужих свидетелей стал наставлять нового повелителя, как править страной и как вести государственные дела, как царствовать и завоевывать страны, как наказывать и прощать, как творить правый суд и вершить справедливость. Везир так хорошо наставил Азиза в государственных делах, что он превзошел всех в искусстве править державой и поднял высоко знамя мудрости падишахов.

На другой день, когда владыка звезд воссел на зеленый небесный престол и озарил весь мир, Азиз вззошел на падишахский трон и по совету мудрого везира приказал сочетать его законным браком с дочерью покойного падишаха и устроить в падишахских покоях свадебный пир. Слуги и служанки быстро приготовили все необходимое для свадебного пира, принесли ковры и яства, так что благоухание надежды распространилось в цветнике радости и ароматный ветерок стал улаживать чувства жаждущих. Розовое вино закипело в хрустальных и серебряных чашах, чарующие мелодии по-

хищали рассудок пирующих и услаждали их. Луноликие виночерпии смывали с сердец прах горестей чистым вином, солнцеликие музыканты ветерком мелодий сдували сор скорби с помыслов присутствующих. Под ликующие крики пирующих Зухра на небе пустилась в пляс, веселые шутки заставили судьбу хохотать.

Служители убрали падишахский гарем, надушили его тибетским и татарским мускусом, и там также разгорелся царский пир. Луноликие красавицы, словно цветы в саду, расселись группами и устроили в гареме пир, словно на весенней лужайке. Служанки с сандаловыми руками курили сладостные благовония, искусные певицы и пленительные арфистки своими мелодиями разрывали в клочья завесу скорби, прекрасные музыкантши открывали новые законы обольщения, играя на кануне. Так много там было тюльпаноликих, жасминогрудых, розотелых, стройных, как кипарис, красавиц, что пир вызывал зависть у весны, а от щебетанья этих сладкоустых гурий приходило в волнение море красоты.

На свадебном пиршестве, похожем на сады Ирема, веселие все более усиливалось. Наконец, расторопная машшате стала украшать на семь ладов невесту. Словно заклинатель змей, она колдовала над змеями кос, расплела их и завила в благоухающие локоны, опустила на щеки, так что кольца кудрей опутали блистающую луну и сверкающее солнце. Когда машшате подвела ароматной басмой прелестные брови, из их черного лука вылетела столь смертоносная стрела, что отовсюду раздались возгласы восторга. Затем машшате насурьмила опущенные глаза невесты, и нарциссы в саду полегли от зависти к ним. Машшате почистила жемчужный ряд ее зубов, и жемчужины от ревности помутнели. Когда же она положила румяна на луноподобное лицо невесты, та превзошла цветом лица розу в саду, и само солнце от зависти покрылось испариной. На невесту надели свадебный наряд и украшения, и гурии и пери потеряли весь свой блеск и красоту. Гребень, хоть и произнес своими зубьями-языками много похвал ее косам, смог описать ее красоту лишь на волосок. Сколько зеркало ни смотрело на нее жадным взором, оно смогло дать лишь бледное отражение ее красоты. Когда она садилась, то казалась букетом роз, когда она шла, то казалась ожившим кипарисом. Солнце на небе сходило по ней с ума и готово было вместо драгоценных камней осыпать ее звездами с неба, а лужайка от тоски по

ней покрылась ранами из цветов и рада была бросить ей под ноги базилики. Свеча от любви к ее ланитам сгорала, словно мотылек, мелодия от страсти к ней начинала прерываться, вино от томления по ней закипало в чашах, а арфа в руках музыканта звенела от восхищения ее голосом.

Когда сияющая невеста неба удалилась в брачную комнату на западе, а на изумрудном небесном престоле взошла светлая луна, в гареме поставили инкрустированный престол с зелеными ножками и усадили на него солнцеподобную красавицу. На нее посыпались охапками розы, пригоршнями — жемчуга и драгоценные камни. Там было столько цветов, что сама весна позавидовала бы, столько жемчугов и драгоценностей, сколько не бывает дождевых капель в месяце нейсан.

Когда настала пора шаху войти к невесте, посторонних попросили удалиться. От брачной комнаты до тронного зала выстроились в ряд розоликие невольницы в пленительных нарядах. Их благоуханные локоны вились кольцами, словно арканы, их станы были тонки, как мысль, они были величавы, как павы, кокетливы и прихотливы, словно розы на лужайке и словно светильники на пиру.

Шах пришел, словно месяц в свите звезд, словно весна на лужайку, величаво и плавно. Увидев столько красавиц, он расцвел словно роза, поспешил в шахские покои, готовый отдать весь мир, чтобы взглянуть на лицо той сияющей звезды в созвездии красоты.

Когда два драгоценных жемчуга уселись рядом, то казалось, что это два кипариса выросли на одной лужайке, что солнце и луна взошли одновременно. Невольницы окружили плотным кольцом престол, словно звезды луну, и в каждом уголке забила ключом радость, все исходило веселие, словно тучи — дождь.

Шах с первого взгляда отдал сердце той чаровнице, тотчас уединился с ней и привлек к себе в объятия этот цветок. То он целовал ее щеки, вызывавшие зависть солнца, то забывал разум под взглядом ее хмельных глаз. То он пил из рубиновых уст напитков жизни, то сжимал в объятиях жасминное тело. И вот ветер желания пришел в волнение, и пламя нетерпения стало разгораться при виде ее гранатовых щек, он захотел снять чары с клада желания и сорвать розу в цветнике вожделения.

Садовница испугалась того, что сорвут розу, которой никогда не касался ветерок, она стала сопротивляться, чтобы

иголка не проколола ее шелк, чтобы лепестки жасмина не пострадали от острого клюва соловья. Шах же от сильного желания и страсти не мог терпеть, потерял власть над собой и решил прибегнуть к помощи вина, чтобы открыть врата наслаждения. Он велел кравчию принести вина, надеясь, что пери успокоится и что волшебная птица попадет в его тенета. А та пери, протянула руку к чаше вина и, словно стройный кипарис, отинула от себя стыдливость и прельстилась наслаждением. Она распустила по плечам завитые ароматные локоны и своей прекрасной рукой стала опрокидывать позолоченные чаши. От вина, смешанного с розовой водой, желание шаха вознеслось до самых Плеяд. Шах опьянел, перестал владеть собой, не задуываясь, выхватил из рук розы кубок с вином и опрокинул его одним духом, кокетливая чаровница с помощью этого напитка похитила у него разум, и шах перестал соображать. Тут он приказал солнцеликим красоткам и кумирам войти, начать пляски и песни. Одна танцовщица кружилась, словно мотылек вокруг свечи, вокруг невесты, и от ее искусства солнце на небе остановилось в изумлении, как неподвижная звезда. Другая плясунья стала подпрыгивать, как птица, и трепетать, третья соловьиным пением заставила выпорхнуть из головы шаха птицу разума, четвертая волшебной мелодией похитила его сердце и веру.

Шах так увлекся этими обольстительными невольницами, что забыл о своей цели, прилег отдохнуть на подушку, а бутон его желания так и не распустился на лужайке вожделения.

Когда невеста утра вышла из брачной комнаты ночи и стала опохмеляться из золотой чаши солнца, Азиз с заснувшим счастьем проснулся от утреннего ветерка, но не увидел и луча от своего солнца: ночного пира как не бывало, а сам он лежал в той же гибельной пустыне, покинутый всеми,

одиноким и беспомощным. От несправедливости и непостоянства обманчивого небосвода он стал проливать кровавые слезы, так что зрачки его глаз побагровели. В память о вчерашней красавице и пире он посыпал голову прахом, словно справляя траур, и волей-неволей снова пустился в путь, тщетно мечтая, что утекшая вода снова вернется в ручей. В поисках желанного он шел, глаза по сторонам, и не прошел и фарсаха, как оказался в окрестностях Удджайна. При виде родного города он погрузился в бездну изумления, смешанного со скорбью, стал проливать целыми потоками непросверленные жемчужины-слезы.

Придя к себе домой, Азиз роздал нуждающимся все свое имущество, отпустил на волю рабов и невольниц, покинул родных, облачился, словно горлинка, в одеяние дервишей *, набросил на плечи, словно Меджнун, шкуру, вошел в ряды безумцев и поселился в безлюдной пустыне, куда не ступала нога человека. До конца дней своих он пил напиток смертельной любви, натирая сердце алмазными опилками и вытянувшись на подстилке скорби. С плачущими глазами и испепеленным сердцем он подружился с дикими зверями и проводил время в их обществе. До самого последнего вздоха он не забывал горечи разлуки с любимой и отдал душу с ее именем на устах.

— Друг мой,— закончил свою речь попугай,— этот бренный и коварный мир в конечном итоге приносит людям только раскаяние и горе, и сам он — юдоль обмана и лжи. Полуразвалившийся погребок мира не что иное, как засада козней, и те, кто выпьет напиток его хитрости и злобы, отведают вместо вина лишь черную грязь. Блажен тот, кто не поддается его соблазнам, кто не обольщается им и не роняет в беспечном сне из рук жемчужины-цели.

Совет мой запомни, воспользуйся мудростью той,
Которой со мной поделился отшельник-старик:
У бренной земли постоянства не стоит искать —
Толпе женихов улыбался изменчивый лик.
Коварна земля, не пленяйся ее красотой,—
Обижен ей каждый, пришедший сюда хоть на миг.
Измена таится в улыбках прекраснейших роз,—
Рыдай, соловей, ты любовным страданьем велик.
Но я поклонюсь лишь тому, кто под сводом небес
Порвал все оковы и суетность мира постиг *.

**РАССКАЗЫ ТРЕХ ЮНЫХ ПУТНИКОВ,
КОТОРЫЕ СТРАНСТВОВАЛИ ВМЕСТЕ И УТОМИЛИСЬ ОТТОГО,
ЧТО У НИХ НЕ БЫЛО КОНЕЙ**

Соловьи из сада историй и певчие птицы с лужаек преданий рассказывают, что в давние времена трое юношей отправились вместе путешествовать. Они были бедны и потому пустились в путь пешком, не жалея своих сил.

Однажды, когда пересекающий мир гонец-солнце скрылся на западе, они прибыли к окрестностям какого-то города и решили передохнуть под деревом, посидеть некоторое время, так как они утомились в пути. Ноги их были изранены тяжелой дорогой, от желанного покоя они перестали ныть, но тут странников охватила истома, они почувствовали невозможность продолжать путешествие и решили остаться там подольше. Один из юношей, который был находчивее других, придумал, как незаметно провести время.

— Пусть каждый,— предложил он,— расскажет о том, что с ним приключилось странного и удивительного, и тот, чей рассказ будет хуже других, должен тащить до следующей остановки на спине своих приятелей.

Двое других путников согласились, и юноша, предложивший такое условие, начал первым.

РАССКАЗ ПЕРВОГО ТОВАРИЩА

— Однажды,— рассказал он,— я собрал немного товаров и вместе с купцами отправился в плавание в погоне за прибылью. Мы сели на корабль, и он поплыл, словно ветер, по поверхности воды, которая бешено набрасывается на горящее пламя. Мы провели в плавании несколько дней, а потом по воле судьбы подул противный ветер, оборвал якорную цепь и бросил наш корабль в пучину бушующих волн.

Моряки изо всех сил старались спасти корабль, капитан и его помощники приложили все усердие, но ни на каплю не смогли изменить решенное судьбой. От ударов морских волн и порывов ветра корабль стал разваливаться на куски, и люди вместе со своими товарами погрузились в бездну гибели. Ввалив на себя свой груз, обратившись с головы до пят в страх и ужас, они отправились торговать в вечный мир.

Хоть в этой пучине погибло немало судов,
Близ берега нет ни обломков, ни даже следов *.

Я же по воле судьбы уцепился за обломок, остался жив и спасся из той гибельной пучины, напоминавшей светопреставление. Но от страха перед бушующими волнами, над которыми голубой небосвод казался всего лишь пузырьком воды, я каждый миг умирал и вновь оживал. Наконец, поднялся ураган, перед которым самум пустыни казался пустяком, и погнал мой обломок. Семь дней и ночей меня несло в одном направлении, занесло в неведомые дали, известные лишь всемогущему богу, и бросило в другую пучину. Обломок мой перевернулся несколько раз в том смертельном водовороте и пошел ко дну, а потом внезапно оказался на берегу. Я осмотрелся и увидел, что стою на земле. Я очень удивился, но так и не мог понять, откуда на дне вдруг появилась земля. Как бы там ни было, я выпустил из рук обломок и сел в сторонке. Прошло немного времени, и я собрался с мыслями, которые в пучине совсем разбежались от страха, стал оглядываться по сторонам, потом встал и пошел, чтобы посмотреть, что это за страна.

Я прошел немного, и вдруг передо мной предстал огромный красивый город, и я направился прямо к нему. Подойдя поближе, я увидел толпы жителей, которые искали что-то и шныряли туда и сюда. Но это были существа странного телосложения, не походившие на обитателей ни одной из стран. Мне стало страшно при виде их, я не посмел войти в город и встретиться с его жителями, в которых не было ничего человеческого. Я пробрался сторонкой в какой-то пустой дворец и скрылся в уголке, наблюдая за жителями города, которые бегали повсюду, что-то разыскивая.

Так прошло около часу, а потом вдруг со всех сторон появились прекрасные девы с вьющимися локонами и щеками, как розы, от которых нельзя было оторвать взгляда. Их кудри были словно влажные гиацинты над розами, брови —

полумесяцем, глаза, как у газелей, были подведены басмой. Они резвились, словно серны, своими грациозными движениями поворачивая в трепет сердца.

Как только я увидел тех прелестных куколок, разум мой как будто забил в барабан, возвещая об уходе, а на его месте залилась трелью птица изумления. Тут новая стайка красавиц, расправив, словно павы, золотые крылья, появилась в небе. На головах у них были золотые диадемы, лица сияли, словно солнце и луна. Одна из этих волшебных красавиц приблизилась ко мне быстрее молнии и ветра, схватила мою руку и сказала: «О сотворенный из праха! Хотя всевышний творец создал нас из адского пламени, а тебя — из глины и воды [§] и, следовательно, наша природа противоположна и нам нельзя сожительствовать и сочетаться браком, но тем не менее утешить горестное сердце и оказать гостеприимство — одна из обязанностей божьих созданий. Поэтому владычица сотворенных из пламени красавиц отправила меня к тебе, чтобы я занялась тобою. Вставай и торопись, озари своим приходом мою скромную лачугу. Небо благоволит к тебе, поэтому проси у кравчего судьбы чашу желания, сорви в саду вожделения букет базиликов, — тебе никто не помешает».

Когда я выслушал речи той волшебницы, я возблагодарил ее душой и сердцем, быстро вскочил с места и тенью последовал за ней в ее жилище. А жила та красавица в саду, где росли самые разнообразные цветы и пели всякие птицы. Посреди сада, которому завидовал сам Ирем, находился помост из камфарно-белого мрамора, отполированного до зеркального блеска. Кругом были устроены клумбы с белым пленительным жасмином, сладостно благоухавшим. При виде снежно-белых цветов сердце озарялось светом, коралловые цветы на изумрудных ветвях улыбались, словно звезды сверкали на голубом шелке небесных просторов. Полураспустившиеся бутоны усыпали ветви, словно жемчужины. А лужайки будто поели шафрана и потому не переставая смеялись *. Посреди сада протекал ручей, чистый и прозрачный, как Тасним, подобный серебряной кайме, которой обводят поля книги. Вопреки мнению мудрецов, мне захотелось остаться там и насладиться теми райскими местами: ведь общество той красавицы вливало в меня новую жизнь.

Я провел в тех пленительных местах ровно семь лет в радости и веселии. Моя хозяйка не уставала тешить и ублажать меня. Стоило мне захотеть чего-нибудь — и тотчас же

лаемое появлялось, не заставляя себя ждать. Я только и знал пить опьяняющее белое и пурпурное вино, слушать упоительные мелодии на лужайке в тени кипарисов и ив, вдыхать аромат благоуханных локонов той жемчужины, целовать бутон рта владычицы лужайки наслаждения. Ничто не препятствовало мне наслаждаться благами жизни, и ничто не тревожило меня.

По истечении названного мной срока мне захотелось побывать дома и повидать родных. Как я ни пытался

сдержаться, потерпеть, ничего мне не помогло, и я был вынужден расстаться с теми подобными гуриям красавицами и сказал об этом. Так как у меня не было припасов на дорогу и коня, я попросил красавицу помочь мне. Она сначала пыталась отговорить меня, но потом поступила великодушно и подарила мне игреневого коня с природой дива, могучего, как скала, быстрого, как вихрь, от которого отстал бы сам месяц, от зависти к которому вращающееся вокруг вселенной солнце сгорело бы. Я только о нем и мечтал, увидев его, стал возносить богу благодарственные молитвы, произнес молитву и за свою пери, а потом сел на гороподобного коня, способного проскакать весь свет. Он был мне и конем, и спутником, и проводником. Едва я сел в седло, как он взвился в небо, словно бумажный змей, поднялся до такой высоты, что мне показалось, будто он достиг Млечного Пути, желая сорвать колосья в созвездии Девы.

Я был поражен виденным, ужас охватил меня, я принял соломинкой к спине гороподобного коня и не мог от страха вздохнуть, не то что следить за дорогой. Самое удивительное, что поводья-то, вопреки здравому рассудку, находились во власти коня. Наконец, быстрокрылый конь небес поднялся в зенит, а мой летающий конь стал опускаться к земле и сел на вершине горы, от высоты которой само небо содрогалось, а сердце горы Каф готово было расколоться надвое. Потом он поскакал через горы и доли с такой скоростью, что

ветер не смог бы угнаться за ним. Вдруг путь нам преградил дракон величиной с гору, при виде которого у человека мутился рассудок. Мой конь, как только увидел дракона, прижал уши и встряхнулся так, что я свалился на землю и сильно ушибся. Конь же начал валяться в пыли, перевернулся и вдруг превратился в страшного дракона и стремительно бросился на дракона-врага. Два гороподобных чудища сплелись в схватке, стали бить друг друга головами. Их шипение отдавалось в ушах эхом, из пастей их валил черный дым, обволакивая все вокруг, так что казалось, будто весь мир покрыт густой завесой дыма. При виде этого страшного зрелища я трепетал от страха, сердце мое готово было выскочить из груди, я не посмел оставаться в тех местах и пустился наутек со всех ног, обгоняя ветер.

Пройдя приблизительно два фарсаха, я вдали увидел человека, сгорбившегося под тяжестью годов и передвигавшегося только с помощью посоха. Он шагал медленно, я же ускорил шаг, чтобы догнать его. Услышав звук моих шагов, он остановился, пораженный, и посмотрел на меня сердито.

Крикнул он: «Стой, не беги
С ветром наперегонки!
Кто ты, откуда ты тут,
Как тебя, путник, зовут?
Нет здесь людского жилья,
Здесь ты погубишь себя,—
Дивы окрест таковы,
Что разбежались и львы».

Услышав эти страшные слова, я чуть не умер от ужаса, лишился сил и мужества, принял к его ногам, словно горсть праха, и взмолился: «Ради бога, о старец, подобный Хызру, сжался над несчастным и укажи мне путь к спасению. Я — бедный чужестранец и не знаю, какое добро и зло таит в себе эта пустыня». — «Не горюй, — сказал мне старец, — иди за мной, я покажу тебе правильный путь, по которому ты выберешься из этой обители дивов в безопасное место».

Я увидел на лице того старца выражение сочувствия и жалости, перестал бояться и поспешил за ним с трудом, так как ноги мои были разбиты, когда я бежал от драконов. Мы прошли немного и оказались перед пещерой. Вход в нее был завален мельничным жерновом такой величины, что жернов небес не годился бы ему даже в довесок. Старец вошел в пещеру и показался оттуда уже в другом облике, столь ужас-

ном, что даже теперь, при одном воспоминании, волосы у меня становятся дыбом. Он схватил меня двумя пальцами, словно воробышка, легко убрал камень у входа в пещеру, бросил меня туда и снова завалил вход камнем, закрывшим вход наглухо, а сам ушел прочь. В пещере я увидел много народу, таких же пленников, как я, а кругом валялись обглоданные кости. «Что здесь происходит?» — спросил я их. «Эх, несчастный! — отвечали мне. — Зачем спрашивать? Уж лучше не задавать вопросов и не слышать ответа. Старец, которого ты видел, на самом деле — див-людоед. Днем и ночью он скитается по степям и пустыням. Встретит он где-нибудь обреченного на смерть несчастного человека, сразу хватает его и приносит в пещеру. За день он пожирает живьем двух или трех человек, а еще двух зажаривает на огне и тоже съедает. Еще у него есть стадо овец, поэтому иногда он довольствуется бараниной». — «Где же эти овцы?» — спрашиваю я их. «Есть у него пастух, да будет проклят его хозяин, он выводит овец на пастбище. Вечером, с зарей, пригоняет их в пещеру, а утром, на рассвете, снова выгоняет пастись». — «Жаль! — воскликнул я. — Видно, настала пора, когда путь дальнейшей жизни прегражден и нить моей жизни обрывается».

Я сел, дожидаясь наступления смерти. Когда ночь в гибельной степи неба схватила солнце, словно ягненка, словно черный див, напавший на юного охотника за львами, и заточила его в темнице на западе, пастух дива привел стадо овец к пещере, убрал у входа камень, вошел внутрь, потом снова завалил вход камнем, сожрал нескольких пленников и лег спать. Сам же проклятый див в ту ночь не приходил.

В полночь я подошел к спящему пастуху и стал потихоньку присматриваться, вижу, он спит как мертвый, словно кравчий сна опоил его вином бесчувствия. Я не стал терять времени, положился во всем на бога, засучил рукава и сунул в очаг два вертела, на которых он жарил себе кебаб, так что они накалились докрасна. Потом я на цыпочках пробрался к его изголовью и воткнул острия обоих вертелов в его глаза. Сделав это, я отпрыгнул с быстротой молнии в дальний уголок и спрятался там. Проклятый ифрит взревел так, что гора раскололась бы от страха, а человек сходил с ума, он вскочил в ярости и стал метаться по пещере, чтобы схватить меня и отомстить за причиненную боль. Но он уже был слеп и не мог найти меня и вскоре свалился в уголке, оплакивая потерянное зрение и посыпая себе голову прахом.

Когда глаза этого мира озарились утренними лучами, тот несчастный див по своему обыкновению убрал камень, сел у входа, закрыв его собой, и стал выводить по одной овце. Чтобы вместе с овцами не пробрался человек, он проводил рукой по спине каждой овцы. Тогда я, не задумываясь, набросил на себя овечью шкуру, валявшуюся тут же, выполз вместе с овцами на четвереньках и вышел из пещеры. Спасшись из этой гибельной пучины, о чем я не смел и мечтать, я воздал всевышнему творцу благодарственные молитвы за то, что он уже вторично избавил меня от гибели.

Я не считал разумным хотя бы на миг задерживаться в столь опасной местности и двинулся в путь, обгоняя ветер. От страха перед дивом я бежал без передышки ровно три дня и три ночи и прошел немалый путь, но все еще не обнаружил людского жилья. Я шел ужасной долиной, где не было даже намека на спасение, от голода и жажды я лишился сил и, наконец, свалился, словно мертвый, на склоне горы. Тут я посмотрел вперед и увидел что-то напоминающее снежно-белую циновку. Я очень взволновался, вскочил на ноги и поплелся в том направлении. Светлое пятно оказалось белой травой, напоминающей камфару, которую какая-то птица расщепила на тонкие полосы, расстелила по земле и снесла туда семь яиц величиной с тыкву каждое. Яйца были самых разных цветов. Умирая от голода, я считал эту находку манной небесной и начал есть по одному яйцу в день. На седьмой день у меня стали расти крылья и перья, словно трава из земли, вскоре я совсем превратился в птицу и почувствовал, что могу взлететь. Я дивился своему разноцветному оперению, которое в лучах солнца играло всеми цветами радуги, а также тому, как пестра и капризна судьба. Я взлетел в воздух, надеясь увидеть с высоты людское жилье, стал подниматься все выше и, наконец, заметил вдали какое-то селение. Я полетел в том направлении и опустился осторожно на дерево, которое росло поодаль от города. Меня увидела издали толпа людей, но они испугались моего странного вида. Одни считали меня чудом, другие — напастью, и поэтому никто не смел приблизиться ко мне. Наконец, после долгих рассуждений и советов они порешили на том, чтобы подстрелить меня из ружья. Один из тех людей собрался осуществить этот замысел, поднял ружье и собирался уже запалить фитиль и свалить меня с дерева в пучину небытия. Тут уж я в ужасе закричал: «Не торопись! Подумай сначала, я ведь человек!»

Услышав мои слова, стрелок изменился в лице, его охватил ужас, он бросил ружье на землю и пустился наутек. Остальные последовали его примеру. Они прибежали к правителю города и рассказали ему о чуде, и вот он во главе большого отряда пеших воинов выступил из города и направился ко мне. Дерево окружили плотным кольцом, и правитель приказал убить меня, хотя я ни в чем не был виновен. Но по счастливой случайности среди собравшихся я увидел одного знакомого юношу. Я решил воззвать к его великодушию, попросил подойти поближе и стал умо-

лять его спасти меня. Сначала этот юноша очень боялся и не хотел приближаться ко мне, но я стал напоминать ему наши встречи и совместные похождения, и он тогда поборол страх и с опаской стал поближе. Я рассказал ему свою историю от начала до конца. Удостоверившись в правдивости моих слов и освободившись от страхов, он пошел к правителю и, передав ему мой рассказ, получил от него прощение для меня, а потом пришел ко мне с приятной вестью. Я, видя, что мне ничто уже не угрожает, сполз с дерева и отправился к правителю. Я воздал ему подобающие почести, стал восхвалять его. Люди, видевшие меня, громко выражали мне сочувствие. И вокруг столпилось столько народу, что я уже не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Правитель же поместил меня в уединенной комнате, обеспечил едой и питьем. Спустя семь лет подул ветерок божественных милостей, мои трудности стали ослабевать, перья мои начали осыпаться, и вскоре на мне не осталось ни одного пера. Я вернулся в прежнее состояние, и все мои страдания обернулись радостью. Иными словами, я вылечился в божественной лечебнице, и болезнь моя сменилась полным выздоровлением. Я попросил правителя отпустить меня и двинулся в путь, желая вернуться в родную страну. Я недолго пробыл в пути и в скором времени оказался у себя дома.

Когда первый юноша довел свой рассказ до этого места, второй товарищ, который не знал никаких недостатков в искусстве изложения и выражения тонких мыслей, пустил коня речений вскачь по ристалищу слога и так рассказал о том, что приключилось с ним.

РАССКАЗ ВТОРОГО ТОВАРИЩА

— Однажды,— начал он,— по воле судьбы, от сетей которой сердцу человека не спастись, я поселился в городе Сринагаре. И вот как-то по свойственной человеку слабости я отправился на базар, беззаботно прогуливаясь по рядам и наблюдая за ремесленниками, которые сидели у своих лавок и занимались делом. Для меня это был цветник жизни, и я смотрел на них, стараясь извлечь для себя пользу, срывал розу на каждой лужайке, вдыхая аромат каждого цветка, слушая пение каждого соловья. Вдруг я обратил внимание на молодого продавца кофе. Его благоухающие жасмином кудри пленяли даже ароматный утренний ветерок, слова, слетающие с его уст, напоминавших цветы персика, заставляли распускаться бутоны сердца. Он сидел, как ясный месяц, в кресле с инкрустированными ножками и, наполняя чашки кофе, одарял ими своих друзей. Его изогнутые брови, словно сложные иероглифы, сводили праведников с правильного пути, а его томные повадки толпами убивали невинных.

От его благоухающих амброй локонов я обезумел, позову трепещущего сердца я сел перед ним, словно шип перед розой. А расторопный и умелый продавец кофе продолжал заниматься своим делом, и его чашки с кофе опьяняли и приводили в восторг. Я стал частенько бывать там, чтобы иметь возможность постоянно видеть его, стал завсегдатаем того заведения и подружился там с одним молодым купцом. Красота продавца кофе была для нас предметом общего удовольствия, и в скором времени мы познакомились близко.

Однажды я вопреки своим правилам уступил просьбе приятелей и поехал на охоту. Я увлекся ловлей в степи, по-

гнался за добычей и усакал далеко от товарищей, а там потерял из виду добычу и скакал по степи, словно вспугнутая газель, но так и не встретил никакого селения. Солнце уже перестало благоволять и начало печь беспощадно, жажда начала одолевать меня, я лишился сил и уподобился раненой дичи.

Каким-то чудом мне удалось выбраться оттуда, и к концу дня я оказался в окрестностях города. Издали я увидел дом, крыльцо которого было чисто подметено и полито водой. Перед ним росло тенистое дерево, к которому была прикована цепями обезьяна. Я решил напиться воды в том доме, но язык у меня от жажды присох к нёбу и я не мог вымолвить слова. Тогда я решил пойти на хитрость и ударил плетью обезьяну. Та страшно завизжала от боли, из дверей выбежала красивая невольница и принялась громко бранить меня. Я не обратил на ее слова ни малейшего внимания и попросил жестами напоить меня. Догадливая служанка тут же сменила гнев на милость, побежала в дом и вынесла чашу с прозрачной водой, которая была приятнее великодушия благородного мужа и холоднее подлости мерзавца. Она вручила мне чашу и этой милостью повернула вспять утекшую воду моего ручья. Невольница, видя, что мой дух, изнуренный и увядший от жажды, вновь воспрянул, заговорила вежливо и приветливо, утешая меня. «Моя госпожа,— говорила она,— хоть и затворница, но слава о ее гостеприимстве вознеслась до самых небес. Молва о ее красоте разорвала покров помыслов Зухры, словно распустившийся бутон, но тем не менее она благосклонна к страждущим, а стол ее всегда доступен бедным. Если ты хоть ненадолго отдохнешь от знойного солнца в тени того стройного кипариса и вкусишь плодов от пальмы ее пленительного стана, то, вне сомнения, ты обретишь все блага земные».

Ее упоительные слова захватили повод моего сердца, утешительные речи пробудили во мне радость, и я почувствовал ветерок желаний. Моя беспокойная природа и стремление к наслаждениям побудили меня привязать к тому дереву коня, и я тотчас вбежал внутрь дома. Благодаря своей счастливой судьбе я столкнулся лицом к лицу с луной, пред сияющими ланитами которой солнце сгорало, словно мотылек, от зависти к стройному стану которой лопалась сосна. Ротик ее был меньше доли бедняка, глаза жестоки, словно небесный воин Бахрам, брови изогнуты, будто индийский

меч, а сама она, как небо, переменчива. Та пленительная луна поймала мое сердце, словно рыбу, в сеть своих локонов, стала являть мне милости, которые трудно вообразить, и усеялась со мною рядом, плечом к плечу. Я считал, что настал самый удобный момент, привлек к себе тот букет цветов и сорвал упоительный поцелуй с ее губ, подобных райскому Салсабилу. Я обвинил ее обручем рук, так что мы стали походить на созвездие Близнецов на ложе. От покорности она не сопротивлялась, я же от нетерпения был стремительнее вращающегося неба и вот уже снял чары с серебряного клада, и рубин устремился в золотой ларец. По моей неосторожности раздались звуки свершения, и побежала ртуть. Но как у времени за каждым утром следует вечер, так в этом мире за каждым зернышком кроется синок. Наше пиршество не успело еще достичь расцвета, а наше наслаждение — разгара, как коварное и злобное небо стало завидовать моему успеху, примешало к моей халве чеснок и расстроило мое празднество. Иными словами, невольница ворвалась к нам, словно нежданное горе, и, задыхаясь, сообщила нам убийственную весть: «Вернулся хозяин дома, да скрутит его небосвод, словно кудри моей госпожи!»

— Что же мне оставалось делать? — продолжал второй товарищ свой рассказ. — Я готов был залезть в мышиную норку, так как смерть захотела поиграть мною и задумала быстро отправить меня на тот свет. У меня не было возможности ни выбраться из той темницы, ни скрыться где-либо в темном уголке. Воистину, блага неба таят в себе сотни жал, а мед судьбы перемешан с ядом. Если небо пошлет человеку улыбку радости, то в следующее мгновение перережет ему горло кинжалом. Чистое вино этого голубого хума всегда перемешано с отстоем, а бальзам этого изменчивого, как хамелеон, мира всегда перемежается с болью. Тот, кто искушен в мудрости, не станет доверять этому коварному обманщику, садовники из сада знания не станут обольщаться цветом и ароматом роз этого фальшивого цветника.

Одним словом, в том доме был водоем, и я, словно утка, вошел в него, боясь от страха дышать, и стоял, вытянувшись, словно фонтан, высунув из воды голову в полном отчаянии. По счастливой случайности на поверхности воды плавала половина тыквы, которую ветер гонял во все стороны, и я нахлобучил ее себе на голову.

Хозяин вошел в дом, увидел на краю водоема всё приготовленное для пира и сел там. Тыква та была душистая

и испускала аромат. Хозяин, чтобы еще увеличить приятный запах, запустил в нее камнем, и она раскололась. Я мигом погрузился в воду и искренне поклялся богу, что впредь никогда не позволю себе так поддаться вожделению, никогда не буду стремиться к таким недозволенным деяниям.

Если я спасусь от рук этого стрелка,
Жизнь в хибарке средь мышей будет мне сладка *.

К счастью, тыква поплыла в дальний угол, а простодушный муж забыл о ней, пошел в другую комнату и лег отдохнуть. Я, ожидая, что моя жизнь лопнет, как водяной пузырь, и что мне осталось дышать всего миг, трепетал под водой, словно ветерок. Уход мужа я счел божественным даром, вылетел из воды вихрем, с большим тру-

дом выбрался оттуда в безопасное место, где по мере человеческих сил воздал богу благодарственные молитвы.

На другой день я по своему обыкновению пошел в лавку юного продавца кофе. Молодой купец тепло приветствовал меня, а потом начал расспрашивать, почему меня не было накануне, отчего я лишил себя радости побывать в этом веселом и радостном собрании. «Впрочем, послушать о том, как веселились друзья, приятно и интересно,— сказал он,— и если ты окажешь мне милость, обрадовав мой слух рассказом о том, как ты вчера провел ночь, я порадуюсь вместе с тобой».

Я по простоте душевной, не подозревая о проделках коварного неба, выпустил из рук нить предосторожности, этот залог безопасности и душевного покоя, и рассказал ему о вчерашнем приключении, не утаив ни одной подробности. Молодой купец, слушая мой рассказ, стал меняться в лице, задумался, а потом сказал: «Ты развязал удивительно трудный узел и разорвал смертельно опасный силоч. У неба в кармане много всяких хитростей и козней, а в миске небес много горьких и соленых напитков. Поэтому не следует обольщаться этим миром. А теперь нам лучше вопреки проделкам судьбы открыть врата наслаждения, устроить пир,

где нам не будут мешать посторонние, и выпить вдвоем. Если бы устроить этот пир в скромной лачуге твоего друга, помня нашу взаимную привязанность, то в этом не будет ничего дурного». — «С удовольствием», — ответил я, — сделаю так, как ты велишь». Я очень дорожил его дружбой и счел своим долгом принять его приглашение и повиноваться ему.

Он двинулся в путь, а я пошел за ним следом. Пройдя немного, мы оказались неподалеку от тех мест, где я был накануне, и я подумал: «Если случайно придется проходить мимо того дома, то я покажу ему приют, где мне пришлось за один раз испытать и сладость, и горечь этого голубого небосвода». А друг мой, действительно, направился прямо к тому дому и вошел внутрь. Тут у меня с глаз спала пелена неведения, я понял, что по собственной глупости пустил вола на гумно своего благополучия, что по не дальновидности сам ударил себя топором по ноге. Смех радости застрял у меня в горле, словно сласти во флаконе, рассудок вылетел из головы, словно ртуть над огнем, и я подумал: «Горе мне и моему уму! Я по собственной воле влез на виселицу, сам угодил в когти смерти». Но стрела судьбы уже слетела с тетивы, и я не видел пользы в том, чтобы хитрить; я уже согрешил и не видел никакого пути к спасению. Я поневоле смирился с судьбой и вошел в дом, пред которым даже пасть крокодила казалась лишь аллегорией. Я сел на краю того проклятого водоема и притворился, что рассматриваю орнаменты на ковре. От мучительных раздумий и отчаянных мыслей сердце мое раскалывалось, а голова шла кругом, я раскаивался в своих необдуманных словах, проклинал свое легкомыслие, беспечность и неосмотрительность и никого не винил в том. Ведь разумные и рассудительные мужи никому не доверяют своих тайн, не приступают ни к какому делу, не взвесив предварительно всех обстоятельств, не расследовав и не подвергнув их внимательному анализу. Поскольку мудрецы желают, чтобы дротик их слов попал в нужную цель, они сначала пускают стрелу мысли в разные стороны и лишь после этого натягивают зарубкой языка тетиву и спускают стрелу с лука речений, которая заслуживает, вне всякого сомнения, одобрение и похвалу.

Молодой купец меж тем решил, поскольку я сам признался ему во всем, проверить мои слова у жены, наказать ее как следует, а потом взяться за меня, потому он заговорил со мной вкрадчиво и ласково о том о сем, потом вдруг перешел на мое приключение и сказал: «Слава Аллаху! Из

какой смертельной опасности ты выбрался с мужеством. Если я не надоел тебе и тебе нетрудно, то прошу тебя, повтори свой рассказ».

Мне ничего не оставалось, как исполнить его желание, и я повторил ему всю историю. Когда я дошел до того, как он бросил в тыкву камнем и я погрузился в воду, я проявил прозорливость, натянул поводья коня моего красноречия, прищепил свое благоразумие и, решив сбить его со следа, сказал: «Тут я проснулся».

Разгадать я сегодня напрасно пытался свой сон,
Растолкуй его ты, ведь ты мудростью выше других.

Молодой купец изумился такому повороту и спросил: «Как это так?» — «О благородный юноша! — отвечал я. — Я хочу сказать, что все это приключилось со мной во сне, а не наяву». А этот молодой купец еще не испытал добро и зло мира и не был знаком с хитростью людей, потому он по своей простоте поверил мне и перестал сомневаться. Гнев, который бурлил в нем, улегся, и он стал угощать меня и развлекать. Когда мы окончили еду, он проводил меня немного, а потом отпустил.

Спасшись от гибели, я пошел прямо к себе домой и вознес благодарственные молитвы. Так один поворот мысли, когда я уже стоял на краю гибели, принес мне дуновение спасительного ветерка.

— Вне всякого сомнения, — закончил второй товарищ рассказ, — здравый рассудок для тех, кто жаждет блага этого мира, есть счастье, а для тех, кто стремится к наслаждению в высшем рае, он проводник.

Когда второй товарищ окончил с таким блеском свой рассказ, усладив им слух своих приятелей, настала очередь третьего спутника. Этот муж, хотя большую часть своей жизни провел, наблюдая за добром и злом нашего мира, день за днем и ночь за ночью, как-то растерялся и не смог ничего рассказать. И тогда ему пришлось тащить на спине до остановки тех двух приятелей одного за другим.

Дочь властелина той страны увидела путников, очень удивилась и велела позвать во дворец всех троих. Расспросив их обо всем, царевна обратилась к тому глупцу, который тащил других на спине:

— Эх, простодушный! Этот изменчивый и неверный игрок-мир каждый миг показывается нам в новом обличье и

каждое мгновение выкидывает новую хитрость. Это вращающееся пестрое колесо судьбы не ведает ничего иного, кроме как разбивать над головами скромных обитателей земли глиняные кувшины с кознями, так что каждому достается черепок на память. Ведь ты провел большую часть жизни в схватках с судьбой, так почему же твое сердце свободно от ее клейма? Почему ты не слышал звона колокола неба? Я происхожу из царского рода, живу за семью стенами падишахского дворца, жизнь моя только начинает расцветать, как весна, но молва обо мне уже распространилась по всему свету и эхом вернулась ко мне.

Тот простодушный человек ответил царевне:

— О сладкоречивая царевна! Да не будет такого времени, чтобы на небе не раздавалась хвала тебе. Я же — скромный крестьянин, всю свою жизнь провел в поле, не зная ни коварства, ни обмана. Землепашец-небо на ниве мира сеяло для меня только бесполезные сорняки, корзина моя и не видывала яств с небесных нив. Я надеюсь, что царевна простит меня и вознесет мою голову до самых звезд рассказом о своих великих приключениях.

Владычица царства сердца благосклонно отнеслась к его просьбе и украсила свиток своего рассказа печатью красноречия.

РАССКАЗ ЦАРЕВНЫ

— В то время, — начала царевна, — когда я была младенцем и не должна была еще соблюдать предписания и установления шарията, свободная, словно кипарис и лилия, когда в саду моего сердца еще не раздавались мелодии любви, я вышла однажды из дворца, затмив красотой луну на небе, увенчанная короной девственности, чтобы поиграть и порезвиться.словно беспечный пьяный, я стала глазеть по сторонам. Вдруг я увидела юношу, лицо которого еще не знало пушка и было чисто, как лик солнца. Его вьющиеся кудри были свежи, как гиацинты. Говорил он, словно сыпал царственные жемчуга в полу небесного письмоводителя.

Когда он улыбался, это было гибелью для красавиц. Его озорные глаза выпустили в мое сердце стрелу, его безжалостные взоры похитили мое терпение. Одним словом, я стала пленницей его кудрей, преклонила колени перед знаменем властной любви и оказалась в рядах несчастных.

Прошло несколько дней, и пламя, которое полыхало у меня в сердце незаметно для посторонних, стало пробиваться наружу, и на моем челе появились приметы влюбленности. Моя няня, которая держала в своих руках ключ от моего сердца и никогда не расставалась со мной, увидев на моем челе знаки перемен, стала приставать ко мне с расспросами. Лестью и уговорами она сумела проникнуть в глубину моих помыслов и извлечь жемчужину моих надежд. Тогда она открыла врата наставлений и принялась поучать меня. «О кипарис на берегу величавого ручья! — говорила она. — Ты ведь еще молодой бутон, тебе не подобает распускаться как розе и недостойно клониться к земле, словно трава. Берегись, не уколи шипом страсти лепестков отцовской чести. Сиди неотлучно во дворце, не бегай как безумная по крышам и улицам». — «О любезная мать! — отвечала я. — Как же я послушаюсь тебя, коли безжалостная любовь устремилась в мое сердце, словно воины врага на крепость, и крепко схватила меня за ворот терпения властной рукой? Ради бога, помоги мне испить воды из родника свидания с возлюбленным». Прозорливая няня, видя мое волнение, пожалела

меня, поневоле взялась помочь мне и принялась за дело с усердием и рвением.

С помощью бесчисленных хитростей и уловок она приручила ту вольную и дикую птицу, передела его в женское платье и ввела под видом девушки во дворец в мои покои. Моя комната, озаренная лучами его красоты, стала как бы обителью солнца и вызывала своим великолепием зависть у лужайки. Я под сенью того светоча с неба красоты плясала от радости, словно пылинки в лучах солнца. Казалось, я только теперь и обрела истинную жизнь.

Не успела я насладиться его красотой, не успело мое сердце упиться его сладостными речами, как коварный и своевольный небосвод, который только и спешит обижать несчастных, разбил чашу нашего свидания о камень и примешал к моей халве чеснок.

Иначе говоря, отец мой падишах, влекомый родительскими чувствами, пришел навестить меня, не ведая, что тем самым он бьет меня кинжалом по ноге и заставляет осыпаться еще не распустившийся бутон моих желаний. Как только дозорные доложили мне о прибытии отца, на гумно моей жизни ударила молния, я вскочила в тревоге, заперла в чулане, тесном, как мое сердце, и темном, словно его локоны, юношу, прекрасного, как Юсуф ханаанский и Азиз египетский, а сама поспешила навстречу отцу. Отец же мой против своих правил решил устроить в моем дворце пир и распорядился сделать приготовления, достойные его царского сана. Он сидел на своем троне до самого захода солнца, проводя время в веселии и удовольствиях. После того как камфарные свечки на пиру затмили своим сиянием звезды на небе, падишах стал наслаждаться музыкой и пением, а потом вернулся в свои покои. Юные танцовщицы и невольницы, которые столпились вокруг падишаха, словно Плеяды, после его ухода рассеялись, словно звезды Большой Медведицы, и разошлись кто куда.

Я же, все это время тлея, словно зажженное алоэ, обрадовалась их уходу и тут же попросила няню снять замок с врат желания и озарить мою надежду лучами того солнечного. А надо сказать, что погода стояла жаркая, в комнатах было, как говорится, пёкло, и тот побег красоты завял в чуланчике от жары и зноя, так что соловей жизни покинул его тело, и я оказалась виновной в гибели возлюбленного. Страсть моя мигом остыла, я стала бить себя по голове в отчаянии. Но поскольку судьба уже выпустила свою стрелу, было бесполезно вопить и кричать. Не говоря уже о горе, смертельно опасно было вынести из дворца труп того древа из райских садов. Няне стало страшно, и она не могла ничего придумать, ибо возраст сам по себе без опыта бесполезен. И мне пришлось пойти на необдуманный поступок, я позвала к себе негра-водоноса и попросила его помощи. Он был чернее самой ночи, дивы шарахались от него в страхе, словно люди от дивов, его губы были толщиной в руку, зубы — словно клыки у вепря, волосы — как шерсть у медведя, своим безобразием он затмил бы самого ифрита. Он

был такой черный, что различить кусок смолы на его щеке было бы все равно что заметить уголь в темную ночь. Голос у него был словно рев по сравнению с пением соловья. Без преувеличения его можно было назвать слоном без хобота и буйволом без рогов, и к нему вполне подходил этот бейт:

Умом он осел, изяществом — слон, клыками — кабан, а мордой — медведь,
Губами — верблюд, привычками — див, душой — носорог,
а обликом — гуль.

Я поведала этому висельнику свою тайну и попросила его бросить в море тот букет цветов, который завял от сама смерти. В награду я предложила ему много денег, а сама стояла перед ним, униженная стыдом. Но этот мерзавец в ответ только зарычал, стал браниться и грозить, что немедленно обо всем доложит падишаху, моему отцу. Я от страха была на грани смерти, румянец покинул мое лицо, так что если бы кто-нибудь увидел меня в эту минуту, то решил бы, что я умерла. Мне ничего не оставалось, как пасть к его ногам и приложить в мольбе свое луноподобное лицо к земле. Я умоляла его, как только могла, прибавила ему еще денег, но ничего не помогло. Но я не отставала от него; и тогда он сделал мне гнусное предложение, которое даже неудобно повторить. «Эй, проклятый! — ответила я. — Уродина ты этакая! Как ты смеешь даже мечтать о подобном и позволять себе такие дерзкие мысли?» В ответ тот негодяй сказал мне: «О госпожа! Если ты хочешь сохранить свою жизнь, то не теряй самообладания. Придется тебе пренебречь царским саном и высоким происхождением и покориться мне во всем. В противном случае ты расстанешься со сладостной жизнью».

Я призадумалась на время, но убедилась, что ничего не остается, кроме как покориться судьбе. И тот безобразный невольник, по сравнению с которым ифрит был красавцем, устремился к моему кладу, словно змей, уселся, словно ворон, на серебряную полку, так что солнце моей красоты затмилось в одно мгновение тенью позора, и мой нераспустившийся бутон был сорван мерзким филином. Не дай бог человеку пережить подобный ужасный миг! Насильник-небосвод ударил топором по темени моей чести. Что за стрелу вонзил тиран-рок в мое сердце! Сами подумайте, каково розе, на которую сел филин, или же жасмину, который

клюет ворон. Мне легче было снести на устах жало кобры, чем зловонные губы того ифрита. Уж лучше было бы ангелу смерти исторгнуть из тела мою душу, чем сносить мне объятия того мерзкого дива! Мне казалось, что судьба в наказание за смерть того луноликого юноши повесила меня сотни раз. Одним словом, я снесла от презренного невольника то, что не следовало, и испытала тысячи мук.

Раб, удовлетворив свою страсть, встал, поднял тот рано увядший букет роз и бросил его в море. Но у меня на всю жизнь осталось в душе пламя позора. Стоило мне только взглянуть на его мерзкое лицо, как мне казалось, что в мои глаза вонзаются сотни алмазных иголок.

Однажды я пожаловалась на свое горе няне и попросила ее убить раба. Мудрая няня стала дожидаться удобного случая и, как только он выдался, столкнула невольника с крыши и отправила его прямой дорогой в ад.

Вскоре после этого отец мой, по обычаю людей нашего мира, сосватал меня за одного царя и стал готовиться к свадьбе. Я же рассудила, что если мой будущий муж обнаружит отсутствие печати на ларце, то заподозрит меня в дурном. Поэтому я нашла девушку, которая телом и лицом походила на меня и казалась моим живым портретом. Я приблизила ее к себе, а в брачную ночь, когда в покое не осталось посторонних и горячий конь супруга, прищипоренный вином, пустился скакать по арене желания, я встала с ложа, отошла в угол, одела ту красивую девушку, мой двойник, в свои наряды и послала ее вместо себя на ложе. Мой пьяный муж не отличил агат от жемчужины, распустил крылья, словно сокол, и бросился на прелестную куропатку. Словно соловей, он уселся на ветви жасмина, стал наслаждаться ароматом и блеском ее лица, потом разорвал клювом ее бутон, и в серебряную раковину упала жемчужная капля росы.

Когда я убедилась, что мои заклинания заставили змею спрятаться в норе, я придумала новую хитрость и подожгла в комнате шерстяные одежды. Пожар разгорелся, и его уже нельзя было погасить, тогда я закричала. Жених и невеста, которые спали, опьяненные вином и негой, сплетаясь в объятиях, как виноградные лозы, вскочили в ужасе с брачного ложа. Спасение от пожара было только через крыши, там я и притаилась незаметно. В суматохе девушка побежала вслед за шахом, я же подскочила к ней сзади быстрее молнии и толкнула ее в пламя, так что она мигом превратилась в кебаб, словно дичь, и душа ее отправилась в мир иной. Шах

был пленен ее красотой и прелестью, он стал жалобно и громко рыдать, потеряв терпение, бить себя по голове. Тут я схватила его руку и сказала: «Открой свои пьяные глаза, возьми себя в руки и наберись терпения! Недостойно шаха так убиваться из-за какой-то невольницы». Шах взглянул мне в лицо, перестал биться, словно мотылек, и вознес богу благодарственные молитвы. Я же благодаря своему проницательному уму стала красоваться на троне желаний и проводить время в неге и радости, а слава о моем целомудрии распространилась по всему свету так же широко, как и молва о моем счастье.

РАССКАЗ О КАМГАРЕ И О ТОМ, КАК ОН ВОССЕЛ

НА ТРОН ЖЕНИТЬБЫ С АФСАРАРА-БАЛУ

БЛАГОДАРЯ ХИТРОСТЯМ КОВАРНОГО НЕБА

Садовники, возделывающие сказания, и сеятели на ниве преданий извлекли из райских садов эту свежую историю и повествуют, что в одном из городов Хиндустана жил падишах, а у него был сын по имени Камгар, отважный, как небесный воин Бахрам. Его стройный стан только вступил в пору расцвета, а на щеках его едва начал пробиваться пушок, похожий на письмена. Его рот, подобный фисташке, вызывал восторг, рубиновые уста источали сахар. Несмотря на свою молодость, он уже обладал достаточными знаниями и здоровым и зрелым умом.

Мал он годами, но вещей душою велик.

Телом он юноша, разумом — мудрый старик.

Благодаря своим знаниям он выводил новые правила в делах управления миром и вносил невиданные доселе новшества в государственные дела. Из-за этого он пришел в противоречие с везиром отца, который был привержен к старому. Везир все время трепетал от страха, остерегаясь его гнева, и не находил себе покоя. Он пытался всегда противо-

стоять шахзаде и ждал только удобного случая, чтобы обвинить шахзаде перед падишахом в подстрекательстве к неповиновению и стремлении взбунтоваться.

И вот однажды везир засучил рукава своего коварства и сказал падишаху:

— Да наставит небесный проводник шахзаде на путь истины! Он совсем сошел с правого пути и вступил на путь неправый. Он водится с негодными людьми, которые приносят огорчение своим родителям и вынуждают их страдать. По их неразумному наущению он хочет поднять знамя мятежа, посеять в стране смуту и тем самым навлечь на себя позор до самого Судного дня. Пламя смуты еще не разгорелось, поэтому здравый рассудок и мудрость повелевают погасить его водой предусмотрительности и тем устранить эту брешь в основании нашей державы. Я по своему доброжелательству и помня об оказанных мне благодеяниях, все сказал. А разумным будет то, что соизволит решить наш властелин.

Выслушав эти речи, падишах пришел в ярость и гнев, не стал разбираться, прав или корыстен везир, и приказал выслать Камгара из страны, не потрудившись разобраться в деле, а ведь это необходимо для тех, кто должен выносить решения.

Камгар не счел возможным противиться воле падишаха, — ведь он был для него и отцом, и тенью Аллаха на земле, — смиренно повиновался и отправился странствовать по свету, как и многие другие, переживая горести и страдания.

Сын везира Хушманд, который вырос и воспитывался вместе с Камгаром, был многим обязан ему и служил ему верно, не захотел покинуть друга в беде и присоединился к нему, помня об оказанных ему благодеяниях и покровительстве.

А этот Хушманд водил дружбу с одним купеческим сыном, пил с ним из одной чаши в погребке дружбы и товарищества и срывал розы в саду приятельских отношений. Тот также решил, что соблюдать верность в дружбе — признак благородства, и двинулся в путь вместе с ними, взяв с собой товары для продажи.

А с сыном купца дружил молодой ювелир. И он во имя дружбы предпочел тяготы скитаний покою и отправился в путь вместе с ними, доказав искренность своей привязанности.

Итак, четверо молодых людей, дружные словно Плеяды, словно четыре жемчужины, нанизанные на одну нить, решили познакомиться с дальними странами.

Они прошли долгий путь, припасы их кончились, и на половине пути они остались без всяких средств к существованию. Это огорчило их и расстроило. Камгар был подавлен тем, что друзьям приходится сносить из-за него тяготы, он был опечален и удручен. Хушманд, увидев на его челе следы недовольства, по своей преданности и привязанности стал утешать его и успокаивать.

— Не огорчайся тем, что у нас ничего нет,— говорил он Камгару.— Пусть твои чистые помыслы не знают оков печали, ибо небесный покровитель не оставляет своих рабов в беде и посылает им их долю. Он не бросит в черную яму отчаяния своих смиренных рабов и не покинет их в бездне гибели. У твоего верного друга есть четыре драгоценных рубина, каждый из которых стоит податей целой страны. Я продам их ювелирам, а на вырученные деньги мы приобретем то, что нам нужно. Но такие драгоценности можно продать только в большом городе, который, как я слышал, расположен поблизости. Нам надо во что бы то ни стало пройти остаток пути до того города и озарить наши взоры лицезре-

нием его окрестностей. Там мы легко осуществим продажу, и тяжелые дни для нас окончатся.

Камгар был чрезвычайно обрадован словами друга и заторопился в путь. Четверо приятелей ради предосторожности условились, что на остановках по ночам они будут сторожить по очереди. И вот однажды они не смогли остановиться в караван-сарае, так как там было много народу, и им пришлось заночевать в степи под открытым небом. Они бодрствовали по очереди, и вот настал черед ювелира. По низости своей природы и подлости характера он забыл об оказанных ему благодеяниях и давней дружбе, вычеркнул из памяти слова благородства и порядочности, сменил верность на измену и выкрал рубины из кармана Хушманда, а вместо них положил четыре простых камешка и тем самым покрыл себя прахом позора.

Когда из кармана утра вышел мироозаряющий рубин солнца, все четверо, как обычно, двинулись в путь и шли, не жалея своих сил. Стремясь как можно скорее наесться досыта, они двигались, словно скороходы, делая вместо двух одну остановку, так что, наконец, они прибыли в большой город. Хушманд, ликуя, открыл свой кошелек, чтобы вручить Камгару свои рубины, но вместо них там оказались четыре черных простых камешка... Увидев это, он побледнел и не мог от удивления слова вымолвить. Камгар по своему благородству и великодушию даже не стал спрашивать, скрыл всё от остальных, чтобы не высказывать своим товарищам недоверия, и знаками пытался удержаться от расспросов Хушманда. Но Хушманд не желал мириться с подлостью, потерял терпение и сказал Камгару:

— Вне всякого сомнения, этот недостойный поступок с кражей рубинов мог совершить только один из нас, четырех товарищей. Было бы святотатством и кощунством подозревать в этой краже ваше величество. Бессмысленно подозревать в этом и меня самого. Следовательно, подозрения падают на одного из двух приятелей, если рассуждать здраво, и они не могут быть чисты от подозрения в этом самом гнусном преступлении. Если мы произведем дознание по всем правилам, то приблизимся к истине, ибо потеря этих драгоценностей, когда мы так нуждаемся в них — они ведь могли обеспечить надолго нашу жизнь, — была бы большой оплошностью.

Камгар же благодаря величию своей души и царственности характера презирал все земные сокровища, и эти рубины

для него были лишь пустяком, и он счел ниже своего достоинства и сана подвергать друзей унижительному допросу из-за пропажи камней, пренебрег этим. Чтобы скрыть преступление одного из спутников, он, напротив, проявил чрезмерное великодушие. Хушманд не преступил черты повиновения, овладел собой и тоже смолчал, но не мог оставить дело без последствий, решил испробовать все и пошел с жалобой к городскому кадию, не спросивши Камгара.

Но блюстители шариата не сочли возможным обвинить людей без доказательств и попросили Хушманда обосновать обвинение. Поскольку без достаточного основания ни один иск не может быть удовлетворен и никогда воровство не будет установлено без свидетелей, Хушманд вернулся назад, так и не достигнув своей цели, и к его огорчению прибавился еще стыд. Ему стало не по себе, он был подавлен несправедливостью судьбы.

А когда он приносил жалобу, там был один житель того города, он догадался о состоянии Хушманда и сказал:

— В нашем городе живет одна проникательная и мудрая женщина, слава о ее уме распространилась по всему городу, прозорливость ее совершенна. Горожане во всех трудных случаях прибегают к ее помощи и тотчас обретают желанное. Если хочешь, чтобы твое дело разрешилось, пойди к ней, передай через служителей жалобу и пусть эта равная мужам женщина решит твое дело, и ты обретишь жемчужину желания и радость успеха.

Хушманд, не откладывая, поспешил к служителям той добронравной женщины и изложил свою просьбу. Тот кипарис с лужайки добродетели, выслушав просьбу Хушманда, велел каждому из четырех спутников одному за другим явиться к ней после захода солнца, когда небесная владычица — луна выйдет украсить собою общество небесных звезд.

Все четверо согласились с ее решением. Первым выпало явиться Камгару. Повсюду в доме были разостланы роскошные ковры, кругом горели камфарные светильники, все благоухало, а в золотом кресле восседала разодетая и разубранная хозяйка. Перед ней почтительно сидело несколько чело-век. Они внимали ее сладостным словам, влюбленные, словно Фархад, в ее красоту, обрета от ее красноречия сладость в сердце. Хозяйка оказала Камгару великий почет, усадив впереди всех, велела угостить его по-царски, стала потчевать его и развлекать, как это принято у благородных и воспитанных людей.

Камгар был потрясен царственным величием, мудростью и поистине мужским благородством той женщины из обители знаний и учености и начал превозносить ее. Прошло некоторое время, и та добродетельная женщина попросила всех посторонних удалиться и обратилась к Камгару. Поговорив о том о сем, проникательно вслушиваясь в его речи, она постепенно и искусно перевела разговор с небесных высот на земные и рассказала ему такую историю.

РАССКАЗ

Рассказывают, что в одном городе дружили два человека. Дружба у них была крепкая, прочная. А в том городе с давних незапамятных времен установился такой обычай: когда солнце перемещалось в созвездие Овна, что означает наступление радости и начало весны, прекрасные девы и знатные госпожи надевали свои лучшие платья и шли на берег моря, где смывали с себя грязь и пыль, словно цветы и трава на лужайке, омываемые дождем. На берегу устраивались празднества, из зависти к которым лужайка покрывалась клеймом печали, словно тюльпан, а стройные деревья в саду от ревности вяли с вершины до корней.

По этому обычаю, однажды женщины города нарядились, словно пестрые павы, навели красоту, так что берег, где они собрались, вызывал зависть самой весны. Звуки чангов и рубабов возносились до самых небес, и море не в пример зеленому морю небес обняло своими волнами тысячи солнцеликих красавиц, подобных Зухре. Обманчивая судьба, влюбленная в тех куколок, которые сводили с ума, не попыталась на песни и вино.

А те два преданных друга пошли на берег моря, чтобы полюбоваться на чарующих дев и погулять по лужайке красоты. Они стали прохаживаться по берегу, но народу было много, и они потеряли друг друга. Действительно, в такое прекрасное время, когда даже ангелы могут заблудиться на небе, ничего нет удизительного, если заблудится человек. Один из друзей в поисках другого забрел далеко и вдруг увидел паланкин. Ветерок приподнял занавеску паланкина, и перед его взором заблистала прекрасная дева, которая ка-

залась розой, выглянувшей из бутона, или жемчужиной, которая показалась из раковины, или месяцем, выглянувшим из-за туч. Как только юноша увидел ее, из лука ее бровей вылетела черная стрела ресниц и ранила его прямо в сердце.

Словно раненая дичь, он повалился на землю. А та луна с неба великолепия поразила его, словно шах-завоеватель, и пронеслась мимо, оставив его под тяжким бременем любви.

Другой приятель, который повсюду искал своего друга, раненного мечом-взглядом, вдруг увидел его, бьющегося, словно рыба, на прибрежном песке, а вокруг него — большую толпу народа. Он немедля приподнял голову несчастного с земли, стряхнул с нее пыль, положил к себе на колени. А тот, что был ранен кинжалом любви, почувствовав прикосновение друга, открыл глаза, но не смог совладать с собой, так как из его головы уже вылетела птица разума. Приятель его, проникшись к нему состраданием и сочувствием, огорчился его печальному состоянию и стал расспрашивать, что случилось, на что тот раненный кинжалом страсти ответил:

— Что спрашивать? Я ранен в самое сердце стрелой кровожадных глаз из лука бровей, так что обливаюсь кровью, словно заря.

Кто в моей горькой любви виноват, не спрашивай,
Сладок ли был расставания яд, не спрашивай!
Мир обошел я в надежде найти любимую;
Как я был встрече с красавицей рад, не спрашивай.
Жаждой палимый, упал я во прах у ног ее,
Хватит ли слез мне, молю тебя, брат, не спрашивай!

— Настало время, — говорил влюбленный, — когда ты должен посочувствовать мне и помочь в моей беде, ведь истинные друзья страдают в беде и горе, стараются найти путь к спасению друга.

Приятель был верен дружбе и, выслушав беднягу, стал думать о том, как бы помочь ему.

— О любезный друг! — сказал он. — Сегодня, в этот тяжкий для тебя час, я твой самый преданный и искренний друг. Обойди хоть весь свет и все горизонты — нигде не найдешь подобного мне льва в роще дружбы и богатыря на ристалище привязанности. Я — Искандар верности и искренности, словно Джам, я читаю в волшебной чаше письма преданности, я начертал в своем сердце изречения дружбы, словно Сулейман на своем перстне имя божье. Не горюй, я во всем готов помочь тебе, я буду рыскать по свету, обгоняя ветер, стараясь для тебя. Не видать мне покоя, пока на тебя не повеет ветерком желанья! Но сначала ты должен описать мне ту красавицу, которая похитила твое сердце и веру. Я запечатаю в своем воображении ее облик и стану искать ее во всех цветниках и садах этого мира, пролетая через них, словно ветерок.

Бедняга описал своему другу красавицу, которую он видел. А надо сказать, что друг его не знал себе равных в искусстве рисовать портреты: под его волшебным пером люди словно оживали. Не сходя с места, он по названным ему приметам создал портрет той красавицы. Казалось, что сама судьба начертала его! Нарисовав, он показал портрет тому раненному кинжалом страсти и мечом любви. Несчастный, едва увидев свою возлюбленную, рассыпал жемчугом свой разум и упал на землю. Друг спросил его:

— Что заставило тебя расстаться с разумом? Отчего ты повалился наземь?

— Когда я увидел изображение возлюбленной, — отвечал тот, — то я от восторга перестал владеть собой. Заслышав знакомый аромат, я перестал понимать все на свете.

У друга теперь не оставалось сомнений, он всецело положился на тот портрет и распрощался с беднягой-влюбленным. Чтобы извлечь жемчужину цели, он нырнул в морские глубины поисков, облачился в рубище каландара и прежде всего начал розыск в родном городе. Он заходил в каждый дом, побывал на каждой улице. Словно ветерок, он порхал по лужайкам, надеясь почувствовать благоухание той розы из цветника красоты, но на него так и не пахнуло желанным ароматом, и тогда он покинул город и стал скитаться по свету, степям и пустыням.

Он посетил много городов и селений, расположенных близ морских берегов, разыскивая ту красавицу. Он прибегал к услугам расторопных и хитрых женщин, понаторевших в таких делах, расспрашивал их обо всех красавицах во двор-

цах и затворницах в гаремах, но его глаза так и не увидели желанного портрета ни в одном дворце, ни в одном саду не распустился бутон его желания. Наконец, потеряв бесцельно время наподобие того, кто взвешивает в горсти ветер, он возвратился в родной город, пережив много мук и страданий.

Вернувшись домой после долгих бедствований по дорогам, он не захотел огорчать друга, который в нетерпении ждал его, сгорал в огне страсти, надеясь получить вести о своей возлюбленной, побоялся разбить о камень отчаяния чашу его надежды и пошел к себе домой. От досады и огорчения он не вошел во внутренние покои, а остался в комнате для гостей. Словно нищий чужеземец, он не тронул мягкой постели, а растянулся на голой земле, завернувшись в одеяло. А надо сказать, что этот юноша недавно женился и провел со своей женой только одну ночь на брачном ложе,— на другой день его друг как раз и воссел на престол безумия, и он ради дружбы и привязанности, даже не вернувшись домой, чтобы обнять на прощание молодую супругу, пустился по белу свету искать помощи другу. И вот, когда после долгого отсутствия он появился и распростерся на полу в комнате для гостей, не спрашивая о домашних делах и о родных, жена его очень удивилась и огорчилась. По обычаю женщин она захотела привлечь к себе мужа и послала к нему свою старую служанку, попросив передать ее поручение слово в слово. Та по повелению своей госпожи сказала хозяину:

— Посланец должен передать то, что ему велели,— не сочти его дерзким. «О ты, невежда в делах супружества! Ты добровольно отказался от неги и покоя... Почему ты, словно дикарь, сторонись жены и избегаешь ее? Очнись хоть на миг от сна неведения, вспомни о людских обычаях, о том, что такое женитьба и как сладостны объятия жены. Ты так черств, что после первой же ночи покинул меня и расстался со мной, обрек меня на одиночество и пламя разлуки, оставил в обществе женщин и подверг меня насмешкам со стороны знатных и простых. Теперь же, вернувшись домой после долгого отсутствия, ты вновь проявил жестокосердие и безжалостность, ничем не утешил меня и даже не захотел повидать. Что ж, коли я не нужна тебе, то и ты мне не нужен. Ты позволяешь себе так обижать меня, но помни, что бог не одобрит такой несправедливости!»

Муж от досады и печали и о себе-то забыл, поэтому он не обратил никакого внимания на слова няни и даже не счел

нужным ответить. Няня от его невнимания растерялась, лоб ее покрылся испариной, она смущенно вернулась к госпоже и рассказала ей, как было дело. Тогда жена не вытерпела, вскочила, не владея собой от гнева, и отправилась к мужу, выступая грациозно и плавно, словно пава. Она стала пенять ему на горечь разлуки, упрекать его в пренебрежении и презрении. Когда муж услышал любимый голос, в его сердце забушевало море страсти, в нем загорелось пламя желания, и он помимо своей воли очнулся от забытья и взглянул на лучезарную красоту. Ту, ради которой он обошел весь свет, изранив себе ноги, он нашел в своем доме, не приложив никакого усилия!.. Он встал и возгласил:

— Слава великому Аллаху!

Любимая дома была, а я за ней рыскал по свету!

Короче говоря, когда он узнал, что его несчастный друг ранен насмерть стрелами его собственной жены, что любовь к ней свела его с ума, он страшно изумился. Ведь если бы, как он сам добивался, желание его друга было исполнено, это покрыло бы позором его, разрушило бы основание его чести, и весь мир стал бы показывать на него пальцем и поносить его. Если же он оставит друга страдать в когтях любви, оберегая свою честь и доброе имя, то этого не одобряют те, кто ревностно следует по пути дружбы и верности, будут порицать те, кто исповедует постоянство и верность в клятве, и он уже не сможет пребывать в кругу верных дружбе.

И вот, поразмыслив, он решил, что поступиться законами дружбы и верности будет преступлением и кощунством по отношению к дружеским чувствам, которые являются лучшим украшением благородных. Он пренебрег своим добрым именем и мужественно ступил на путь верности в дружбе, пренебрегши молвой слабых существ, которым она незнакома, и напрямик сказал жене:

— О грациозная пава сада моей души! В наше тревожное время это семицветное небо вовсе забыло о письменах любви... У меня есть один друг. Если судьба поразит его скорбью, то мои жалостные причитания услышит сама Зухра на небе. Судьба посеяла в моем сердце семена любви к нему, побег любви во мне вырос на лужайке привязанности к нему. Думаю я, что сеятель-судьба расколола одно зерно на две половинки и бросила его на ниву бытия, а мастер-рок разделил на две части одну душу и поселил ее в двух телах. К не-

счастью, любовь крепко схватила моего друга за сердце, сковала его крепкими цепями завитых локонов. Искренняя дружба и верность клятве заставили меня скитаться по дальним странам ради того, чтобы найти цель его желаний. В поисках любимой им я странствовал по свету, а теперь вдруг узнал, что его любимая — это ты, что бальзам для его истерзанного сердца — это твой прекрасный лик. И вот я надеюсь, что ты проявишь милосердие и не дашь опорочить мою преданность в кругу тех, кто дорожит дружбой. Иными словами, я прошу тебя озарить красотой сердце того несчастного друга, осенить своим станом, стройным как кипарис и пальма, того, кто пал от меча твоих кокетливых взоров, и одарить его новой жизнью, словно Мессия покойников.

Жена, услышав такие речи мужа, призывавшего ее забыть целомудрие, пришла в неопишемую ярость, не придавала словам мужа цены и на полгроша, лицо ее запылало от гнева, и она закричала:

— Эй ты, позабывший о мужском достоинстве! Ты и представления не имеешь о чести! Что за гнусные мысли завелись в твоей голове? Что за подлое намерение пришло тебе

на ум? Ты пустил на ветер честь своего рода и разбил о камень бутылку доброго имени. Тебе подобает носить на голове женский платок, а не шапку и чалму, на руке тебе лучше носить женские браслеты, а не ремень. Да, я поняла, что ты хочешь прославиться во всем мире верностью в дружбе. Но скажи мне сам, где это видано, чтобы добровольно посылать в постель к чужому мужчине собственную супругу и таким образом сжигать гумно своей чести? Разве верность в

дружбе состоит в том, чтобы забыть о мужском достоинстве и ослабить себя на весь мир? Нет, закон дружбы и любви велит не бояться страданий и горестей, мириться с напастями и бедствиями. Тот, кто следует по трудному пути дружбы, не должен отступать от правил благородных мужей, должен доблестно сражаться за свою честь. Берегись, оставь

эти никчемные помыслы, не давай себя обмануть таким неразумным решением, ибо этому не бывать, да и смысла-то в том нет никакого.

Но муж ее, которому не было равных по силе дружбы, ответил жене так:

— О свежая роза из сада целомудрия! О молодой побег в роще добродетели! Пусть мое тело будет жертвой твоих сладостных слов. Каждое словечко, которое ты произнесла,— наилучшее украшение сердец и помыслов доблестных мужей, лучшее назидание храбрым юношам. Но для меня, готового ради дружбы пожертвовать и честью, и жизнью своей, эти слова не стоят даже волоска. Ведь тем, кто скитается по долине дружбы, нет дела до упреков близких, им не страшна хула недругов.

Мудрецы говорят: «Береги свое имя!» —

Но без доброго имени жить я согласен *.

— А ты,— продолжал муж,— обязана слушаться меня, и потому, что пользы тебе говорить столько и приводить разные доводы? Тебе следует лишь повиноваться. Поторапливайся, вставай, надень новое платье и отправляйся к тому страдальцу, молва о безумии которого распространилась до самого Ирака и Хиджаза. Забудь свою скромность и утешь его сердце так, чтобы он успокоился, сыграй ему пленительную мелодию любви на кеманче * твоих изогнутых бровей, и пусть никто не сможет превзойти тебя в любовной игре.

Для дружбы мужчин все пути хороши.

Вращения небес не удержишь, спеши! *

Та пава с лужайки кокетства, куропатка с холмов неги была воплощенным целомудрием, но, убедившись, что дальше невозможно противоречить воле мужа, она решила для вида смириться и стала собираться и наряжаться. По обычаю красавиц того времени нарумянилась и нарядилась на семь ладов и засияла, словно солнце и луна на небе. Она придала себе веселый вид, раскрыла, словно роза, уста в улыбке, села в позолоченный паланкин и отправилась в дом того несчастного влюбленного.

Дом же бедняги, согласно изречению «обитель Меджнуна хороша в степи», был расположен вдали от людского жилья, а на пути к его лачуге сидели в засаде разбойники, которые надеялись получить свою долю со стола судьбы и отведать яств, не доставшихся им ранее. Когда они увидели женщину в богатых нарядах и золотых украшениях, то сочли ее да-

ром небесным, окружили со всех сторон, закричали на слуг страшными голосами, набросились на них и стали грабить и душить. Проницательная женщина, видя все это, решила перехитрить тех злодеев-разбойников.

— О благородные мужи! — обратилась она к ним. — О великодушные! У меня есть к вам просьба. Если вы повремените немного с моими драгоценностями и выслушаете меня, это будет благородно.

Разбойники подивились храбрости женщины, решили оставить ее на время в покое и перестали грабить и бить слуг. Женщина же рассказала им о себе и о том, куда она едет, а потом попросила разбойников подождать ее возвращения от влюбленного. Она обещала на обратном пути отдать им еще и те драгоценности, которые он подарит ей.

Главарь разбойников согласился отпустить ее, условившись, что она вернется поскорее, и вот она целой и невредимой выбралась из тех опасных мест и пришла к влюбленному. Тот несчастный, загубленный мечом страсти, чей стан от любовных страданий согнулся, словно брови красавиц, чье тело исхудало и уподобилось волосу, едва завидев возлюбленную, так возликовал, будто в его безжизненное тело вложили душу, будто его ослепшим глазам даровали зрение. Короче говоря, возлюбленная оросила ниву его желаний своею красой, словно свежая и чистая вода. Упоенный вниманием возлюбленной, он сидел счастливый. Воистину, в этом мире, полном превратностей и неожиданностей, достичь своих желаний и коснуться локонов любимой можно лишь при содействии искренних друзей и с помощью товарищей! Блажен тот, кто обрел счастье и достиг подобной отрады.

Когда тот юноша нарадовался созерцанием красоты возлюбленной, ему захотелось услышать из ее уст сладостные слова, но мудрая женщина сжала свои губы, словно бутон, нахмурила брови, и он понял, что она-то скорбит, а не ликует. Румянец улетел с ее щек, словно лепестки роз от ветра, она раздвинула губы в улыбке, но улыбка та была не сладостна, а горше причитаний плакальщиц.

Юноша по своей природной проницательности догадался, что молчание и вздохи, горькая улыбка — не без причины, что красавица своими изогнутыми бровями говорит правдивые слова и мудрый должен внимать им.

Твои глаза-нарциссы спят не без причины.
И негу локоны таят не без причины*.

Юноша тотчас очнулся от сна беззаботности и стал спрашивать возлюбленную. За короткое время из страны неведения он перешел в пределы знания, узнал ее тайну, проник сквозь завесу, которая скрывала истину, и остановился пораженный. Он понял свою вину, ему стало так стыдно, что под каждым волоском на его теле выступила испарина:

Какой прекрасный товар — знать правду о сущности дела!
Пускай запасы его растут на земле без предела *.

Юноша восславил верность и благородство своего друга, ему стало совестно его великодушия, он назвал ту владычицу дворца целомудрия своей сестрой, повинился пред ней, подарил ей много жемчугов и камней и отпустил с великим почетом и уважением.

Когда женщина прибыла к тому месту, где ее дожидались разбойники, она по великодушию решила сдержать слово и захотела отдать им свои украшения, как прежние, так и новые. Но главарь проклятых разбойников, видя ее верность слову, оставил ей драгоценности, сам добавил кое-что и пропустил ее свободно, так что она вернулась к себе домой цела и невредима.

Когда рассказчица довела свое повествование до этого места, Камгар похвалил великодушие разбойников, верность дружбе мужа, который предпочел дружбу чести, целомудрие жены и встал.

Затем настала очередь Хушманда, и мудрая женщина рассказала ему тот же рассказ. Хушманд, выслушав ее, сказал:

— Трудно поверить, что разбойники способны на такое благородство!

После него к мудрой женщине пришел молодой купец. Выслушав тот же рассказ, он воскликнул:

— Удивительно, что разбойники могли поступить так благородно!

Настала очередь ювелира. Когда рассказчица дошла до того, как разбойники отпустили женщину с условием, что она вернется к ним, он, не дав ей окончить, воскликнул:

— Что за безмозглые разбойники! Задаром выпустили такую жирную добычу из капкана!

Мудрая и проницательная женщина тут же схватила его за руку и сказала:

— Эй, глупец! Только дураки так быстро выдают себя! А теперь, пока молва об этом еще не распространилась среди знатных и простых, пока ты еще не опозорился, отдай-ка рубины, чтобы я вернула их хозяину. И помни, что я — женщина, не оскверненная корыстью, я не набрасываюсь, словно барс, на беззащитных серн и не стану позорить людей без причины.

С этими словами она приказала своему слуге принести поднос с бадахшанскими и румийскими рубинами, поставила его перед ювелиром и приказала:

— Брось украденные тобой четыре рубина сюда.

Ювелир, убедившись, что его может спасти только правда, покорился ее воле и бросил на поднос рубины.

В час, когда разбойник-время схватило утро за горло и выкрало из его кармана мироозаряющий рубин солнца, четверо товарищей пришли к той праведной женщине и попросили ее рассудить их. Праведница расцвела в улыбке и ответила:

— Поскольку забвение и забвение присущи природе человека, я всю ночь рассказывала вам про тех двух искренних друзей и не смогла разобраться в вашем деле. Те два друга, о которых я говорила, прибыли в наш город, потому я не хочу мучить вас ожиданием. А ведь вам нужно всего четыре рубина, возьмите же камни с этого подноса, не подвергая себя тяготам и мукам поисков,— я дарю вам их.

Хушманд взглянул на поднос и увидел поверх других свои рубины. Он тут же схватил их, похвалил про себя проицательность и мудрость той женщины и вернулся назад удовлетворенный.

Хушманд снял в том городе комнату, усадил Камгара на почетное место, а сам понес на базар рубины, чтобы на вырученные деньги присобрести все необходимое и жить без затруднений. Ювелиры, увидев в руках плохо одетого человека столь драгоценные камни, решили, что он либо украл их, либо набрел на клад. Его схватили, связали крепко по рукам и ногам и отвели к начальнику стражи, который счел рубины вещественным доказательством. Хушманда заковали в кандалы и бросили в темницу вместе с ворами.

На другой день начальник стражи доставил Хушманда — а вместе с ним и рубины — к падишаху, когда тот принимал жалобы подданных. Падишах восхитился красотой камней и стал расспрашивать Хушманда. Хушманд решил, что только правда может спасти его, и рассказал всю историю о

том, как Камгара изгнали из родной страны по навету везира. Падишах поверил Хушманду, освободил его, вернул ему рубины и повелел привести во дворец Камгара.

Итак, Камгар был принят падишахом. А надо сказать, что украшение трона падишаха, его прекрасная дочь, уже давно не знала ни покоя, ни сна, мечтая о Камгаре. Пламя любви полыхало в ней незаметно для посторонних, и она пребывала в отчаянии. Едва увидев, что ее любимый входит в падишахский дворец, она упала на ложе, словно безумная, и служители гарема тут же доложили падишаху о том, что творится с дочерью. Он призадумался, ему уже расхотелось беседовать с Камгаром, и он вскоре отпустил его.

А в груди дочери падишаха бушевало море страсти, ураган в ее сердце усиливался с каждой минутой, и ей стало так плохо, что окружающие начали беспокоиться за ее жизнь. Падишах был вынужден поведать тайну своим доброжелательным советникам. Он попросил у мудрецов, последователей Ифлатуна, исцелить царевну. Мудрые советники после долгих размышлений, наконец, пришли к правильному решению и сказали, что царевну можно вылечить, только сочетав ее браком с тем венценосным юношей, то есть с Камгаром. Падишах послушался советов своих наставников и велел устроить пышное свадебное пиршество, достойное его царского сана. В благоприятный час падишах выдал гурию за райского отрока, сочетал пальму с розой узами законного брака и оросил их влагой надежды.

Когда Камгар увидел на брачном ложе тюльпаноликую красавицу, благоухание локонов которой опьяняло, как вино, он пленился ею, вкусил из чаши наслаждения, дарованной небом, сорвал плод с древа жизни и обрел полную долю в счастье и успехе. Хушманда в награду за преданность и верность он назначил на высокую должность и даровал ему много сокровищ из того, что послал ему бог.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДЖАМ ВЫПИЛ НАПИТОК БЕЗУМИЯ
В ПОГРЕБКЕ ЛЮБВИ К ЛАЛЕРУХ,
КАК ОН СКИТАЛСЯ В БЕСКРАЙНЕЙ ПУСТЫНЕ ПОИСКОВ
С КЛЕЙМОМ ГОРЯ НА СЕРДЦЕ,
КАК КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ ЗАСТИЛАЛИ ЕМУ ГЛАЗА
И КАК ОН В КОНЦЕ КОНЦОВ ИСПИЛ ДО ДНА ЧАШУ ЖЕЛАНИЯ**

Знатоки добра и зла сего преходящего мира налили упоительный напиток изложения в этот прелестный рассказ и таким образом подарили знатокам наслаждение. Рассказывают, что в чудесной стране Хиндустан жил юноша из знатного рода по имени Джам. Его сердце пленили черные,

как мускус, локоны дочери марзбана, которую звали Лалерух. По сравнению с ней китайские газели страдали тысячью недостатков, не удивительно, что Джам страдал от любви к ней, бродил повсюду, надеясь вдохнуть аромат ее локонов. Но его скитания в долине поисков были безрезультатны, и им овладело безумие, а молва о его любви помимо его воли распространилась повсюду, словно запах мускуса. Приближенные доложили об этом отцу девушки, и тот крепко задумался по этому случаю. Он вознамерился старанием погасить это пламя, которое могло спалить его честь, и пришел к заключению, что есть только одно средство —

уничтожить Джама. Он стал советоваться с везирами, но те не одобрили намерение правителя и заявили, что Джам по своей знатности вполне достоин быть зятем марзбана. Марзбан решил послушаться справедливого совета везиров и вывести Джама из пучины отчаяния на спасительный путь надежды, выдав за него свою дочь Лалерух в благословенный час, и приказал служителям приготовить все необходимое для свадебного пиршества.

Надо сказать, что в то самое время в одной из стран Хиндустана правил падишах, полумесяц над дворцом которого сиял, словно звезда на голубом небе. Войско его было столь многочисленно, страна — обширна, а сокровища — огромны, что соседние правители были его вассалами, и он всегда притеснял и унижал их. В его гареме была наложница по имени Сарвназ. Своей красотой и прелестью она превзошла всех царевен своего времени, мудростью и проницательностью она была среди женщин все равно что Ифлатун среди мужчин. Подобным розе лицом и красотой она затмила даже владычицу звезд. Гиацинты ее кудрей поражали своим благоуханием тюльпаны, роза перед лицом этой наездницы на ристалище красоты готова была спешиться, а луна в небе заимствовала у нее свет наподобие бедняков, подбирающих колосья на чужой ниве. Слава о ее совершенствах достигла Плеяд, а само небо в надежде поймать ее взгляд согнулось, словно брови красавицы, как сказал Низами в поэме «Хосров и Ширин»:

Меркнет луна перед светлым лицом,
Ты — венценосец под женским чепцом.
Светишь ты юностью и красотой,
Взор твой — источник с живою водой.
Разум пред милой повергнулся ниц.
В сердце вонзаются стрелы ресниц *.

По красоте и прелести не было равной ей на свете, по уму и сообразительности она была несравненна, и падишах принес в жертву ее локонам свое сердце, предал все государственные дела забвению ради наложницы и поднял в гареме знамя повиновения ей. Под влиянием всевластной любви падишах смягчился нравом, он смиренно сносил и похвалу и брань ее, мирился с ними и даже жаждал их. Резкие слова красавицы были для него словно упоительный напиток, веселили его душу.

Однажды падишах покинул приемный зал и по своему обыкновению отправился в гарем. Сарвназ в неге и томлении кокетливо и прихотливо раскинулась на ложе и из гордости не выпрямила стройного стана для приветствия падишаха. Но судьба капризна, и падишах, хоть он и разрешил Сарвназ не вставать при его появлении, на этот раз разгневался, помрачнел и обратился к красавице с упреками.

— Не следует быть такой гордой и спесивой, — ведь ты не можешь быть уверенной в безнаказанности.

— О справедливый царь! — отвечала Сарвназ. — Для доказательства моей вины тебе понадобится два свидетеля. А еще тебе придется найти наложницу прекраснее меня, и только тогда ты сможешь наказать меня за этот проступок.

Не спеши отвернуться, ведь то человек,
И другого такого не сыщешь вовек *.

Когда эта пери заставила падишаха умолкнуть своей хитростью, он перестал упрекать ее, вышел из гарема, рассказал о том, что произошло, своему мудрому везиру и приказал ему разыскать во что бы то ни стало периликую красавицу, которая превосходила бы умом и красотой взбалмошную наложницу. А не то падишах пригрозил сместить везира с должности.

Везиру ничего не оставалось, как собраться в путь, облачиться в дорожное платье бедняков и двинуться в дальние страны.

В поисках жемчужины везир изранил ноги, прошел много стран, но нигде не добился успеха, и он, поневоле расставшись с надеждой на должность везира, положился на бога и повернул в обратный путь. Дорога домой лежала через страну марзбана. Случилось так, что в тот день дочь марзбана Лалерух выехала погулять в степь, и везир встретился с ее свитой. Он увидел стройный кипарис, который во сто крат превосходил Сарвназ и рос на берегу ручья красоты.

И вот везир на крыльях прилетел во дворец падишаха и доложил ему о встреченной красавице. Падишах в тот же час отправил его послом к марзбану с дарами, достойными его царского сана, и просьбой отдать замуж Лалерух.

Когда везир прибыл во дворец марзбана и стал сватать его дочь за своего властелина, тот не отказал прямо, а сослался на различие веры. Но он не разрешил везиру ни на час задержаться в своем городе и выпроводил его с унижительным пренебрежением, которое ничем нельзя возместить.

Везир поспешно вернулся к падишаху и доложил о том, как его встретили. Падишаху пришлось не по душе упорство марзбана и его неповиновение, и он задумал наказать и проучить его, словом, свергнуть его с престола. Он созвал со всех концов своей державы могучих храбрецов и доблестных военачальников и двинулся во главе несметного войска к владениям марзбана.

Марзбан, получив весть о приближении сильного войска того могущественного падишаха, разящего львов, не решился

встретиться с ним в открытом бою, засел в неприступной крепости, положился на ее толстые стены и приготовился к обороне. Падишах же приступил к осаде крепости и приказал своим воинам стараться изо всех сил. Но стены крепости были прочны, башни неприступны, и падишаху не удалось захватить ее быстро, как он того хотел, так что осада затянулась.

Падишаху наскучило ждать, и он вторично отправил везира послом к марзбану, чтобы тот советами и назиданиями, которые суть ветвь здравого смысла, увел марзбана с ложного пути и склонил к покорности и повиновению. Когда везир прибыл к марзбану, его провели во дворец. Один из слуг везира, который умел мастерски рисовать портреты, вошел в сад, расположенный под дворцом Лалерух, и тихонько уселся на краю водоема. Как раз в этот момент Лалерух выглянула из окошка и взглянула вниз, так что ее лицо отразилось в водоеме и озаарило его, словно блистающее солнце. Притаившийся юноша тут же догадался, что это Лалерух, схватил кисть и мигом срисовал с отражения в воде портрет периликой красавицы.

А везир и на этот раз был вынужден вернуться, не добившись цели. Тут слуга принес ему тот портрет, надеясь получить вознаграждение. Везир очень обрадовался и дал ему много денег.

Когда везир пал ниц, чтобы поцеловать подножие шахского трона, он, прежде чем передать ему отрицательный ответ марзбана, показал портрет Лалерух. Падишах, едва взглянув, выпустил из рук поводья терпения. От лучезарной красоты Лалерух он стал плавиться, словно рубин на огне, выпустил из рук нить предосторожности, которая столь необходима людям, а в особенности властелинам, людям избранным. Он тут же вновь отправил везира послом и сам отправился с ним под видом его служителя. Когда они вошли во дворец марзбана, то падишах по указанию юного художника сел в засаде у водоема, дожидаясь восхода лучезарной луны — своей возлюбленной. Луна на этот раз не вышла из-за завесы, но зато из водоема выглянула рыбка и стала резвиться на глазах у властелина. Падишах стал наблюдать за ней и позабыл о своей главной цели — о том, что он пришел сюда ради того, чтобы поглядеть на луну с неба любви. Для того чтобы рыбка выплыла наверх, он стал отрывать с четок драгоценные жемчужины и бросать их в воду, словно сеятель, разбрасывающий семена. Как ребенок,

он увлекся игрой, не ведая, что игрок-небо всегда склонно к новым проделкам и каверзам, что подвластные року люди, словно малые дети, сами привязывают к своей шее веревку с бедствиями.

И вот, когда шаханшах был увлечен рыбкой, бросал жемчужины и тратил время за этой игрой, его увидела одна служанка Лалерух и удивилась столь странному занятию. Она подошла к нему тихонько и незаметно остановилась сзади. Благодаря природному уму она догадалась, в чем тут дело, и прочитала сокровенные мысли падишаха. Но из осторожности она не стала торопиться, решила повременить и подвергнуть его сначала испытанию, чтобы подозрения могли превратиться в полную уверенность. Она сняла с шеи жемчужную нить и ссыпала в пригоршню все жемчужины. Когда же падишах с сердцем, щедрым, как море, побросал в воду все свои жемчужины и остался ни с чем, невольница положила ему сзади в ладонь свой жемчуг. Но падишах даже не задумался о проделках этого шулера-неба и не прервал своей игры. Он бросил и ее жемчужины в водоем одну за другой. Удивительно, но падишах, увлеченный рыбкой, когда кончились жемчужины, по небрежности, которая приводит только к несчастью, вновь протянул руку за жемчужинами к благоразумной невольнице. Тут уж проницательная служанка схватила его за руку и сказала:

— Не сей здесь, глупец! Ты, недалекий и слабый разумом, попался в сети к рыбе, а сам хочешь навлечь позор на мою госпожу? Ведь из-за того, что она огорчена, голубой небосвод скрылся от взоров людей. А ты хочешь пробить брешь в стене ее целомудрия и хочешь силой захватить жемчужину счастья, возвращенную в раковине целомудрия. Но теперь небесный шахматист сделал такой ход, что дал мне возможность объявить мат такому падишаху, как ты. Жаль тебя, великий правитель, как ты глуп! Ты совершил оплошность и оказался в плену дичи, которую сам ловил.

Ее ловил ты — сам попал в силки,
Ты не созрел еще, себя побереги *.

Падишах был поражен таким оборотом дела, он выкинул из головы все остальное, мечтая теперь только о том, как бы самому спастись, но не знал, как выбраться из этого капкана беды и спастись из когтей смерти.

Наконец, он как-то нашелся и сказал невольнице:

— Как жаль, что ты, столь прекрасная внешне, так

глупа! Подумай, какая связь между мной, беднягой, и таким могущественным властелином? Какая связь между тлеющей звездой и блистающим солнцем? Ведь сегодня счастье падишаха попирает ногой темя времени и земли. Что могло вынудить храброго падишаха, от гнева которого небесный Лев прячет голову, словно черепаха, оказаться, будто лиса, в плену у тебя?

На это невольница ответила падишаху:

— О шаханшах, которому тронем служит Кейван! Не старайся замазать солнце глиной, обернуть луну тряпкой! Ведь прятать головню в соломе — признак глупости.

Когда шаханшах понял, что с тайны приподнята завеса, что судьба не благоволит к нему и коварный рок обнажил меч насилия, что счастье повернулось к врагу, что уже ничем не поможешь делу и все ухищрения беспо-

лезны, что остается только жертвовать жизнью, он счел ниже падишахского достоинства унижение и целиком отдался во власть рока. Он наложил на уста печать безмолвия и, глядя прямо перед собой, вознес в сердце молитвы небесному владыке, который не нуждается в расспросах.

Невольница, видя, что владыка Хиндустана находится у нее в плену, колебалась, отпустить его или задержать, и, наконец, после долгого раздумия сказала:

— О могущественный падишах! Хотя ты и враг моей госпоже, хоть и неразумно выпускать из плена такого ярого льва, как ты, но поскольку ты самый великий из могущественных властелинов земли, то я не хочу, чтобы пролилась твоя кровь. Если ты поклянешься мне, что, вернувшись в свой стан, тотчас отведешь свое войско, снимешь осаду и отступишь, что ты выбросишь из головы страсть к Лалерух и не будешь впредь думать о ней, то я отпущу тебя.

Падишах от такого поворота дел, о котором он и не мечтал, словно обрел новую жизнь, согласился со всеми условиями невольницы и подтвердил свое обещание самыми сильными клятвами. Как только она отпустила падишаха, он,

словно быстрокрылый сокол, полетел к себе и стал возносить богу благодарственные молитвы.

Одним словом, возвратившись из дворца марзбана, падишах снял осаду с крепости, освободил жителей той страны от страданий и направился в свою столицу.

Так прошло некоторое время, и вот однажды марзбан в кругу своих приближенных стал хвалить свою силу и могущество и хвастать тем, что падишах отступил от его крепости разбитый и опозоренный. Невольница, которая знала истинное положение вещей, соблюдая приличия и уважение, не сказала ничего, а только слегка усмехнулась. Марзбан рассердился и спросил, почему она усмехается, она промолчала, но правитель не отставал. Тогда бесстрашная невольница смиренно и покорно рассказала ему всю правду, ничего не утаив. Но от ее слов в марзбане запылало пламя гнева, он велел побить невольницу палками за дерзость и заточить в темницу. Она вкусила много мучений и страданий и была освобождена только благодаря заступничеству жен марзбана. Тогда невольница в присутствии свидетелей заявила, что в тот раз солгала, и принялась напевать такие мелодии:

Для чего роптать на шаха, если все — моя вина?

Глаз на собственный проступок закрывать я не должна!*

Но в сердце она затаила обиду, стремясь отомстить за насилие, совершенное над ней, и возмечтала помочь падишаху в его домогательствах. Наконец, она нашла человека, которому могла довериться, и отправила его к падишаху с наказом передать от ее имени:

«Если еще и теперь, как в прежнее время, в твоих благословенных помыслах таится надежда овладеть Лалерух, то надо бы тебе вновь сесть не мешкая на быстроходного скакуна, копыта которого открывают врата крепостей и замков, и вновь осадить крепость марзбана своими войсками, ибо на этот раз это твое желание осуществится в кратчайший срок. Я же, твоя верная раба, целую прах перед твоим тронном».

Падишах тем временем все еще продолжал страдать от своей страсти, непрерывно принося жалобы в небесном чертоге. Он счел эти слова благой вестью и небесным даром и тут же приказал разбить свой шатер пред крепостью марзбана. Знаменосцы подняли на гороподобных верблюдах победоносные стяги, падишах велел бить в барабаны и в благословенный час выступил в поход. Он шел, словно летел на крыльях, во главе воинственного, победоносного войска

прямо на крепость, решив взять ее штурмом и овладеть коварной луной. Подойдя к крепости, падишах осадил ее.

Спустя несколько дней хитрая невольница, из головы которой вытек этот губительный поток, выбрала подходящий момент и выскочила из крепости, словно див, освободившийся из бутылки *, и явилась к падишаху. Она была сразу допущена к нему и научила его, как пробить брешь в чести марзбана. Невольница сняла с тайны завесу и рассказала, что Лалерух каждый день через потайной ход выходит искупаться в реке. Она добавила, что та луна начинает красоваться на берегу реки при восходе солнца и что ее сопровождает всего несколько слуг.

— Если,— говорила она,— небольшое число твоих победоносных воинов сядет на лодки и отправится к месту ее купания и не пожалеет при этом своих жизней, то вполне вероятно,— если, конечно, небо не перестанет благоволить к тебе,— что они захватят ее без большого труда.

Падишах во всем послушался слов невольницы и отправил несколько храбрых воинов в указанном ею направлении. Юные храбрецы сели на лодки и двинулись по реке, рано утром приплыли к основанию крепости и укрылись в тени башен. Как только Лалерух по своему обыкновению вышла из крепости на берег реки, они тотчас выбежали из засады, схватили ее, словно сокол куропатку, и бросили в лодку. Обитатели крепости узнали об этом, когда все уже свершилось, и кинулись за ними вдогонку, но предусмотрительные воины не стали ввязываться в схватку, пустили свои лодки быстрее месяца в небе, целыми и невредимыми прибыли в стан падишаха и повели красавицу-луну в его покои.

Победоносный падишах, видя, что жемчужина его надежды нанизана на нить желанья, вознес богу благодарственные молитвы, не стал задерживаться в тех местах, приказал двигаться обратно и спустя несколько дней прибыл в свою столицу.

Лалерух оказалась во много раз прекраснее, чем представлял падишах, он объявил ее главной женой и подчинил ей всех других обительниц гарема. Он решил, что звезда Сарвназ закатилась, лишил ее положения владычицы гарема и унизил ее, сделав невольницей Лалерух.

Но Лалерух по малолетству и оттого, что она оказалась пленницей в доме, который во всем отличался от дома ее предков, дичилась падишаха и ни за что не соглашалась взойти на брачное ложе. Законы ислама она считала проти-

воречащими мерзкой вере своих предков и избегала общества падишаха. Падишах по душевному благородству не препятствовал ей ни в чем, не торопил нанизать на нить брачных уз эту только что пойманную дикую птицу и терпеливо ждал.

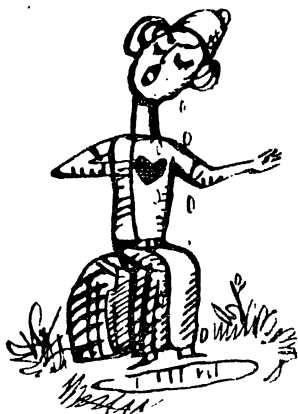
Когда несчастный Джам узнал о том, что небо отдало падишаху чашу его желаний, что кубок его надежд опустел, он стал возносить жалобы и пить из чаши печали. Сердце его было в плену локонов Лалерух, и он разрывал ворот терпения и вырывался из пут самообладания, словно раскрывшийся бутон. Джам забыл о своем высоком сане и предпочел царской мантии рубище нищего, посыпал свои алые щеки прахом и замазал лицо глиной. Он взял с собой драгоценности, которые были предназначены для Лалерух, покинул родную страну, двинулся в путь и вскоре поселился в степи в окрестностях столицы падишаха, словно суровый отшельник. Тоска о любимой была его единственным другом и утешителем и днем и ночью. Он то стenal от любви к ней, то слагал газели о разлуке. А голос у него, надо сказать, был чудесный и удивительный, так что в скором времени все дикie звери и животные привыкли к нему, стали совсем ручные и полюбили его. Джам был очень одинок, и животные отвлекали его от горя и тоски, он стал заботиться о них, гладил бока и спины онагров и газелей, умирал ласковым голосом пугливых тварей, опьяняя их словами и восхищая звуками прекрасного своего голоса. Он украшал их драгоценностями, приготовленными для Лалерух, так что они становились похожими на разубранных красавиц.

Молва о Джаме в скором времени распространилась повсюду, о нем стали говорить и знатные и простые, так что, наконец, приближенные доложили о нем своему падишаху. Падишах решил, что это одно из чудес времени, и поспешил за город, желая воочию увидеть такое чудо. Он приказал очистить путь от зевак и выехал в сопровождении Лалерух, надеясь, что под прохладным ветерком наслаждения от такого чуда бутон ее сердца распухнет.

Когда они прибыли к Джаму, убитому кинжалом любви и мечом страсти, то увидели дивную картину: вокруг паслись стада онагров и газелей, сам же он сидел среди них, словно Меджнун, и пел стихи, которые могли разжалобить даже гранит.

Когда Лалерух узнала любимого, то в ее сердце вновь забушевало море любви, а из глаз помимо воли потекли

ручьи слез. Падишах был поражен этим зрелищем и стал расспрашивать, кто этот обезумевший юноша. И тогда Джем, терзаемый губительной и безумной страстью, забыл об угрожавшей ему смертельной опасности, целиком отдался во власть сердца, не стал остерегаться, обнажил лик своей тайны и рассказал подробно о своей печальной любви. Его печальная и горестная история вызвала жалость падишаха, так что из его глаз потекли слезы, словно дождь из тучи. По великодушию и благородству, которые дарует бог великим мужам, он проникся сочувствием к бедному чужестранцу, обласкал безумца любви, поднял его из праха презрения и усадил на трон почета. Он повез его с собой в столицу, проявил к нему царскую щедрость и дал много сокровищ. А потом в благословенный час, установленный звездочетами и астрологами, он сочетал его узами брака с Лалерух, так что несчастный влюбленный обрел счастье. Он дал девушке большое приданое и отпустил их с великим почетом: как говорят, приятно иметь дело с великими мужами.

НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА БАХРАВАР-БАНУ

С ДЖАХАНДАР-СУЛТАНОМ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЕМ МЕДЖНУНА.

В ТЕМНОЙ НОЧИ ТОСКИ НЕСЧАСТНОГО ВЛЮБЛЕННОГО

ЗАБРЕЗЖИЛ РАССВЕТ НАДЕЖДЫ

Мудрый и рассудительный попугай занимал печального Джахандара увлекательными рассказами и сказками, но поскольку беднягой владела одна-единственная страсть и в его сердце кипело вино любви, то каждый день цепь его терпе-

ния разрывалась сотни раз и он метался из стороны в сторону, словно безумец Меджнун, носился по всем садам, словно ветерок, в надежде вдохнуть аромат желанной розы и не мог, словно капелька ртути, удержаться хоть на миг на месте. Воистину, воины любви, этой всевластной владычицы души и военачальника на поле битвы сердец, почитают доблестью сражаться на ристалище безумия и бросать щит на поле, где добывают славу. Для обитателей дворца любви, которая занимает самое почетное место в сердце и лишает радости, высшее совершенство — вечно влажные миндалины глаз, грудь, сожженная пламенем сердца, скитания по степи и непрестанные поиски.

Прошло много времени, и вот однажды наш горестный влюбленный, который бродил по каменистой долине поисков с растерзанным сердцем, в час, когда от утреннего ветерка распускались бутоны, вызывая зависть хотанских лугов, вошел в какой-то сад и увидел соловья, чье сердце пылало страстью к щекам розы и чьи крылья и перья сгорали, словно стружка и солома. Он заливался печальными трелями, забыв о своей жизни. Джахандар узрел в нем собрата, ему захотелось поговорить с ним, он прилег на лужайке и обратился к влюбленному соловью со стихами:

О соловей! Будь счастлив свиданием с розой,
Пусть по лугам разносится песня твоя *.

Как раз в это время, когда его звезда стала подниматься в самую благоприятную точку, в степи показались предвестники красоты Бахравар-бану, до него донесся аромат ее благоухающих локонов, так что его сжавшееся, словно бутон, сердце стало расцветать. Но Джахандар не ведал, что счастье его идет навстречу, и оставался спокойно на своем месте. Только сердце его без видимой причины стало ликовать, и он произнес эти стихи:

Пахнет сегодня амброй утренний ветерок,—
Верно, моя любимая вышла в степь погулять *.

Наконец, носильщики ее царственного паланкина озарили своим приходом лужайку и поставили паланкин перед дворцом царевны. Перед пестрой занавесью паланкина увял бы от зависти весенний сад, из-за аромата ее благоухающих локонов той лужайке позавидовали бы луга Чина. Розы от аромата ее кудрей стали благоухать мускусом и амброй и

улыбаться в наслаждении. Соловьи, узрев ее красоту, стали заливаться самозабвенными трелями.

Из-за завесы паланкина по повелению владычицы целомудренных дев вышла старушка, набожная и благочестивая, душа которой была осчастливлена обществом Бахравар-бану. Она начала выгонять из сада посторонних, ходила по саду, заглядывая в самые дальние уголки, передвигаясь потихоньку при помощи посоха, и пришла, наконец, к несчастному влюбленному. Она поговорила с ним немного, оценила его мудрые и разумные слова, от которых распускался бутон сердца, взвесила на весах разума его совершенные способности и подивилась, что под личиной каландара и нищего скрывается человек с душой Искандара и природой Дара, что при всем своем уме и обширных знаниях он ступил на путь безумия и стал последователем Меджнуна. Она поспешно вернулась к своей лучезарной владычице и по простоте душевной стала рассказывать о красоте и уме незнакомого юноши, о его плачущих глазах и испепеленном сердце.

Бахравар-бану, выслушав няню, опечалилась, невольно выглянула из-за завесы паланкина и взглянула на безумно влюбленного шаха. А Бахравар-бану всегда носила с собой нарисованный Биназиром портрет; она узнала Джахандарсултана с первого взгляда и догадалась, ради кого облачился в рубище этот величавый властелин и во имя чего этот стройный кипарис, словно сахарный тростник, с головы до пят обвит путами *. Пламя страсти запылало в ее груди, море стремления забурило, но девичий стыд, словно завеса, преграждал ей путь к нему, и она не смогла хорошенько рассмотреть лицо любимого. Тут она совсем перестала владеть собой, впала в беспамятство и выпустила из рук поводья терпения.

Старая няня, глядя на это, погрузилась в бездну изумления, стала проливать над ней слезы и спросила, чем вызвана перемена в ее настроении.

Наконец, после долгих хлопот Бахравар-бану открыла глаза и ответила:

— О любезная матушка! Вот уже давно любовь к этому юноше поселилась в моем сердце. Страсть к нему неразлучна с моим сердцем, словно мелодия и струны, вино и веселие. Мои глаза жаждали увидеть желанный родник, но видели лишь мираж в пустыне. Теперь наконец показался живой источник, и мое жаждущее сердце потеряло терпение и бросилось в пучину тревоги.

Вот уже целую жизнь птица желаний моих
Жаждет слияния с ним. В горе души берега;
Их покрывают теперь капли сверкающих слез,
Всюду слезинки блестят, чистые, как жемчуга *.

— Ради бога,— стала умолять Бахравар-бану няню,— постарайся оросить дождем твоих благодеей семян моих чаяний, которые почти совсем высохли под самым роком.

Старая няня, разузнав тайну царевны, пришла в сильное негодование, стала читать ей наставления.

— Горе тебе, о царевна! — воскликнула она. — Что это за блажь глупая? Что за бредни? Подумай-ка на миг, какие отношения могут быть между отпрысками царственных родов и нищими? Какое родство между лучезарным солнцем и презренной песчинкой? Берегись, не соблазняйся такими пустыми мечтами, а не то погибнешь и растопчешь честь отца. Не поступай так, берегись, ибо родовитые люди так не поступают.

Но Бахравар-бану уже давно была жертвой когтей любви, которая сокрушает даже львов; душа и сердце ее были опутаны цепями страсти к Джахандару, она не обратила никакого внимания на слова строгой няни и пропустила мимо ушей ее советы, только сказав:

— О простодушная! Разве ты не знаешь, что любовь — владыка, природу которого трудно познать, властелин, честь которого не оскверняется обычной грязью. Во дворце этого владыки нет сора и мусора, то есть богатства и бедности, для него равны жемчужная и простая раковина, любовь не различает розу в мантии и шипы в простой рубашке. Каждый, кто устремился к его величеству владыке любви, не станет рассуждать о том, почему да сколько, каждый, кто стал приближенным его, не будет думать о знатности и родовитости. Благодаря любви пылится лобзает солнце, а капля заключает в свои объятия море. И потом, не следует думать, что этот юноша низок, ведь вполне вероятно, что он окажется самым благородным, ибо достоинство и цена мужа в величии его души, а не в роскошном одеянии. Если ты наделена прозорливостью, то смотри в суть дела, а не на внешность, зри внутреннее благородство, а не наружные разрушения, ведь лишь тот, кто лишен достоинств, начинает искать недостатки в других.

Но старая няня еще сильнее рассердилась на царевну, стала в ярости кричать на нее.

— О тюльпан, возвращенный в саду властелина! — воскликнула она. — О безупречная газель в степи неги! От зависти к твоим благоухающим кудрям обливается кровью сердце татарской серны. Что за пламя ты хочешь зажечь на глуме чести своего отца? Что за прах ты хочешь посыпать на голову своего доброго имени? Подумай сама, может ли снести твой царственный дом такой позор? Разве самолюбие твоего отца снесет такое бесчестие? Ведь пуститься в путь страданий и мучений не означает избрать себе покой, ведь скитания среди миражей пустыни не приносят пользы жаждущим!

Истинная любовь и подлинная страсть выглядят то из кармана влюбленного, то из-за ворота возлюбленной, и Бахравар-бану вдруг из Лейли превратилась в Меджнуна, беззаботно позабыла о добром имени и воскликнула:

— О неразумная старуха! Не пытайся поймать горстью ветер! Не куй холодное железо! Твой хваленый ум ничего не ведает о любви. Хоть бы разок любовь задела тебя! Уж тогда ты постигла бы ее всепоглощающую власть, и я избавилась бы от твоей пустой болтовни. Ты ведь человек, к чему тебе эта сатанинская гордость? Зачем ты стремишься превзойти других людей? Посмотри хорошенько, узри сей блаженный миг: сколь прекрасен побег любви к этому юноше в моем сердце, как нить любви к нему обвила мою шею... Каждая слезинка, которая льется из моих глаз, чертит письмена о верности в любви. Писец судьбы скрепил своей печатью указ о моей жизни, а стряпчий рока изгнал из моего сердца мысли об одиночестве. И твои пустые советы не приносят теперь никакой пользы — разве только еще больше укрепят меня в моем решении. Ведь звуки пустого барабана не заслуживают того, чтобы к ним прислушивались.

В делах любви учености и разуму не место.

Зачем ты пристаешь ко мне, несносный надоеда? *

Старая няня поняла, что сердце царевны разбило шатер в ставке владыки любви, что советы уж не помогут и предостережения тщетны. Поневоле она перестала наставлять ее и велела отнести паланкин той, что была верна своей любви, из опасного сада в город.

Предосторожностей щитом не заслонишься ты,
Когда падет стрела любви на землю с высоты *.

**БУТОН ЧАЯНИЙ ДЖАХАНДАРА УЛЫБАЕТСЯ ПОД ВЕТЕРКОМ
НАДЕЖДЫ, И ОН СРЫВАЕТ ЖЕЛАННЫЕ РОЗЫ
НА ЛУЖАЙКЕ СВИДАНИЯ С БАХРАВАР-БАНУ**

Когда в помыслах Бахравар-бану стал расти побег любви к Джахандару и чаша ее мечтаний переполнилась напитком желания, та старуха выбрала удобный момент и доложила обо всем падишаху, прося освободить ее от обязанности охранять царевну от греха. Падишах призадумался на некоторое время, а потом созвал мудрых везиров и прозорливых надимов, все помыслы которых были исполнены доброжелательством и расположением к нему. Он поведал им сию великую тайну и попросил их приложить усилия и придумать такое решение, которое помогло бы ему справиться с этой бедой.

Ученые доброжелатели и прозорливые мудрецы вникли в суть дела, прощупали его разумом, словно пальцем пульс больного, и заявили в один голос:

— Это всепоглощающее и непослушное пламя загорелось в очаге любви, его невозможно погасить водой всяких предосторожностей, тут не поможешь советами и наставлениями, упреки и укоры здесь не к месту, напротив, все это будет

только способствовать усилению чувства, разжигая огонь страсти, словно ветер костер. Самое разумное теперь — это сочетать их узами законного брака, пока тайна эта не разгласится среди знатных и простых. Иными словами, пламя ожидания царевны надо погасить удовлетворением желания. Если же в этом деле проявить медлительность, то в ближайшем будущем с лица той жемчужины из царской шкатулки может упасть завеса стыда и скромности, и она в силу свойственной любви беспечности и смелости совершит такие поступки, которые навлекут на падишаха позор и бесчестие. Тогда уж все узнают об этом, молва побежит из уст в уста. Всякие болтуны и пустобрехи, которые только и ждут удобного случая, распустият языки, так что родным падишаха придется огорчиться, а враги будут ликовать. Ведь хорошо известно, что малейшее слово хулы о падишахах, которые являются лучшими среди людей, достигает самых отдаленных окраин горизонта в мгновение ока, так же как и их слава доходит до самых дальних стран и к самым разнообразным народам.

Когда доверенные советники вынесли по этому поводу такое решение, падишах не счел возможным пренебречь их советом и велел самому мудрому из них пойти к Джахандару, чтобы выяснить, из какого тот рода и что за человек. Прозорливый мудрец по приказу властелина испытал пробным камнем своего ума природу и характер Джахандара и нашел, что он совершенен во всех отношениях. У него не осталось сомнений, что Джахандар происходит из шахов.

Мудрец вернулся к властелину венца и престола, оказал ему подобающие почести и доложил свое мнение.

— Поскольку,— начал он,— мудрые мужи, эти избранники нашего мира, считают брак и союз с равным по происхождению даром всевышнего, то в нашем деле нет места упрекам болтунов и хуле недоброжелателей. Теперь уже неразумно откладывать это благословенное свершение, ибо в добрых делах не должно быть места промедлению.

Тогда падишах по совету мудрецов повелел в благоприятный час совершить бракосочетание. Знатки законов вращающегося неба, звездочеты и астрологи — все, кто разбирается в расположении звезд, планет и созвездий, долго наблюдали за восхождением и заходом светил, вычислили сочетания звезд, расположение солнца и луны и выбрали наилучшее время. Об этом решении громогласно возвестили по всей стране, во дворце падишаха стали готовиться к свадеб-

ному празднеству, по приказу падишаха устроили великолепный пир. Роскошные яства были достойны могущественного властелина, кравчие с лицами, как у Азры, лили в чаши пурпурные вина, прекрасные музыканты наигрывали на своих инструментах. Украшавшие своим присутствием пир смыли с себя прах огорчения прозрачным вином, их лица от радости уподобились тюльпанам, сердца расцвели в саду желаний, словно бутоны. Певцы с голосами, как у горлинок, стали развлекать пирующих своими пленительными песнями, а музыканты, последователи Зухры, своими шелковыми струнами веселили сердца. Звуки флейты говорили о наслаждении, напевы арфы пленяли сердца знатоков музыки и утоляли жажду мудрецов, лютня заставляла души охмелевших гореть, словно тлеющее алоэ. Кеманча, изогнутая, словно брови красавиц, пленяла сердца пирующих, барбат туманил головы уважаемых мужей. От музыки и вина круг пирующих уподобился весне, опьянение и веселие смешались воедино, словно любовь и красота. Пенное вино радовало пьяных, пленительные мелодии опьяняли трезвых. Вино было водой, музыка — бурей, так что во дворце бушевало море веселия, в воздухе парили сердца, влюбленные в кувшины с вином и в окружающую красоту.

Когда светоч, озаряющий пиршество дня, опустился в свои покои на западе, показалась невеста-ночь в черном шелковом покрывале. Ради ее благоухающих локонов время рассыпало татарский мускус, ради ее упоительной прелести утро готово было пожертвовать жизнью. Светлое солнце, чтобы лучше видеть, покрыло свои глаза сурьмой ночи: ведь и Меджнун был опутан любовью к Лейли только потому, что ее имя созвучно ночи *, и вода жизни поселилась в вечном мраке из страсти к ее мускусно-черным кудрям. Словом, пришла упоительная ночь; и весь мир стал скорбеть, словно Ширин над поверженным Фархадом. Периликие невольницы прекрасными опахалами освежили души нежных красавиц, словно ветерок из цветника, стройные рабыни воскурили благовония, сребротелые пленительные певицы нежными голосами похитили разум у пирующих, танцовщицы, подобные павам, пустились в пляс, увеличив радость и удовольствие гостей.

Наконец, проворная машшате семь раз омыла руки розовой водой и принялась украшать на семь ладов красавицу-царевну. Гребнем из сандалового дерева она причесала благоухающие косы, подвесила серьги, так что лицо невесты за-

блистало, словно луна среди Плеяд. Она обвила вокруг ее шеи жемчужную нить, перетянула шитым поясом тонкий стан, раздела и разубрала невесту и усадил ее на трон. По правде говоря, драгоценности и украшения обрели на Бахраварбану новую прелесть и красоту. Ее прекрасное лицо, как солнце, не нуждалось в прикрасах машшате, ее совершенному стану не было надобности в украшениях. Художник-творец в небесной мастерской создал ее изображение без изъянов и недостатков, он выделил ее среди всех остальных, и к ней вполне подходил этот бейт:

Равную ей наяву только зеркало может увидеть,
Сердце увидеть ее может только в мечтах и во сне.

Древнее небо при всей своей придирчивости от созерцания ее красоты обезумело и, чтобы не сглазить ее, вместо руты стало сыпать звезды в горнило солнца *.

Слуги и рабы, которые знали обычаи и законы свадебных торжеств, облачили Джахандара в роскошные одеяния Фаридуна и Сулеймана и ввели к той, что была прекрасна, как Билкис. Между ними положили Коран и зеркало. Когда Джахандар взглянул в зеркало, то он увидел весну в разгаре и обнял красавицу, о которой мечтал. Потом он положил руку на Коран, подтверждая, что он, словно Юсуф, купленный раб этой Зулейхи * из брачной комнаты красоты. А Бахраварбану сделала знак, что она — самая последняя раба этого египетского Азиза. Царственных новобрачных осыпали розами и жасмином, жемчугами и рубинами. Потом все покинули брачный покой, оставив вдвоем кипарис и пальму. Когда влюбленные взглянули друг на друга, они от избытка чувств застыли в неподвижности, словно статуи. Потом от охватившего их страстного томления они бросились в объятия друг друга, а от тесных объятий и лобзаний воспламенились желанием. Она, словно роза от утреннего ветерка, готова была расцвести, он же, словно соловей весной, напевал мелодию страсти. Наконец, бутон жасмина распустился, и лепестки розы прорва-

лись. Иными словами, он просверлил нетронутый жемчуг алмазным буровом и опустил слиток расплавленного серебра в золотой тигель.

Сел соловей на бутон, трон отыскав меж ветвей.

Тотчас раскрылся бутон и опьянел соловей *.

По прошествии положенного времени Джахандар заговорил о своей стране и попросил падишаха отпустить его к отцу. Но в те края уже начали вторгаться полчища зимы, и потому шаханшах не решился отпустить дочь в такое время, когда вот-вот должны были начать наступление холода, так как опасался, что царевна не снесет стужу на зимних дорогах, и отложил их отъезд на то время, когда на зеленом престоле ветвей воцарится владыка роз.

ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВ ВЛАСТЕЛИНА ЗИМЫ,

А ТАКЖЕ О ТОМ,

КАК СУЛТАН ХОЛОДА НАПАЛ НА ОБИТАТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ

Вскоре после того как Джахандар по повелению властелина мира остался в городе Мину-Савад, время изменилось и начало отступать, так как владыка царства звезд разорвал нить равновесия и протянул к ниве времени руку насилия. Дни стали укорачиваться, а царство ночей — расти. Рать холода, которая уже давно сидела в засаде, узнав об этом, ринулась, чтобы полонить весь мир, она все предавала разграблению: от морозов в поле не осталось и соломинки, красавицы в садах разом лишились листьев и зеленых ветвей. Люди на земле от страха перед ее яростными атаками дрожали, как осиновый лист на ветру. Словно лисицы, они кутались в шкуры и разбегались по домам. Земля, чтобы не видеть воинов холода, укрылась под слоем ваты-снега, а сила, побуждающая прорасть и цвести растения, оставила обычные занятия, превратилась в отшельника и спряталась от глаз людских. Вода, которая притязала на то, чтобы обойти весь мир, выбросила из головы мысль о странствиях и застыла на месте. Ветер, выводивший своей кистью узоры на

водной глади, разбил кисть о лед, деревья оголились и, словно люди в Судный день, подняли в мольбе руки к небу. Соловьи из-за насилия стужи покинули сады и оставили лужайки на произвол воронов. Время ослепло в ожидании, когда весна поднимет свои знамена. Садовник начертил грамоту для садов, словно на льду, обитатели лужаек, выслушав от зимних ветров суровый приговор, отправились в небытие. Розы и тюльпаны оставили землю во власти сов и бежали в страхе перед насилием месяцев бахмана и дея, захватив с собой лишь обрывки лепестков. Стройный кипарис, владыка цветников, превратился в лубок для сломанных ног реки, лилия, эта праведница садов, вручила свое рубище аскета грабителю-осени и отошла в небытие. Ветерок стал рвать волосы с завитых головок гиацинтов и тугих кос пальм, и даже сосне пришлось уступить свою хвою разбойнику — месяцу дею и остаться с пустыми руками, как чинара *. Розы уподобили свою жизнь единому мигу и расстались с ней, и вот уже жестокий ветер разорвал их лепестки и развеял по сторонам.

Джахандар, видя разительные перемены на земле, происшедшие от смены погоды, предпочел оставаться в покоях дворца со своим кумиром, напевая такую песню:

Если роза ушла, пожелай ей удачи в пути,
И запей поскорее печаль благовонным вином.
Песен горлинки нам не услышать уже никогда,—
Пусть журчанье вина говорит нам о счастье ином *.

Вопреки свирепствовавшей природе он стал коротать время в веселии, отдавшись сердцем вину и музыке, начертил в душе письмена радости, украсил чашу пламенным напитком, по яркости превосходившим розы, и стал наслаждаться обществом своей возлюбленной. Музыкантши, последовательницы Нахид, на красоту которых зарилось само солнце, пели и танцевали, вызывая зависть стройных кипарисов и позоря пав. Веселящее вино увеличивало прелесть тюльпаноликих красоток, вино булькало в такт пению, и сердца музыкантов, в предвкушении наполненных чаш, расцветали розами. Окрашенные хной пальчики сребротелых дев дразнили яркостью тюльпаны и базилики, словом, пиршество было в разгаре. В груди загоралось пламя, словно в капище огнепоклонников, и Джахандар смеялся, словно роза от весеннего дождя, волшебный напиток кружил головы красоткам, так что на лицах их расцветали тысячи роз, звук

люющего из горлышка кувшина напитка напоминал трели соловья, а зажаренные птицы от жажды соединиться с бутылью вина шипели и трещали, кувшин, похожий на соловья, распевал пьяные песни от страсти к тем розоликим девам.

СОЛНЦЕ ЗНАМЕНУЕТ ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ,

МИР ОБЛАЧАЕТСЯ В НОВЫЙ НАРЯД

ПОД РАЗНОЦВЕТНЫМИ ЗНАМЕНАМИ ВЛАСТЕЛИНА ВЕСНЫ

Когда златовенчаный властелин девяти небес, завоевав страны юга, поднял знамена в созвездии Овна, то гром его барабанов донесся до слуха насильника зимы, и она стремительно бросилась бежать в тайник небытия, а служители владыки-весны стали готовить и наряжать страдальцев лужаек, так что по всем горизонтам разнеслись звуки литавр справедливости. Благодаря воздействию небесных отцов-планет на мир четырех стихий-матерей * земля стала вновь оживать, после того как пробыла всю зиму в плену смерти, а ткачиха-судьба начала выводить удивительные узоры в мастерской месяца фарвардин. Владычицы-розы вновь воссели на изумрудные престолы из ветвей, одаряя своими милостями шиповник. Кравчий-туча стала наполнять чаши тюльпанов прозрачным вином, и мир перестал грустить. Из-за туч, приветствуя природу, раздавались звуки грома, будто грохот литавр и барабанов со спин верблюдов и слонов. Весенние певцы, словно имамы в мечети, стали заливать трелями на зеленых кафедрах ветвей, прославляя владыку весны. Хранители сокровищ весны сговорились между собой и стали сыпать им на головы тысячами динары и дирхемы. Ветерок смешал воедино ароматы роз, базиликов, ив, алоэ. Деревья, недавно сбросившие перед жестоким насильником-зимой свои кольчуги и чалмы, вновь облачились в парчу и драгоценные шелка из сокровищницы властителя весны. Молодые лозы принялись кувыркаться по земле и шуметь на весь мир о том, что они снова растут. Весенний ветерок овеивал прохладой молодые побеги в саду, только

что вышедшие из бездны небытия на арену существования, зефир одарял бутоны милостями и благодеяниями. Земля взамен подбитого снегом зимнего полушубка облачилась в одеяние из зеленого шелка и соперничала красотой с самим голубым небом. Степь облеклась в пестрый наряд из трав и цветов и устраивала в мире пиры, подобные пиршествам Фаридуна и Джамшида. Вода на лужайке благодаря покровительству солнца освободилась от оков и начала рассказывать кипарисам и лужайкам о своем заточении. Газели резвились в степях и на склонах гор, учась пляскам, а горлинки и скворцы затянули радостные песни.

Обрадованный Джахандар, видя невесту-мир в таком наряде, слыша радостные крики тех, кто ликовал на ложе весны, не стал отступать от обычая пирующих гуляк и решил усердствовать в удовольствиях и наслаждениях. Он обвил рукой шею возлюбленной и величаво, словно Фаридун, поспешил в сад, трава которого была не хуже, чем в садах рая, а красотой гиацинтов которого похвастался бы сам Ризван. А тут как раз бутоны роз распустились от утреннего ветерка, птица утра, приученная подниматься рано, взвилась в небо, розы стали перлами падать на головки красавиц лужайки, ветерок поднимал от сна сладкоустых дев сада, тюльпан пил утренний напиток, напевая про себя, роза любовалась в зеркале своим отражением, нарцисс подводил глаза сурьмой, травка умывалась розовой водой росы и румянила щеки, кипарис распрямлял стройный стан, фиалка прихорашивалась, гиацинт расчесывал свои локоны, и даже воздух проливал слезы.

Джахандар погулял по саду, порадовался чудесам творца и полюбовался лужайкой, которая могла бы посрамить райские сады. Там росли царственные розы, чаши тюльпанов были полны пурпурным вином, базилики под улыбками ветерка распространяли пряный аромат, гиацинты благоухали, кипарис волновался от песни горлинки, пальма загоралась желанием к лужайке. В ушах роз качались сережки росы, движение ветерка доводило до бесчувствия иву, тюльпаны льнули к гиацинтам, а розы, одетые в платье из капель дождя, казались светильниками. Цветы пьянели от росы, птицы заливались трелями, словно жрецы в храме, прозрачные ручьи текли плавно, словно стихи импровизатора, гор-linka прославляла в виршах кипарис, лилия пела хвалы весне, соловей грустил, как Меджнун, жаворонок заливался, словно искусный музыкант, яблони покрылись сплошь жел-

тым цветом, словно лик Фархада, персики, словно уста влюбленной, все были молоко и сахар, а цветы граната рдели рубином. Гроздья винограда свешивались, словно Плеяды, алыча предлагала пирующим на лугах кисло-сладкую закуску, а абрикос дарил устам сладкоустых сладость.

Джахандар решил подражать в веселии и радости цветам и деревьям на лужайке и устроил пир, который чуть не посрамил весну. Розоликие кравчие наливали пурпурное вино в белые чаши, а периликие музыкантши и певцы состязались своими мелодиями с певчими птицами. В руках у прекрасных дев заплясали бубны, аккомпанируя арфам. Вино, которое доселе пряталось в бутылках, словно джинн, с помощью кравчих превратило в коня чашу и стало бросаться на окружающих. Прекрасные, как гурии, девы с устами алее тюльпанов красовались повсюду, и сад стал прекрасен, точно рай. От сладостной игры музыкантов даже старцам хотелось повеселиться и вновь обрести молодость. Звуки лютен мешались с возгласами кравчих, от мелодий чанга и криков куропаток соловьи рыдали, а розы смеялись.

Джахандар то поднимал кубок за изогнутые брови влюбленной, то пил вино за благоухающие мускусом локоны чаровницы. Так он одержал верх над неверной судьбой, добился своей цели и вписал свой успех в книгу приходов.

С РАЗРЕШЕНИЯ ШАХАНШАХА

ДЖАХАНДАР ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СВОЮ СТРАНУ,

ДОБИВШИСЬ СВОЕГО

Когда Бахравар-бану по велению умопомрачительной любви отдала себя целиком Джахандар-султану, знатные дамы Мину-Савада, судившие лишь по внешности, сочли Джахандара худородным бедняком и стали порицать Бахравар-бану, а его укорять происхождением.

— Хотя Бахравар-бану, — судачили они, — в гордыне отвергла всех сватавшихся к ней земных властелинов и падишахов, в конце концов она влюбилась в какого-то каландара,

у которого нет ни кола, ни двора, который всю свою жизнь провел на улицах, скитаясь и безумствуя, словно Меджнун. И самое удивительное, что она считает его венценосцем и достойным себя супругом. Словно она и не ведает, что отпрыски царских родов не носят залатанного рубища и миску на поясе* и деревянных башмаков, подвязанных веревками.

Бахравар-бану сильно огорчалась такими пересудами. Когда же об этом прослышал Джахандар, он счел своим долгом искоренить причину огорчения своей любимой, наказать тех глупых слепцов, показав невежам, что скрыто под личиной его нищеты. Он пришел к падишаху и повел такую речь:

— Твой нижайший раб просит тебя хоть один раз озарить своим приходом мою скромную лачугу, которой после этого станет завидовать само солнце, и тем самым вознести ничтожную пылинку до высот своего дворца. Этим ты окажешь мне великую честь.

Благодаря покровительству всевышнего просьба его была удовлетворена. Джахандар от радости расцвел, словно роза, стал готовиться к роскошному пиру и велел припасти яства, подобающие сану падишаха.

Падишах, венчанный солнцем, с лицом, румяным от вина, сел на спокойного гнедого коня, так что солнце стало завидовать седлу, в которое он уселся, и поехал к месту пиршества, где взошел на приготовленный для него престол. Как только прибыл падишах, Джахандар дал знак слугам и музыкантам удвоить усердие, постелить красную скатерть, расставить на ней всевозможные яства и напитки, при виде которых даже небо изумилось бы. А фруктов и сладостей принесли столько, что их и сосчитать было невозможно.

После окончания трапезы внесли множество ковров, подушек и покрывал из редких тканей, всяких драгоценных камней, которых не счесть и самым искусным математикам. Все это Джахандар преподнес в качестве дара падишаху, а после этого начал по всем правилам этикета извиняться перед ним.

— Эти никчемные вещи не стоят даже, чтобы ими ода-

рять слуг падишаха,— сказал Джахандар,— но ведь от муравья, кроме ножки кузнечика, нечего ждать! * И если падишах соизволит принять сей дар, то он окажет великую честь своему рабу, обязанному ему своим существованием.

Увидев эти богатства, присутствовавшие на пиру погрузились в пучину изумления, падишах же пред сокровищами, достойными кладовых самого господа бога, остановился пораженный, ибо таких богатств не было ни у одного властелина обширной земли со дня сотворения мира. Весть о случившемся распространилась в тот же миг по всей стране, так что те, кто сомневался в Джахандаре, вынуждены были раскаяться и устыдиться. И простые и знатные, и великие и малые мужи той державы признали величие души и знатное происхождение Джахандара и стали прославлять и приносить его.

Джахандар, убедившись, что события идут по его желанию, решил вернуться в родную страну и обратился с просьбой к падишаху с подобающей вежливостью, как надлежит разумным мужам. Хоть падишаху и трудно было расстаться с дочерью, но он скрепя сердце был вынужден согласиться и дал за ней приданое, подобающее его сану. Он подарил ей парчовые ткани, касаб и алоэ, и амбру, и золото, и яхонты, и драгоценные камни, горностаев, и соболей, благовония, гнедых скакунов, быстроходных верблюдов, горнодобных слонов, периликих невольниц, рабов, подобных райским отрокам,— в общем все, что необходимо властелинам, и в таком количестве, что ни одна голова не способна была пересчитать это.

Узнав о шахских дарах, Джахандар в вежливых и почтительных выражениях отказался от них, сославшись на то, что у него мало выючных животных, а дороги проходят через узкие ущелья. Он простился в благословенный час и отправился в гарем, чтобы проститься со святой женщиной, матерью Бахравар-бану. Жена падишаха в предчувствии разлуки с любимой дочерью пролила из глаз поток слез-жемчужин, схватила Джахандара за полу и поручила ему свое драгоценное чадо.

— Хотя Бахравар-бану,— говорила она,— возвращена в неге и покое, как дочь падишаха, теперь она — твоя служанка. Она, конечно, достойна твоего брачного ложа, но вместе с тем она готова служить тебе, как раба. Ты же, памятуя о величии своей души, относись к ней так, как это добавляет твоему сану.

Джахандар, как человек рассудительный, стал утешать и успокаивать тещу, простился с ней и двинулся в путь по направлению к родной стране. Когда он сделал первую остановку, попугай, который был мудрейшей птицей, стал поздравлять Джахандара в смиренных выражениях, прочел за него молитвы, восславил его, а потом сказал:

— Слава Аллаху, я слабая птица, жалкая горсть перьев, всегда мог проявить к тебе, пребывающему в расцвете молодости, покорность и верность,— ведь они необходимы преданным рабам и искренним помощникам. Под руководством недремлющего счастья и с помощью благоволящих звезд я сослужил тебе верную службу, стал причиной важных для тебя событий и, несмотря на свое ничтожное тело, совершил великие деяния. Благодаря божественному вспомоществованию ты полностью достиг мечты, которая была целью твоей жизни. А теперь в соответствии со стихом

По древним обычьям достоин свободы
Раб, прослуживший долгие годы *,

я прошу отпустить на волю твоего верного раба. Я хочу вернуться на родину и после долгой разлуки встретиться со своими сверстниками, с которыми я резвился в детстве на лужайках. И тогда молва о величии твоей души распространится до границ нашего мира, и все остальные попугаи округи станут возносить богу благодарственные молитвы, прославлять и восхвалять тебя.

Как ни старался Джахандар отговорить попугая, тот продолжал настаивать на своей просьбе, и он был вынужден уступить и отпустить его на волю.

ДЖАХАНДАР ТЕРЯЕТ ДОРОГУ К СЧАСТЬЮ

И ПОПАДАЕТ В ДОЛИНУ НЕВЗГОД

ИЗ-ЗА КОВАРСТВА ИЗМЕНЧИВОГО НЕБА

Поскольку мед, даруемый этим двуличным роком, всегда перемешан с горьким колоквинтом и поскольку этот обманчивый небосвод меняет свои хитрые уловки сотни раз, то не

успел Джахандар еще насладиться блаженством, как судьба свернула коврик его счастья, не успел он прикоснуться губами к чаше наслаждения, как рок пролил во прах несчастья напиток его желаний. Вот как это случилось.

Когда этот светоч на небе царства двинулся из города Мину-Савад к родной стране, он проявил великое усердие и в скором времени прибыл в ту местность, где хитростью добыл чудесные вещи у двух спорщиков. Он вспомнил, что тогда поступил несправедливо, лоб его покрылся испариной стыда, и он стал разыскивать их, желая вернуть им их собственность и попросить прощения. Найти их не составило труда. Со стыдом и раскаянием Джахандар положил перед ними те вещи и стал просить прощения и оправдываться тем, что они, эти диковинки, были нужны ему для того, чтобы прибыть в Мину-Савад и добиться свидания с Бахрар-бану. Он рассказал им всю свою историю и, поскольку достиг того, чего желал, стал благодарить их. Благородные юноши отвечали ему:

— О любезный человек! Не ныряй понапрасну в бездну стыда, не скачи в тревоге по степи извинений, ибо мы, как только обнаружили пропажу чудесных вещей, тут же простили их тебе. Пусть они будут для тебя столь же дозволены, как молоко матери! А теперь, если ты пожелаешь, за оказанное тобой нам благодеяние мы подарим тебе такое благо, которого еще никто на свете не удостоивался. А стоит оно в искусстве оставлять свое тело и переселяться в другое.

Джахандар был поражен их словами и попросил:

— Объясните получше. Ведь я виноват перед вами, за что же я удостоился благодарности и благодеяния?

— О благородный муж! — ответили юноши. — Мы — братья. Наш отец — да благословит его Аллах — простился с этим миром и оставил нам в наследство огромное богатство, в том числе те чудесные вещи: старое ведро, рваную подушку, миску каландара и деревянные башмаки. Мы не могли поделить их поровну и потому ссорились. Тогда мы положились на бога и стали дожидаться человека, который помог бы нам разделить спорные предметы. Этим человеком по воле судьбы оказался ты, и ты прекратил распрю между братьями. Мы сочли такой поступок божественной милостью и стали благодарить тебя за помощь. А теперь наше удовлетворение увеличивается еще тем, что ты благодаря тем вещам достиг своей цели. Пусть же они останутся у тебя.

Джахандар похвалил великодушие, чистосердечность и бескорыстность тех юношей, научился у них искусству перевоплощения и продолжал свой путь.

Но вслед за Джахандаром ехал Хурмуз, сын везира, который изнывал от страсти к Бахравар-бану. Он затаился в засаде, выжидая только удобного и благоприятного случая. В то время когда Джахандар вел беседу с теми братьями, расспрашивая о свойствах диковинных вещей, он сидел в укромном местечке и подслушивал. В тот самый миг, когда Джахандар учился переселению души, он слушал тайком и тоже научился этому искусству.

После того как Джахандар миновал несколько переходов, Хурмуз поступил к нему на службу и продолжал путь вместе с его караваном. Желая обмануть его бдительность, он притворился его искренним другом и верным слугой, а сам в глубине души намеревался погубить Джахандара и приберегал в своих помыслах семена зла.

Спустя некоторое время они прибыли к той самой широкой реке, через которую невозможно было переплыть,— мы уже рассказывали о ней в начале книги. Как и в первый раз, они переправились через реку с помощью святого дровиша и оказались, наконец, у границ державы отца Джахандара. Случайно они встретили в той степи одного кузнеца, который знал о том, что случилось с Джахандаром. Он узнал Джахандара, оказал ему подобающие почести и стал поздравлять его. Джахандар пообещал ему царские подарки и послал с радостной вестью к отцу, чтобы тот встретил его со свитой и многочисленным войском. Сам же Джахандар решил ждать на границе прибытия свиты и необходимых вещей.

На другой день охотники раскинули свои тенета, и Джахандар по совету Хурмуза отправился на охоту. Словно Бахрам Гур, натянул он свой лук и пускал стрелы, пронзавшие гранит и разившие добычу. Хурмуз, оставшись наедине с Джахандаром, прибегнул к хитрости и обратился к нему:

— О шах с сердцем Рустама! Я знаю одно чудесное искусство, которое может сравниться с чудом Мессии. Думаю, что под этим высоким небосводом никто, кроме меня, не знает ничего подобного. Я умею оставлять свое тело и переселяться в другое, произнеся при этом великое имя бога, творца души. Если хочешь, я научу тебя этому. Но с условием, что ты отблаговоришь меня за этот дар и будешь впредь уважать меня.

Джахандар, не ведая о коварстве двуличной судьбы, выпустил из рук поводья предосторожности и сказал:

— В этом искусстве мне нечему у тебя учиться, я и сам могу тебя поучить.

— Странно,— возразил Хурмуз,— как великие падишахи могут осквернить себя ложью и даже не стыдятся при этом.

Джахандара рассердила его дерзость.

— Я сию же минуту докажу тебе свою правоту, и тогда кровь такого болтуна и хвастуна, как ты, будет дозволенной!

— Что ж, если ты обратишься сейчас в эту подстреленную тобой газель, освободившись от своей брэнной оболочки из праха, то я призываю бога в свидетели, что моя кровь будет дозволенной,— сказал Хурмуз.

Джахандар, от которого отвернулась судьба, не стал раздумывать над его словами, по воле рока покинул свою

телесную оболочку и превратился в газель. Хурмуз же, убедившись, что все случилось так, как он замыслил, не стал терять времени, покинул свою мерзкую телесную оболочку, вошел в пречистую оболочку Джахандара, мигом вскочил на его скакуна в золотое седло, инкрустированное драгоценными камнями, и поскакал, ликуя, к Бахравар-бану. Но Бахравар-бану догадалась по его поведению, что это не Джахандар, по своему природному уму она сразу поняла, что здесь подмена, и притворилась больной, чтобы не загрязнить свое целомудрие на ложе мерзавца. Ссылаясь на болезнь, она перестала есть, и от голода силы стали покидать ее, так что Хурмузу пришлось в ожидании исцеления оставить ее в покое.

Наконец, прибыли эмиры и военачальники, присланные отцом Джахандара для встречи. Они приняли Хурмуза за шахзаде и повезли его с полной торжественностью в падишахский дворец. Падишах, конечно, был очень рад видеть сына, стал осыпать его золотыми монетами и драгоценными камнями. А тот проклятый мерзавец притворился обрадованным, а потом попросил падишаха отпустить его и прошел, как хозяин, в покои Джахандара. Там он предался неге и наслаждению с периликими обитательницами гарема, кроме той наложницы, из-за смеха которой Джахандар влюбился в Бахравар-бану. Она по своему природному уму и догадливости сообразила, в чем тут дело, и наподобие Бахравар-бану притворилась больной и улеглась в постель.

Так прошло некоторое время, и падишах, поскольку «все смертно, кроме Аллаха» *, смирился перед ангелом смерти и отбыл в царство вечного покоя. И по воле небосвода, благосклонного к подлецам и милостивого к мерзавцам, венец и престол падишаха перешли к тому подлому негодяю, и он, сам того не ожидая, достиг царской власти и воссел на падишахский трон. Он скоро привык к царствованию, начал чеканить монету на свое имя, прибрал к рукам города и селения и вскоре изучил законы управления государством.

ДЖАХАНДАР СКИТАЕТСЯ ПО ГОРАМ И ДОЛАМ.

ИСПИВ ТЫСЯЧУ ЧАШ ГОРЕСТЕЙ,

ОН, НАКОНЕЦ, ВКУШАЕТ НАПИТОК ЖЕЛАНИЯ

БЛАГОДАРЯ ПОКРОВИТЕЛЬСТВУ ИЗЕДА

Посвященные в тайны мира изложили этот рассказ столь изящным слогом. Когда Джахандар коварством вражущегося небосвода был превращен в газель, он не остался на месте, опасаясь за свою жизнь, а поскакал прочь, словно вольный житель степных просторов. Он боялся диких зверей, опасался охотничьих собак и охотников и скитался по горам и долам, нигде не останавливаясь. Наконец, он достиг какой-то лужайки, где увидел дохлого скворца, лежащего на изумрудной травке. Он сообразил, что лучше быть летающей птихой, чем газелью, мигом обратился в скворца и полетел, набирая высоту. Он прилетел прямо в свой родной город и в скором времени опустил в саду на ветви сосны. Случилось так, что там был расставлен силок одного охотника, и скворец угодил прямо в него. Охотник схватил его, посадил в клетку и пошел в город. По дороге он встретил дервиша, который сидел под открытым небом на голой земле, не ведая тревог и волнений этого мира. Охотник уже давно знал этого дервиша, и они водили дружбу. Поэтому охотник остановился на некоторое время поговорить с ним и предложил ему в подарок скворца. Скворец же, видя, что коварный небосвод сковал его шею таким обручем, подумал, что это поможет ему избавиться от козней судьбы, и, поскольку

Мудрая птица, в силок угодив, сумеет набраться терпенья *,

он решил покориться судьбе и стал думать о том, как бы ему избавиться от этой беды. По совету своего совершенного ума он дал волю красноречивому языку и заговорил:

— Слава Аллаху,—сказал он,—наконец исполнилась моя мечта.

Дервиш страшно удивился словам скворца и воскликнул:

— О благословенная птица! Разве ты не знаешь, что благодарят в том случае, когда тебе оказано благодеяние?

За что же ты благодаришь бога сейчас, когда тебя заточили в клетку?

— О хозяин! — отвечал скворец. — Есть ли большее благо, чем быть в одном обществе с тобой?

Дервиш был польщен его приятными словами, он посмотрел на скворца ласково и сказал:

— Что ты за птица, такая мудрая и прозорливая? Твои слова проникнуты мудростью и сладки, словно сахар.

— Я птица, повидавшая свет, — отвечал скворец. — Мне часто приходилось беседовать с мудрецами.

— Надеюсь, ты уделишь мне долю того, что обрел в беседе с мудрецами, — сказал дервиш.

Скворец в ответ повел такую речь:

— Однажды мне пришлось побывать в обществе мудрого попугая, и я спросил его: «Почему утро уподобляется живому человеку?» — «А потому, что на заходе солнца оно дарит всем без различия горячую лепешку». Потом я спросил: «Почему тень птицы Хумай приносит счастье?» Попугай ответил: «Потому, что она предпочитает всем земным благам иссохшую кость». Далее я спросил: «Почему светит солнце?» — «А потому, — ответил попугай, — что оно избрало своим уделом одиночество». — «Почему прославилась Анка?» — «А потому, что она избегает людей». — «Почему сердце бутона всегда сжимается?» — «А потому, что он постоянно думает о золоте и серебре». — «Почему роза везде желанна и почитаема?» — «А потому, что она приветлива и радушна». — «Почему кипарис поднимает гордо голову?» — «Потому, что в его природе нет кривды». — «О наставник! — спросил я наконец. — Что самое главное для людей?» — «Быть довольными другими». — «В чем польза людей?» — «В том, чтобы избегать злых друзей». — «В чем их мудрость?» — «В том, чтобы остерегаться хитрости врага».

От этих мудрых и целебных для души слов дервиш расцвел и возликовал. Он счел скворца великим даром божьим и стал ценить его общество больше жизни. Однажды дервишу пришлось отправиться в город, и там он увидел большую толпу народа. Он стал расспрашивать, что случилось, и ему объяснили, что юношу красивой наружности схватили за какое-то преступление и привели к кадию для наказания. Кадий и муфтии колебались, казнить его или же наказать плетью, и тогда они решили бросить жребий.

— О добрые и праведные люди, — спросил дервиш, — за какое же преступление хотят наказать этого юношу?

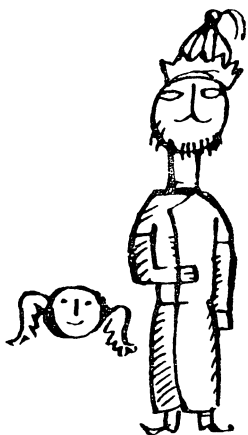
— Этот несчастный, на которого свалились один за другим все удары судьбы,— рассказали ему,— сидел перед дворцом везира и смотрел на себя в зеркало. Как раз в это время дочь везира выглянула из окна, и бедняга увидел в зеркале ее отражение. Он опьянел от ее красоты, лишился рассудка и в страстном порыве поцеловал ее отражение. Вот и схватили его за такую дерзость.

А скворец в это время был с дервишем. Выслушав такую странную историю, он посоветовал вывести юношу на солнце и дать сто плетей его тени. Люди, услышав столь мудрое решение из уст птицы, очень удивились и восхитились. Молва об этом быстро распространилась, о случившемся прослышала Бахравар-бану и отправила к дервишу человека за скворцом. Когда дервиш услышал высочайший приказ, на сердце ему свалилась скала скорби, но он не смог пренебречь повиновением царице и волей-неволей отдал посланцам скворца. Скворец, как только увидел лучезарную, прекрасную Бахравар-бану, вознес на языке птиц благодарность богу и стал дожидаться удобного случая. И вот однажды, когда в комнате Бахравар-бану не осталось посторонних, скворец, солнце счастья которого стало восходить, рассказал с начала до конца свою печальную историю о том, как Хурмуз предал его и как он был превращен в газель.

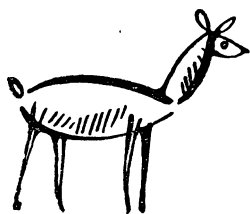
Бахравар-бану, слушая его удивительный рассказ, то плакала, проливая дождем слезы, то смеялась от радости. От нахлынувших чувств она потеряла власть над собой, вскочила в растерянности, не зная, что предпринять, чтобы отправить Хурмуза прямой дорогой в ад, лишив его благословенной телесной оболочки Джахандара. Скворец, видя ее тревогу и волнение, испугался, что ее поспешность может повредить делу, и сказал:

— О владычица земных красавиц! Не спеши и поступай обдуманно, так как я пока — слабая птица, а враг мой — мощный сокол, парящий в высях царства. Развязать жемчужную нить нашей цели можно только пальцами рассудительности. Когда этот мерзкий подлец придет к тебе, будь благоразумной и прими его с почетом. Скажи ему приветливо и радушно: «О Джахандар, затмивший своим блеском Фаридуна! Болезнь моя длится уже долго, и сердце мое сжато, словно бутон, и я не вижу никакой радости. Не сочти за дерзость с моей стороны, но я прошу тебя, сбрось, как это бывало прежде, свою телесную оболочку и воплотись в другую. Быть может, это зрелище немного развеселит меня».

Бахравар-бану послушалась его, и в день, когда небо и звезды благоволили к ней, она стала действовать так, как сказал скворец, стала лстить и соблазнять подлого Хурмуза и изложила ему свою просьбу. Поскольку звезда жизни Хурмуза, чьи мысли были ограничены, а мечты безграничны, была уже на закате, он выпустил из рук поводья предосторожности, приказал немедленно привести газель и перерезать ей горло. В тот миг, который был последним мигом его жизни, он покинул чистую телесную оболочку Джахандара и превратился в газель. Джахандар, который только и ждал такого счастливого случая, уповая на милосердие божье, сбросил с себя оболочку скворца и вошел в свою благословенную оболочку. Он воздал благодарственные молитвы всевышнему и приказал немедленно связать ту газель с душою пса и подвесить над глубоким колодцем.

На другой день, когда газель-солнце высвободилась из капкана на востоке и стала красоваться над миром, Джахандар взошел на трон величия и верховной власти и начал принимать подданных. Когда вошли знатные и простые мужи, он рассказал им свою удивительную историю. Присутствовавшие, выслушав этот поразительный рассказ, от изумления долго не могли шелохнуться, словно нарисованные на шелку картины. Каждый из них по мере своих возможностей осыпал падишаха монетами, поздравляя его. Когда и знатные и простолюдины узнали о подлости и предательстве Хурмуза, Джахандар приказал привести в тронный зал преступника в облике газели и выпустить на него голодных овчарок, которые разодрали его на части клыками и когтями и отправили прямой дорогой в ад, согласно изречению: «Тот, кто вырыл яму ближнему, сам в нее угодит» *. И он, словно Карун, поспешил в царство вечного мрака, ибо что посеешь, то и пожнешь.

**ДЖАХАНДАР СОЗЫВАЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ, ЧТОБЫ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ РЖАВЧИНЫ
ВРАГОВ. ОН ПОСЫЛАЕТ ПРОКЛЯТОМУ СУДЬБОЙ БАХРАМ-ХАНУ
ПАДИШАХСКИЙ РЕСКРИПТ**

Когда с помощью обманчивой судьбы и непостоянного неба Хурмуз в облике Джахандара воссел на шахский трон, то он по подлости своей натуры совершил недостойные падишаха поступки, из-за которых подданные от него отвернулись и многие перестали повиноваться ему. В результате этого пламенем разгорелся мятеж, тлевший уже несколько лет, так что основание падишахской власти заколебалось. Главный военачальник и самый знатный муж державы Бахрам-хан не смирился с несправедливостью Хурмуза, предпочел сохранить свою честь, чем покориться недостойному монарху, стал понемногу разрывать цепи верховной власти и поднял восстание. К нему присоединились смутьяны и бунтовщики, которые хотели извлечь из этого для себя выгоду. Власть и большое войско вскружили Бахрам-хану голову, он стал мечтать о троне и венце, так что вскоре благодаря покровительству звезд и своему счастью он овладел половиной державы, а потом по совету своих друзей возложил себе на голову венец и стал красоваться в саду царства, словно кипарис на лужайке. Он проявлял к подданным справедливость и творил правый суд, что является лучшим способом управления государственными делами и завоевания земель, и тем самым склонил на свою сторону многих подданных. Собрав огромное войско, он поднял высоко знамена и выступил войной против Хурмуза. Но Хурмуз по своей трусости и низости характера не стал сопротивляться, не ответил на его вызов и удовлетворился той частью страны, которая осталась под его властью.

Когда же благородный Джахандар благодаря покровительству неба стер со страниц жизни имя Хурмуза и воссел на падишахский престол, он по своему царственному характеру решил, что было бы противно доблести оставить в руках постороннего свои наследственные владения, вознаме-

рился вымести из цветника державы мусор бунтовщиков и смутьянов, сбросить в колодезь небытия тех, кто пробил брешь в чести падишаха, не делить ни с кем трон и венец державы и привлечь в объятия прекрасную невесту — царскую власть. С этой целью он созвал у себя в покоях своих доверенных советников и самых мудрых ученых мужей и стал советоваться с ними, как осуществить ему это великое дело. В умах мудрецов сложилось решение, и они доложили:

— Прежде всего надо отправить к Бахрам-хану падишахский рескрипт, полный увещаний, основанных на законе, чтобы вернуть его из степи неповиновения на путь покорности. Если он благодаря покровительству звезд сойдет с преступного пути и припадет челом к подножию престола падишаха, то цель наша будет достигнута. В противном случае надо сжечь пламенем возмездия гумно его жизни и мечом, словно потоками воды, погасить пламя мятежа.

Джахандар одобрил мудрый совет ученых мужей, позвал дабира и велел написать послание, равное по своему значению воле судьбы. Когда прекрасное послание было окончено, он велел одному из своих верных приближенных отвезти его к Бахрам-хану. Вот что было в том послании: «Бахрам-хан! Ты пользовался самым большим расположением и милостью падишаха-миродержца, был украшением трона в кругу ошастливленных и доверенных наших, был высокой пальмой в саду религии и веры, живописцем в мастерской храбрости и доблести, душой на пирах верности и преданности, кадильщиком в собрании искренности и правдивости, был закалкой меча доблести и мужества, жемчужиной в море благородства и мудрости, потомком славного рода, приверженного и преданного нашему трону, ведал путь любви, был вождем тех, кто шел правым путем благодарности, был един с нами сердцем и не знал в мире равных себе по постоянству; ты был мудр и учен, знал тайны этого двуличного мира, ты был ветерком, от которого распускаются розы благочестия и увеличивается аромат истины, ты всегда следовал по пути знаний, был садовником в цветнике высоких помыслов, ты — вождь мужей державы, первый среди военачальников этого вознесенного до небес престола, ты — предводитель тех, кому покровительствует судьба. Так вот, Бахрам-хан, я расскажу тебе о том чудесном превращении, которое пришлось пережить моей августейшей особе. Когда я возвращался из Мину-Савада, достигнув победоносно того,

к чему стремился, то после многих страданий и мучений я прибыл к границам своей державы и разбил там шатры, но

Добро и зло сулят судьбы шаги,
А звезды — то друзья нам, то враги.

И вот поэтому подлый Хурмуз решил коварно обмануть меня и превратил мою священную особу в газель, которой завидовали татарские и тибетские газели. А подлый Хурмуз вообразил себя достойным падишахского венца и мантии царей, дал соблазнить себя пустым мечтам, его тусклая звезда показалась ему лучезарным светилом, и он по своему легкомыслию возомнил себя властелином державы, венценосцем и украшением трона, стал мечтать о том, чтобы стать миродержцем. Поскольку звезда венца и трона в это время находилась на закате, то в такое неблагоприятное время наш отец-падишах, обитатель рая, сложил свои пожитки в этом мире и отправился в мир вечный. Мерзавец Хурмуз воспользовался этим и нанес большой ущерб державе и, представив перед теми, кто слеп разумом, свою опухоль как здоровую полноту, воссел на престол. Однако истинный мститель воздает каждому преступнику по заслугам, поэтому его непрочное царствование сверкнуло, как пламя в бурьяне, но погасло от одного дуновения, сам же он был растерзан собаками и отправился в невыносимых страданиях прямой дорогой в царство вечных мук. А ветерок счастья снова повеял на лужайке моих чаяний, отчего распустились цветы надежд у моих искренних друзей. Несомненно, весть об этом чудесном превращении дошла до тебя до прибытия моего послания из уст людей. Слава и благодарность Аллаху, дела обернулись так, как хотели доброжелатели нашего великого рода, его осенила сень святого чертога. У меня нет никакого сомнения в том, что ты, который для меня все равно что родной дядя, в силу своего природного ума догадался об истинном положении того мерзкого Хурмуза и потому решил отложиться от него, руководствуясь бейтом:

Умчись, как стрела, от людей, неугодных судьбе,
Средь баловней счастья найди властелина себе.

Ведь разум не верит в то, чтобы ты при всей твоей благодарности к нашему роду и благочестию мог позабыть благодеяния и милости, оказанные тебе нашим покойным от-

цом — да будет его местопребыванием рай, — и без причины на то мог выйти из повиновения и ступить на путь предательства и измены. Не дай боже, чтобы честь такого преданного слуги нашего рода была загрязнена столь позорным деянием, граничащим с безбожием! Теперь же, когда по воле всемогущего творца начнут расти базилики желаний доброжелателей нашего великого рода, когда небо ниспослало нам свою милость и нас стали осенять божественные дары, я уверен, что ты и находящиеся с тобой победоносные военачальники воздадите богу благодарственные молитвы, не раздумывая долго, направитесь к моему престолу, под чьим покровительством находится весь мир, и в самое ближайшее время озарите свои правдивые глаза моей царственной красотой. Некоторые глупцы пытались представить в ложном и мерзком свете помыслы и намерения нашего верного слуги и подговаривали меня на то, чтобы я двинул свои победоносные войска и храбрых воинов против тебя. Но, поскольку мне ясны твои побуждения, я не послушался этих болтунов, а объяснил обстоятельства дела и поведения моего верного слуги знатным и простым мужам. Я теперь надеюсь, что и ты не станешь прислушиваться к словам пустобрехов, взвесишь все обстоятельства своим дальновидным и глубоким умом и, полный уверенности в безопасности, прибудешь и поцелуешь подножие моего трона, чтобы обрести высшее блаженство. Если на то будет воля всевышнего Аллаха, то после прибытия к моему престолу ты дождешься шаханшахских милостей и станешь предметом зависти всех людей нашего времени. Все важные и великие дела державы впредь будут вершиться по твоему усмотрению, тебе будет оказано столько милостей, что человеческий разум даже не в силах вообразить. Да будет твоя преданность и искренность расти, да укажет тебе Аллах правильный путь».

Когда тот указующий правильный путь и милостивый рескрипт был вручен Бахрам-хану, которого обуревала гордыня и властолюбие, то он, обольщенный и совращенный с правильного пути самомнением и властолюбием, не смог определить своего места и положения, не послушался разумных советов Джахандара и еще стремительнее бросился по высям и низинам преступления и грехов. Он позвал юного мужа, которого нельзя было счесть разумным и рассудительным, велел ему составить ответное письмо и этим сам уготовил себе гибель.

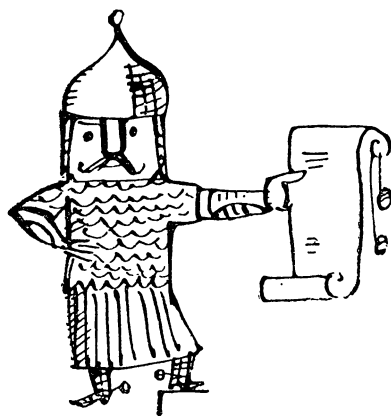
ОТВЕТ БАХРАМ-ХАНА

«Ко мне прибыл в наиболее благоприятнейшее время букет с цветника дружбы и венок базиликов союза, прибыло благоухающее амброй послание, написанное каламом, рассыпающим жемчуга слов, достойное самого небесного письмоводителя Утарида, письмо от его величества падишаха — плода с царственного древа верховной власти, розового куста из цветника владычества над миром, восседающего на величественном троне, солнца в небе победы, от потомка великих хаканов, главы царского рода Джахандар-султана, и я внимательно изучил его.

Что бы тебе он ни дал — благодарить его надо.

Милостив он и к рабу, — всем по заслугам награда.

Слава Аллаху, что мудрый творец дарует всем своим тварям разум в той мере, в какой подобает. Каждому своему рабу в соответствии с его способностями и натурой он посылает сан и положение, как сказано в священном писании: «Даруешь царство тому, кому хочешь»*. Того, кого пожелает, он облакает в царскую мантию и вручает ключи к вратам царства, а того, кого не считает достойным, низвергает с трона царей во прах, согласно изречению: «Низвергаешь с трона того, кого ты пожелаешь»*.

Сила и гордость — доля владык,

Чьи царства древни, а дух велик.

Я жаждал дворца величия и в соответствии со своими способностями и доблестями вознес себя в этом мире и отличил от других людей. И теперь никому не принесет добра зависть к этому данному мне богом счастьем, равно как и попытка оспаривать его у меня. Смотреть с пренебреже-

нием и презрением на тех, кому покровительствуют в небесном чертоге, может лишь слабый умом. Поэтому недостойно тебя, падишаха, отправлять такое легкомысленное письмо, не подобающее твоему сану, и совершать непохвальные поступки, которые могут привести в негодование разумных мужей. Если же подобные деяния, которые могут лишь огорчить людей и порвать дружеские узы, совершены от того, что ты еще помнишь дни царствования своего великого отца — да помилует его Аллах, — то это не имеет никакого значения для разумных мужей. Ведь известно, что этот переменчивый мир никогда не поступает одинаково, что извечная сила, которая движет поступками всех тварей, любит нарушать свои старые обычаи и утверждать новые. Поэтому самое лучшее для тебя сейчас — это в противоположность прежнему быть приверженным к дружбе, что является самой похвальной чертой, оросить водой договоренности и дружбы лужайку союза и преданности, придерживаться отношений, которые приняты между государями, и соединиться с моим мощным войском в случае опасности для державы, чтобы ты мог воочию увидеть мощь длани Рустама и силу плеч Бахрама. Поскольку мой взыскующий истину разум желает союза с тобой, я решил написать тебе эти несколько слов в духе дружбы и приязни. Дни твоего царствования и благоденствия пусть протекают по желанию твоих друзей».

МИРОДЕРЖАВНЫЙ ДЖАХАНДАР РЕШАЕТ НАКАЗАТЬ

ПРОТИВНИКА,

СЧАСТЬЕ КОТОРОГО ЗАДРЕМАЛО

Когда справедливый Джахандар ознакомился с ответным письмом отвергнутого звездами Бахрам-хана, когда он узнал, что тот уклоняется от повиновения и решил ступить на стезю мятежа, то море его ярости от его царственного самолюбия и доблести забушевало, и он счел своей первой обязанностью наказать проклятого судьбой Бахрам-хана и воздать по делам его заблудшим сторонникам. Он велел снарядить армию всем необходимым, разослал по

всем провинциям рескрипты с повелением вести войска к столице. Когда это было сделано благодаря усердию его расторопных и мудрых исполнителей и военачальников, он велел поднять на подобных тучам слонах победоносные знамена и забить в литавры, от громоподобного звука которых готов был рухнуть вал Искандара и разрывалось сердце небесного Льва. Сам он, по обычаю Кей-Кубада и Фаридуна, воссел на боевого коня со стальными копытами, который одним махом мог бы обежать все горизонты, и двинулся во главе несметного войска с целью разбить врага и отвоевать страну.

Торопливые лазутчики принесли к беспечному Бахраму вести о том, что падишах с сердцем Рустама двинулся в поход. Он же, обольщенный своей гордыней, положился на немногочисленный отряд своих проклятых звездами бойцов, один вид которых уже предвещал поражение. Он снарядил свое войско по всем правилам и двинулся во главе его воинственно и бесстрашно, желая опередить врага в бою. На поле брани он остановился, высоко подняв знамена, выбрал выгодную позицию и расположился на ней.

Когда победоносный Джахандар прибыл на поле брани, его разгневало шутовство обреченного врага, и лицо его загорелось от напитка доблести. По обычаю счастливых с недремлющим сердцем он расположился в удобной для ведения боя местности, ночью же созвал своих победоносных и преданных военачальников и, как это принято у великих полководцев, стал побуждать их к ратным подвигам на страх врагу.

На другой день, когда царственный всадник-солнце село на серебристого коня утра и взмахнуло на небе позолоченным мечом, доблестный шах положился на свою звезду и, чтобы отвоевать доставшиеся в наследство владения и наказать примерно своего врага, вскочил на своего обгоняющего ветер коня.

Белый, огромный, стремительный конь с копытами цвета пыли,
Мчался по степи, как будто его нагайками бури били.
Шея крутая, широкая грудь, ветром взметенная грива
Силой дышали. Таких коней не видели или забыли.

Он поскакал по полю брани, словно лютый лев и ярый слон, сопровождаемый победой. По обычаю умелых полководцев он разделил на отряды свои победоносные полки, выстроил их рядами, так что яркости их поднятых знамен

позавидовала бы сама весна. Сам он, словно гора, прочно врос в центр, и началось жаркое сражение.

На другой стороне Бахрам-хан выстроил свои войска по совету бывалых храбрецов и остановился на поле, где ищут славы и домогаются чести. С обеих сторон одновременно ударили в медные литавры, от грома которых трескались горы, так что сердца могучих воинов разрывались, рев боевых труб заставил заплясать под храбрыми мужами коней со стальными копытами. Кривые станы луков в руках метких лучников изогнулись, словно брови жестоких красавиц, стрелы, искавшие жизни людской, соскочили с тетивы и полетели бесстрашно в сердца храбрецов. Тяжелые палицы, раскаленные, словно полуденное солнце, обрушились на головы бойцов и выбили прочь мозги. Подобные молнии мечи легко, словно воду, пролили потоки крови, равные Джейхуну. В крошечной тьме наконечники копий сверкали, словно молния из-за туч. В самозабвении воины являли чудеса храбрости. Томимые жаждой смертельно острые кинжалы искали влаги в сердцах храбрецов и утоляли свою жажду кровью. Витязи с мощными выями показывали свою закалку, бились мощными десницами, плавали в море крови вместе с противниками. Сердца храбрецов были украшены колечками кольчуг, словно завитые локоны красавиц, души юношей от страха перед лязгом мечей птицами улетали из клеток и взмывали высоко в небо. Тяжелые булавы опускались на выи героев, ломая позвонки на мощных шеях, толстые арканы обвивали военачальников, словно удавы... Короче говоря, жизнь на том поле стала клониться к упадку. Светлые кони от бурлившей крови стали гнедыми, свист стрел от темной земли поднимался до синих небес. Под тяжестью и топотом разъяренных воинов Бык, на котором держится земля, склонился набок, от бранных кличей и шума ударов земля готова была лопнуть.

Джахандар в той битве, напоминавшей Судный день, спешил проявить доблесть. Он пустил вскачь быстроходного коня, врезался, словно голодный лев, в гущу врагов, напоминавших стадо овец, и обрушил на их головы разрубающий гранит меч, подобный кровожадному крокодилу. Его мощная десница так преуспела в ратном деле, что даже мечи лишились храбрости, тетива стала петь хвалу, а лук готов был склониться в земном поклоне.

Наконец, озаряющий мир меч солнца поднялся в зенит, так что от зноя мозг в головах мужей закипел. В этот мо-

мент победа выскочила из засады и поцеловала стремя падишаха, его знамена затрепетали на ветру, а Бахрам-хан вручил свою душу смерти и по повелению кинжала отправился в могилу, а его разбитое войско обратилось в бегство, оставив поле боя победителю.

О злоумышленник, вздрогни от страха!
Отдан весь мир во владение шаха*.

Ведомый звездами, Джахандар сжег гумно жизни своего врага молниями мечей и отправил всех его воинов в могилу, захваченные трофеи роздал своим храбрым воинам и распростер сень милостей и благосклонности на свою страну, заботливо вникая в нужды подданных, а затем повернул коня к столице державы. Он въехал в столицу торжественно и с почетом, чтобы испытать из рук кравчего счастья напитков успеха и благоденствия.

ГАРЕМ ДЖАХАНДАРА БЛАГОУХАЕТ БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО В НЕГО ВОШЛА ТА, КОМУ ЗАВИДУЮТ ХАЛЛУХСКИЕ И ФАРХАРСКИЕ КУМИРЫ

Те, кто следует по верному пути этого сказания, вывели из-за завесы немилосердной судьбы такое повествование. Рассказывают, что Бахрам-хан, когда был в почете и имел власть, по велению всевластной любви взял себе в наложницы одну музыкантшу. Она родила ему девочку. Когда же немилосердный небосвод перестал одарять Бахрама милостями, вонзил ему в горло острый кинжал и сбросил с престола жизни в бездну небытия, то его последователи после таких событий рассеялись по разным сторонам, а жена его вместе со своей девочкой покинула гарем и скрылась в укромном месте. Она перестала думать о постигшем ее позоре и поселилась там, где ее могли видеть только преданные друзья. Но люди помимо своей воли получают в наследство ремесло отцов, она также последовала по пути своих предков и стала совершенствоваться в игре на музыкальных инструментах и пении, так что в скором времени

достигла верха мастерства. Она начала обучать музыке и свою дочь, которую звали Газель. Та достигла в своем искусстве такого совершенства, что, несмотря на затворническую жизнь, стала выдающейся певицей, с которой брали пример. Красота и дивный голос дочери были настоящей напастью для мужских душ, пробуждая в них сердечную тревогу. Из сладостных уст она сыпала во время беседы и пиров мудрые слова и остроты. Своим станом она пленяла кипарис в саду, лицом поражала розу на лужайке, от ее грустных напевов даже сердце Нахид обугливалось, а солнце поклонялось пламени ее щек, словно парс огню, красные прожилки в ее черных бровях, словно йеменская раковина, соблазняли солнце и месяц. Ее потупленные очи сводили людей с ума, словно чаша вина.

Ее мать, видя, что нераспустившаяся роза ее и непросверленная жемчужина наделена всеми прелестями, стала подумывать о том, как бы нанизать ее на нить замужества. Ей хотелось выдать ее за знатного человека, но сколько она ни искала, не смогла найти покупателя, достойного ее луны. Тогда она по внушению своего недремлющего счастья отравила одного доверенного, который был мудр и учен, к величавому Джахандару и велела передать ему весть о неожиданной радости. Посланец прибыл во дворец, словно угод к Сулейману, и рассказал о той, которая была второй Бил-кис.

— У Бахрам-хана, — говорил он, — в шкатулке целомудрия есть дочь, прекрасная как луна, ее уста, словно дыхание Исы, возвращают жизнь тем, кто умер сто лет тому назад, ее благоухающие жасмином локоны посрамляют мускус тибетских и хотанских газелей. Роза на лужайке сжимает свой ротик, чтобы поцеловать ее ножку, нарцисс в жажде увидеть розы ее щек не смыкает глаз. Если бы какая-нибудь красавица вздумала потягаться с ней в красоте, то весь мир стал бы показывать на нее пальцами за самомнение и слепоту, если солнце бросит себя на весы рядом с ее щеками, то его чаша поднимется до самых небес *. При всей своей красоте она к тому же в музыке равна Арасту́ и Ифлатуну, своим пением она заставляет птиц падать на лету, кольцами локонов пленяет диких зверей пустыни. Когда она кладет к себе на колени чанг, то пленяет весь мир, когда проводит по струнам арфы, Зухра от зависти начинает гореть, словно алоэ на огне. Наверное, с тех пор как существует эта переходящая обитель, живописец-творец еще не рисовал такого

кумира! Именно к ней относятся слова: «Мы сотворили человека в самых лучших пропорциях» *. К этому еще надо добавить, что она — жемчужина из моря благородства, целомудренна и добродетельна, она не смеет прямо взглянуть даже на нарцисс, хоть глаза у нее игривы, она не смеет прикоснуться даже к розе, так она осторожна. Еще никто, кроме Искандара, не притрагивался к такой жемчужине, и никто не достоин ее, кроме властелина всей земли. Ее мать, считая это целью своей жизни, готова без проволочек и отговорок отправить ее во дворец падишаха.

Джахандар, как только выслушал эти соблазнительные речи, выпустил из рук нить терпения и отправил одного приближенного с несметными дарами к матери той бесподобной красавицы. Он жаждал увидеть ту прелестную татарскую газель так страстно, как только способен человек.

Посланец Джахандара полетел на крыльях, мигом оказался у матери красавицы и передал ей ответ в выражениях, достойных разумных мужей. Мать же сочла это средством к своему возвышению, усадила ту луну несравненной красоты в позолоченный паланкин и отправила во дворец Джахандара. В приданое она дала ей коней, драгоценные ткани и прекрасных невольниц.

Когда паланкин с невестой внесли в падишахский гарем, Джахандар, томимый жаждой любви, едва увидев красавицу, потерял власть над собой, быстро подбежал к ней и снял с ее лица покрывало. Он увидел розу, которая никогда еще не страдала от осенних заморозков, луну без пятен. Ее чарующий взор с первого взгляда похищал разум и терпение, ее разум читал мысли собеседника: не успеет он раскрыть уста — с первого слова она уже знала о намерениях человека. Она была воспитана так, что ни один нескромный взор не проникал сквозь изгородь ее ресниц, и, несмотря на природный дар речи и множество девственных мыслей, оставалась в речах бесплодной, пока ее не просили заговорить. Джахандар при виде этой царственной жемчужины растаял, словно воск на огне. А пери, видя, что в силок ее локонов попала крупная дичь, притворилась равнодушной, сделала вид, что не узнала его, и стыдливо прикрыла лицо покрывалом. Джахандар, как и все влюбленные, стал заискивать перед ней и говорить ласковые слова, так что она вынуждена была, словно Зухра, сыграть ему любовные мелодии и спеть страстные газели, которые еще больше пленили его. Проводя кончиками своих пальцев по струнам, она

заставила так зазвучать лютню, что шах опьянел без вина. Он прогнал всех из покоя — одна лишь свеча осталась. Так они пробыли там некоторое время, а потом шах приготовился сорвать цветок в саду наслаждения. Но роза из сада изыска испугалась его, затрепетала от страха, словно лепестки от ветерка. Шах, видя, что его возлюбленная, эта роза, ни разу не видевшая соловья, страшится его, попросил прощения и принес кувшин вина, надеясь, что вино прогонит страх и смущение и что она после этого смирится перед ним. Когда сребротелый кумир осушил чашу, страх покинул ее, она взволновалась, а ее серебристый бутон захотел расцвести. Опьяненная вином, она подкрутила струны танбура и заиграла такую мелодию, что шах от страсти громко застонал и пожертвовал ее татарским локонам Ирак и Хиджаз.

Когда та дивная красавица была усмирена кувшином вина и изъявила свою покорность, осторожный шах сначала прильнул к ее устам, крепко сжав ее в объятиях, наслаждался сладостным сахаром ее ротики, потом натянул поводья горячего скакуна, скакавшего на арене наслаждения, и вонзил шпоры. Он обманул своего нового друга спокойным бегом, а затем внезапно погнал коня со стальными копытами по водоему из белого серебра, словно мяч желания по полю наслаждения, и заставил фисташку улыбнуться ударом острого кинжала.

Шах с китайского портрета сбросил шелковый платок,
У шкатулки драгоценной золотой сломал замок.
Жемчуг, встретившись с рубином, был просверлен, и тогда
В океане стихли рыбы, в небесах зажглась звезда.

**БАХРАВАР-БАНУ ОБИЖЕНА ТЕМ,
ЧТО ДЖАХАНДАР РЕЗВИТСЯ С ТАТАРСКОЙ ГАЗЕЛЬЮ.
ОТ ЧРЕЗМЕРНОГО ГОРЯ ЕЕ РУМЯНЫЕ ЩЕКИ ЖЕЛТЕЮТ.
ОНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУСТЫНЮ ОТ СКОРБИ И СЕЛИТСЯ ТАМ,
ГДЕ ЕЕ СОПРОВОЖДАЮТ ГОРЕСТИ И ПЕЧАЛИ**

Бахравар-бану жила с Джахандаром, не деля ни с кем его любовь и не зная, что такое вторая жена. Как только она услышала о новом увлечении властелина, она стала извигаться от горя, словно змея с отрубленной головой, сладость жизни сменилась для нее горечью. Но она была женщина воспитанная и не захотела говорить с Джахандаром об этом, от горя она стала кусать собственное сердце и выбежала в сад, чтобы хоть как-нибудь совладать со своей скорбью. А в тот день цветы пышно распустились и красавица-роза поконилась в объятиях соловья, кокетничая с ним. Когда царица увидела такую картину, из ее глаз потекли слезы, а косы расплелись от огорчения. Потом она пришла в ярость, и душа ее стала чернее ее локонов, она посмотрела в гневе на лужайку, так что роза от страха перед ней перестала улыбаться и свернулась бутоном, а соловью лужайка показалась теснее сердца бутона. Горлинка перестала любоваться кипарисом, а душа соловья сгорела, словно мотылек в огне. От страха перед ней ветерок перестал веять и укрылся под розовым кустом, а лилия, которая по красноречию так часто говорит экспромтом, умолкла, словно безмолвный гребешок. Зефир превратился в настоящий ураган, и берега ручья высохли, словно уста грешника.

Вид сада не принес Бахравар-бану облегчения, она не почувствовала аромата радости и потому поспешила оттуда в степь, надеясь, что под вольным ветром пустыни распусться сжатый бутон ее сердца. Она шла, пока не прибыла к роднику, вода которого была чиста, как помыслы добрых людей, упоительна, как прохладное вино. Вокруг пышным

ковром росла зелень, среди которой виднелись розы и благоухающие амброй базилики.

Ей захотелось остаться одной в той прелестной местности без друзей и подруг, чтобы делиться своей тайной только с собой, чтобы то смеяться над обманчивой судьбой, то плакать из-за ее коварства. Вода и воздух там подходили к ее желаниям, и вот она приказала своим служанкам остановиться на той лужайке и разбить там шатер и поселилась там вместе со своими доверенными невольницами, а около шатра поставила много стражников для охраны. Она сняла драгоценности с шеи и ушей, стала проводить свое время в молитвах и перебирании четок, словно праведная отшельница. В скором времени от горя и переживаний она стала тонкой, как нить, склонилась во прах, словно циновка. Но сердце ее все еще было в плену у шаха, и, несмотря на свою обиду, она оплакивала разлуку с ним и сносила горестное одиночество только из самолюбия.

**ВЛАСТЕЛИН, КОТОРОМУ МЕСТО НА САМОМ КЕЙВАНЕ,
УЗНАЕТ О СОСТОЯНИИ ЗАГЛАВНОГО ЛИСТА
ВСЕХ СЛАДКОУСТЫХ КРАСАВИЦ И ОТПРАВЛЯЕТ К НЕЙ ПИСЬМО
С ПРОСЬБОЙ О ПРОЩЕНИИ, КАК ПОДОБАЕТ ТЕМ,
КТО РЕВНОСТНО ИДЕТ СТЕЗЕЮ СТРАСТИ**

Написал я другу кровью, что, устав грустить о нем,
Каждый день разлуки нашей почитаю Судным днем*.

«Клянусь твоими благоухающими жасмином локонами, которые пленили своими завитками мое существо, что с тех пор, как глаза мои проливают кровавые потоки в разлуке с твоим лицом, перед которым стыдится весна, все тело мое обливается кровью и подобно кроваво-красному тюльпану. Потоки моих слез вызывают зависть у Оманского залива и срамят реку Джейхун. Ветерок тому свидетель, и даже звезды ведают о том, что каждый день по утрам бутоны сме-

ются над моей скорбью, а по вечерам ветерок рыдает над моим одиночеством. Если те, кто взывает тайны этого мира, прочитают в старых книгах рассказы о Парвизе и Меджнуне, а потом сравнят меня с ними, то станет очевидным, что легенды о тех безумцах любви не что иное, как ничтожная часть истории моей мучительной любви. Ведь Хосров из-за своей Ширин не видел и десятой доли той скорби, которая постигла в эти несколько дней разлуки меня, страдальца в долине любви и скитальца в степи мучений. Сам Меджнун, скиталец пустынь, всю жизнь не видывал ничего подобного из-за Лейли.

Меньше страдает свеча от огня,
Чем голова от горячего сердца *.

Я никогда не ожидал, что твои волшебные глаза-нарциссы последуют примеру изогнутых бровей, избравших путь кривды, и захотят пролить мою кровь! Если причиной твоего недовольства и гнева является мой поступок, который произошел по воле судьбы, то ведь он недостойн того, чтобы о нем говорить. Подобные незначительные и не стоящие внимания действия вызываются не любовью, они не могут пробить брешь в стене подлинной любви. Ведь сердце, в котором, как в зеркале, отражена любовь моя к тебе, не может отражать страсть к каждой встречной. Я весь в твоей власти, и никто не в состоянии отнять меня у тебя.

Любовь — не случайность, ко мне не вернется покой,
Любовь — не причуда, вовек не утешусь с другой,
Я вечную страсть с материнским впитал молоком,
Душа моя стала едина с любовной тоской *.

Как бы там ни было, согласно изречению:

«Влюбленным нельзя не изведать печали» *,

я признаю себя полностью виноватым, хотя и невиновен, и приношу тебе тысячи извинений и омываю самообольщение слезами своими. А теперь, как только прочтешь это письмо, каждое слово и каждая точка которого, словно мотылек и семена руты, испепелены в горниле моей пылающей груди, лучше бы тебе не придумывать отговорок, сменить гнев на милость и более не сердиться на меня. Яви моим страждущим глазам стройную пальму своего стана.

Роза, вели улыбаться глазам,—
Льют без тебя они слезы ручьями *.

Приди и взгляни, как за эти дни в жажде видеть тебя я уподобился ушербному месяцу, как в надежде видеть тебя исхудал, словно тростинка. Клянусь твоей головой, я немощен и слаб, словно муха, застрявшая в паутине, и, если даже муравей потащит меня за ногу, я не смогу от немощи сдвинуться с места. Я отличаюсь от невесомого ветерка только тем, что могу говорить, а мое тело отличается от песчинки тем, что может двигаться.

Жизни следы чуть заметны во мне,
Но не найдешь и недуга следов *.

Ради бога, скажи сама, могу ли я так жить, могу ли я так дышать? Да смягчит господь твое каменное сердце и сделает его мягким, как воск! Да сделает он твое сердце бальзамом для моей разбитой души! Да сменит он пламя твоего гнева, которое испепеляет гумно моих истерзанных помыслов, прозрачной водой благосклонности.

Жизнь подарила Лейли паланкин, который прекрасней луны.

Пусть ей подарят прекрасную мысль: Меджнуна пора навестить *.

Черный калам почернел от дыма, который исходит от моего сердца, и не в состоянии более что-либо выразить».

БАХРАВАР-БАНУ ОПИСЫВАЕТ СВОЕ СОСТОЯНИЕ

В НАМЕКАХ НА ПАДИШАХСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Твой добрый калам начертал только несколько строк,
Но радости большей Аллах подарить бы не мог!
Сумел он доставить мне весть о твоей доброте,
Небесный рескрипт подпиши, о прекрасный пророк.
Не смею сказать, что напрасно ты вспомнил меня,—
Быть может, в письме заготовлены глупости впрок?.. *

«Ко мне снизошло, словно Хумай с высот неба, царственное послание властелина всей земли. Каждое слово его проникнуто ароматом благосклонности к обездоленным. Оно осенило милостью и милосердием скромную келью ее смиренной обительницы. Хотя я, смиренная раба божия, не-

достойна такой благосклонности, но поскольку весенний ветерок в одинаковой мере веет и на розы, и на шипы, дождь одинаково поит и сады, и пустыни, то и милость шаха продиктована его природной сострадательностью. Потому нет ничего странного и удивительного в том, что падишах, трон которого возносится до самых небес и величав, как Плеяды, милостив и благосклонен, словно любвеобильное солнце, к ничтожной пылинке, чаша которой на весах жизни колеблется между бытием и небытием. Разве диво, если обласкали нищего? Я же, как смиренная отшельница, в благодарность за твою милость могу отплатить тебе только молитвами, которые являются единственным благом набожных людей.

Если с высокого неба приходят о милости вести,
Смертные только молитвою могут поблагодарить.

Твои жалобы на разлуку и одиночество вселили в меня чувство гордости,— а ведь это, наверно, всего лишь из милости ты говорил! О шах, под сенью покровительства которого пребывает весь мир! Ищущая смирения раба божия устранилась от твоего царского общества не из дерзновенных мыслей и гордыни, а только ради того, чтобы обрести счастье и снискать милость бога. Ибо в эти благословенные дни, согласно изречению:

В старые годы моя голова юности возалкала *,

тебе захотелось нового пленительного кумира. Тебе захотелось без помехи взирать на цветущее лицо, вдыхать аромат кудрей и срывать розы в саду той красавицы, каждый завиток локонов которой способен посрамить мускус татарской газели. Я же сочла недостойным для себя мешать тебе и стать посмешищем из-за ревности, сгорела, словно тюльпан, от своих справедливых переживаний, решила со своим истерзанным сердцем удалиться в пустыню и скитаться по склонам гор, разорвав в отчаянии ворот. Несомненно, это мое решение вполне соответствует твоим стремлениям и пожеланиям.

Передай, о добрый ветер, той газели легконогой,—
По пустыням я за нею шел нехоженой дорогой *.

Мое неискушенное сердце не ведало характера судьбы, было обольщено гордыней любви, желало проявить твердость духа и стойкость и привести в пользу своей правоты убедительные доводы, так, чтобы заслужить одобрение людей и смело поспорить с тобой. Однако предусмотрительный разум не позволил мне преступить правила вежливости и законы воспитанности, выйти из повиновения богу.

Долгие споры, увы, не в обычае дервишей,
Если б не это, тебя привела б я в смятение.
Мыслей и жалоб во мне накопилось достаточно.
Но не хочу выходить за границы почтения *.

Несомненно, судьбой было предопределено, чтобы я не вдохнула аромата надежды, испила бы кровь своего сердца и наполнила бы чашу мечтаний до краев соленой водой слез,— после того как я разбила себе ноги на пути любви и верности, другая беспечно протянула руку и взяла из рук кравчего судьбы чашу желаний, не ведая страданий и мук томительного ожидания.

Каждому дали по чаше вина или крови,—
Вот что делили стоявшие в этом кругу *.

Теперь я довольна выпавшей мне долей и провожу дни в радости, надеясь увидеть благословенный облик. Все ночи напролет я горю, как свеча, и смеюсь, вспоминая наши с тобой пиры. В моем сердце поселилась ликующая любовь к тебе, в зрачках моих плачущих глаз навеки сохранится твой пленительный образ. Я уповаю на милосердие и благосклонность шаха, надеясь, что он оставит на произвол судьбы смиренную рабу, не будет соблазнять меня, освободит от бремени своих милостей и не станет звать меня к себе, чтобы я могла по зову своего сердца жить в одиночестве, плакать вволю, проливать слезы в пустыне, гореть пламенем в горах, словно яркий тюльпан, и облегчать свое сердце рыданиями и стенаниями наподобие флейты. Полагая, что докучать долее — преступление для рабыни падишаха, я наложила печать на свои уста, хотя мой язык и свободен, как лилия. Да дарует тебе наслаждение благоухание локонов той татарской газели, словно весенний упоительный ветерок. Чаша счастья твоих недругов да будет всегда пуста, пусть никогда она не наполнится напитком желания».

Когда царственный властелин прочел письмо той красавицы, он пришел в сильное волнение и направил все помыслы на то, чтобы утешить и успокоить Бахравар-бану. По зову своего сердца он один, словно солнце на небе, поскакал в ту цветущую степь, прилетел, будто весенний ветерок, к тому розовому кусту в саду красоты. Когда она узнала о его прибытии, бутон ее сердца расцвел. Его же глаза прояснились, увидев ее и благоухающие базиликами кудри. Вид той газели со степи неги странно подействовал на шаха: он вдруг стал проливать из раковин глаз жемчужины слез. Когда шах простер над тем кипарисом свою царственную тень, она предстала перед ним в белых, словно утро, одеяниях, сверкая, как солнце. На бровях ее не было басмы, на щеках — румян, глаза не были тронуты сурьмой, шея и уши не украшены жемчугами и камнями. Она сидела смиренно и тихо на молитвенном коврике и перебирала четки, а капли слез ее нанизывались на нити, словно жемчужины. Великий властелин при виде печального лица любимой сильно огорчился, пролил из глаз дождь слез и начал прислуживать ей, — а это так прекрасно для тех, кто страждет! Словно месяц, он остановился перед той луной, так что тень его головы склонилась к ее ногам. Воистину, голова влюбленного и ноги возлюбленной — лучшее доказательство любви.

Бахравар-бану, от природы умная и воспитанная, сразу же догадалась о его чувствах, ей стало стыдно, так как она была возвращена в правила вежливости и учтивости. Как и подобает подданным и смиренным рабам, она низко поклонилась властелину, припала к ногам владыки, стала благодарить его, словно горлянка вознося благодарственные молитвы. Как тень, последовала она за шахом, они примирились и прожили остаток жизни, наслаждаясь напитком желания в погребке надежд. Они достигли такого счастья и благоденствия, какие не удавалось стяжать в этом мире еще ни одному существу.

**ЧАША ЖИЗНИ ДЖАХАНДАРА ПЕРЕПОЛНИЛАСЬ ДО КРАЕВ,
ОН УХОДИТ В РАЙСКИЕ САДЫ
И ПОЛУЧАЕТ ЧАШУ ЧИСТОГО ВИНА ОТ НЕБЕСНОГО КРАВЧИЯ.
БАХРАВАР-БАНУ ВО ИМЯ ЛЮБВИ ЖЕРТВУЕТ ЖИЗНЬЮ
НА ПУТИ, ВЕДУЩЕМ В ТОТ МИР.**

В этой преходящей и непостоянной юдоли в силу изменчивости судьбы и неверности коварного небосвода все, кто красуется взятой на подержание жизнью и гордится своим непрочным существованием, рассыпающимся, словно водяные брызги от дуновения ветра,— будь он Кисра или Кей-Кубад,— в конечном итоге все вынуждены уйти из этого мира и, взвалив на плечи бремя своих деяний, отправиться в мир вечный. Это непреложный и давно установившийся закон судьбы. Согласно обычаю этого мира, путники этой пустыни, полной миражей, должны отправиться с пустыми руками, голые и босые, в пустыню небытия, отрешиться от всех чувств и страстей и почить в покоях небытия. В силу такого закона небо решило свернуть скатерть жизни великого Джахандара, причинить миру беспокойство, свалив с ног этот гордый кипарис с лужайки владычества ураганом смерти, и превратить цветник мира в заросли терновника. Благословенный Джахандар в силу пронизательности сердца и прозорливости услышал призыв: «Всякий, кто на ней,— смертен»*, и поневоле примирился с мыслью об уходе из этого мира. Как и все те, кто озарен внутренним знанием, он стал собирать пожитки свои для дальнего путешествия, позвал к себе наследника венца и стал читать ему свое завещание.

— О мой сын! — говорил он. — Берегись, слушай меня, ведь и ты состаришься. По молодости и неопытности ты не ведаешь о непостоянстве этого мира, о немилосердии неба

и недолговечности нашей жизни. Узнай же теперь обо всем этом на моем примере и послушай мои наставления, как это подобает счастливым юношам. Не лишай себя доли в тех деяниях и поступках, которые ведут к человеческому счастью, тем более что ты взвалил на свои плечи тяжелое бремя и тебе предстоит столь важное дело, как управление державой. Будь осмотрителен и не давай кровожадному волку-смуте нападать на стадо твоих подданных, ибо это опозорит самого пастуха. В этой призрачной обители, которая на самом деле есть не что иное, как небытие в облике бытия, поступай так, чтобы твоя пола не была загрязнена злодеяниями. Украшай невесту-державу только справедливостью и правосудием, ибо это укрепляет царскую власть, а также обеспечивает долю в загробном мире и дарует вечное избавление от мук. Не переставай воспитывать людей мечом, ибо только благодаря мечу зеленеет нива державы, а пренебрежение мечом и невнимание к воинам свидетельствует об отсутствии величия души.

Озарив мысли сына наставлениями и советами, передав страну, перстень и бразды правления в его руки, Джахандар позвал сановников и мужей державы и дал каждому из них в соответствии с его положением драгоценные жемчужины советов и попрощался с ними. Потом он простился в последний раз с Бахравар-бану, услышал призыв: «Вернись к своему господину»*, забил в барабан отхода из этого обманчивого и коварного мира и переселился в обширные просторы рая.

Бахравар-бану сначала пролила потоки кровавых слез, исторгая из пламенеющей груди стоны, от которых небо могло разверзнуться и гранит расколоться. Но потом она, поскольку любила Джахандара безмерно, решила соблюсти свою верность до конца и стала готовиться к тому, чтобы отправиться вместе с ним в дальний путь. Как это свойственно всем, кто самозабвенен в любви, она расцвела, облачилась в свой свадебный наряд, надушила себя лучшими благовониями, пришла к изголовью Джахандара и, не уронив своего достоинства причитаниями и рыданиями, доблестно и с душевной твердостью сложила свою жизнь у его ног, вписала свое имя в книгу судьбы на страницы годов и месяцев, как образец верности в любви. Воистину,

Здесь, на земле, над которой вращается небо,
Не было лучше любовных историй, чем эта *.

Вся страна громко зарыдала, услышав о таком беспримерном подвиге, весь мир покрылся прахом траура. Небо цвета сурьмы так долго плакало над этим печальным событием, что его чаша, словно чаша тюльпана, до краев переполнилась кровью. Земля так колотила себя по лицу в горе, что посинела, как небо. Оставалось только опасаться, как бы не нарушилась связь между черно-белым шелком дня и ночи, как бы красочное небо не ударилось оземь и не разбилось бы.

Слуги, сановники и мужи державы по священным обычаям стали готовить все, что необходимо для переезда в тот мир. Джахандара умастили разнообразными благовониями: амброй, мускусом, камфарой, розовой водой, алоэ, сандалом. А знатные и благочестивые дамы готовили к переселению в тот мир стройный кипарис ручья любви и верности, молодой побег из садов Ирема, как это подобало ее сану.

Гробы тех, кто восседал прежде на троне любви и красоты, вынесли одновременно. При виде печальной процессии гранитная скала проливала кровавые слезы, от стонов и слез скорбящих небо могло бы сгореть, а солнце таяло. Усопших принесли на кладбище и из уважения к их редкостной любви похоронили в одной могиле. На могиле же написали:

«О мудрый и ученый муж! Взгляни взыскующим истину оком сердца, и ты увидишь, что всех обитателей земли ожидает чаша, на которой написано: „Смерть настигнет вас, где бы вы ни находились” *. Погляди: из небесных сит на головы пирующих сеют прах небытия. Мир и все, что есть в нем, так же ничтожны, как родинка возлюбленной и поясok на ее стане. Клятвы судьбы и неба подобны беспокойным локонам красавиц, которые не знают постоянства. О безграничной несправедливости небосвода говорят и стесненное сердце бутона, и разорванный ворот розы. О непрочности этого мира и приятности нашей жизни свидетельствуют основа нашего существования и круговращение неба. О великий муж! Пусть мы правдивы,—ноги наши скованы неправдою неба. Так легкий ветер волею судьбы томится в плену у воды».

**ХВАЛА И БЛАГОДАРНОСТЬ ТОМУ, КТО ДАРУЕТ СЛОВО
И ВКЛАДЫВАЕТ В НЕГО ЗНАЧЕНИЯ, ТОМУ,
ЧЬИ БЕСКОНЕЧНЫЕ ДАРЫ НЕ ОСКВЕРНЕНЫ СЧЕТОМ**

Благодарность Аллаху за то, что окончилась эта книга о любви, которой завидуют мастерские живописцев Чина и которая посрамляет картины весны! Мне, нищему и попрошайке в искусстве слова, не под силу было одеть в наряды персидской речи эту невесту, возвращенную на благодатной почве Хиндустана, чтобы тем самым заслужить похвалу. Мне не удастся заслужить одобрения прелестной картинкой, нарисованной моей кистью,— ведь я мало знаком с законами изящного слога,— картинкой, которая затмила бы изделия искусников Чина. И все же по просьбе некоторых друзей и по внушению того кумира, юного брахмана, о котором я уже рассказывал в предисловии, я приступил к этому благородному и благодарному делу.

Сто благодарностей за то, что кончена картина,
Что много пестрого я слил волшебством воедино,
Она затмит кумиры все, неверящим на диво,
Она — врата в индийский храм, стоящий горделиво.
Окончил я свой долгий труд над книгой «Храм познания»,
Сочтя лишь яркие слова достойными избранья.
Зато любая мысль моя, как гладь воды озерной,
И нити смысла в глубине переплелись узорно.
Открыв любую из страниц, увидишь розу слова,
Она раскрыта как уста и говорить готова.
Любой из нежных лепестков таит садов десятки,
Из влаги мозга моего, их сок хмельной и сладкий.
У них нетрудно почерпнуть тончайших мыслей много,
Приводит мудрых в этот храм познания дорога.
Своею кровью поливал я часто розы эти,
Чтобы шумел весенний сад взамен меня на свете.
Когда уйду я в мир иной, испив до дна из чаши,
Живой оставшись, песнь моя в сердца проникнет ваши.

Теперь же, когда я принарядил эту книгу-невесту столькими украшениями и набросил на ее лицо шелковое покрывало от дурного глаза, когда я собираюсь показать ее всему миру, то, по правде говоря, я не могу от стыда поднять головы, так как стыжусь своего поступка, так как по своей дурости я, жалкий нищий в мире ученых и образованных, создавал эту картину не из жемчугов и драгоценных камней, а из глиняных черепков и опилок... Если мое творение попадется на глаза знатокам слова, вкусившим со стола разума, погружившимся в глубины знаний,— каково мне будет и чем все это кончится?.. Но все-таки я уповаю на милосердие и благосклонность великих и благородных мужей, снисходительных к недостаткам, в отличие от глупцов, пустых и мрачных, как тростниковый калам, с сердцами черными, как письмо, которые по несправедливости своей набрасываются на человека, словно волки и барсы, и поносят и хулят его,— словно рвут беззащитную добычу. Более я не стану раскрывать уста ради пустой болтовни, изберу уделом молчание, ибо для мудреца молчание — источник уважения, а для глупца — средство завоевать почет.

Я сложил эту свою песню и на том окончил свой труд.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Амсал — Али Акбар Дех-хода, *Амсал ва хикам*, т. I—IV, Тегеран, 1931.

Джами, Юсуф и Зулейха — Джами, *Куллийят*, Тегеран, 1958.

Маджма ал-амсал — Абу-л-Фадл ал-Майдани, *Маджма ал-амсал*, Каир, 1352 г. х.

Низами, Хафт пайкар — Низами, *Хафт пайкар*, Тегеран, 1936.

Низами, Шараф-наме — Низами Гянджеви, *Шараф-наме*, Баку, 1947.

Саади, Гулистан — Саади, *Гулистан*. Критический текст Р. Алиева, М., 1960.

Саади, Куллийят — Куллийят-и шейх Саади, Тегеран, 1942.

Хафиз, Диван — Шамсадин Мухаммад Хафиз Ширази, *Диван*, изд. Халхали, Тегеран, 1927.

Hafis — Der Diwan des grossen lirischen Dichters Hafis, Wien, 1858—64.

К стр. 14. «Стали плясать в экстазе» — последователи ряда суфийских (мистико-пантеистических) сект в процессе своего «общения» с богом устраивали радения с пением молитв и экстатическими плясками.

К стр. 15. «Собирает колосья на гумне мастеров слова», т. е. ученичествоует, довольствуется скромным подражанием. Широко распространенное в персидской литературе уподобление, основано на том, что колоски на чужой ниве, остатки собирали бедняки, люди немущие и ничтожные.

К стр. 16. Коран, IV, 32.

Тир — название планеты Меркурий по-персидски, Утарид — по-арабски. Автор хочет сказать, что его могут порицать только те, кто не разбирается в элементарных

вопросах, не знает даже, что одна и та же планета имеет два названия.

К стр. 17. «Постигшие сокровенные имена» — по поверью, всякая вещь и явление имеют тайное, сокровенное имя, выражающее их сущность, постичь которое удастся лишь избранным. Тот, кто знает тайные имена вещей, обладает над ними волшебной властью.

«Носить в ухе серьгу покорности», т. е. быть покорным, как раб; серьгу с именем хозяина носили невольники.

«Пегий конь времени» — аллегорическое выражение, основанное на уподоблении быстрого течения времени бегу коня; светлые дни и черные ночи сравниваются с отметинами пегого скакуна.

К стр. 19. В средние века на Востоке охота считалась привилегией знати и государей, а искусство охоты — их врожденным даром.

«Предающихся своим радениям» — см. прим. к стр. 14.

К стр. 20. Имя «Ширин» и слово «сладостный» в персидском языке — омонимы, в оригинале благодаря этому — игра слов.

«Чарующие нарциссы», т. е. глаза. Весьма распространенное в персидской поэзии сравнение, основанное на уподоблении белых лепестков цветка белку глаза, а темной сердцевине — радужной оболочке.

«Носил зеленые одеяния» — по мусульманским представлениям, обитатели рая облачены в зеленые одеяния; зеленый цвет считается у мусульман цветом радости и даже священным — зеленым было знамя пророка Мухаммада. Здесь с одеждами жителей рая сравнивается зеленое оперение попугая.

«Был заглавным листом» — в рукописях заглавный лист украшался орнаментами, золотом, особо красивыми надписями. Отсюда переносное значение выражения «заглавный лист» — «самый лучший», «выдающийся».

«В деяниях быть подобным Фархаду», т. е. быть верным, самозабвенно и самоотверженно служить, как служил Фархад своей возлюбленной Ширин (см. Словарь). Здесь с Фархадом сравнивается попугай, проявивший внимание к Джахандару.

К стр. 23. «Разорвать ворот» — метафорическое выражение, означающее «выйти из обычного состояния». Применительно к розе оно означает, что бутон цветка распустился и роза расцвела.

К стр. 24. В описании, приводимом автором, весьма верно отражены черты поздней средневековой индийской живописи, которая дает удивительно реалистическое изображение действительности.

«Коврик сандалового цвета» — земная поверхность.

К стр. 25. «Солнце в знаке Овна» — солнце находится под знаком Овна в марте — апреле; таким образом, это выражение означает, что наступила весна.

К стр. 28. «Собирает колоски» — см. прим. к стр. 15. Здесь луно-ликая царица уподобляется по красоте обладателю сокровищ, солнце — нищему, подбирающему крохи от ее красоты.

К стр. 30. «Продел в уши сердца кольцо безумия», т. е. стал рабом, пленником безумия (см. прим. к стр. 17).

К стр. 32. «Ударить в барабан позора», т. е. открыто предаться разврату.

К стр. 33. «Газель с лужайки семи зеленых степей», т. е. солнце. Семь зеленых степей — семь небесных сфер, составлявших, по представлениям того времени, небосвод. К небосводу в персидской поэзии в равной мере прилагаются эпитеты «голубой» и «зеленый».

«Направилась к пещере на западе» — по поверьям многих народов, солнце, заходя, прячется в пещеру, подземелье.

К стр. 36. Маджма ал-амсал, стр. 352.

К стр. 39. Хафиз, Диван, стр. 44.

К стр. 43. Стих из «Шах-наме» Фирдоуси (эпизод «Убиение Ашкабуса Рустамом» из дастана «Камус-и Кушани»).

Ср. Коран: «Уповай на вечно живого, который не умирает» (XXV, 60); «Воистину Аллах всемогущ над всеми явлениями» (II, 19, 103). «Разве ты не знаешь, что Аллах всемогущ над всеми явлениями?» (II, 100).

Ср. Коран: «Не я ли ваш господин? Ответили: Да» (VII, 171).

К стр. 44. Имеется в виду барабан, дробь которого возвещала о наступлении полуночи. На мусульманском Востоке смена ночных стражей производилась в строго установленные сроки, о наступлении которых извещали барабанным боем.

К стр. 47. «Свободный, как лилия» — лилия, как и кипарис, в персидской поэзии символизирует свободу, благородство, стройность.

К стр. 49. Саади, Гулистан, стр. 78 персидского текста.

К стр. 50. «Дева небес», т. е. солнце.

К стр. 52. Низами, Шараф-наме, стр. 264.

К стр. 54. Хафиз, Диван, стр. 3.

По преданию, древнегреческий философ Диоген обосновался в бочке. Когда Александр Македонский навестил Диогена и спросил, чего бы тот хотел от монарха, философ попросил властелина отойти в сторону и не загораживать солнце. Здесь эта легенда перенесена на Платона, причем древнегреческая бочка превратилась в хум (большой глиняный кувшин). Кроме того, автор вводит аллегорию, подразумеваемая под Платоном солнце, а под хумом — небосвод.

К стр. 68. Под нарциссами здесь подразумевают глаза — темная сердцевина цветка уподобляется радужной оболочке, лепестки — белку глаза. Выражение «покрыться ржавчиной» означает, что белки глаз (они же — лепестки нарцисса) покраснели от обильных слез.

Коран, XII, 28.

Хафиз, Диван, стр. 16.

К стр. 69. «Невеста дня», т. е. солнце.

К стр. 71. По коранической легенде, дыхание Мессии (Иисуса) воскрешало мертвых (см. Словарь, «Иса»).

К стр. 72. Коран, XII, 28.

Коран, XII, 51. Эта и предыдущая цитаты — из суры о Юсуфе (см. Словарь), которого оклеветала Зулейха, после того как тщетно пыталась соблазнить его.

К стр. 73. Хафиз, Диван, стр. 10.

К стр. 74. В оригинале — поэтическая фигура, основанная на сходном звучании в арабском языке слова «ночь» (*лайла*) и имени Лейла.

Ночь ниспослания Корана (Ночь определений) — 27-я ночь месяца рамадана, во время которого мусульмане соблюдают пост. По преданию, в эту ночь Аллах ниспослал на землю Коран, поэтому Ночь определений считается священной.

К стр. 83. Хафиз, Диван, стр. 12.

К стр. 84. Хафиз, Диван, стр. 28.

На языке хиндустани *тирья* значит «женщина», следовательно, «Тирья-Веда» означает «Веда о женщинах». Такой книги, как увидит читатель, не существовало, и жена брахмана выдумывает ее, только чтобы избавиться от мужа.

К стр. 86. Джами, Юсуф и Зулейха, стр. 626.

К стр. 87. Хафиз, Диван, стр. 84.

К стр. 88. Хафиз, Диван, стр. 77.

Хафиз, Диван, стр. 2.

Хафиз, Диван, стр. 13.

К стр. 91. «Пятое небо» — по представлениям средневековых персов, небо состояло из семи (иногда из девяти) твердых сфер; над последним небом располагался небесный трон и растущий рядом с ним Вечный Лотос. Каждая планета располагалась на «своей» небесной сфере, например Бахрам (Марс) находился на пятом небе.

Слово «тюрок» в персидской поэзии нередко обозначает тюркского воина-гуляма (см. Словарь); «небесный воин-тюрок» — планета Бахрам (см. Словарь).

К стр. 94. По мусульманским представлениям, джинна можно укротить и обезвредить, загнав его в бутылку и закупорив ее.

К стр. 95. Хафиз, Диван, стр. 10.

К стр. 96. «Закрутить усы», т. е. проникнуться чувством собственного достоинства, набраться смелости, заважничать.

Хафиз, Диван, стр. 145.

К стр. 97. Стих приписывается Хафизу (см. Диван, Приложения, стр. 35).

Хафиз, Диван, стр. 202.

Хафиз, Диван, стр. 8.

Темная сердцевина тюльпана, пятном выделяющаяся на цветке, сравнивается здесь с «клеймом» горя.

К стр. 98. Хафиз, Диван, стр. 74.

К стр. 100. Хафиз, Диван, стр. 29.

К стр. 102. «Господин посланников» (*сайид ал-мурсилин*) — почетное прозвание Мухаммада, подчеркивающее, что он стоит выше всех прежних «посланников» (Адама, Ноя, Иакова, Моисея, Иисуса).

К стр. 107. Хафиз, Диван, стр. 49.

К стр. 118. «Рассыпал сердце крупичами слез по щекам», т. е. стал проливать горькие, кровавые слезы.

К стр. 109. Хафиз, Диван, стр. 165.

К стр. 110. Хафиз, Диван, стр. 23.

К стр. 112. Хафиз, Диван, стр. 209—210.

Сурьма, по представлениям того времени, исцеляла глазные болезни и улучшала зрение.

Хафиз, Диван, стр. 159.

Коран, I, 1.

К стр. 113. Коран, I, 4.

Хафиз, Диван, стр. 22.

Хафиз, Диван, стр. 186.

К стр. 114. Хафиз, Диван, стр. 240.

«Пища Исы» — судя по контексту и примечанию к из-

данию текста, имеется в виду манна небесная. По-видимому, здесь на Ису (Иисуса) перенесены некоторые детали из легенды о Мусе (Моисее). Вообще же, по мусульманским легендам, единственным угощением, которое Иса предлагал своим гостям, был свет от лампадки, освещавшей его келью.

К стр. 115. Хафиз, Диван, стр. 139.

Хафиз, Диван, стр. 3.

Хафиз, Диван, стр. 44.

К стр. 116. Хафиз, Диван, стр. 181.

Коран, XCIV, 6.

Хафиз, Диван, стр. 34.

К стр. 118. Hafis, т. 3, стр. 54.

Хафиз, Диван, стр. 199.

Амсал, т. I, стр. 405.

К стр. 122. Хафиз, Диван, стр. 180.

К стр. 124. Это полустигии из сатиры на султана Махмуда Газневида (999—1030), которую приписывают Фирдоуси.

К стр. 125. Дех-хода (Амсал, т. II, стр. 718) приписывает этот бейт Саади, однако нам не удалось найти его ни в «Бустане», ни в «Гулистане», ни в «Диване».

К стр. 128. Хафиз, Диван, стр. 16.

К стр. 129. Саади, Куллийят, стр. 104.

К стр. 130. Арабская пословица, распространенная и в Иране (Амсал, т. III, стр. 1228).

К стр. 135. Согласно мусульманским представлениям, Аллах сотворил Иблиса (см. Словарь) и всех добрых и злых духов из огня, Адама же — из земли.

К стр. 136. Хафиз, Диван, стр. 4.

К стр. 138. «От Луны до Рыбы», т. е. вся вселенная; по мусульманским представлениям, на гигантской рыбе держится бык, на котором стоит земля. В оригинале автор еще использует здесь игру слов, построенную на сходном звучании «луны» — мах и «рыбы» — махи.

«Рыба на небесах погрузилась в ведро Водолея», т. е. созвездие Рыбы, устыдясь своего несовершенства перед золотой рыбой, спряталось в «ведре» созвездия Водолея.

«Не нуждалась в источнике Хызра», т. е. сама была бессмертна и ей не было надобности в источнике живой воды (см. Словарь, «Хызр»).

К стр. 139. По одному восточному поверью, драгоценные камни в россыпях образуются из обыкновенных камней под воздействием солнечных лучей.

- К стр. 142.* Арабская пословица (см. Хусейн Рагиб, *Хадаик ал-амсал*, Каир, 1939, стр. 28).
- К стр. 145.* Дех-хода (Амсал, т. II, стр. 633) приписывает этот бейт Насир-и Хосрову, однако ни в одном из поэтических сочинений Насир-и Хосрова нам не удалось найти этих строк.
- К стр. 148.* Хафиз, *Диван*, стр. 63.
- К стр. 149.* Стих приписывается Хафизу (см. *Диван*, *Приложения*, стр. 49).
- Хафиз, *Диван*, стр. 140.
- К стр. 150.* «Слезы вызывали зависть Плеяд», т. е. слезы так сверкали, что превосходили блеском сияние созвездия Плеяд. С кораллами слезы сравниваются по цвету, так как в персидской поэзии горькие слезы обязательно кровавые.
- К стр. 152.* Коран, XXXIX, 54.
- К стр. 153.* В оригинале здесь обилие риторических фигур. Бахрам (см. *Словарь*) — не только небесный воин, но и одновременно популярный герой многих иранских легенд Бахрам Гур; *gur* в переводе означает «онагр». Получается замысловатая игра слов. «Лев с небес» — созвездие Льва, чье оружие так устрашающе, что его боятся не только земные звери, но и созвездия в небе.
- К стр. 154.* В оригинале названы школы «ишраки», согласно учению которой истина есть внутреннее мистическое озарение, просветление, и «машаи», последователи которой посещали друг друга и искали истины в логических рассуждениях и спорах. «Машаи», по всей вероятности, — отголосок восточных представлений о перипатетиках.
- Хафиз, *Диван*, стр. 181.
- Тюрк-разбойник — см. прим. к стр. 91.
- К стр. 157.* Коран, II, 261.
- Коран, XXI, 31.
- К стр. 161.* Хафиз, *Диван*, стр. 236.
- К стр. 162.* По распространенному на Востоке поверью, муравей, проникнув через хобот в голову слона, начинает грызть мозг и губит животное.
- К стр. 167.* Коран, VI, 95.
- К стр. 168.* Маджма ал-амсал, стр. 431.
- К стр. 170.* Намек на легенду о Сулеймане и Билкис из Савы (см. *Словарь*), посредником между которыми был, по преданию, мудрый удд.
- К стр. 172.* Арабская пословица, распространенная также в персидской литературе (Амсал, т. II, стр. 1144).

К стр. 175. Хафиз, Диван, стр. 63.

К стр. 179. «На двух конях», т. е. очень быстро, словно у героини был запасной конь, на которого она пересаживалась, когда уставал первый.

К стр. 180. Хафиз, Диван, стр. 172.

К стр. 181. Хафиз, Диван, стр. 65.

К стр. 184. Хафиз, Диван, стр. 146.

К стр. 185. По коранической легенде, ослепший Якуб (см. Словарь) прозрел, когда приложил к глазам рубашку своего сына Юсуфа (см. Словарь), которого он считал погибшим.

Хафиз, Диван, стр. 120.

К стр. 186. Хафиз, Диван, стр. 123.

К стр. 187. «Первостихии» — согласно античной философии, воззрения которой оказали большое влияние на философию мусульманских народов, весь материальный мир состоит из четырех первоэлементов, стихий: воды, воздуха, огня, земли. Отсюда выражение «первостихии его существования» означает первооснову бытия, реальной жизни.

К стр. 190. Хафиз, Диван, стр. 191.

К стр. 191. Хафиз, Диван, стр. 64.

К стр. 192. Джами, Юсуф и Зулейха, стр. 608.

К стр. 196. Хафиз, Диван, стр. 144.

Одного из правителей Египта, негра, нарекли «Кафуром», что в переводе означает «камфара». В персидской поэзии камфара — символ белизны; «Хирадманд» по-персидски «разумный, мудрый». Герой хочет сказать, что так же как не был белым тот негр, так и он, носящий имя «мудрец», отнюдь не умен.

К стр. 201. Хафиз, Диван, стр. 36.

Саади, Куллийят (Бустан), стр. 223.

К стр. 206. Джами, Юсуф и Зулейха, стр. 633.

Служители мекканского храма Каабы носят черные одеяния.

К стр. 210. Автор хочет сказать, что лицо женщины было еще чернее ночи — настолько же, насколько чернее родника белого лица красавицы.

По преданию, суфийский шейх Санан влюбился в девушку-христианку.

К стр. 211. Хафиз, Диван, стр. 130.

К стр. 212. «Подлинной любовью» в персидской поэзии именуется мистическая любовь к богу, растворение в божестве.

К стр. 213. Коран, VIII, 40.

К стр. 214. «Попрал пятой небесного воина», т. е. перестал бо-

яться кого бы то ни было. Небесный воин — Бахрам (см. Словарь), олицетворение воинской доблести.

По шариату (см. Словарь), за пролитую кровь надлежит уплатить определенный выкуп.

К стр. 215. «Живописец Чина» — имеется в виду Мани (см. Словарь). Мани провел значительную часть жизни в Китае, с чем и связано подобное прозвище. С другой стороны, китайская живопись славилась в мусульманских странах своим совершенством, так что «живописец Чина» означает и «искусный живописец».

К стр. 216. По преданию, источник живой воды находится в царстве вечного мрака, недоступном людям, поэтому он служит символом недоступного.

К стр. 217. Хафиз, Диван, стр. 198.

К стр. 219. «Семь зеленых морей» — имеются в виду семь небесных сфер.

К стр. 224. Саади, Гулистан, стр. 6 персидского текста.

Арабская пословица (Хусейн Рагиб, Хадаик ал-амсал, стр. 158).

К стр. 225. Коран, XIV, 7.

«Черные завитки» — т. е. борода.

К стр. 227. Саади, Гулистан, стр. 1 персидского текста.

К стр. 228. Хафиз, Диван, стр. 145.

К стр. 229. Хафиз, Диван, стр. 19.

К стр. 230. «Формула развода» — по шариату (мусульманское право) брак расторгается после трехкратного произнесения мужем формулы развода. Муж может взять разведенную жену обратно только после того, как она выйдет за другого и разведется с ним. «Легкость» развода и трудность восстановления брака привели к возникновению «профессионалов», людей, которые зарабатывали себе на жизнь, выступая в качестве подставных мужей, чтобы жениться и тотчас разойтись с женой, первый муж которой поторопился с разводом и теперь хочет вернуть ее.

Коран, II, 230.

Ирак или Хиджаз — здесь в значении край света.

К стр. 231. Хафиз, Диван, стр. 55.

К стр. 236. Хафиз, Диван, стр. 29.

К стр. 237. По поверью, саламандра рождается из огня, потому она и опалена пламенем.

К стр. 238. Имеется в виду Якуб (см. Словарь), ослепший от слез, пролитых им в разлуке с любимым сыном Юсуфом.

Джами, Юсуф и Зулейха, стр. 620.

К стр. 240. Принятые в Европе «три измерения» на мусульманском Востоке трансформируются в шесть — левую, правую, переднюю, заднюю, верхнюю и нижнюю стороны.

К стр. 248. Хафиз, Диван, стр. 146.

К стр. 250. Хафиз, Диван, стр. 114.

К стр. 252. «Дилпазир» значит «пленительная», такое имя может носить женщина, равно как и «Джадунава» — «обладательница волшебных мелодий». Нахид — см. Словарь.

К стр. 256. Коран, II, 183.

К стр. 257. Коран, XXIII, 114.

К стр. 261. «Зеркало не знало ржавчины» — в средние века зеркалами служили отполированные металлические пластины, тускневшие с течением времени. Луна же блестит, как зеркало, но не ржавеет, не тускнеет.

К стр. 262. Низами, Хафт пайкар, стр. 240.

К стр. 263. «Луубат-баз» по-персидски «кукольник»

К стр. 265. Хафиз, Диван, стр. 98.

К стр. 270. «Мир из четырех элементов» — см. прим. к стр. 187.

К стр. 272. Хафиз, Диван, стр. 223.

К стр. 276. Хафиз, Диван, стр. 50 (порядок бейтов здесь не соответствует порядку бейтов в «Диване», третий бейт, имеющийся у нас, в «Диване» вовсе отсутствует).

К стр. 278. Саади, Куллийят (Бустан), стр. 219 (у Саади под кораблем подразумевается «этот мир»).

К стр. 279. «Из глины и воды» — см. прим. к стр. 135.

По представлениям средневековых персов, шафран, если его съесть, вызывает неудержимый хохот.

К стр. 288. Саади, Куллийят (Бустан), стр. 349—350. Приведем весь рассказ:

Была в лачуге у старушки кошка,

Несчастливая и забитая.

Однажды она вбежала в царскую комнату для
гостей,

И царские гулямы стали пускать в нее стрелы.

Кошка выбежала, проливая кровь из костей,

Бежала и приговаривала в страхе за жизнь:

«Если спасусь я от рук этих стрелков,

То мой удел — я,мышь, лачуга старушки.

Ради меда нет смысла жертвовать жизнью и сносить

эти удары,

Лучше уж удовлетвориться своей патокой».

Владыка гневается на того раба,
Который не довольствуется своей долей.

К стр. 307. Хафиз, Диван, стр. 139.

Название музыкального инструмента кеманча значит также «маленький лук»; это дает возможность автору построить сложный образ: во-первых, он сравнивает брови красавицы с изогнутым луком, во-вторых, намекает, что они дарят влюбленному радость, как кеманча своей мелодией.

Хафиз, Диван, стр. 7.

К стр. 309. Низами, Шараф-наме, стр. 137.

К стр. 313. Низами Гянджеви, Хамсе. Хосров и Ширин, Тегеран, 1335 г. х., стр. 156 и 158.

К стр. 314. Низами, Шараф-наме, стр. 259.

К стр. 318. Хафиз, Диван, стр. 204.

К стр. 319. Намек на предание, по которому дивы и джинны были закупорены в бутылки пророком Сулейманом (см. Словарь). Если человек случайно откроет такой сосуд, джинны тотчас выскакивают и начинают вредить людям.

К стр. 322. Хафиз, Диван, стр. 33.

Хафиз, Диван, стр. 36.

К стр. 323. Автор уподобляет путам сочленения тростинки.

К стр. 324. Бейт приписывается Хафизу (см. Диван, Приложение, стр. 13).

К стр. 325. Стихи приписываются Хафизу (см. Диван, Приложение, стр. 13).

Джами, Юсуф и Зулейха, стр. 608.

К стр. 328. «Ее имя созвучно ночи» — см. прим. к стр.

К стр. 329. В Иране семена руты сжигали в огне, считая, что это предохраняет от дурного глаза.

Намек на кораническое предание, по которому Юсуф (см. Словарь) был куплен мужем Зулейхи (см. Словарь) и, следовательно, был ее рабом.

К стр. 330. Низами, Хафт пайкар, стр. 196.

К стр. 331. В персидской поэзии листья чинары обычно уподобляют кисти руки.

Стихи приписываются Хафизу (Диван, Приложение, стр. 4).

К стр. 332. В персидской поэзии, в соответствии с космографическими представлениями того времени, семь известных тогда планет объявляются отцами, а четыре «первоэлемента» (огонь, воздух, земля, вода) — «магерями» всего материального мира.

- К стр. 335.* Нищие каландары и дервиши подвешивали к поясу «кашкул» — миску, сделанную из скорлупы кокосового ореха. В эту миску они собирали подаяние, из нее же и ели.
- К стр. 336.* Намек на легенду, по которой муравей, отправляясь в гости к Сулейману (см. Словарь), прихватил с собой в качестве дара ножку кузнечика — самое дорогое для него лакомство.
- К стр. 337.* Саади, Куллийят (Гулистан), стр. 133.
- К стр. 341.* Коран, XXVIII, 88.
- К стр. 342.* Хафиз, Диван, стр. 144.
- К стр. 345.* Маджма ал-амсал, стр. 253.
- К стр. 350.* Коран, III, 25.
Коран, III, 25.
- К стр. 354.* Низами, Шараф-наме, стр. 455.
- К стр. 355.* Т. е. чаша весов, на которой сидит красавица, перетянет, опустится к земле, а чаша с солнцем подскочит кверху до самых небес.
- К стр. 356.* Коран, XCV, 4.
- К стр. 359.* Хафиз, Диван, стр. 215.
- К стр. 360.* Хафиз, Диван, стр. 15.
Стих приписывается Хафизу (Hafis, т. 1, стр. 702).
Хафиз, Диван, стр. 236.
Хафиз, Диван, стр. 75.
- К стр. 361.* Хафиз, Диван, стр. 43.
Хафиз, Диван, стр. 80.
Хафиз, Диван, стр. 34.
- К стр. 362.* Хафиз, Диван, стр. 90.
- К стр. 363.* Хафиз, Диван, стр. 5.
Стихи приписываются Хафизу (Hafis, т. 2, стр. 362).
Хафиз, Диван, стр. 119.
- К стр. 365.* Коран, V, 26.
Коран, XXVIII, 88.
- К стр. 366.* Коран, XXIX, 28.
Хафиз, Диван, стр. 68.
- К стр. 367.* Коран, IV, 80.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ, СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аз ар — в Коране отец пророка Ибрахима (библейский Авраам). Азар, по преданию, поклонялся прекрасным идолам (см. Коран, VI, 74).

Азиз египетский — титул высшего сановника в египетском халифате. Кораническое предание прилагает этот титул к Юсуфу (см.) после его возвышения. Так как сам Юсуф считается в мусульманской традиции образцом красоты, то впоследствии термин «азиз» начинает обозначать также красавца.

Алиф — первая буква арабского алфавита, имеющая вид вертикальной черты. В поэзии с алифом часто сравнивается стан красавицы.

Анка́ — мифическая птица, которая, по преданию, когда была создана богом, обладала всеми совершенствами, но потом стала приносить беды, что и прекратил один из пророков; после распространения ислама часто ассоциировалась с симургом (см.) иранской мифологии.

Аргуван — «иудино дерево» — дерево с яркими алыми цветами, в персидской литературе служит символом ярко-красного цвета.

Аржанг — священная книга последователей Мани (см.), по преданию, широко распространенная некогда в Иране и Средней Азии. Эта книга была украшена прекрасными миниатюрами, поэтому в персидской поэзии «Аржанг» стал символом совершенной красоты, изящества.

Арасту — арабизованная форма имени Аристотеля, который на мусульманском Востоке считался величайшим мудрецом и философом, служил символом учености и мудрости.

Арка́м — небольшая ядовитая черная змея с белыми и черными крапинками, распространенная на территории Ирана и Индии.

Асаф — имя легендарного везира царя Сулеймана (см.).

Аят — стих Корана, священной книги мусульман.

Бадахша́н — область на Памире (в настоящее время — Горно-Бадахшанская Автономная область Таджикской ССР), в средние века славившаяся своими рубинами.

Банудба́ш — город, по-видимому, вымышленный. Локализации не поддается.

Барбад — придворный музыкант сасанидского шаха Хосрова Парвиза (см.). В литературе игра Барбада стала символом виртуозного исполнения.

Бармакиды — знатный персидский род, из которого вышли первые везиры аббасидского халифата. По преданию, один из предков Бармакидов прибыл в Дамаск во время правления халифа Абдалмалика ибн Марвана (685—705) и вскоре завоевал независимое положение среди знати благодаря своей учености. Наибольшую известность приобрели Яхья Бармакид (ум. в 805 г.) и его сыновья Фадл и Джафар. Яхья был везиром халифа Харуна ар-Рашида (786—809), а его старший сын считался заместителем отца. Фадл в 792—796 гг. занимал должность наместника Хорасана, а в 796—802 гг. — наместника Ирака, Табаристана, Азербайджана, Армении и Центрального Ирана. Впоследствии халиф стал опасаться могущественного дома везиров и в 803 г. приказал убить своего советника Джафара Бармакида, а Яхья Бармакида с тремя сыновьями бросить в темницу.

Бармакиды славились своей щедростью, покровительством поэтам, ученым и певцам. Как и Харун ар-Рашид, Бармакиды стали персонажами многих сказок, преданий и городских новелл, они часто фигурируют в «Книге тысячи и одной ночи», а также в других сказочных сборниках.

Бахман — одиннадцатый месяц зороастрийского календаря и современного иранского солнечного года (21 января — 19 февраля). В поэзии слово «бахман» обозначает зиму.

Бахман — легендарный царь древнего Ирана. По «Шах-наме», его отец Исфандияр, смертельно раненный Рустамом, попросил последнего взять Бахмана на воспитание. Рустам выполнил его просьбу. После смерти своего воспитателя Бахман, воссевший на иранский престол, решил отомстить за отца и разорил Систан — удел престарелого отца Рустама Заля, захватил его в плен, а затем разбил в сражении Фарамарза — сына Рустама — и покончил с независимостью Систана. Впоследствии в персидской эпической традиции образ Бахмана слился с образом Артаксеркса III — исторической личности, царя из династии Ахеменидов.

Бахрам — имя зороастрийского бога победы, который персонифицируется в образе планеты Марс (по-персидски — Бахрам).

Бахрам Гур — популярный герой иранских сказаний и легенд, отважный витязь и женолюб, имеющий очень мало общего с историческим Варахраном V (420—438), который послужил прообразом этого литературного и фольклорного героя. Исследователи полагают, что в образе легендарного Бахрама Гура воплотились некоторые черты небесного Бахрама-Марса.

Белый див — по преданию, самый грозный и могущественный

из дивов (см.) Мазандерана (прикаспийской области Ирана). Своим волшебством Белый див ослепил все иранское воинство во главе с шахом Кей-Кавусом, но был побежден в единоборстве Рустамом. Как литературный образ Белый див — символ могущества нечистой силы.

Бенарес — город в Индии на берегу Ганга, считается священным городом индуистов.

Билкис — в арабской, персидской и других литературах — царица Савская, возлюбленная царя Соломона.

Бисутун — горная вершина в Иране, между Хамаданом и Керманшахом. На этой горе высечены знаменитые клинописные надписи и барельефы древнеперсидского царя Дария I (521—485 гг. до н. э.), которые, по преданию, были изваяны Фархадом (см.). Бисутун в персидской литературе символизирует одно из чудес света.

Бурак — мифическое верховое животное, на котором, по преданию, Мухаммад вознесся на небо и перелетел из Мекки в Иерусалим (около 1000 км) за одну ночь. В поэзии Бурак служит образом скажочно быстрого коня.

Вал Искандара — по преданию, стена, которую воздвиг Александр Македонский для защиты от мифических народов Яджудж и Магудж (библейские Гог и Магог).

Вамик и Азр — легендарные влюбленные, любовь которых окончилась трагически. Азра часто упоминается в литературе как образец красоты. В пехлевийской литературе существовала литературная обработка легенды о Вамике и Азре. Оригинал ее был преподнесен тахиридскому правителю Восточного Ирана Абдаллаху ибн Тахиру (828—844), однако он приказал уничтожить рукопись из-за того, что в ней воспевались язычники. В новоперсидской литературе история Вамика и Азры была переложена в стихи поэтом Унсури (ум. в 1040 г.), а затем (в 1049 г.) поэтом Фасихи из Джурджана. На этот сюжет написаны также поэмы турецкими поэтами Бихишти (XV в.) и Лаами (XVI в.).

«Веды» (букв. «священное знание») — древнейшие памятники индийской литературы, возникшие в глубокой древности (значительно раньше возникновения буддизма). «Веды» состоят из четырех сборников гимнов, молитв и заклинаний, написанных стихами и прозой: «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа», «Атхарваведа».

Газ — мера длины, приблизительно равная старинному русскому «локтю».

Галия — ароматная косметическая мазь, которую употребляли женщины на Востоке в средние века.

Гвалиор — один из древнейших городов Индии, знаменитая крепость. В настоящее время — небольшой город в Центральной Индии.

Гуль — в персидском фольклоре и литературе злой дух пустыни, оборотень. Гули сбивают с дороги путников, обрекая на муки голода и жажды, а потом пожирают их.

Гулям — первоначально — мальчик-слуга, затем просто слуга или наемный воин.

Дабир — письмоводитель, писец. В средние века должность дабира занимали образованные люди, искушенные в политике и дипломатии. Они вели дипломатическую переписку от имени государей, которые зачастую были весьма невежественны и даже неграмотны.

Давуд — библейский Давид, царь и признаваемый в исламе пророк. Песнопения Давуда (псалмы Давида) служат образцом музыкальной гармонии, прекрасной музыки.

Дара — Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.), древнеперсидский царь, побежденный Александром Македонским. В персидской литературе Дара — символ благородства и могущества.

Дастан — повествование в стихах или в прозе.

Дастур — в древности (у парсов, см.) — священнослужитель, позднее царский советник, примерно то же, что везир.

Де́й — название десятого месяца по зороастрийскому календарю, а также десятый месяц современного иранского солнечного года (22 декабря — 20 января). В поэзии месяц дей символизирует зиму, зимнюю стужу.

Дервиш — бродячий аскет, отшельник, живущий на подаяние (нечто вроде странствующего монаха), а также просто бедняк, нищий.

Джамшид (Джам) — легендарный царь древних иранских сказаний. В его царствование, по преданию, на земле был золотой век: люди не знали болезней, повсюду царил благоденствие. Джамшид обладал волшебной чашей, в которой можно было увидеть весь мир, настоящее и будущее. Но Джамшид, гласит легенда, возгордился, возомнил себя богом и потребовал от подданных воздаяния себе божеских почестей. Вельможи и народ отвернулись от Джамшида, призвав на престол арабского царевича Заххака, который низложил Джамшида и, захватив его в плен, распилил надвое.

Джейхун — арабское название р. Аму-Дарья. В персидской поэзии Джейхун наряду с Нилом служит символом полноводной могучей реки.

Джинн — в арабской демонологии, а затем и в литературе и фольклоре сопредельных мусульманских стран — дух, как добрый, так и злой. Добрые джинны покровительствуют людям, злые, подобно дивам (см.) персидских сказок, причиняют людям зло и бедствия.

Див — в персидской литературе и фольклоре злой (реже добрый) дух, имеющий вид великана с клыками и рогами, большими когтями на локтях, коленях и пятках, заросшего густой черной шерстью.

Диван — 1) государственное учреждение, приказ, присутствие (существовали, например, диван по взиманию налогов, диван посольских дел и т. д.); 2) сборник стихотворений.

Динар — старинная золотая монета.

Дирхем — старинная серебряная монета, а также мера веса, равная сорока восьми ячменным зернышкам (примерно 3,12 г).

Зарир — дерево, из коры которого получают желтую краску. В поэзии — символ желтого цвета (так же как и шафран),

Зулейха — по Корану, жена египетского правителя (библейский Пентефрий), влюбившаяся в раба Юсуфа (см.). Зулейха пыталась соблазнить Юсуфа, но тот отверг ее, и тогда она обвинила его в покушении на свою честь и добилась заточения Юсуфа в темницу. Впоследствии Юсуф был освобожден, а после смерти правителя занял его место и женился на Зулейхе.

Зуннар — пояс из грубой шерсти, который в мусульманских странах должны были повязывать иноверцы. Повязаться зуннаром — метафорическое выражение, означающее отказаться от своей веры.

Зухал — арабское название планеты Сатурн (перс. Кейван, см.), которая, по поверью, приносит несчастье.

Зухра — планета Венера. По мусульманской легенде, Зухра была когда-то прекрасной женщиной, в которую влюбились ангелы Харут и Марут (см.). Ангелы незадолго перед тем похвалялись своей непорочностью, и бог послал их на землю для испытания. Зухра выпытала у влюбленных в нее ангелов тайное имя бога (которое, по поверью, обладает магической силой) и с помощью этого имени вознеслась на небо. Там она была причислена к лику бессмертных и стала «небесным музыкантом», сопровождающим игрою хор небесных светил. В поэзии Зухра служит синонимом виртуозного музыканта.

Иблис — имя дьявола, который, по Корану, был изгнан Аллахом из рая за отказ поклониться Адаму. Тогда Иблис соблазнил Адама и Еву, и они в наказание также были изгнаны из рая. В литературе Иблис — символ злобы, коварства и хитрости.

Ибрахим — библейский Авраам, один из пророков, признаваемых исламом. По мусульманскому преданию, тиран Немрод велел бросить Ибрахима в пылающий костер, но по воле Аллаха костер тотчас превратился в цветущий сад.

Изед — старое персидское название бога, которое сохранилось и после распространения ислама.

Иклидус — арабизованная форма имени древнегреческого геометра Евклида. На Востоке Иклидус пользовался огромной популярностью, имя его служило синонимом совершенного математика, геометра и чертежника.

И м а м — духовное лицо, руководящее молитвой верующих в мечети.

И р а к — страна, расположенная между реками Тигр и Евфрат. В средние века Ирак был центром мусульманской цивилизации, в Багдаде находилась столица Аббасидов. В нашей книге Ирак выступает как очень далекая страна.

И р е м — сады легендарного тирана Шаддада. По преданию, Шаддад велел разбить такие роскошные сады, которые затмили бы рай, но Аллах покарал его, умертвив, прежде чем он успел войти в свои сады.

И с а — Иисус Христос, признаваемый в исламе одним из пророков. По преданию, дыхание Исы было животворным и могло исцелять больных и воскрешать мертвых.

И с к а н д а р — Александр Македонский. По убеждению древней иранской знати и жрецов, царская власть могла передаваться только по наследству. Поэтому иранская религиозная эпическая традиция, чтобы признать Искандара «законным» владыкой, превратила его в потомка иранских царей. В персидской литературе Искандар изображается правдоискателем, могущественным и справедливым властелином, заботившимся о благе своих подданных.

И с т о ч н и к Х ы з р а — источник живой воды, достичь которого, по преданию, удалось только Хызру (см.).

И с ф а н д и я р — иранский богатырь, сын легендарного шаха Гуштаспа. Исфандияр обладал огромной физической силой и был неуязвим. Совершил немало подвигов и, разбив туранского правителя Арджаспа, попросил шаха Гуштаспа — своего отца — уступить ему трон, как было условлено. Но Гуштасп не захотел расставаться с венцом и поставил сыну еще одно условие — привести к нему, заковав по рукам и ногам, систанского богатыря Рустама. Исфандияр отправился в Сислан и потребовал от Рустама, чтобы тот выполнил волю Гуштаспа. Однако Рустам отказался подвергнуться такому унижению и вступил в поединок с Исфандияром. С помощью волшебной птицы Симург, которая научила его изготовить двужалую стрелу из тамарискового дерева, Рустам убивает Исфандияра. В литературе Исфандияр — символ могучего, неуязвимого богатыря. Его имя в таком значении часто упоминается рядом с именем Рустама.

И ф л а т у н — арабизованная форма имени древнегреческого философа Платона, который на мусульманском Востоке является символом мудрости и учености.

И ф р и т — в арабской демонологии злой дух безобразной наружности: с рогами и клыками, черной густой шерстью.

И е з д а н — старое персидское название бога, оставшееся в употреблении и после распространения в Иране ислама.

Ка д и й — мусульманский судья, разбирающий тяжбы, основываясь на шариате (см.).

Ка й с а р — арабизованная форма титула византийских императоров «кесарь». В персидской литературе — символ могущественного государя, обладателя несметных богатств и великолепных дворцов.

Ка л а м — тростниковое перо, которым писали на Востоке. В поэзии — символ стройности и изящества; с ним часто сравнивают стан красавицы.

Ка л а н д а р — первоначально последователь одного из суфийских (суфизм — мистико-пантеистическое течение в исламе) орденов, впоследствии синоним слова «дервиш», т. е. бродячий, нищий аскет.

Ка н н а у д ж — город в Северо-Западной Индии; в средние века — столица богатого княжества, в настоящее время — небольшой городок.

Ка н у н (или канон) — струнный щипковый музыкальный инструмент, представляющий собой плоский деревянный ящик в форме трапеции. В кануне около 25 тройных жильных струн.

Ка р у н — библейский Корей, сказочно богатый человек, надменный и жестокий. Ключи от его сокровищниц с трудом поднимали несколько силачей. Соплеменники, по преданию, пытались наставить Каруна на путь истинный, но тот высокомерно отверг их наставления. Тогда пророк Муса (см.) приказал земле поглотить Каруна вместе с его золотыми дворцами, сокровищами и приспешниками.

Ка с а б — драгоценная ткань, шитая золотом и серебром.

Ка с ы да — панегирическое стихотворение-ода в арабской и персидской поэзии объемом от 40 до нескольких сотен строк.

Ка у с а р — райский источник с прохладной и вкусной водой.

Ка ф — горная цепь, которая, по мусульманской космографии, окружает землю. **Каф** — «конец света», недоступная людям страна, здесь обитает волшебная птица Анка (см.), покидающая гору Каф лишь в редких случаях.

К е б а б — шашлык, куски мяса, жаренного на вертеле.

К е й в а н — персидское название планеты Сатурн (арабск. **З у х а л**). Кейван, по средневековым поверьям, приносит несчастье. По представлениям того времени, Кейван прикреплен к седьмому небесному своду, отсюда он часто символизирует недостижимую высоту.

К е й - К а в у с — легендарный царь древнего Ирана, при котором Иран, по преданию, достиг небывалого могущества. Хотя в «Шах-наме» Кей-Кавус изображен глупым и недалеким правителем, в эпической традиции он стал символом могущественного и непобедимого властелина.

К е й - К у б а д — легендарный царь древнего Ирана, отец Кей-Кавуса (см.). Символ могущественного и славного правителя.

Кей-Хосров — легендарный шах древнего Ирана, внук Кей-Кавуса (см.). Кей-Хосров в персидской литературе — образец воинской доблести, справедливости и могущества.

Кеманча — струнный смычковый музыкальный инструмент с деревянным круглым корпусом.

Кисра — арабизованная форма имени двух персидских шахов. Хосрова Ануширвана и Хосрова Парвиза (см.), которая стала общим названием персидских царей.

Курси — в средние века — богато украшенное кресло.

Курух — мера расстояния в средневековом Иране, равная трем — иногда четырем тысячам газов (см.).

Кутвал — в средневековой Индии начальник городской стражи.

Мазандеран — прикаспийская область в Иране. В древних иранских мифах Мазандеран — страна дивов.

Майдан — главная площадь города, которая обычно была и дворцовой площадью. Майданом называли также ристалище и ратное поле.

Мани (215—276) — основатель манихейской религии, в основе учения которой лежал дуализм. В персидской литературе Мани известен как непревзойденный художник (см. Аржанг) и служит поэтическим образом волшебного живописца.

Марзбан — исторически — правитель пограничной области, здесь — просто правитель.

Марут — см. Харут и Марут.

Маш — растение из семейства бобовых, растет в Иране и Средней Азии.

Машшате — женщина, наряжающая и украшающая невесту перед свадьбой.

Меджнун (букв. «одержимый») — герой арабской романтической повести. Меджнун лишился рассудка из-за несчастной любви к Лейли, отец которой отказался отдать за него дочь, в тоске стал скитаться по пустыням, подружился с дикими зверями и умер вдали от людей. О любви Меджуна и Лейли в персидской литературе написано много поэм, и имя Меджуна стало синонимом несчастного влюбленного. С Меджуном сравнивают также отшельников, удалившихся от людей и поселившихся в пустыне.

Мину-Савад — вымышленные страна и город.

Мункар и Накир — ангелы, которые, по преданию, допрашивают мертвецов после смерти и мучают их, если усопшие совершали греховные поступки.

Муса — библейский Моисей, который считается в исламе одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду. Мусульманская традиция, повторяя библейское предание, приписывает руке Мусы чудодействен-

ные свойства. Согласно коранической легенде, Муса положил свою смуглую руку за пазуху и вытащил ее назад снежно-белой, отчего Фараон пришел в ужас (Коран, VII, 101 и сл.; XXVI, 32). Отсюда выражения «рука Мусы» и «белая рука» в поэзии мусульманских народов стали поэтическими символами чудесной власти, сверхъестественной силы.

Муфтий — духовное лицо у мусульман, выносящее решения по вопросам религии и права.

Муштари — планета Юпитер. По поверью и согласно представлениям астрологов, Муштари приносит людям счастье.

Муэзин — лицо, провозглашающее с минарета мечети *а за н* — призыв на молитву.

Надим — приближенный султана, халифа, правителя.

Накир — см. Мункар.

Накиса — арфист сасанидского шаха Хосрова Парвиза, чье виртуозное исполнение считалось пределом совершенства.

Наушад — город в средневековом Туркестане, который славился красивыми женщинами.

Нахид — персидское название планеты Венеры (арабск. *Зухра*).

Нейсан — пятый месяц сирийского календаря, соответствующий апрелю; в Иране и Средней Азии — это пора обильных весенних дождей, поэтому с месяцем нейсаном связаны представления о бурных ливнях.

Нисар (букв. «осыпание») — обряд, по которому невесту у входа в дом жениха осыпают монетами, драгоценными камнями, лепестками цветов. Этот обряд совершается также при вступлении царствующих особ на престол.

Нукер — слуга, наемный воин.

Ну-ман — царь арабского государства Хира, вассал Сасанидов, был казнен за послушание своим сюзереном Хосровом Ануширваном, который велел бросить его под ноги слонов.

Нух — библейский Ной.

Парс — последователь зороастризма, древней религии Ирана; огнепоклонник.

Пери — в персидской демонологии дух, как добрый, так и злой. По большей части пери выступают в виде прекрасных и вечно юных дев, в которых влюбляются герои и царевичи. Обладая чудодейственной волшебной силой, пери помогают героям в их борьбе против дивов. Как поэтический образ «пери» обозначает прекрасную деву.

Раба (714—801) — поэтесса и подвижница из Басры, сочинявшая мистические стихи во славу Аллаха.

Райхани — сорт ароматного белого вина.

Р и з в а н — по Корану, страж у райских врат.

Р и н д — беспечный гуляка, бродяга, завсегдатай винных погребков, противопоставлявшийся в персидской поэзии ханжам и святошам. У многих поэтов (например, у Хайяма и Хафиза) ринд служит поэтическим образом вольнодумца.

Р у б а б — струнный щипковый музыкальный инструмент, состоит из деревянного корпуса с кожаной декой.

Р у с т а м сын З а л я — один из главных персонажей «Шах-наме» Фирдоуси, систанский богатырь. Совершил много подвигов во славу и защиту Ирана, став символом беззаветной отваги и богатырской мощи.

С а з — струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный во многих странах Ближнего Востока.

С а л с а б и л — легендарный райский источник, упоминаемый в Коране (XXVI, 18). Символизирует родник со студеной водой.

С а м а р и т я н и н — по мусульманским преданиям, житель Самарии, который изваял золотого тельца и силой своих чар заставил его говорить. Часть сторонников Мусы, уверовав в золотого тельца, отказалась от истинной веры и последовала за волшебником (Коран, XX, 87, 96). В литературе и поэзии самаритянин — символ волшебника, чародея сверхъестественной силы, ловкого хитреца.

С а р а н д и б — арабское название острова Цейлон. По мусульманским преданиям, на Сарандиб попали из рая Адам и Ева.

С а с а н и д ы — династия иранских царей, основанная Ардеширом Бабаканом (226—241). Сасаниды правили Ираном до самого арабского нашествия. В литературе Сасаниды символизируют могущественную династию, представители которой одержали ряд замечательных побед.

С е м ь с т р а н, с е м ь к и ш в а р о в — по представлениям иранских и средневековых мусульманских географов, мир делился на семь стран света (кишваров). Выражение «семь кишваров» или «семь стран» означает «вся земля», «весь мир».

С и м у р г — волшебная вещая птица, которая обитает на горе Каф (см.), примерно соответствует птице Анка в арабской мифологии. По «Шах-наме» Фирдоуси, Симург вскормил и воспитал Залю — одного из выдающихся систанских богатырей, отца Рустама (см.).

С р и н а г а р — столица княжества Кашмир; расположен на реке Джелам. Основан в XVI в.

С у л е й м а н — библейский царь и пророк Соломон, вошедший через Коран в литературу и фольклор народов Ближнего и Среднего Востока. Благодаря волшебному перстню Сулейман обладал властью над царством духов, был сказочно богат и мудр. Постоянным спутником Сулеймана была птица угод, воспринявшая его мудрость.

Суруш — по зороастрийским верованиям, вестник богов.

Суфий — последователь мистико-пантенстического течения в исламе. Члены некоторых суфийских сект на своих собраниях устраивали радения с песнопениями и плясками, во время которых впадали в мистический экстаз.

Сухейл — звезда Канопус (Южное полушарие), которая особенно хорошо видна в Йемене, почему ее и называют также «Йеменским светилом».

Танаб (букв. «веревка») — мера длины и площади в Иране. Как мера длины приблизительно равна веревке, которой привязывают груз на спину выучным животным. Как мера площади колеблется в зависимости от времени и местности от $1/2$ до $1/4$ га.

Танбур — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Тасним — по преданию, источник в раю, символ студеной чистой воды.

Теша — небольшой плотницкий топорик, распространенный в Иране и Средней Азии.

Тир — планета Меркурий (арабск. Утарид, см.).

Трон Сулеймана — по преданию, Сулейман (см.) обладал троном, который по его желанию мог подниматься в воздух и в мгновение ока переноситься в самые отдаленные уголки земли.

Тур — арабское название Синайской гряды гор, расположенной между заливами Суэцким и Акаба. На горе Тур, по легенде, скрывался от преследований Фараона Муса (см.), здесь же ему явился Аллах.

Удждайн — один из древнейших городов Индии, упоминающийся еще в «Махабхарате». В настоящее время находится на территории штата Мадхья-Бхарат.

Утарид (перс. Тир) — планета Меркурий, которую арабские астрологи считали «небесным письмоводителем». В литературе символизирует человека, обладающего превосходным стилем, высоким мастерством в составлении писем и посланий.

Ушшак — один из двенадцати макамов (ладов) арабо-иранской музыки, значительно отличающейся от европейской.

Фагфур (букв. «сын бога») — титул китайского императора по-персидски.

Фараон — по коранической традиции, этот титул египетских царей применяется как собственное имя фараона, царствовавшего при Мусе (см.).

Фарвардин — первый месяц зороастрийского календаря, а также современного иранского солнечного года (21 марта — 20 апреля). В литературе фарвардин часто означает просто весну.

Фаридун — легендарный царь древнего Ирана, который отнял

царство у тирана Заххака; в поэзии — символ могучего и справедливого государя.

Ф а р к д а н (букв. «два Фаркда» — форма арабск. двойственного числа) — две маленькие яркие звезды в созвездии Малой Медведицы.

Ф а р р — божественная благодать, нисходящая, по зороастрийской религиозной догме, на лиц, которым предопределено царствовать. Обычно фарр представляют в виде нимба, ореола вокруг головы монарха, но, по поверью, фарр может принимать и другие формы. Так, основателя династии Сасанидов Ардешира Бабакана, бежавшего от аршакидского царя Ардавана, сопровождал фарр в виде барана.

Ф а р с — юго-западная часть Ирана, которая дала название всей стране (ср. русск. «Персия»).

Ф а р с а х (или **ф а р с а н г**) — мера пути, равная приблизительно 6—7 км.

Ф а р х а д — герой романтических поэм многих поэтов Востока (Низами, Амира Хосрова Дехлеви, Навои и др.). Фархад — простой каменотес, который влюбился в Ширин, возлюбленную шаха Хосрова (см.). Хосров, чтобы избавиться от опасного соперника, не опозорив себя его казнью, пообещал отдать Фархаду Ширин, если тот проложит канал через горы. Когда Фархад выполнил условие и прорубил канал, Хосров, не желая признать себя побежденным, подослал к Фархаду старуху с ложной вестью о смерти Ширин. Фархад, услышав о смерти возлюбленной, высоко подбросил кирку и подставил грудь — лезвие кирки пронзило его сердце.

Ф а р х а р — средневековый город в Туркестане, который славился своими храмами, где жрицами были прекрасные девы.

Ф а т а н — арабизованная форма названия города Путан в Гуджарате.

Ф и р м а н — царский указ, рескрипт.

Х а к а н — титул тюркских правителей, который со временем стал прилагаться и к иранским шахам.

Х а л л у х — тюркское племя карлуков, а также страна, ими населенная. В литературе часто прославляется красота пленниц из этого племени.

Х а м м а л — городской носильщик, работавший по найму.

Х а н а а н — первоначально область между рекой Иордан и Средиземным морем, впоследствии Ханааном стали называть всю Палестину по обоим берегам Иордана. По коранической легенде, пророк Юсуф (см.) происходил из Ханаана. В литературе Ханаан — символ цветущей, изобильной страны.

Х а р в а р (букв. «вьюк осла») — мера веса, различная в разных местностях, приблизительно 300 кг.

Харут и Марут — по преданию, ангелы, которые в наказание за то, что они поддались чарам земной красавицы Зухры (см.), были ввергнуты Аллахом в бездонный колодец в Вавилоне, где пребудут до самого Судного дня.

Хатем Тайский (ум. в 605 г.) — историческая личность, арабский эмир и поэт, чья доблесть и щедрость вошла в легенду. О поступках и подвигах Хатема существует обширная литература, сборник легенд и рассказов о нем обработал Хусейн Ваиз Кашифи, автор знаменитого «Анвар-и Сухайли».

Хатун — госпожа; вежливая форма обращения к знатной женщине.

Хиджаз — часть Аравийского полуострова, расположенная по берегу Красного моря.

Хиндустан — Индия.

Хорасан — Восточный Иран. В средние века в Хорасан вошла часть Средней Азии и Афганистана.

Хосров — герой многочисленных поэм, написанных на тему любви сасанидского шаха Хосрова II Парвиза (590—628) к красавице Ширин (см.). Образ Хосрова у разных авторов трактуется неодинаково: у Низами, например, это положительный герой, а Навои — резко отрицательный. Как поэтический образ Хосров стал символом страстно влюбленного, наряду с Меджнуном, Вамиком (см.) и многими другими героями романтических поэм.

Хосров Ануширван (531—578) — сасанидский шах, в правление которого была проведена централизация власти. В литературе Хосров Ануширван изображается образцом справедливого и правосудного государя, к нему прилагается эпитет «справедливый», а сам он служит символом идеального правителя.

Хотан — древний город в Восточном Туркестане; иногда так называли весь Восточный Туркестан. Хотан славился красивыми женщинами и мускусом.

Хузистан — область в Юго-Западном Иране, которая в средние века поставляла в другие районы сахар. В поэзии сладости хузистанского сахара уподобляются уста красавиц.

Хум — большой глиняный кувшин для хранения вина, масла или сыпучих продуктов.

Хумай — вещая птица, гамаюн. По преданию, если тень Хумая упадет на человека, то он станет царем.

Хуснабад — вымышленный город, в переводе «Город красоты».

Хуталлян (или **Хутал**) — область на Памире, нынешний Куляб, которая в средние века славилась своими скакунами.

Хызр — таинственный пророк, который помогает заблудившимся

путникам. Он бессмертен, так как, по преданию, нашел источник живой воды.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

Чигил — старинный город в Туркестане, женщины которого славились красотой.

Чин — в персидской литературе Китайский Туркестан, а также и весь Китай. В персидской поэзии постоянно восхваляются красавицы Чина, а также мастерство его живописцев.

Чоуган — изогнутая клюшка для игры в конное поло, также называемой чоуган. С чоуганом в персидской поэзии сравниваются завитые кудри красавиц.

Шариат — совокупность религиозных и правовых норм в исламе.

Шахзаде (букв. «рожденный шахом») — царевич, принц.

Шираз — город в Южном Иране, славившийся прекрасными садами и розами. Шираз — родина великих персидских поэтов Саади (XIII в.) и Хафиза (XIV в.).

Ширин — возлюбленная Хосрова и Фархада (см.). Любовь Хосрова и Фархада к Ширин послужила темой для романтических поэм многих авторов, писавших на персидском и тюркских языках. В поэзии Ширин — образ верной и прекрасной возлюбленной.

Эльбурс — горная цепь на севере Ирана.

Юнус — библейский Иона, по преданию, проглоченный китом (в мусульманских преданиях — огромной рыбой). В персидской поэзии заход солнца часто сравнивается с исчезновением Юнуса в чреве рыбы.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный, легенда о котором в несколько измененном виде вошла в Коран и стала чрезвычайно популярной на мусульманском Востоке. Юсуф считается пророком, а в поэзии выступает прежде всего как идеал красоты. С Юсуфом связан ряд поэтических образов, ставших традиционными: рубашка Юсуфа, благодаря которой прозрел ослепший Якуб (см.), Зулейха (см.), влюбившаяся в Юсуфа, египетские сплетницы, которые порезали себе пальцы, потрясенные красотой Юсуфа, колодезь, в который бросили Юсуфа злые братья, и т. д.

Якуб — отец Юсуфа (см.), библейский Иаков,

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Образец «орнаментированной» прозы	5
О том, как была сочинена эта книга, которая для разума благодатна, как дождливая весна для базиликов	13
Начало повествования о том, как родился Джахандар-султан — кипарис на берегу ручья царственности	17
Джахандар-султан отправляется на охоту и ловит сладкоголосого попугая	19
Попугай смеется над хвастовством Мехрпарвар, и на горизонте восходит солнце любви к Бахравар-бану	21
Джахандар-султан отправляет Биназира в страну Мину-Савад, чтобы тот привез портрет Бахравар-бану	23
Биназир возвращается из страны Мину-Савад, привезя портрет луноподобной Бахравар-бану. Змея любви с новой силой извивается в сердце Джахандара, и он пускается странствовать по долине безумия	30
Первый рассказ	31
Второй рассказ	39
Третий рассказ	47
Четвертый рассказ	56
Пятый рассказ	65
Шестой рассказ	72
Седьмой рассказ о простодушном брахмане и о том, как он пострадал от хитростей жены	81
Первое свидание	86
Второе свидание	89
Третье свидание	90
Четвертое свидание	91
Пятое свидание	93
Доброжелатели и благожелатели вновь увещевают Джахандар-султана, уподобившегося Фархаду, но Джахандар отклоняет их советы по велению любви, враждебной разуму	99
Падшах ищет пути к решению этой трудной задачи и по совету мудрецов посылает сватов к отцу Бахравар-бану	101

Письмо	102
Ответное письмо	105
Посол возвращается назад, не добившись своей цели, мост надежд Джахандара рушится. Он отказывается от царской власти и предпочитает ей чужбину и удел нищего и во имя губительной страсти отправляется в рубище нищего в страну Бахравар-бану	107
Джахандар приходит к безбрежному морю и переходит через него с помощью дервиша, похожего на Хызра	109
Шахзаде встречается с путешественником, обошедшим весь свет, который после долгих скитаний по свету поселился в пустыне. Попугай отпрашивается у шахзаде для поисков пути к цели, а встречный рассказывает шахзаде удивительные истории и сказки с целью наставить шахзаде на истинный путь	114
Шарик начинает свой рассказ в соответствии со всеми правилами красноречия	116
Рассказ	117
Рассказ о царе мышей и гилянском правителе	128
Рассказ	134
Рассказ	138
Попугай возвращается и ведет Джахандар-султана к цели . . .	145
Джахандар-султан прибывает во дворец отца Бахравар-бану в рубище дервиша	147
Джахандар-султан встречает Хурмуза, сына везира своего отца, и слышит от него приятные вести	149
Попугай, горя словно мотылек на свече несчастья Джахандара, начинает летать по лужайке утешения и рассказывать печальные любовные истории, чтобы чем-нибудь занять его . . .	151
Рассказ о фатанском царевиче	153
Продолжение рассказа о фатанском царевиче. Царевич прибывает в страшную долину, где живет див Хул-Хул, вместе с сыном везира поражает этого ифрита и заполучает прекрасную пери	159
Царевич прибывает в город Банудбаш, родину Паринажад. Нива жизни Манучихра зеленеет вновь благодаря содействию благообразного старца, равного Хызру, а Паринажад обретает утраченные надежды	164
Царевич останавливается в городе Банудбаше по просьбе Манучихра и Паринажад, а потом поручает одной старухе найти Мехр-бану	167

Царевич находит в утробе рыбы запястье Мехр-бану. По указанию старухи отправляется в город Хуснабад, получает разрешение на свидание, а потом возвращается в родную страну, достигнув цели	170
Описание свадебного пиршества	176
Хушанг, словно лев, нападает из засады, захватывает ту газель с лужайки красоты с помощью подобной гулю старухи. Он уводит Мехр-бану, а на царевича, словно поток, падают беды	177
Царевич возвращается с охоты и узнает, что молния бедствий поразила гумно его души. Он начинает от тоски гореть, словно мотылек, с помощью своих друзей достигает кельи Мехр-бану и возвращается с победой в свою столицу. . .	182
Рассказ о том, как Бахрам спустился в колодезь бедствий, словно Харут в колодезь вавилонский из-за любви к Зухре, подобной луне	189
Склянка свидания влюбленных разбита камнем, брошенным этим голубым чертогом, вино их надежд пролито на прах несчастья. Зухра попадает в чужую страну и восходит на престол	194
Падишах встречается с ангелом смерти и устремляется в рай, а власть в той стране переходит к Зухре, и она встречает Бахрама	205
Рассказ о купеческом сыне Хасане, о том, как он положил жизнь в поисках Гоухар и обрел алмаз любви, пронзающий сердце, и о том, как он встретился с разбойником-судьбой и как погрузился в бездну бедствий из-за красоты Гоухар	208
Хасан жалуется чернокожей старухе на произвол любви. Он узнает имя возлюбленной и пускается вплавь через море желая с помощью той старухи	211
Хасан попадает в беду, а Гоухар подвергается мучениям . . .	215
Подлый небосвод еще раз гневается на благородного Хасана и наливает в чашу его надежд яд отчаяния, но он спасается из пасти дракона благодаря стараниям Гоухар	220
Рассказ о молодом кирпичнике, о том, как он влюбился в дочь купца и как волею изменчивого и коварного небосвода добился своей цели	226
Рассказ о том, как Фаррухфал, сын Фарманрава, правителя Сарандиба, влюбился в портрет первой красавицы на свете и как он достиг своей цели благодаря помощи Симурга . .	239
Фаррухфал спасает дочь падишаха той страны от разбойников и попадает в тенета беды по причине непостоянства судьбы .	242

Джафар ведет поиски по советам разума и узнает путь к цели, иными словами, он нападает на следы несравненной красавицы, так что Фаррухфал по его указанию достигает того, чего желает, и с помощью Симурга срывает плод желания с дерева надежды	248
Рассказ о купце Азизе, которым овладела пустая мечта, о том, как он ради страсти пустился странствовать по пустыням, повидал много чудес и стал в конце концов отшельником .	260
Рассказы трех юных путников, которые странствовали вместе и утомились оттого, что у них не было коней	277
Рассказ первого товарища	277
Рассказ второго товарища	285
Рассказ царевны	291
Рассказ о Камгаре и о том, как он воссел на трон женитьбы с Афсарара-бану благодаря хитростям коварного неба	296
Рассказ	301
Рассказ о том, как Джам выпил напиток безумия в погребке любви к Лалерух, как он скитался в бескрайней пустыне поисков с клеймом горя на сердце, как кровавые слезы застилали ему глаза и как он в конце концов испил до дна чашу желания	312
Начало знакомства Бахравар-бану с Джахандар-султаном, последователем Меджнуна. В темной ночи тоски несчастного влюбленного забрезжил рассвет надежды	321
Бутон чайний Джахандара улыбается под ветерком надежды, и он срывает желанные розы на лужайке свидания с Бахравар-бану	326
Описание некоторых свойств властелина зимы, а также о том, как султан холода напал на обитателей земли	330
Солнце знаменует весеннее равноденствие, мир облачается в новый наряд под разноцветными знаменами властелина весны .	332
С разрешения шаханшаха Джахандар возвращается в свою страну, добившись своего	334
Джахандар теряет дорогу к счастью и попадает в долину невзгод из-за коварства изменчивого неба	337
Джахандар скитается по горам и долам. Испив тысячу чаш горестей, он наконец вкушает напиток желания благодаря покровительству Изеда	342
Джахандар созывает государственный совет доброжелателей, чтобы избавиться от ржавчины врагов. Он посылает проклятому судьбой Бахрам-хану падишахский рескрипт	346

Ответ Бахрам-хана	350
Миродержавный Джахандар решает наказать противника, счастье которого задремало	351
Гарем Джахандара благоухает благодаря тому, что в него вошла та, кому завидуют халлухские и фархарские кумиры	354
Бахравар-бану обижена тем, что Джахандар резвится с татарской газелью. От чрезмерного горя ее румяные щеки желтеют, она отправляется в пустыню от скорби и селится там, где ее сопровождают горести и печали	358
Властелин, которому место на самом Кейване, узнает о состоянии заглавного листа всех сладкоустых красавиц и отправляет к ней письмо с просьбой о прощении, как подобает тем, кто ревностно идет стезею страсти	359
Бахравар-бану описывает свое состояние в намеках на паднишакское послание	361
Джахандар приходит к Бахравар-бану	364
Чаша жизни Джахандара переполнилась до краев, он уходит в райские сады и получает чашу чистого вина от небесного кравчия. Бахравар-бану во имя любви жертвует жизнью на пути, ведущем в тот мир	365
Хвала и благодарность тому, кто дарует слово и вкладывает в него значения, тому, чьи бесконечные дары не осквернены счетом	363
Примечания	370
Словарь терминов, непереуведенных слов, собственных имен и географических названий	382

Инаятуллах Канбу

КНИГА О ВЕРНЫХ И НЕВЕРНЫХ ЖЕНАХ

*Утверждено к печати Редакционным советом
Востоковедной литературы при Отделении исторических наук
Академии наук СССР*

Редактор Н. Б. Кондырева
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Г. В. Афонина и Ф. А. Дворкина

Сдано в набор 10/VI 1963 г. Подписано к печати 11/IV 1964 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Печ. л. 12,5. Усл. п. л. 20,5. Уч.-изд. л. 20,87. Тираж 115 000 экз. Заказ 1398.
Цена 1 руб. 20 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

ms
2

